

МЭТЬЮ КВИРК

Самый громкий триллер
2012 года!

BOOKLIST

500

РОМАН

МЭТЬЮ КВИРК

Самый громкий триллер
2012 года!
BOOKLIST

500

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Майк Форд пошел по стопам своего отца — грабителя из высшей лиги преступного мира.

Пошел — но вовремя остановился.

Теперь он окончил юридическую школу Гарвардского университета и был приглашен работать в «Группу Дэвиса» — самую влиятельную консалтинговую фирму Вашингтона. Он расквитался с долгами, водит компанию с крупнейшими воротилами бизнеса и политики, а то, что начиналось как служебный роман, обернулось настоящей любовью. В чем же загвоздка? В том, что, даже работая на законодателей, ты не можешь быть уверен, что работаешь законно. В том, что Генри Дэвис — имеющий свои ходы к 500 самым влиятельным людям в американской политике и экономике, к людям, определяющим судьбы всей страны, а то и мира, — не привык слышать слово «нет». В том, что угрызения совести — не аргумент, когда за тобой стоит сам дьявол.

- [Мэтью Квирк](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)

- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

- [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
-

Мэтью Квирк
«500»

Посвящается Хизер

Пролог

Мирослав с Александером впихнулись на передние сиденья поджидавшего через дорогу «рейнджровера». Даже тесные английские костюмы, черные, как крепкий кофе, — обычная для дипкорпуса униформа — нынче не скрадывали вечно kloкотавшую в обоих сербах злость. Напоследок Александер демонстративно приподнял правую руку, и я заметил блеснувший в ней «зиг-зауэр». Прямо гений хитроумия — этот Алекс! Надо сказать, два амбала спереди никакого мандража у меня не вызывали: самое скверное, что они могли со мной сделать, — это убить, и такой исход казался сейчас едва ли не лучшим вариантом.

Между тем стекло на задней дверце опустилось, и в окошке нарисовалась кровожадная физиономия Радо. Этот решил пригрозить мне обычной салфеткой: многозначительно поднеся ее ко рту, старательно промокнул уголки губ. Прозванный Сердцеедом, этот кадр и впрямь употреблял в пищу человеческие сердца. Я слышал, однажды он наткнулся в «Экономисте» на статью о некоем девятнадцатилетнем либерийском военачальнике с подобными вкусами и, сочтя, что это дьявольское пристрастие добавит к его криминальному имиджу новую грань и повысит его востребованность на перенасыщенном международном рынке, перенял сию привычку.

Меня, собственно, не очень-то пугала перспектива того, как этот тип вонзится зубами в мое сердце. Это было неизбежно и, как я уже сказал, сильно упростило бы стоявший передо мной выбор. Проблема в том, что он знал об Энни. И возможность того, что еще одного дорогого для меня человека грохнут из-за моих промахов, была куда страшнее вилки Сердцееда.

Я кивнул Радо и двинулся по улице. Над столицей стояло чудесное майское утро, небо сияло фарфоровой голубизной. Проступившая сквозь рубашку кровь потихоньку подсыхала на солнце, и заскорузлая ткань болезненно шваркала по коже. Колено распухло до размеров регбийного мяча. Приволакивая ногу по асфальту, я пытался сосредоточиться мыслями на коленке, дабы отвлечься от жуткой раны

в груди, потому что стоило о ней подумать — и я мог вырубиться в любой момент, хотя боль, в принципе, была терпимой.

Наконец я добрался до конторы. Трехэтажный правительственный особняк, утопающий среди зелени Калорамы в компании с разными посольствами и канцеляриями, смотрелся, как всегда, изысканно. Там размещался офис «Группы Дэвиса», самой что ни на есть уважаемой Вашингтонской фирмы в сфере стратегического консалтинга и государственных дел, в штате которой, надо полагать, я формально еще числился. Я выудил из кармана ключи и в нерешительности помахал ими над серым ковриком перед дверным замком. «Не заходи», — екнуло внутри.

Однако меня ждал Дэвис. Я поднял взгляд на камеру слежения. Замок, открываясь, зажужжал.

Оказавшись в фойе, я поздоровался с начальником охраны, отметив, как тот извлек из кобуры и прижал к бедру «беби-глок». Затем я повернулся к своему шефу Маркусу и кивнул ему, изобразив приветствие. Тот ожидал меня по другую сторону металлодетектора. Махнув мне ладошкой — проходи, мол, — он обшарил меня руками от шеи до колен, ища оружие и прослушку. Убивая этими самыми руками, Маркус сделал неплохую карьеру.

— Раздевайся, — велел он.

Я подчинился, стянул рубашку и штаны. Даже Маркуса, многое на своем веку повидавшего, передернуло при виде моей груди со сморщившейся вокруг степлерных скоб кожей. В поисках «жучков» он быстро заглянул мне под исподнее и лишь тогда удовлетворенно кивнул. Теперь я мог облачиться снова.

— Конверт, — протянул он руку к пакету из манильской бумаги, который я цепко держал при себе.

— Сперва сделка. — Этот конверт был единственным, благодаря чему я еще держался на белом свете, и мне, понятное дело, никак не хотелось его упустить. — Если я исчезну, содержимое получит огласку.

Маркус снова кивнул. Такая подстраховка была в порядке вещей. Он сам же меня этому и научил. Шеф препроводил меня вверх по лестнице к кабинету Дэвиса, запустил внутрь и стражником застыл у дверей.

Там, у окна, бесстрастно обозревая деловой центр округа Колумбия, стоял тот единственный человек, что внушал мне

действительно серьезную тревогу, — этот вариант выбора представлялся мне куда страшнее, нежели угодить на вскрытие к Сердцееду Радо, — Генри Дэвис собственной персоной.

— Рад тебя видеть, Майк, — повернулся он ко мне с отеческой улыбкой. — Очень славно, что ты решил-таки к нам вернуться.

Он хотел заключить со мной сделку. Хотел снова подмять меня под башмак. И больше всего на свете я боялся, что отвечу «да».

— Как же это так скверно вышло с твоим отцом... — посетовал он. — Мне очень жаль.

Минувшей ночью отца не стало. Маркуса рук дело.

— Хочу, чтоб ты знал: мы не имеем к этому никакого отношения.

Я промолчал.

— Поинтересуйся-ка об этом у своих сербских друзей. — Он придвинулся ко мне ближе. — Ты ведь знаешь, мы можем защитить тебя, Майк. И защитить тех, кого ты любишь. Только скажи — и дело решено. Возвращайся к нам, Майк. Всего одно слово: «да».

Странное дело — при всех его грязных играх со мной, при всех мучениях, что он мне доставил, Дэвис, похоже, и впрямь полагал, что осыпает меня благами. Он искренне желал моего возвращения, он думал обо мне как о сыне, о юном воплощении самого себя. И сейчас ему надо было во что бы то ни стало меня подкупить, подчинить себе — иначе все его убеждения, вся его подлая, продажная империя катились к чертям.

Отец предпочел погибнуть, лишь бы не плясать под Дэвисову дудку. Решил, что лучше умереть гордым, нежели жить купленным. Его убрали. Чисто и аккуратно. Мне такая роскошь явно не светила. Моя смерть явилась бы только началом страданий. Передо мной не было достойного выбора. Потому-то я и оказался здесь и сейчас готов был пожать руку дьяволу.

Подняв конверт, я двинулся к окну. В этом пакете было то единственное, чего боялся Генри: доказательства уже позабытого всеми убийства. Его единственная в жизни оплошность. Единственный беспечный шаг за всю долгую карьеру. Частица его самого, утерянная сорок лет назад, — и эту частицу Дэвис теперь жаждал заполучить обратно.

— Вот это и есть настоящее доверие, Майк, — усмехнулся он. — Когда два человека, выгнав тайны друг друга, припирают друг друга к

стенке. Взаимоуничтожение с обоюдной гарантией. Все остальное — лишь сентиментальная чушь. Я горжусь тобой, мальчик. Так и я играл в начале своего пути.

Генри частенько мне говорил, что каждый человек имеет свою цену, и вот он нащупал мою. Если я скажу «да», то получу взамен жизнь — дом, деньги, друзей, респектабельный фасад, о котором всегда мечтал. Скажу «нет» — и все кончено. И для меня, и для Энни.

— Назови свою цену, Майк. Ты должен ее знать. Всякий, продвигаясь вверх, когда-либо вступает в такую сделку. Это правила игры. Что скажешь?

Сделка старая как свет: продать свою душу за «все царства мира и славу их».^[1] Придется, конечно, поторговаться об отдельных пунктах: я вовсе не собирался продать себя задешево. Ну да этот вопрос недолго уладить.

— Я отдаю вам улику и гарантирую, что больше никогда этот скелет в шкафу вас не потревожит, — сказал я, ткнув пальцем в конверт. — В обмен на это Радо убирают, полиция оставляет меня в покое. Я получаю назад свою жизнь и становлюсь полноценным партнером.

— И с этого момента ты мой, — сказал Генри. — Партнер во всех делах, в том числе и «мокрых». Когда мы найдем Радо, ты собственноручно перережешь ему горло.

Я кивнул.

— Что ж, договорились, — произнес Генри.

И дьявол протянул мне руку. Я пожал ее и передал вместе с конвертом свою душу...

Впрочем, чушь собачья — я затеял совсем другую авантюру. Умереть в бесславии, обнесенным почестями — или, продавшись, жить в полном довольстве, купаясь в славе? Я не выбрал ни то и ни другое. Я подсунил ему лишь конверт. На сделку с дьяволом я заявился с пустыми руками, так что выход у меня на самом деле оставался один — сразить подлеца его же оружием.

Глава первая

Годом ранее...

Я припозднился. Прежде чем зайти в аудиторию, оглядел себя в одном из огромных золоченых зеркал, что висели в корпусе повсюду. Под глазами от недосыпа темнели круги, на лбу краснела ссадина от приземления на жесткий ковролин. Во всем же прочем я ничем не отличался от других грезящих о карьерном росте индивидов, что, как и я, грызли гранит знаний в Лангделл-холле.^[2]

Семинар назывался «Политика и стратегия». Допускали туда лишь самых прилежных студентов — всего шестнадцать светлых голов, — и имел он репутацию стартовой площадки для будущих «верховодителей» финансов, дипломатии, военного ведомства и правительственной сферы. Ежегодно в округе Колумбия и Нью-Йорке Гарвард избирал для ведения семинара солидных мужей, дошагавших до средней или высокой ступени карьерной лестницы. По сути, для студента с большими профессиональными амбициями — а недостатка в таких ребятах у нас в кампусе не было — оказаться в этой группе было неплохим шансом проявить свое умение широко и ясно мыслить в надежде на то, что кто-нибудь из сильных мира сего, какая-нибудь шишка ткнет в него пальцем и даст весомый толчок в блестящей карьере. Я огляделся за столом: несколько умников из правоведов, несколько — из экономистов и философов, даже парочка магистров с медицинского. Самомнение арией разливалось по аудитории.

Я третий год уже учился на юридическом — корпел над дипломом на стыке политики и юриспруденции — и при этом не имел ни малейшего представления, как удалось мне не просто пролезть в Гарвард, но еще и попасть на этот семинар. Впрочем, такое везение было вполне типично для последних десяти лет моей жизни, так что я перестал уже ему удивляться. Может, это была всего лишь долгая череда каких-то канцелярских ошибок? Я обычно считал, что чем меньше задаешь вопросов, тем лучше. В пиджаке консервативного покроя цвета хаки я выглядел как все, разве что чуть более потрепанным и обношенным.

Был самый разгар дискуссии на тему: «Первая мировая война», и профессор Дэвис выжидательно уставился на нас, вымучивая ответы, точно инквизитор.

— Итак, Таврило Принцип выходит вперед и бьет свидетеля рукояткой своего маленького браунинга образца тысяча девятьсот десятого года. Он стреляет эрцгерцогу в шею, попадая в яремную вену, затем — его супруге в живот, поскольку та заслоняет собой эрцгерцога. И так выходит, что тем самым он дает толчок к развязыванию мировой войны. Вопрос: зачем?

Профессор сердито оглядел сидевших у стола.

— Не повторяйте тупо то, что прочитали. Думайте.

Я наблюдал, как ерзают остальные. Дэвис, несомненно, относился к персонам значимым. Другие студенты с завидной одержимостью изучали подробности его карьеры. Я слышал о нем не так много, но вполне достаточно. Старый вашингтонский волк, он знал не только всякое весомое лицо в государстве за последние сорок лет, но и чиновников на два эшелона ниже и, что особенно важно, был в курсе всех закулисных тайн. Он работал на Линдона Джонсона, затем перекинулся к Никсону. Потом занялся «частной практикой», выступая посредником в неких сомнительных делах. Ныне он возглавлял высококлассную фирму, занимающуюся «стратегическим консалтингом» и именуемую «Группой Дэвиса» — что неизменно ассоциировалось у меня с «Кинкс»^[3] (видите, насколько я был готов за столичную карьеру вгрызаться в глотки конкурентам!). Дэвис был влиятельным господином и, со слов одного из парней с семинара, мог позволить себе все и особняк в Чеве-Чейзе, и местечко в Тоскане, и ранчо в десять тысяч акров на калифорнийском побережье. Уже несколько недель, как его пригласили вести у нас семинар, и мои однокашники буквально вибрировали от волнения — никогда не наблюдал в них такого рвения охмурить препода. Так что я охотно верил, что где-то на высоких орбитах Вашингтона Дэвис сиял большой яркой звездой.

Обычно преподавательские методы Дэвиса сводились к тому, чтобы сидеть неподвижно, с тоскливой миной на лице, как будто перед ним сборище сопливых второклассников изливает чудовищную чушь. Не будучи человеком шибко крупным — где-то пять футов и десять-одиннадцать дюймов, он был каким-то, я бы сказал, видным. Он

обладал особой притягательностью, которая ощутимо расходилась от него волной по комнате. Где бы он ни появлялся, все переставали разговаривать, все глаза обращались к нему, и довольно скоро люди собирались вокруг него, точно металлическая стружка у магнита.

А его голос — это вообще было нечто странное. При виде Дэвиса от него можно было ожидать рокошующего баса — однако говорил он всегда глухо, словно шелестя. На шее, как раз в том месте, где челюсть подходит к уху. У него имелся шрам, и кое-кто из студентов предполагал, что эта старая рана и есть причина такого тихого голоса, но о том, что с ним произошло, никто ничего не знал. Да и какое это имело значение, если все вокруг умолкали, стоило ему открыть рот.

В нашей же группе, напротив, все отчаянно хотели быть услышанными и замеченными Мастером, и тот выстраивал строгий порядок ответов на свои вопросы, каждому давая высказаться. В том-то и состоит искусство ведения семинара: когда дать волю болтовне, а когда в нее вмешаться. Это как бокс... ну, может, фехтование, или сквош, или другие излюбленные университетские забавы. Вот парень, который неизменно был среди нас первым и которому ничего бы не стоило начать распространяться о «Младе Босне»^[4] под взглядом Дэвиса стушевался и начал что-то в страхе лепетать. Неистовое соперничество привело к тому, что студенты один за другим, почуяв слабинку сидящих рядом, начали рьяно перекрикивать друг друга, прямо фонтанируя информацией о противостоянии Великой Сербии другим южнославянским странам, о гонениях против боснийских мусульман, о сербских ирредентистах, об Антанте и о политике двойных стандартов.

Я испытал благоговение. И не из-за того дикого числа выплеснутых фактов (некоторые ребята знали буквально всё, хотя вытянуть из них что-то на-гора не всякому было под силу), а из-за самой манеры дискуссии. Здесь каждый жест был наполнен смыслом! Казалось, будто, пока мои однокашники учились ходить и набирались ума-разума, их отцы вершили судьбы мира, потягивая дорогой виски, и что последние лет двадцать пять эти умники долбили историю дипломатии лишь в ожидании того часа, когда папаши, притомившись править миром, дадут им немного порулить. Они были такими... респектабельными, черт подери. С великим удовольствием я наблюдал за их подпрыгиванием. Я-то радовался всякой точке опоры в этом мире

— и мне приятно было думать, что в конечном счете кого-то из этих везунчиков я смогу и обскакать.

Вот только не сегодня. Сегодня у меня возникла серьезная проблема, и я никак не мог сосредоточиться, чтобы вклиниться в словесную перепалку одноклассников с их острыми выпадами и парированиями, и лишь следил за ними со стороны. Бывали и у меня лучшие дни, но вот теперь, пытаюсь направить мысли к малой политике на Балканах вековой давности, я видел лишь пылающее число, написанное крупными красными цифрами в моем блокноте, вдобавок подчеркнутое и обведенное кружком, — \$83,359. А возле него номер — 43 23 65.

Минувшую ночь я совсем не спал. После работы (я прислуживал в баре «Барлей», в местечке, где любила собираться преуспевающая молодежь, вашингтонские яппи) я заскочил в заведение, где работала Кендра. Я решил, что снять в баре эту сексапильную малышку будет куда полезнее, нежели полтора часа поспать, прежде чем закопаться в тысячестраничную, мелким шрифтом, распечатку материалов по теории международных отношений. В черных волосах Кендры можно было утонуть, ее формы будоражили самые похотливые желания. Но главное в том, что девчонки вроде нее, работающие за чаевые и в постели не глядящие тебе в глаза, были полной противоположностью девушки моей мечты, как я ее себе представлял.

Проведя остаток ночи у Кендры, я к семи утра был уже у себя. Еще на подходе к дому я почувствовал недоброе, увидев несколько своих футболок на крыльце и отцовское старое, задрипанное кресло, лежавшее на боку на тротуаре. Парадная дверь была вскрыта, причем так, будто медведь вломился. В итоге я лишился: кровати, большинства предметов мебели, светильников и мелкой кухонной техники. Оставшееся мое барахло валялось в основном на улице.

Прохожие недоуменно пробирались через мой хлам по тротуару, точно это была распродажа ветхого скарба где-то на заднем дворе. Я отогнал людей подальше и побыстрее собрал то, что валялось. Отцовское кресло не пострадало. Весило оно едва ли не с легковушку, и, чтобы выпереть его наружу, требовалась смекалка и как минимум два дюжих молодца.

Поднявшись в дом, я заметил, что коллекторская служба Креншоу не прониклась ценностью «Истории Пелопоннесской войны»

Фукидида или пятидюймовой стопки чтива, которое мне требовалось одолеть за два часа, оставшихся до семинара. На кухонном столе мне оставили маленькое любовное послание, гласившее: «Меблировка изъята в качестве частичной уплаты долга. Оставшаяся задолженность составляет 83 359 долларов».

Оставшаяся! Ишь ты! На сегодняшний день я уже достаточно знал законы, чтобы с одного взгляда выявить семнадцать грубейших ошибок в подходе этих деятелей к процедуре взимания долгов. Но эти коллекторы были безжалостны, как постельные клопы, к тому же я слишком поиздержался, платя за учебу, чтобы грамотными судебными исками раздавить их в тюрьму. Ну да ничего, однажды придет и день расплаты!

Предполагается, что долги родителей умирают вместе с ними. Но только не у меня. Недостающие восемьдесят три штуки баксов ушли на лечение маминого рака желудка. Теперь ее не стало. Смею поделиться советом: когда ваша мать умирает, не вздумайте оплачивать ее счета по собственной чековой книжке. Потому что мерзкие кредиторы — типы вроде Креншоу — сочтут это хорошим предлогом, чтобы приходить к вам снова и снова уже после ее смерти, утверждая, будто вы автоматически унаследовали долги. Но это не совсем законно. Хотя как раз о букве закона и не задумываешься, когда тебе всего шестнадцать, когда один за другим приходят счета за лучевую терапию и ты хоть как-то пытаешься продлить маме жизнь, работая сверхурочно на фабрике мягкого мороженого в Милуоки, а отец при этом тянет двадцатичетырехлетний срок в федеральном исправительном заведении в Алленвуде.

Напряги вроде сегодняшнего случались у меня довольно часто, потому я даже не стал тратить время и беситься понапрасну. Чем больше все это дерьмо тянуло меня вниз, тем сильнее я лез из кожи, чтобы над ним подняться. А значит, мне надо было окружить свои заморочки непроницаемой стеной и всеми силами корпеть над учебой, чтобы не сидеть потом полным болваном на семинаре у Дэвиса. Я вышел со своим чтивом на тротуар, поправил кресло, уселся и, откинувшись на спинку, погрузился в статьи Черчилля, не обращая ни малейшего внимания на пешеходов вокруг.

К тому времени как я подготовился к семинару, мой запал изрядно выдохся. Всю ночь бившая ключом энергия, подпитанная сексом с

Кендрой, успела иссякнуть, равно как и злобное рвение однажды мастерски прижать к ногтю поганца Креншоу.

Чтобы попасть на семинар, нужно было на входе в Лангделл-холл сунуть в считывающее устройство свою идентификационную карту. Я пристроился в длинную очередь студентов, проходящих турникеты и торопливо расходящихся по аудиториям. Однако на мою карту устройство отреагировало неожиданно: под надписью «Проходите» вместо зеленого вспыхнул красный. Металлический барьер заблокировался перед самыми моими коленями. Верхняя же часть тела по инерции продолжала двигаться, и я, не успев сообразить, что происходит, полетел башкой вперед, уткнувшись лбом в колючий ковролин на бетонном полу.

Симпатичная студенточка, сидевшая за столом с журналами, любезно объяснила, что мне следует справиться в Студенческой дебиторской службе, не числится ли за мной долгов за обучение. Затем с азартом обмазала мне ссадину антибактериальным гелем и выпроводила меня наружу. Креншоу, должно быть, подобрался к моему банковскому счету и перекрыл мои учебные платы, а Гарвард желает убедиться в платежеспособности своего питомца и, как и Креншоу, все получить сполна. Я обогнул Лангделл и прокрался с заднего, хозяйственного, входа вслед за студентом, выглянувшим покурить.

Похоже, в аудитории мое полуотсутствующее состояние бросалось в глаза. Дэвис будто буравил меня взглядом. И вот началось: я всеми силами пытался побороть зевоту, но ничего не мог с ней поделаться. Я начал зевать — да так широко, по-кошачьи разевая рот, что и ладонью не прикроешь.

Дэвис буквально пригвоздил меня взглядом, заостренным бог знает сколькими меткими бросками, — таким зыркком он сбил с ног, поди, немало профсоюзных боссов и агентов КГБ.

— Мы вам наскучили, мистер Форд? — прошелестел он.

— Нет, сэр. — Внутри у меня нарастало жуткое ощущение невесомости. — Я думаю.

— Так, может, вы поделитесь своими соображениями по поводу убийства?

Остальные так и расплылись от удовольствия: еще бы, одним зубрилой станет меньше!

Меня же отвлекали от темы мысли куда более приземленные: я не смогу избавиться от Креншоу, покуда не получу степень и не устроюсь на хорошо оплачиваемую работу, — и я не смогу получить ни то ни другое, покуда не страхну Креншоу. При этом восемьдесят три штуки баксов я должен Креншоу и сто шестьдесят — Гарварду, и добыть их абсолютно неоткуда. И теперь все то, ради чего я десять лет драл задницу, вся вожделенная респектабельность, заливавшая сейчас аудиторию, навеки ускользали у меня из рук. А закрутил всю эту безнадежную круговерть мой сидящий в тюряге отец, который первым связался с Креншоу, который на меня, двенадцатилетнего, оставил дом, который всему миру готов был оказать покровительство и за это пострадать, но только не маме — от нее он, можно сказать, отпихнулся. Передо мной возник его образ, его обычная ухмылка, и все, о чем сейчас я мог думать, — это...

— Мечь.

Дэвис поднес к губам дужку очков, выжидая, что я выдам дальше.

В смысле, Принцип — жалкий бедняк, верно? Шесть его братьев-сестер перемерли, а его самого родители вынуждены были отдать на сторону, будучи не в состоянии прокормить. И по его мнению, в том, что он не может никак пробиться в жизни, виноваты были единственно австрийцы, чьи притеснения он видел с самого рождения. Он был невероятно костлявым, таким доходягой, так что даже партизаны уржались и послали его подальше, когда он попытался к ним прибиться. Это было убогое ничтожество, замахнувшееся на сенсацию. Другие убийцы теряли самообладание, но этот... Его, как никого другого, все на свете достало. Он жаждал мести, реванша. Двадцать три года обид и унижений! Да он готов был пойти на все, лишь бы сделать себе имя. Даже на убийство. И особенно — на убийство. Ибо чем опасней цель, тем больше она стоит.

Одногруппники брезгливо отворотили носы. Обычно я мало говорил на семинаре, но если уж открывал рот, то старался, как и остальные, использовать безупречный, выхолощенный язык Гарварда, теперь же я пустил в ход привычные для меня словечки и интонации.

Я говорил как уличный пацан, а не подающий надежды кандидат в правительственные круги. И был готов, что Дэвис разорвет меня в клочки.

— Неплохо, — молвил он. Подумал мгновение, обвел глазами аудиторию. — Мировая война — это великая стратегия. Все вы так или иначе становитесь пленниками абстракций. Никогда не упускайте из виду, что в конечном счете все упирается в конкретных людей: кто-то ведь нажимает пальцем на курок. Желая вести за собой массы, вы должны начинать с каждого отдельного человека, с его страхов и желаний, с тех тайн, в которых он ни за что не признается, — и должны знать о нем едва ли не лучше его самого. Лишь пользуясь этими рычагами, можно управлять миром. Каждый человек имеет свою цену. И как только вы нащупаете ее — он ваш, душой и телом.

После семинара я собирался поскорее разделаться с делами и отправиться домой — разбираться со своим незадачливым тылом. Внезапно я почувствовал чью-то руку на плече. Я ожидал, что это Креншоу, готовый изничтожить меня при всем честном гарвардском народе...

Лучше бы это был Креншоу. За спиной у меня оказался Дэвис с его буравящим взглядом и тихим, шуршащим голосом.

— Я хотел бы с вами поговорить, — сказал он. — В десять сорок пять в моем кабинете. Сможете?

— Как штык, — кивнул я со всей невозмутимостью, на какую только был способен.

Может, этот монстр предпочел сожрать меня при частной беседе? Просто класс!

Организм требовал еды и сна, а кофе с успехом компенсировал бы и то и другое. Возвращаться домой времени не было, и я непроизвольно двинул к «Барлею» — бару, где я работал. В голове, вытеснив прочие мысли, засели долг в 83 359 баксов и безысходная уверенность, что я ни в жизнь не смогу его погасить.

Бар представлял собой претенциозного вида помещение с чрезмерным числом окон. Единственным человеком там на этот час оказался менеджер Оз, который по несколько смен в неделю прирабатывал тут барменом.

И лишь пригнувшись к дубовой стойке и сделав добрый глоток кофе, я поймал себя на мысли: явился я сюда вовсе не за порцией кофеина, в голове у меня крутились комбинации цифр — 46 79 35, 43 23 65 и так далее. Кодировка здешнего офисного сейфа.

Оз, пасынок хозяина бара, был сильно нечист на руку. Причем приворовывал он не от случая к случаю — усушка там, утруска, — а постоянно обносил заведение. Некоторое время я присматривался к его игре, к тому, как он «не продает» напитки, прикарманивая за них наличные: обслуживая своих клиентов, Оз по полсчета не проводил чеком через кассу. Ежевечернее выуживание такого количества бабок из ящика с выручкой неминуемо превращалось для него в некоторую проблему — ведь мы-то, официанты, в ожидании чаевых вечно топтались рядом. А потому я был чертовски уверен — зуб бы дал! — что этот кретин держит свои денежки в сейфе. Возможно, потому, что действия Оза были топорным вариантом того, что сам бы я делал на его месте, если б еще очень давно не дал зарок никогда не брать чужого. Говоря научным языком, во мне сидел некий «бдительный оппортунизм»: если глядеть на мир глазами преступника, то видится все совсем иначе — подумаешь, подтибрить оставленную без присмотра жестянку леденцов!

В последнее время я уже начал за себя опасаться, поскольку остро нуждался в деньгах. Хуже того — мне как назло постоянно бросались в глаза незакрытые машины, незапертые двери, забытые где-то сумочки, дешевенькие замки и темные лестничные площадки. Как ни старался, я не мог забыть годы ученичества, свой нечистый опыт и весьма сомнительное мастерство. Я не мог не замечать все эти назойливые приглашения свернуть на кривую дорожку.

Люди почему-то склонны думать, что воры-домушники вскрывают замки, карабкаются по водосточным трубам или морочат головы доверчивым вдовам. Обычно же им достаточно, что называется, разуть глаза. Денежку так или иначе оставляют в свободном доступе сами добропорядочные граждане, которым и в голову не приходит, что рядом могут случиться темные личности вроде меня. Спрятанный под коврик ключ, незапертый гараж или пинкод, знаменующий некую годовщину. Берите кто хочет! И вот ведь забавная штука: чем честнее я становился, тем проще мне было попасться: передо мной словно постоянно повышали уровень соблазна, все проверяя и проверяя меня после стольких лет безупречной жизни. Абсолютно безобидным с виду студентиком, застегнутым на все пуговицы, я мог бы, пожалуй, беспрепятственно выйти из Кембриджского банка сбережений и кредита с потасканной

сумкой, набитой сотенными купюрами, и с револьвером на ремне — причем охранник услужливо придержал бы мне дверь и пожелал приятного уик-энда.

Со своим «бдительным оппортунизмом» я и вычислил, что Оз на день запирает деньги в сейф, — и, чтобы открыть его, только и требовалось, что подобрать последние цифры кода. А потом просек, что заканчивается комбинация на 65. Даже если Оз «сбросил» цифры, сейфы «Сентри», насколько я помнил, поступали от производителя с установленным в них небольшим числом кодов — их называют еще проверочными, — и если код Оза заканчивается на 65, то, скорее всего, кому-то было очень лениво менять оригинальную фабричную комбинацию 43 23 65. Еще я заметил, что Оз едва бывал в состоянии отсчитать чаевые, не говоря уж о его способности ровно ходить, и что его пьянство все больше усугублялось: в десять тридцать утра он в течение пяти секунд набулькивал себе в кружку виски «Джемесон», слегка полируя его кофейком. А если он и заметит, что у него что-то пропало, — кому он скажет? Воришки-то не в чести.

Оз выложил ящики с наличными на барную стойку. Потом вместе с ними удалился в кабинет. Послышалось, как открылся и закрылся сейф. Вернувшись, Оз бросил:

— Сгоняю за сигаретами. Приглядишь за местом?

Случай постучался.

Я кивнул, и Оз ушел.

Прямо с кружкой кофе в руке я зашел в кабинет, подступил к сейфу. Он оказался открыт. Господи, он прямо просил, чтобы его обчистили! Оценивая содержимое, я насчитал сорок восемь тысяч долларов в банковских пачках и еще где-то штук десять наличности, сложенной стопкой. Похоже, банки Оз обходил стороной.

Сценариев теперь было два: я мог свистнуть эти деньги вполне в духе Оза, прибиравшего к рукам все, что плохо лежит, а потом, надолго очистив свой тыл от Креншоу, закончить Гарвард. Или мог справиться сейчас с искушением, явиться сюда перед рассветом и обчистить сейф. Задняя дверь бара была надежна, как Форт-Нокс,^[5] а вот парадную дверь можно просто забавы ради вскрыть за полторы минуты — что вполне типично. Страховка выплачивается лишь при наличии следов взлома. К тому же никто при этом не пострадает.

Я проверил ящики стола, затем пошарил взглядом по пробковой обшивке стен. Тут как тут! Вот он, приклепанный к стене листок, на котором Оз своими каракулями вывел 43 23 65. Нате вам комбинацию — милости просим!

Мне, хоть тресни, требовалось внести деньги за учебу — хотя бы за последнюю неделю. Иначе не видать мне никакой степени. Все старанья псу под хвост! Кровь бешено застучала в висках. Дрожь прошла по телу...

Потом стало легче. Меня отпустило. Момент ушел. Десять лет я был безупречно чист, десять лет уверенно поднимался на ноги. И ведь ни разу не сбился с пути, не стащил и карамельки в магазине.

А все ж приятно было, черт возьми, стоять перед чужим открытым сейфом! Даже чересчур приятно. Воровское начало все же прочно сидело у меня в крови. И я знал, что это дерьмо уничтожит меня, как уничтожило отца, как разрушило нашу семью, — если я дам ему хоть мало-мальский шанс. Я глянул на свою старательно отглаженную рубашку, на кожаные ботинки, на глядевшего на меня с обложки Фукидида.

— Вот бли-ин! — с досадой выдохнул я.

Кого я пытаюсь одурачить? Я был уже достаточно приличным человеком, чтобы попасться на искус воровства, — и все ж таки слишком искусным вором для человека приличного.

Я глотнул остатки кофе, поглядел в пустую кружку. Давным-давно ради того, чтобы выжить, я выбрал честность и намерен был держаться ее, даже если эта честность однажды мне выйдет боком.

И я с чувством захлопнул дверцу сейфа.

Прежде кабинет Дэвиса рисовался мне как кадр из фильма о Второй мировой: сплошь завешанная картами комната с глобусами в человеческий рост — и он сам, водящий армейские соединения лопаточкой крупье. Вместо этого администрация Гарварда засадила его в тесный, забитый разной офисной канцелярией кабинетик в Литтауэр-холле,^[6] весь обшитый вишневым шпоном и без единого окна.

Сидя напротив Генри Дэвиса, я испытал состояние дежавю. Изучающе взиравший на меня, он словно разросся в размерах, и из

глубин памяти у меня всплыло, как когда-то я замер в зале заседаний под тяжелым взглядом судьи.

— У меня есть несколько минут — надо успеть на самолет в округ Колумбия, — сказал Дэвис. Но мне хотелось с вами переговорить. Летом вы были на стажировке в компании «Дэмрош и Кокс»?

— Да, сэр.

— И после университета планируете работать у них?

— Нет, — ответил я.

Это было нечто из ряда вон. Реальная работа в школе права предоставляется студентам в первые полтора года, когда их распределяют по фирмам на летнюю стажировку. В фирме стажера кормят и поят и переплачивают за ничегонеделание, рассчитывая, что затраченное окупится через семь чертовых лет, когда, сделавшись зрелым специалистом, он воздаст сторицей уже как полноценный сотрудник. И если уж ты попал куда на лето, то более или менее получил гарантию в трудоустройстве после окончания универа — если ты, конечно, не полный дебил. В «Дэмрош и Кокс» меня назад не ждали.

— Почему нет? — спросил Дэвис.

— Жесткая экономия, — усмехнулся я. — Я ж знаю, что я не типичный кандидат.

Дэвис извлек из стола несколько листков бумаги и быстро проглядел их. Я узнал свое резюме. Раздобыл, видать, в службе по трудоустройству.

Управляющий из «Дэмрош и Кокс» сказал, вы проявили блестящие знания и волевою натуру.

— Очень любезно с его стороны.

Дэвис подровнял листки и положил на стол.

— Дэмрош и Кокс — парочка чертовых снобов-белоботиночников,^[7] — процедил он.

Я и сам придерживался того же мнения, видя в этом главную причину того, что они от меня отказались, однако не сразу переварил услышанное от Дэвиса. Его-то фирма имела репутацию самой что ни на есть крутой из всех «чертовых снобов-белоботиночников».

— В девятнадцать вы поступили на флот, в то время как большинство ваших нынешних товарищей по семинару проводили свободный от учебы год в Европе, гуляя и пьянствуя. Служили

старшим сержантом. Затем год проучились в колледже в Пенсаколе, перевелись в штат Флорида и, закончив двухгодичный курс, выпустились в числе первых. И, черт возьми, поступили в Гарвардскую школу права с почти превосходными результатами тестирования! Теперь вы претендуете на двойную степень магистра — Института Кеннеди и школы права. И... — Он сверился с другой бумагой. — Вы заканчиваете четырехлетнюю программу за три года. Как, позвольте узнать, вам удастся за все это платить?

— Взял ссуду.

— В полтораста тысяч долларов?

— Ну, где-то так. Еще подрабатываю в баре.

Дэвис, похоже, отметил круги у меня под глазами.

— Сколько часов в неделю?

— Сорок. А когда и пятьдесят.

— И притом лучший на курсе. — Он покачал головой. — Я спрашиваю об этом потому, что вы великолепно разгадали мотивы, двигавшие Гаврилой Принципом: под вами то, что раздувает пламя?

Судя по всему, я попал на собеседование по найму. Я попытался припомнить избитые фразы о воспитательной колонии, призвать к ответу сидящего во мне отличника-зубрилу — но не представлял, как это получше изложить. Дэвис упростил мне задачу:

— Я бы предпочел, чтоб вы не несли тут чушь собачью. Я позвал вас сюда потому, что, судя по сказанному вами на семинаре, вы, похоже, знаете о реальном мире что-то такое, что способно двигать людьми. Что движет вами?

Рано или поздно он все равно бы выяснил мою подноготную, так что я решил разделаться с этим вопросом раз и навсегда. Сей факт моей биографии в досье был обойден, но вовсе не изжит из памяти. А люди вроде партнеров из «Дэмрош и Кокс» всегда все разнюхают. Они на дух чуют таких, как я.

— Будучи совсем юным, я вляпался в переделку. И судья поставил передо мной простой выбор: поступить на военную службу или закончить жизнь в тюрьме, если раньше не подохну. Флот меня исправил, научил дисциплине. Мне нравились там и жесткий распорядок, и всеобщая напористость, и я привнес все это в учебу.

Дэвис поднял со стола папки, закинул в свой портфель, затем поднялся:

— Вот и хорошо. Я люблю знать, с кем работаю.

Я поглядел на него, слегка озадаченный этим «с кем работаю». Обычно работодатели, уловив намек о моем прошлом, указывали мне на дверь — «жесткая экономия», мол, или «человек не нашего типа». Дэвис повел себя иначе.

— Поступите ко мне на работу, — сказал он. — Для начала положу две сотни в год. И тридцать процентов премии по исполнении работы.

«Да», услышал я свой голос, даже не успев толком ничего обдумать.

Этой ночью я спал в своей пустой квартире на подтравливающем надувном матрасе и каждые два часа вставал, чтобы его подкачать. Рассвет все не наступал, я крутился с боку на бок, и в какой-то момент, помнится, до меня дошло, что, когда Дэвис сказал насчет моей работы в округе Колумбия, он выдал это в утвердительной форме, а вовсе не как вопрос.

Глава вторая

Шкафчик из красного дерева гробом, конечно, не являлся, но, проторчав в нем битых четыре часа, я чувствовал себя точно в могиле. Зато я понял, как тяжело, оказывается, столько времени оставаться неподвижным. А ведь многие люди в подобном вместилище подолгу лежат на спине, причем мертвые. Скоро я, впрочем, обнаружил, что, если чуть наклонить вперед голову и уткнуться в угол шкафчика, то можно даже малость вздремнуть.

История того, как я оказался в этом шкафчике, несколько запутанна. Если вкратце, то я упорно преследовал одного мужика по имени Рэй Гулд, потому что был влюблен — в чудесную девушку Энни Кларк в частности и в мою новую работу вообще.

Уже почти четыре месяца я работал в «Группе Дэвиса». Странная это была фирма, совершенно непонятно чем занимающаяся. Кого спросить — так государственными делами и стратегическим консалтингом. Обычно эти слова используют как эвфемистическое обозначение лоббизма.

При слове «лоббист» у вас перед глазами, пожалуй, нарисуетя этакий мерзавец в мокасинах с кисточками, уверенный, что все на свете можно купить и продать, который подкупает политиков, пробивая корпоративные или какие-то личные интересы, и в конечном счете превращает мир в рассадник рака легких или отравленных рек. В сущности, таковы они и есть. Вот только те времена — семидесятые—восьмидесятые годы минувшего века, — когда процветали откаты и откровенный порок, давно ушли. Нынешние лоббисты целыми днями сидят в программе «Пауэр-пойнт», кликая «мышкой» по слайдам сомнительных презентаций, в то время как унылые парнишки из младшего персонала конгресса втихаря проверяют свои смартфоны.

Так вот, те деятели — просто сброд. Ставить их рядом с людьми из «Группы Дэвиса» все равно что сравнивать брюлики «Зейлс» с алмазами от «Тиффани» или «Картье». Фирма Дэвиса на самом деле была одной из множества контор, официальным лоббизмом как раз не занимавшихся. Такого рода фирмы создаются вашингтонскими тяжеловесами от политики — бывшими хаус-спикерами, бывшими

статс-секретарями, экс-советниками по делам безопасности — и оказывают куда большее давление на вашингтонские политические круги, нежели обычные лоббисты, получая от этого немалую выгоду. Они нигде не значатся как лоббистские, не создают вокруг себя шумихи. Им вовсе не нужна реклама — у них имеются связи. Существуют эти фирмы весьма обособленно. И еще они очень и очень дорогие. Если вы действительно хотите чего-то добиться в Вашингтоне, и у вас есть деньги, и вы в курсе, что даже очень честные и достойные люди добывают рекомендации в ведущие фирмы каким-то левым путем, — вот сюда-то вам и дорога.

«Группа Дэвиса» существовала как раз на пике этого непростого мирка. Она занимала красивый особняк в Калораме, в окружении разросшихся деревьев и старых европейских посольств, подальше от деловой части города и Кей-стрит,^[8] где и растопыривали пальцы большинство лоббистов.

Еще в первые дни моего пребывания в Ди-Си^[9] я начал понимать, что «Группа Дэвиса» меньше всего озабочена собственно бизнесом, а позиционирует себя скорее как тайное общество или даже теневое правительство. Известнейшие личности, которых я привык видеть на первой полосе «Пост» и даже в книгах по истории, расхаживали себе по фирме или, как любой из нас, материли зажевавший бумагу принтер.

Дэвис, как и прочие начальники, изо дня в день занимался, по сути, тем же, чем и в бытность свою в правительстве, — десятки лет он верховодил бюрократической верхушкой, точно зная, где какую струну подтянуть, на какого функционера поднажать. Я, словно чудо, наблюдал, как он заставляет всесильный, но вялый, неуклюжий, с трудом работающий аппарат — федеральное правительство — пробуждаться к жизни и претворять его, Дэвиса, прихоти в реальность.

Когда-то ему приходилось отчитываться перед избирателями, жертвователями и политическими партиями. Теперь же он отчитывался только перед самим собой. Дэвису предлагали намного больше дел, нежели он в состоянии был осуществить, и он пользовался преимуществом отбирать лишь тех клиентов, которые вписывались в его потаенные планы.

Естественно, никто обо всем этом открыто не говорил. Чтобы уловить распорядок работы и внутренние правила фирмы, нужно было

просто внимательно за всем наблюдать и задавать верные вопросы. «Группа Дэвиса» была старой закваски. Многие фирмы еще пытаются удержать некий налет аристократизма — костюмы там, библиотеки, отделка из дорогой древесины. Но все их претенциозные замашки давно уже выдавились «цифродробилкой»: теперь каждый измеряет свою жизнь ячейками электронной таблицы — количеством оплаченных часов. Задача каждого сотрудника — набрать этих часов побольше, и с первого же дня работы он как белка в колесе.

У Дэвиса все было совсем иначе. Не было никакого координирования, никаких руководств и нормативов. Только с полдюжины новопринятых кадров — а в отдельные годы не было и таких. Каждого из нас вводили в курс дела, назначали помощника и еженедельно вручали авансом чек на сорок шесть сотен долларов. Все, что выше этой суммы, зависело от нас — причем работу себе требовалось найти. Начальники и партнеры обитали на третьем этаже — который был для меня точно крыло Версаля, — старшие сотрудники занимали второй. Мы были младшими, салагами, и нас держали на первом этаже рядом с администратором, отделом кадров, бухгалтерией и аналитиками. Младший сотрудник брался лишь на испытательный срок. Ему давали полгода — а кому-то и год, — и либо он доказывал свою значимость для компании, либо его увольняли. И никто не наставлял его, что и как делать. Чтобы узнать правила игры, приходилось сунуть нос к каждому сотруднику — но притом без малейшего нахальства и бесцеремонности. Такт и осмотрительность были главными добродетелями в «Группе Дэвиса».

Поначалу ты побирался каким-нибудь маленьким дельцем и тебя использовали для изучения жертвы (прошу прощения за мой давний лексикон!) — то есть «лица, принимающего решения», на которого фирма рассчитывала надавить. Это означало, что тебе следовало разнюхать о своей жертве все, что только можно, включая подробности частной жизни, и отобрать из найденного самое существенное в каждом конкретном случае — ни больше ни меньше. Результат излагался в докладной записке — максимум страница.

Это называлось «море кипятить». Так что из того? Мы, салаги, и понятия об этом не имели, но чертовски были уверены, что сделать все надо на «отлично».

Это было самое сложное. И партнеры, и старшие сотрудники знали, что чем больше тебе дадут покорячиться в работе, тем больше станешь лезть из кожи вон, лишь бы потом погладили по головке. А потому никто и никогда не говорил конкретно, что правильно, а что нет. Только сложат у рта пальцы домиком и со словами: «Давай-ка еще разок попробуй» — переправят к тебе по столу плод твоих нескончаемых ночей и выходных в офисе, всякий раз требуя большего. Если повезет, то получишь редчайший подарок в виде куцега «неплохо» — в «Группе Дэвиса» это означало высшую точку удовлетворения. А если добываешь из моря не ту соль — тебя уволят. В общем, или плыви, или потонешь.

Я настраивался плыть. Новичком на флоте я отработал бессечно суровых нарядов, и если здесь сидеть паяться в компьютер считалось тяжким трудом, я готов был стать умницей. Так что едва я просыпался, как садился за работу.

Денег хватало и на оплату Гарварда, и на то, чтоб держать на расстоянии вымогателя Креншоу. И даже при том, что я откладывал пятую часть на черный день (а я по-прежнему был уверен, что однажды коврик у меня из-под ног таки выдернут), у меня оставалось больше, нежели я мог потратить. Я мог теперь позволить себе обедать не по талонам и снимать более или менее приличную квартиру, куда не стыдно приводить людей.

И деньги были не единственным моим выигрышем. За то короткое время, что поработал у Дэвиса, я начал получать льготы, о которых прежде и представления не имел, которые мне даже и не снились.

На прежнее мое жилье в Кембридже послали перевозчиков, чтобы я мог оттуда съехать. Эти молодые ребята оказались достаточно воспитанны, чтобы не умереть со смеху при виде моих обчищенных коллекторами апартаментов. Полчаса они вежливо убеждали меня, что им не стоит помогать. Все, что мне нужно было сделать, — это собрать в сумку личные вещи и отогнать мой пятнадцатилетний «джип-чероки» в округ Колумбия. Всякий раз, как я втапливал больше пятидесяти пяти миль в час, из моих спутников выбивался липкий страх, точно из тугих почек листья по весне.

Дэвис поселил меня в принадлежащем фирме доме со швейцаром и консьержкой на Коннектикут-авеню, в квартире аж на девятьсот квадратных футов со спальней и балконом.

— Живите там, пока не присмотрите для себя жилье, — сказал он мне в первый же день. — Мы сведем вас с риелтором, но, если вы настроены работать, вместо того чтобы ездить осматривать квартиры, мы оценим ваши старания.

Даже если бы я не сэкономил деньги, мне все равно нечего было покупать. У фирмы имелся парк машин для обслуживания сотрудников, и завтракали, обедали и ужинали мы ежедневно в офисе.

В первую же рабочую неделю я познакомился со своей помощницей Кристиной, миниатюрной венгеркой. Она была такая аккуратная, пунктуальная и рациональная, что я едва не заподозрил в ней робота. Она шефствовала надо мной во всем: у нее я мог узнать, где находится почта, а где химчистка. Она не давала мне ни малейшей возможности самостоятельно выполнить какое-либо задание, делая за меня самую нудную и кропотливую работу.

— Извините за столь назойливую привязанность, мистер Форд. И не считите за чрезмерную роскошь. Считайте, для Дэвиса это гарантия того, что вы будете думать лишь о своем задании и принесете ему финансовую отдачу.

Это немного упростило мне жизнь. Будучи в разъездах по поручениям, мне все время приходилось разрешать какие-то досадные проблемы — то стоять в очереди в отдел транспортных средств, то дожидаться кабельщика. И сам собой напрашивался вывод, что вся жизнь — это череда тех или иных мелких препятствий. Тогда-то я и начал кое-что понимать. Прежде деньги мне нужны были, чтобы выживать, чтобы из месяца в месяц удовлетворять жизненно необходимые потребности. Я никогда, в сущности, не думал, что именно они привносят в нашу жизнь те неисчислимы преимущества, что люди вкладывают в слово «достаток».

Все это поначалу внушало некоторую неловкость, даже как-то начало меня изнеживать. Мне привычнее было видеть себя голодным и измотанным. Но когда у тебя в день двенадцать интервью и надо осилить тысячу четыреста страниц документов, когда еженедельно требуется делать по два отчета, которые могут тебя или вознести, или уничтожить, и когда партнеры могут в любой момент свалиться на голову с «проверочкой», которая может оказаться для тебя последней, у тебя совсем нет времени на то, чтобы изнежиться. И постепенно начинаешь понимать, что Кристина права: заказанная в конференц-зал

тайская лапша и машина до дома далеко не разорительная для Дэвиса цена, чтобы поддерживать работников в деятельном состоянии за две-три сотни баксов в час при семидесяти часах в неделю.

Разумеется, мне нужны были деньги, и мне очень нравились предоставляемые сотрудникам «Группы Дэвиса» льготы, но вовсе не это каждое утро в пять сорок пять вытягивало меня из постели. На ноги меня поднимал любимый ритуал надевания сияющих начищенных ботинок и хрустящей накрахмаленной рубашки. Мне нравилось уже до девяти утра вычеркнуть из списка дел восемь заданий. Мне нравилось, как подошвы моих ботинок от «Джонстон и Мерфи» стучат по мраморному полу вестибюля Дэвисовой фирмы, эхом отражаясь от дубовых панелей. Мне нравилось, проходя по коридорам, наблюдать мудрых мужей, занятых чрезвычайно важной работой, видеть Генри Дэвиса и экс-директора ЦРУ, смеющихся во внутреннем дворике, точно давние соседи по общежитию, и осознавать, что если я и дальше буду пахать так, что дым из ушей, то в один прекрасный день вольюсь-таки в их круг. Что-то вроде этого двигало мной еще с той поры, когда судья поставил передо мной выбор. Мне требовалось обрести нечто большее, нежели я собой представлял, стать частью чего-то значительного, раствориться в честном труде — чтобы все это «большое и значительное» сдержало преступные начатки в моей крови.

Я готов был делать что угодно в фирме Дэвиса, лишь бы удержаться в этом уважаемом мире. Так вот я и оказался закрытым в шкафчике красного дерева.

Те первые несколько месяцев были для меня своего рода вступлением в общину. Никто не говорил, как именно, но каждый твой шаг был под контролем. Периодически тот или иной испытуемый сотрудник исчезал как будто накануне вечером где-то в узком кругу «Группы Дэвиса» прошло тайное голосование и против неудобного лица каждый поставил черную метку. Так, по крайней мере, поговаривали среди салаг. Конечно, тут было некоторое преувеличение, однако я все же усвоил этот намек и сделал вывод, что первое свое реальное задание надо выполнить, хоть умри.

В бизнесе, касающемся «правительственных дел», когда какого-то бюрократа или политика понуждают сделать то, чего желает клиент, рано или поздно приходит момент под названием «запрос». И сколь бы

запутанным ни было дело в целом, оно так или иначе сводится к единственному вопросу: выдаст ли этот человек то, чего от него требуют? Да или нет?

Запрос делает один из партнеров — величественное лицо компании. Реальная же работа ложится на сотрудника. И когда берешь первое свое дело, то всецело зависишь от результата «запроса». Если «жертва» говорит «да» — ты в золоте. «Нет» — и ты ушел.

Первое дело мне поручил Уильям Маркус. Его кабинет был рядом с кабинетом Дэвиса, на третьем этаже. Это был «президентский коридор»: по одну его сторону располагался дубовый зал заседаний, по другую шли шесть или семь апартаментов, каждый размером с мою квартиру, из окон которых открывался живописный вид на округ Колумбия с вершины холма в Калораме. Когда я шел по этому коридору, у меня точно шерсть вставала на загривке — максимально концентрируясь, я как будто возвращался к давней военной муштре и строевому тридцатидюймовому шагу.

Люди, бывавшие в этом коридоре, буквально правили миром. Они ежедневно, без малейших колебаний, делали или губили карьеру шустряков-яппи вроде меня. Большинство начальников фирмы имели длинный и насыщенный послужной список — за что клиенты, собственно, и платили. Прошлое же Маркуса было загадкой. Насколько мне известно, я был единственным из молодых сотрудников, за кем он приглядывал. Это было и очень хорошо, и очень плохо, и, как оказалось впоследствии, столкнулся я с недюжинным талантом.

Маркусу было уже за сорок пять, может, и больше — по нему трудно было сказать. На первый взгляд я бы принял его за троеборца или за видного «белого воротничка», который всякий раз после работы молотит по кожаной груше в боксерском зале. У него были коротко стриженные рыжевато-каштановые волосы, могучая бульдожья челюсть и отвислые щеки. Он всегда как будто пребывал в хорошем расположении духа, что делало его чуть менее страшным — но лишь до того момента, пока не окажешься с ним один на один в его кабинете. Там все его улыбки и простецкие манеры точно испарялись.

Маркус дал мне в разработку и первый «запрос». Мультинациональный гигант со штаб-квартирой в Германии (которого мне, пожалуй, не стоит называть открыто, а потому обозначу его так,

как мы именовали его в офисе: Кайзер) исхитрился найти лазейку в налоговом законодательстве и использовал это, чтобы резко снизить цены и выдвинуть американские компании из бизнеса. Это было типичное межнациональное налоговое разбирательство, но в конечном счете все свелось к тому, что заокеанские компании, продающие американцам услуги, платят заметно меньше налогов и пошлин, нежели компании, которые действительно отгружают товары. Кайзер, естественно, делал вид, что это те продают Штатам товары. А те утверждали, что они всего лишь выступают посредниками между американским потребителем и заокеанскими поставщиками и производителями и потому должны платить малый налог лишь за свои посреднические услуги. «Как раз мы всего лишь посредники, — оспаривал это Кайзер, — мы даже и не касаемся товаров». Если посмотреть на эту цепочку поставок со стороны, становилось ясно, что они продавали товары в точности как и все прочие, просто уклонялись при этом от высоких налогов.

Ну что, включаетесь в тему? Bravo! В общем, те ребята, которых выдавили из бизнеса, наняли «Группу Дэвиса». От нас хотели, чтобы мы заткнули ту налоговую лазейку и выровняли их с Кайзером игровое поле. Это означало отыскать в недрах Вашингтона нужного чиновника, который подписал бы бумажку, гласящую, что Кайзер продает именно товары, а не услуги.

Всего одно словечко — но за это «Группе Дэвиса» отстегивалось ни много ни мало пятнадцать миллионов долларов, что, как болтали среди моих коллег, было минимальной суммой контракта, способной привлечь внимание нашей фирмы.

Маркус изложил мне ситуацию, сообщив несколько деталей, но совсем не много: все ж таки первое задание. Он даже не сказал мне, что конкретно хочет получить на выходе — каков, так сказать, ожидаемый «продукт». Теперь моя задница официально была поставлена на карту — а я даже и понятия не имел, что надо делать.

Хотя за последние десять лет я, пожалуй, впервые почувствовал, что могу не справиться с работой. И на удивление, это неплохо сработало: я решил, что буду делать то же, что и всегда, — брать свое напором. Сто пятьдесят часов работы — и десять дней спустя, поговорив с каждым экспертом, что отозвался на мой призыв о помощи, перечитав все соответствующие своды законов и газетные

статьи, которые хоть каким-то боком касались моего дела, я «дистиллировал» дело Кайзера сперва до десяти страниц, потом до пяти, наконец до одной. Так я выпаривал свое море. Осталось лишь восемь наиважнейших пунктов, и каждый из них был достаточно мощным, чтобы уничтожить Кайзера. Это был бумажный эквивалент чистого героина, и я весь дрожал от гордости и недосыпа, передавая доклад Маркусу и ожидая, что мой результат его проймет.

С полминуты он глядел в мою писанину, потом тихо рыкнул и сказал:

— Все это хрень собачья. Ты не можешь знать ответ на вопрос «зачем?», пока не знаешь «кто». Все это замыкается на одном конкретном человеке. И не трать мое время, пока не нащупаешь точку воздействия.

Для меня это был как сигнал о новом выступлении. Вооружившись мудростью Конфуция,^[10] я с удвоенным рвением вгрызся в дело. Среди таких же, как я, молодых сотрудников, толкающихся за место под солнцем в фирме Дэвиса, был сын министра обороны, который в свои тридцать лет уже побывал замом руководителя предвыборной президентской кампании, прошедшей с успехом; еще были два родсовских стипендиата,^[11] один из которых являлся внуком бывшего директора ЦРУ. Наша работа сводилась фактически к изучению Вашингтона и, разумеется, местной прессы. Но куда важнее было исследовать антропологию этого места: изучить верхние эшелоны власти, узнать объекты их любви и ненависти, выявить те потайные узлы, куда стекались сила и могущество, выяснить, кто на кого влиял, кто кого снабжал деньгами. Целая жизнь требовалась, чтобы изучить досконально элиту округа Колумбия, погрузившись с головой во все ее связи и взаимоотношения. У остальных наших ребят таковой багаж имелся — у меня же его не было. Но это не могло меня остановить. Моим высшим козырем была воля.

Я вышел из офиса — подальше от «Лексис-Нексиса» и бескрайнего «Гугла», — чтобы пообщаться с реальными человеческими существами. Надо сказать, для многих моих конкурентов это было столь же немисливо и загадочно, как искусство левитации или заклинание змей. Для начала я допустил, что

официальный Вашингтон во всем своем своеобразии в конечном счете, как ничто другое, является некой единой общностью.

Около шести различных правительственных ведомств, в принципе, имели право окончательного вердикта по вопросу, может ли Кайзер и дальше пользоваться своей лазейкой. Однако все застопорилось обычной вашингтонской бюрократией: решение было спущено в такую «поддевку», именуемую Временной межведомственной рабочей группой Министерства торговли по производству.

Эту рабочую группу я окучивал битую неделю. Причем главное было не переборщить: Маркус объяснил — никто пока не должен засечь, что над этим делом работаем мы. Я переговорил с четырьмя-пятью штатными сотрудниками из тех, что помоложе, потом набрел на какого-то напыщенного пустомелю, который на самом деле не знал ровным счетом ничего для меня интересного. Он, впрочем, навел меня на помощника юриста — молодую особу, которая по ночам забавы ради прирабатывала барменшей в баре «Стетсонс» на Ю-стрит, в который частенько хаживали многие сотрудники Белого дома в пору Клинтона и который теперь пришел в запустение. Рыжая, с обаятельным задором девчонки-сорванца, она оказывала свое расположение настолько, насколько тебе того хотелось, хотя и храпела как бензопила и имела привычку вечно что-то «забывать» в моей квартире.

Эта девица мне все и объяснила. Там были два номинальных главы, которые лишь ставили, где надо, свои подписи. На деле же окончательное решение принимали трое из рабочей группы. Двое были типичные ведомственные мужи — эдакие человеческие пресс-папье, которые ничего не значили. Третий — некий господин по имени Рэй Гулд — являлся действительно ЛПР^[12] и он-то как раз и держал лазейку для Кайзера открытой. Был он секретарем помощника заместителя министра (иначе говоря, сидел в подчинении у помощника секретаря, подчиненного помощнику министра, который в подчинении у заместителя министра, который подчинялся непосредственно министру торговли, — ну, просто обхохочешься!). Я поймал себя на том, что на полном серьезе произношу эту бюрократическую белиберду. Чтобы не воспринимать все это лишь как забавный казус из мира политики, я напомнил себе, что расковыривание этого нароста

означало для моего босса как минимум пятнадцать миллионов долларов и — что куда более важно — могло избавить меня от того, чтобы всю оставшуюся жизнь прибираться в баре и бегать от Креншоу.

Кроме того, все это начало меня изрядно забавлять — и не столько действующие лица, сколько денежная сторона вопроса. Во всем остальном я ничем не выделялся из своих ловких коллег, которые, как я знал, быстро идут в рост. Это в равной степени и подогревало меня, и тревожило.

Итак, у меня имелась точка воздействия. Маркус ничуть не умилился, когда я принес ему в клювике имя Гулда, но, по крайней мере, казался уже не таким сердитым. Он велел мне начать подкапываться под этого субъекта, с тем чтобы закрыть для Кайзера налоговую лазейку. Мне следовало свести все свои старания к единственной цели: изменить решение Гулда.

Я ознакомился с выпускными работами Гулда в колледже и магистратуре. Я выяснил, какие газеты и журналы он выписывал, куда и сколько жертвовал, какие и когда принимал официальные решения. Вернувшись к нулевой отметке, я начал настраивать каждый аргумент против лазейки Кайзера так, чтобы он задел индивидуальные склонности и убеждения Гулда. Я сокращал и сжимал эти аргументы до тех пор, пока они не вписались в одну-единственную страницу. И если предыдущая докладная записка была чистым героином, то здесь был уже наркотик с измененной химической формулой.

С ним-то Гулд должен был выдать нам именно ту резолюцию, что нам требовалась.

— Что ж, это уже вселяет надежду, — сказал Маркус.

Даже при всем изучении материалов и многочисленных интервью я слабо представлял этого мужика и то, что им двигало, пока не увидел его воочию. Я мог бы долго распространяться о Гулде. Я знал, в какую школу ходят его дети, на какой машине он разъезжает, где он устраивает банкет по случаю своего юбилея и куда катается обедать. Разумеется, откушивал он в самых престижных заведениях: в «Централе» у Мишеля Ришара, в «Прайм-Риббе» и «Пальме». Хотя регулярно, через вторник, Гулд посещал «Файв гайз» — заведение, специализирующееся на гамбургерах.

Когда спустя неделю я положил перед Маркусом новую записку, он сказал, что я определенно расту, после чего проводил меня в

апартаменты Дэвиса. Тот велел Маркусу подождать снаружи. Примерно такой кабинет университетского препода я и ожидал увидеть у него в Гарварде, хотя, конечно, вкус у Дэвиса оказался куда утонченнее, нежели могло предложить мое воображение. Три стены от пола до потолка были заполнены книгами — причем не кожаными муляжами корешков, а явно прочитанными томами. Вся мебель была красного дерева. На «стене почета» красовались вашингтонские мандаты, а также фотографии с улыбками и рукопожатиями всех влиятельных персон, каких я когда-либо видел. Там были снимки с главами государств, сделанные десятилетия назад, — причем не фотки типа «два парня в дорогих костюмах занимаются благотворительностью». На одном Дэвис — моложе меня нынешнего — катает в боулинге шары на пару с Никсоном, на другом рыбачит с маленькой лодочки с Джимми Картером, на третьем катается на лыжах с...

— Это римский папа? — непроизвольно брякнул я, не успев сдержать удивление.

Дэвис стоял за своим столом. И выглядел отнюдь не радостно.

— Гулд не реагирует, — сказал он мрачно.

Мою докладную записку с «заточенными» на Гулда доводами они передали торговой группе, воюющей против Кайзера, и те изложили свое дело рабочей группе Гулда. У Дэвиса имелись свои люди в Министерстве торговли, которые тут же сообщили бы ему, если б лед тронулся. Гулд не отступился ни на йоту.

— Я поработаю еще, — сказал я.

Он поднял со стола мою записку:

— Работа твоя безупречна, — произнес он таким тоном, каким обычно комплименты не говорят, и выдержал минутную паузу. — Но у меня этажом ниже уже есть сто двадцать человек, способных выдать безупречный результат, и больше таких мне не требуется. Тебе известна стоимость данного контракта?

— Нет.

— Мы подписали соглашения с каждым производством в отдельности и связанной с ними торговой группой. Сорок семь миллионов.

У меня кровь отлила от лица. Несколько мгновений Дэвис изучающе глядел на меня.

— Мы тут не за часы деньги получаем, Майк. Выиграем — получим сорок семь миллионов. Нет — не получим ничего. И мы не должны проиграть.

Он подступил ближе, вперил в меня взгляд:

— Я изрядно рискую с тобой, Майк. Я нанял тебя вовсе не из тех соображений, по которым беру остальных. Ты весьма необычный кандидат. И я опасаясь, что дал с тобой маху. Докажи мне, что я не ошибся. Что ты можешь мне предложить, чего не могут другие? Покажи мне нечто большее, чем безупречную работу. Удиви меня.

Лучше вообще не иметь ничего, нежели что-то обрести и внезапно упустить из рук. Работая у Дэвиса, я постоянно думал, что все получаемые мною деньги и привилегии — всего лишь ошибка, которую вот-вот исправят.

Я не смел и помыслить, что все это — мое, что теперь это — часть моей жизни. Порой человеку случается набрести на что-то, чего ему хотелось всей душой, в чем он действительно нуждался. И если все вдруг полетит в тартарары, второй раз такое ему уже не светит.

Я в этом смысле не явился исключением. Такой момент наступил для меня где-то в августе, спустя три месяца после переезда в Ди-Си. Я шагал по Маунт-Плезанту в десяти минутах ходьбы от офиса компании. В этом районе была одна главная улица с восьмидесятилетней пекарней и скобяной лавкой, которой тоже стукнул уже не один десяток лет. Там обретались итальянцы, греки, потом латиносы нашли там для себя первое пристанище в округе Колумбия — так что это местечко казалось маленькой деревней. Чуть в стороне от главной улицы уже высились леса, и я ощущал себя как за городом. Проходя мимо маленьких жилых домишек, я увидел один, сдающийся внаем, на две комнаты, с террасой и задним двором, откуда открывалась чудесная перспектива парка Рок-Крик — пояса лесов и речушек, разрезающего округ Колумбия с севера на юг. Как-то вечером, прогуливаясь мимо того самого дома, я увидел за ним, во дворике, целое семейство оленей — ничего не боясь, они спокойно провожали меня взглядом.

Это решило все. Собственного дворика у меня не было с двенадцати лет. У отца имелся какой-то постоянный доход — хотя я понятия не имел, откуда поступали эти деньги. И вот однажды мы

переехали из квартирного комплекса в Арлингтоне, где я вырос, — который выглядел как мотель и в котором, помнится, постоянно воняло газовыми горелками и чьей-то стряпней — в Манассас, где поселились в небольшом одноэтажном загородном доме. Знаю, это немного сентиментально, но там, во дворике, у нас были качели, сделанные когда-то из алюминиевых трубок, драные и обшарпанные, об которые, неудачно схватившись, можно было ссадить ладони. Жили мы там не так уж долго, но я помню те летние вечера, когда мои родители с парой друзей сидели вокруг кострища, беспечно смеясь и попивая пиво. Я весь вечер проводил на качелях, раскачивая их, точно двигателем, своими маленькими ножками, — и я подлетал высоко вверх, выше перекладки, и выглядывал над верхушками деревьев. В какой-то момент я оказывался в невесомости, и цепочки качели провисали — и, могу поклясться, тогда я едва не улетал в темное ночное небо...

А потом отца застукали на том, что он полез грабить чей-то дом, — и мы очутились в прежнем болоте, в пропахшем газом мотеле.

Заканчивая работу в фирме Дэвиса — в десять-одиннадцать часов вечера, а то и позднее, — я частенько прогуливался по этому району и воображал себя хозяином того заднего дворика. Я представлял, как развожу огонь в очаге, а рядом стоит пара складных кресел и на одном из них улыбается симпатичная девчонка... Я словно начинал свою жизнь сначала, возвращая все на свои места.

Эта постоянная мысль о потерянном рае и раздувала подо мной огонь. Спустя неделю после встречи с Дэвисом в его «покоях» я снова пришел к Маркусу и положил перед ним на стол еще два отчета. В одном содержались данные о наставнике Гулда в Министерстве внутренних дел, где тот проработал девять лет до перехода в Министерство торговли. В другом была информация о приятеле Гулда, выступившем даже шафером на его свадьбе, с которым он делил жилье еще в пору учебы в Гарвардской школе права и который теперь занимался частной юридической практикой. Он до сих пор являлся советником Гулда по правовой части, с ним Гулд ужинал где-то раз в две недели и считал старого друга одной из немногих своих отдушин.

— Ну и? — поднял брови Маркус.

— Эти двое — наиболее удачные... — я чуть было не ляпнул «жертвы», — точки воздействия. Если взглянуть на их принципы принятия решений, вы увидите, что они полностью созвучны нашим

аргументам. Доводы против налоговой лазейки я смоделировал под каждого из этой парочки. Первый, кстати, уже связан с «Группой Дэвиса». Если нельзя повлиять непосредственно на Гулда, то можно использовать его ближайшее окружение. Если мы настроим их на нужную волну, то сможем перенастроить и Гулда, так что он и сам не протюхает, что действует по нашей указке.

Маркус молчал. Я чувствовал, что надвигается буря. Я выдал ему на Гулда куда больше, чем он рассчитывал, — разве что не пробрался еще в квартиру этого козлина, что, впрочем, собирался проделать следующей ночью.

Маркус пошевелился в кресле. Я весь замер, ожидая разгрома, но вместо этого шеф улыбнулся:

— Кто же тебя этому научил?

Метод я перенял у папиного старого приятеля Картрайта. В молодые годы тот использовал подобную технику, чтобы выуживать у богатеньких одиноких наследниц бальзаковского возраста их сбережения.

— Ко мне пришло озарение, — ответил я.

— Что-то вроде этого мы у себя называем «формованием кроны» или «обрезкой верхушек». Ты не спеша, очень тонко воздействуешь на каждого человека из окружения нужного тебе объекта — на жену, шефа по благотворительной деятельности, даже на подростки детей, — пока он не переменит свое мнение.

— «Обрезка верхушек»?

— Мы не можем вызвать у «корней» всестороннюю, глубокую поддержку наших интересов — но мы можем обвести их вокруг пальца. И нет надобности терять время на «корешки», если нужный нам законотворец способен видеть одни «верхушки».

— Хотите, чтобы на следующем этапе я взялся за окружение Гулда?

— Нет, — отрезал Маркус. — Я поручу это своим людям.

В его голосе я уловил нечто, что мне не понравилось.

— Мы не уложились во времени? — спросил я.

Маркус помолчал. Он вообще был малоразговорчив и всегда, прежде чем что-то произнести, взвешивал каждое слово. Сейчас он явно не хотел загружать меня какой-то лажей — возможно, из некоторого уважения ко мне.

— Да, — коротко ответил он.

Неделю спустя был признан непригодным один из родсовцев. Это был славный юноша со светлыми, зачесанными назад, волнистыми волосами и видом старательного приготовишки. Поговаривали — и я охотно в это верю, — что у парня не было даже своей пары джинсов. Кого-то другого на его месте сильно задевало бы любое подчеркивание получаемых им льгот, но малый с юмором относился к самому себе, и это мне в нем нравилось.

Он был «охотником» вроде меня, и он первый в нашей группе новичков получил задание. Его ЛПР не повелся — и это был приговор. Выходя из игры, родсовец сделал вид, будто хочет попытаться счастья на иных просторах, но, когда он с нами прощался, в его голосе слышался надрыв, словно он готов был разреветься. Тяжкое было зрелище. Надо думать, мальчик прежде не знал неудач. Он сделал все, что было в его силах, но дело свое все же завалил.

Вообще, мне как-то не очень верилось, что эти многомиллионные контракты напрямую зависели от горстки бестолковых салаг, которые и представления не имели о том, чем занимаются. Но, судя по всему, действительно зависели. Скажете, несправедливо? Положим, тебе дают заведомо безвыигрышное дело. Ты ограничен в возможностях — и задание неминуемо выходит у тебя из-под контроля. Может, и так. Но мне, знаете ли, трудно делать выводы о какой-то несправедливости. Такова жизнь. Можно задрать лапки кверху и молить о снисхождении — однако мой путь был иным. Я должен был победить во что бы то ни стало. Я так долго приноживался к ароматам хорошей жизни, так долго она была для меня лишь эфемерной мечтой. Теперь я подобрался к ней так близко, что мог обонять ее и пробовать на вкус. И чем реальнее становилась моя мечта, тем мучительнее было думать о том, что меня могут ее лишить.

Кстати, о мечте: на работе я познакомился с Энни Кларк, старшим сотрудником «Группы Дэвиса». Прежде я вообще без проблем заговаривал со слабым полом, я даже об этом как-то не задумывался. Но возле этой особенной девушки обычная непринужденность общения меня оставляла. С первого мгновения, как я увидел ее на втором этаже, голова у меня забила сентиментальным вздором.

Всякий раз, как мы с ней разговаривали — а нам частенько доводилось работать вместе, — я ловил себя на мысли, что в этой девчонке есть все, что привлекает меня в женщинах: черные локоны, чистое лицо и озорные голубые глаза. Но, кроме того, было в ней что-то еще, о чем я прежде и не задумывался. Понаблюдав целый день за Энни — как она вертится на переговорах вокруг самодовольных типов и спонтанно на трех-четырёх языках отвечает на телефонные звонки, — я готов был выскочить вслед за ней после работы и выпалить то, что вертелось на языке: что она именно та девушка, которую я всегда искал, что именно в ней воплощена та жизнь, о которой я столько грезил. Это было просто сумасшествие!

Я начал уже думать, что, может быть, Энни чересчур хороша для меня, что она избалованна и высокомерна и добиться ее невозможно. При первом нашем знакомстве мы остались на «ночные бдения»: Энни, я и еще несколько младших сотрудников — причем она как старшая нами верховодила. Мы все расселись за столом переговоров. О чем-то глубоко задумавшись, она толкнулась назад в катающемся кресле. И не успев прояснить нам очередной нюанс игры «в воздействие», Энни Кларк, опрокинувшись у нас на глазах — медленно и неотвратно, — исчезла за краем стола и грянулась плашмя на ковер.

Я был готов к тому, что она завопит от боли или поднимется к столу в бешеной злости... Но вместо этого я впервые услышал, как она смеется. И этот ее хохот после падения — искренний, простодушный, беззастенчивый и абсолютно беспечный — вмиг отсекал всю ту чушь, что я наплел себе про якобы зеленый виноград. Теперь всякий раз, слыша ее смех, я понимал, что эта женщина не распыляется на никому не нужное притворство, что она принимает жизнь такой, какова она есть, и наслаждается ею в полной мере.

Этот ее смех завел меня на опасную дорожку. Теперь всякий раз, заскакивая к Энни с отчетом, я едва удерживался, чтобы не вышвырнуть в окошко свой опус, над которым прокорпел битый месяц, и опуститься перед ней на колени, умоляя ее сбежать и провести со мной всю оставшуюся жизнь... Возможно, это был бы и лучший вариант, нежели то, что в дальнейшем случилось.

После какого-то очередного совещания я отправился в комнату для кофе-брейков и попытался обсудить с оставшимся в группе

вторым родсовским стипендиатом стратегию своих взаимоотношений с Энни Кларк, тщетно стараясь не выглядеть совсем уж обезумевшим от страсти болваном. К несчастью, сама Энни оказалась за колонной в восьми футах от нас, когда родсовец по имени Так, с которым я успел сдружиться, дал мне совсем не глупый совет по поводу офисного романа:

— Мужик, не гадь, где кушаешь.

— Просто прелесть! — сказала она и указала бутылочкой на кулер. — Вы об этом?

Так я еще больше понизился в рейтинге перед Энни Кларк. Но как я уже говорил: воля — высший козырь. Мне просто надо было набраться сил. И когда воображение начало рисовать мне ее чудесным июльским вечером на заднем дворе того домика в Маунт-Плезанте, что я мечтал купить, я решил упрямо идти к той достойной жизни, которая станет мне призом, если я возьму последнее дыхание и прижму Рэя Гулда к ногтю.

В следующий раз увидев Маркуса — он сидел в столовой, попивая кофе и что-то читая, — я, немного поболтав ни о чем, спросил напрямик:

— Когда сделают «запрос»?

— А что, кто-то выносит сор из избы? — отозвался он.

Проверка на выживание в первый год у Дэвиса была своего рода черным ящиком. Спрашивать, что там внутри, считалось изрядной наглостью — и все же, думаю, партнеры понимали, что молодые сотрудники уже начали сводить воедино все ниточки, касавшиеся наших судеб.

— Три дня, — сказал Маркус. — Дэвис предполагает лично нанести Гулду визит. Мы потихоньку обработали его наперсников.

— А если это не сработает? Если он все же не переменит решение насчет Кайзеровой лазейки?

— Ты сделал все, что в твоих силах, Майк. И надеюсь, на твое счастье, он скажет «да».

«Взялся за гуж...» — прочел я в глазах Маркуса. Что ж, бизнес есть бизнес.

Я вовсе не собирался расслаживаться без дела и скрещивать пальцы, уповая на удачу. Генри меня выбрал, полагая, что я знаю нечто

большее о том, что движет людьми. Он сказал, у каждого человека есть своя цена, свой рычаг, которым можно его ворочать по собственной воле. У меня имелось три дня, чтобы нащупать этот рычаг у Гулда.

Я отстранился от политиков и их стратегий, от кучи докладов Министерства торговли — от всей мутотени официального Вашингтона, которую, мне кажется, я достаточно уже изучил, разрабатывая вопрос. Я задумался о самом Гулде, об этом унылом бюрократе, живущем где-то в Бетезде,^[13] о том, чего хочет лично он, а чего боится.

Наблюдая за ним в последние недели, я заметил какие-то дурацкие нестыковки, о которых не стал упоминать своим боссам, поскольку сам не до конца понял, в чем тут дело. У Гулда был скромный по меркам Бетезды дом, ездил он на пятилетнем «Саабе 9–5». Притом мужик определенно был тряпичником: два-три раза в неделю он занимался шопингом в «Джей-Пресс», или в «Брукс-Бразерз», или у Томаса Пинка. Одевался он в точности как великосветский мерзавец из комедии Билли Уайлдера:^[14] весь в твиде, с подпрыгивающим на подтяжках животом и резко выделяющимся галстуком-бабочкой. Еще Гулд был известным гурманом и даже постил на интернет-форуме «Дон Рокуэлл» под именем Лафит-для-Короля, брюзжа в основном на официантов, что не знают своего места. Еженедельно он по несколько сотен баксов просаживал только на обеды: у него имелся постоянный столик в «Централе», и любимым блюдом был гамбургер с омаром.

И при всем при том каждый второй вторник, точно по часам, этот разборчивый гурман отправлялся в «Файв гайз» — замызганную, богом забытую фастфудовскую кафешку. Сеть этих заведений зародилась здесь, в округе Колумбия, теперь же расплодилось по всему Восточному побережью. Гулд неизменно заказывал всего лишь чизбургер... и уносил его с собой в бумажном пакете — в «собачьей радости». Я отнюдь не склонен попрекать кого бы то ни было в столь дикой страсти к булочкам, но что-то в этом, согласитесь, было не то. Из самых крутых ресторанов мистер Гулд остатков трапезы не забирал. Да и несметная куча денег, что он спускал на еду и тряпки, с этим совершенно не вязалась. Разумеется, это вызвало у меня подозрения — и какую-то безрассудность отчаяния. Я словно гонялся за тенью, хватаясь за все, что могло бы меня спасти.

Но теперь от встречи Дэвиса с Гулдом — от «запроса» — меня отделял всего один день. И мне ничего не оставалось, как следовать за Гулдом, цепляясь за свой последний шанс. Я перехватил его на выходе из офиса, когда он — точно по расписанию — двинул в «Файв гайз». Я отправился за ним в кафешку и внимательно проследил за всеми его действиями, проявляя прямо-таки изумительные способности детектива. Коломбо, да и только! И то, как Гулд глядел все это время в стол, и тот факт, что я впервые видел, чтобы в «Файв гайз» дали навывнос такой не заляпанный жиром до полупрозрачности пакет, натолкнули меня на одну догадку. Возможно, это были лишь отчаяние и надежда на удачу. А может, честная жизнь до того стала меня давить, что мне захотелось показать ей кукиш и выкинуть какой-нибудь финт. Как бы то ни было, теперь мне кровь из носу надо было выяснить, что же такое нес Гулд в этом коричневом пакете.

Прямо после ланча он направился в свой клуб — в «Метрополитен-клуб», располагавшийся в массивном кирпичном здании в следующем квартале за Белым домом. Основан он был еще в пору Гражданской войны, и, начиная с Линкольна, всякий, за несколькими исключениями, президент являлся его членом. Этаким центром светской жизни для представителей казначейства, Пентагона и крупного бизнеса. Народ из более либеральных гуманитарных сфер — ученые, писатели да журналисты — кучковался вокруг «Космос-клуба», что на Дюпонсеркл. Членство в «Мет-клубе» было безоговорочным доказательством важности чьей-то персоны, а поскольку я был никем — пришлось импровизировать.

Гулд прошагал через вестибюль, миновав стойку администратора, и повернул влево, к гостиним. Я попытался было последовать за ним. Тут же бодрая четверка стюардов, коренастых южноазиатов, слонявшихся у ресепшена, преградила мне путь, точно кирпичная стена:

— Могу я вам чем-то помочь, сэр?

За секунду я сообразил, что выгляжу все ж таки вполне к месту. Еще на второй неделе моей службы у Дэвиса помощница привела ко мне в кабинет итальянского портного: не принимай, мол, близко к сердцу, но пара добротных костюмов тебе не помешают. Если честно, я в жизни не встречал итальянских портных, полагая, что еще в семидесятые все их конторы переродились в корейские химчистки, —

и вдруг таковой субъект обмеряет мне задницу! На последней примерке он даже расшаркался: «Ах, как чудненько сидит костюмчик!» Так что выглядел я натуральным членом «Метрополитен-клуба». Это дало мне еще полсекунды, чтобы симпровизировать с этими новоявленными гуркхами.^[15]

Я быстро оглядел плакаты и фотографии на стене за стойкой, оценивая, кто из вывешенных там особ является всеми признанным титаном правительства или индустрии. Некий Брекинридж Кэссиди показался мне экземпляром достаточно преклонного возраста (на плакате значилось «1931—...»), чтобы не присутствовать здесь, в клубе. Я даже надеялся, что он вообще на этом свете не присутствует, — может статься, у клуба просто не нашлось времени, чтобы внести в плакат пометку о его кончине.

Я сверился с часами и, как мог искуснее, изобразил из себя аристократа.

— Скажите, а Брекинридж Кэссиди уже здесь? — важно спросил я.

— Адмирал Кэссиди еще не приехал, сэр.

— Вот и славно. Мы условились с ним о коктейле. Я подожду в библиотеке.

Я прошагал в клуб, и... ничего. Никто не погнался за мной, никто не схватил за воротник, не сцапал за ремень. Увы, Кэссиди был жив. И не просто жив — он оказался еще и адмиралом, а значит, мог возникнуть тут в любой момент. Я занял место в гостиной — и вскоре заметил, что один из стюардов взглядывает на меня едва ли не ежеминутно. В клубе был сделан открытый дворик с красивой двойной лестницей. Вообще, все, что здесь имелось, — лепнина вдоль стен, сорокафутовые коринфские колонны, тихие служки при каждой двери — не оставляло сомнений: здесь обитают сильные мира сего.

Я даже как будто успел заметить Гулда в бельэтаже — но тут, оглянувшись к стойке администратора, увидел, как стюард показывает в мою сторону и что-то говорит весьма озадаченному мужчине очень грозного вида.

Адмирал Кэссиди! Пора делать ноги.

На втором этаже я выхватил взглядом затылок Гулда и устремился за ним вниз по лестнице. Судя по слабому запаху хлора и визгливому скрипу резины по деревянному полу, направлялся я к спортзалу. Затем

увидел соответствующую табличку. Разумеется, там играли в сквош — официальное времяпрепровождение всех шишек в округе Колумбия.

Вслед за Гулдом я зашел в раздевалку. Околачиваться возле компании полуголых правителей мира сего можно совсем недолго — лишь до того момента, пока не вызовешь у них вполне объяснимое недоумение. А потому я шустро разделся, обернулся полотенцем и нашел себе уютное местечко в сауне между главой Объединенного комитета начальников штабов США и очень словоохотливым мужичком, которого я не узнал, но скоро вычислил как финансового директора корпорации «Экксон Мобил».

Через окошки сауны я не видел, чтобы Гулд прошел мимо, а потому решил, что насиделся достаточно, и отправился к раздевалкам. Все шкафчики были красного дерева, с именными латунными табличками, указывающими на своего владельца. Я нашел шкафчик Рэя Гулда — прямо напротив Генри Дэвиса. Пользоваться замками в таком месте, как «Метрополитен-клуб», было бы полной глупостью — разве что кому приспичит спереть часы «Ролекс», подменив их часами от «Картье», — и только у Рэя Гулда висел замочек фирмы «Сарджент и Гринлиф». Такими вот железяками в Министерстве обороны любят скрывать свои секреты — а Гулду, похоже, надо было запрятать свою недоеденную картошку фри.

Никогда не знаешь, в какой момент ты пересек грань дозволенного. Когда я это сделал? Выслеживая Гулда? Или когда соврал стюарду? Или когда скользнул в шкафчик для гостей спортзала в дальнем углу раздевалки? Или когда я проторчал в нем несколько часов, пока не услышал, как прокашлялся в дверях последний посетитель, пока не увидел сквозь вентиляционные отверстия, как погасили свет, и до меня донеслось, как захлопнулась дверь, пустив по кафельным стенам эхо, и провернулся ключ в замке?

Как бы то ни было, теперь я точно знал, что перешел границу. И совершил я вовсе не грабительский налет на школьную витрину. Я представил типов из Трехсторонней комиссии, которые частенько сюда навдывались, — едва ли они по-доброму воспримут мое бессовестное вторжение. Однако по некоторым причинам я не испытывал внутренней потребности послать все это к чертям, оставшись на тропе честности, с которой я не сошел, оказавшись перед открытым сейфом в «Барлее». Что-то все же было такое в солидном прикрытии фирмы

Дэвиса! Как будто мои сомнительные средства теперь имели вполне законное обоснование. Да, я хитростью прорвался в клуб — но если правильно раскину карты, то, возможно, сумею в дальнейшем обернуть свое нынешнее вторжение реальным принятием в этот мир.

Или, может, за пять-шесть часов сидения в проклятом шкафчике я успел себя уболтать?

За полчаса до полуночи я решил, что теперь я уж точно в безопасности, и выбрался наружу. Вскрыть замок «Сарджент и Гринлиф» — по крайней мере, не имея при себе жидкого азота — в принципе невозможно. Запертый до утра в цокольном этаже, я имел предостаточно времени, чтобы измыслить другие варианты. Шкафчик Гулда граничил задней стенкой с другим шкафчиком, открытым и пустым. Тот, кто все это строил, определенно думал не о безопасности, а о внешнем лоске и витиеватой резьбе по красному дереву. Вроде бы какой пустяк — выкрутить тридцать шесть шурупов! Но сказать это куда проще, нежели сделать, когда ковыряться вынужден пальцами да кончиком ключа.

Возился я пять часов. От этого занятия кончики пальцев покраснели и опухли. Всякий раз, когда в старых стенах разносился громкий скрип или я видел у входа в раздевалку внезапный проблеск света, я нырял в безопасное укрытие шкафчика. Я знал, что эти вертящие миром типы любят просыпаться ни свет ни заря. В «Группе Дэвиса», к примеру, неизменно предлагали завтрак в шесть утра — сами понимаете, после сквоша. Когда сквозь цокольное окно начали просачиваться в раздевалку предрассветные голубоватые сумерки, у меня уже выступил пот. Наконец послышалось знаменующее приход стюарда бряканье ключей, и сердце у меня отчаянно заколотилось, как у крохотной птички колибри. От долгого выковыривания шурупов кутикулы кровоточили. Когда я уже выдернул последний шуруп и выставил заднюю панель, с лестницы донеслись голоса.

В шкафчике у Гулда лежали трусы с защитной «ракушкой» и старая, потертая сумка-даффл для сквоша. В даффле обнаружили двенадцать коричневых пакетов. В сумме сто двадцать тысяч баксов аккумулятными пачечками. Не мудрено, что я не смог его переубедить.

Никогда не возвращайся на место преступления. Это, конечно, хороший совет — но к тому времени, когда я высвободился из

«Метрополитен-клуба» и приехал на работу, у меня уже не было выбора.

Я спросил у Маркуса, где планируется встреча Дэвиса с Гулдом.

— В «Метрополитен-клубе», — ответил тот.

У меня сильно екнуло внутри.

— За обедом?

— За завтраком, — ответил он, глядя на телефон у себя на столе. — Возможно, прямо сейчас.

И вот, воняя потом после ночного бдения у шкафчика, я шуровал по 17-й, а затем по Эйч-стрит в северо-западном направлении под неусыпным оком секретной службы, что следила за происходящим с окружавших Белый дом высоток. Камеры видеонаблюдения понатыканы там на каждом углу. С задней стороны «Метрополитен-клуба» — как раз там, где я выбрался пару часов назад, — полицейский изучал сломанную оконную защелку. В вестибюле было около полудюжины копов и, естественно, давешний стюард.

На меня он поглядел совсем не дружелюбно. Я сообщил ему, что должен повидаться с Генри Дэвисом, и пристроился в библиотеке. Не спуская с меня глаз, он отошел переговорить с копами. С моего места хорошо просматривалась столовая. Размером она была с футбольное поле, так что я не сразу углядел Дэвиса — сидя напротив Гулда, он неспешно намазывал джемом круассан.

Что мне было делать? Выйти на середину клуба, публично обвинить Гулда во взяточничестве, а затем вежливо объяснить и Дэвису, и разным высокопоставленным лицам, и толстошеим представителям городской полиции, что на эту косвенную улику я натолкнулся, выслеживая указанного господина, — причем не просто вломившись в эти благословенные стены, но и беспрепятственно их покинув? Надо сказать, Дэвис при этом беспокоил меня больше остальных. Он предложил мне достойное существование — а я отплатил ему преступлением. Очередной мошенник на его пути. Конечно, это же сидело у меня в крови. И все мои попытки начать честную жизнь были просто большой ошибкой, которую вскоре надлежало исправить.

Я попытался следить за разговором Дэвиса с Гулдом по их жестам и понял, что светская болтовня за столиком плавно перетекает к разговору по существу: Дэвис чуть придвинулся к столу, даже малость

над ним навис. У меня перед глазами происходил «запрос»: «да» или «нет», что решит мою судьбу. Дэвис еще больше наклонился над столом, затем выпрямился... И ничего. Гулд как будто о чем-то задумался. Оба замолчали. Что это значит?

Я так сосредоточенно за ними наблюдал, что не сразу заметил, как уставились на меня двое копов. Я отвлекся на них лишь на мгновение — а когда вернулся взглядом к столику, Гулд изобразил на лице болезненную гримасу и согнул в локтях руки, выставив ладони. Все ясно. Он ответил «нет». Это так же ясно, как то, что достойная, респектабельная жизнь в это самое мгновение от меня безвозвратно ускользала.

И что, черт возьми, мне было тогда терять?

Уже три копа оживленно переговаривались, не спуская с меня глаз. Я выудил из кармана телефон и позвонил в «Метрополитен-клуб». Спустя мгновение у администратора затрезвонил аппарат. Я представился помощником шефа Гулда и сказал, что мне срочно нужно с ним переговорить. Один из стюардов, спешно протопав по шашечным плиткам, прервал беседу Дэвиса с Гулдом.

Едва Гулд покинул столовую, я влетел туда, прошмыгнув мимо копов. Один кинулся было мне вслед и встал в дверях, отрезав меня от выхода.

Дэвис немало изумился, когда я как из-под земли нарисовался перед его столиком. Я наклонился над столом и прошипел:

— Гулд в деле. — И показал ему картинку на своем мобильнике: открытую сумку с пачками купюр.

Дэвис не задал ни единого вопроса, даже в лице не переменился.

— Уходи, — лишь бросил он.

Полицейский был начеку. Он сцапал меня за предплечье, недвусмысленно давая понять, чтоб я не рыпался, и потянул обратно в библиотеку, где нас ожидали другой коп со все тем же стюардом.

— Ты был вчера в этом здании, сынок? — спросил меня детектив в штатском, явно руководивший парадом.

— Да.

— Обожди-ка тут немного.

Полицейские велели стюарду найти номер телефона адмирала Кэссиди. К зданию, вспыхивая мигалками, подъехали еще несколько патрульных машин. Копы обступили меня с боков.

Итак, я прокололся. В голове уже вырисовывался каждый дальнейший шаг: наручники, полицейская тачка, пересыльная тюрьма с очком посреди камеры, толпа всякого отребья, допросы, отвратительный кофе, безразличный государственный защитник, предъявление обвинения. И вот судья взирает на меня так же, как и десять лет назад. Только теперь у меня нет второго шанса. И все наконец увидят, кто я есть на самом деле: прохвост в халявном костюмчике. Из-за синей полиэстеровой стены полицейской униформы я не мог даже разглядеть, что произошло дальше между Дэвисом и Гулдом.

— Я могу быть вам чем-то полезен, господа? — прошелестел у меня за спиной голос Дэвиса.

Стюард под его взглядом сразу скис. Копы малость от меня отступили.

— Вы знаете этого человека? — спросил один.

— Разумеется, — ответил Дэвис. — Он сотрудник моей фирмы. Причем один из лучших.

— А он состоит в знакомстве с адмиралом Кэссиди?

— Я собирался представить их друг другу вчера за коктейлем, но задержался в офисе. Я подумывал ввести этого джентльмена в состав членов клуба. Так что позвольте отрекомендовать: Майкл Форд.

— Рад знакомству, — кивнул стюард. Нетрудно было увидеть, как он весь ошетинился под своей вышколенной улыбкой.

— Взаимно, — буркнул я.

— Так и в чем тут дело? — поинтересовался Дэвис.

— Небольшое недоразумение, сэр, — сказал стюард.

— Тогда, с вашего позволения, господа, мы пойдем.

— Разумеется, — ответил детектив.

При всем своем вежливом обращении Дэвис определенно тут командовал.

Я же наконец получил возможность заглянуть в столовую. Гулд по-прежнему сидел за столом, глядя в кофейную чашку, словно пытался разглядеть там свое будущее. Вид у него был совершенно раздавленный.

— Наверное, тебе лучше уйти, — тихо сказал мне Дэвис с загадочно-непроницаемым лицом.

Я так и не понял, спасло ли мое форточничество наше нынешнее дело и отразилось ли это как-то на моей карьере. Очень может быть, Дэвис спас меня от копов, чтобы самолично меня наказать. Уже развернувшись, чтобы уйти, я услышал:

— В три будь в моем кабинете.

Апартаменты Дэвиса были в самом конце коридора, показавшегося мне в тот день бесконечно длинным. Я понимал, что слегка драматизирую ситуацию, но никак не мог стряхнуть наваждение, раз за разом рисуящее мне последний путь в камеру смертников. До трех двадцати мне пришлось прождать в маленькой прихожей возле его кабинета. Уже почти тридцать четыре часа я был на ногах, и усталость давила на тело, точно свинцовый фартук в кресле у дантиста.

Наконец прибыл Дэвис. Пройдя сразу в кабинет, он пригласил меня войти. Я зашел следом и остановился, едва босс развернулся ко мне у стола.

Некоторое время он буравил меня своим таинственным взглядом, затем что-то извлек из кармана, зажав между большим и указательным пальцем. Это был шуруп, причем досадно знакомый. Прикрепляя на место заднюю стенку шкафчика, я ввернул достаточно шурупов, чтобы она не болталась, а пустые дырки присыпал опилками. Этот, похоже, и был из тех, неприкрученных.

— Ты, Форд, играл в последнее время в сквош?

Я решил не раскрывать рта, покуда не пойму, к чему он клонит. Шеф между тем стоял, неторопливо вертя между пальцами шуруп. Внезапно Дэвис подбросил его в воздух. Я поймал шуруп в футе от груди.

— Гулд ответил «да», — сообщил шеф.

— А полиция?

Дэвис только отмахнулся.

— Да, и насчет адмирала тоже не беспокойся. Старик в последнее время малость тронулся — представляется собственному отражению в зеркале.

— Прошу меня извинить...

— Забудь. Я б, конечно, не стал выкидывать таких безбашенных фортелей, но самое главное, что Гулд дал согласие. А это — пятьдесят

восемь миллионов долларов.

— Пятьдесят восемь? — охнул я.

Он кивнул.

— На этой неделе я подписался еще на нескольких субъектов.

— А что с Гулдом? Вы обратитесь к генеральному инспектору Министерства торговли или в полицию?

Дэвис помотал головой:

— Девяносто девять процентов таких дел кладут под сукно. Конечно, если бы в той сумке оказались куски тел, был бы совсем другой разговор. Но, видишь ли, как ни печально, в этом городе «подмазыванье» на каких-то сто двадцать штук баксов — сушая мелочь. Хотя я очень рад, что ты их нашел.

— И как вы его обработали? Пригрозили, что выведете на чистую воду? Это пахнет... — Я замялся, подбирая подходящее слово.

— Шантажом?

— Нет, сэр! Я вовсе не это...

— Что ты! Ты, парень, нисколько не задел моих чувств! — довольно хохотнул Дэвис. — Шантаж — всего лишь грубоватое, упрощенное наименование того, чем мы на самом деле занимаемся. Хотя это, я б сказал, свежая и очень прямолинейная альтернатива. Только вообрази! Ты показываешь некоему деятелю фотографию, где он в мотеле жарит раком какую-нибудь шлюху, и требуешь: давай-ка немедленно проводи кампанию финансовых реформ, а не то тебе крышка! — Он сделал паузу, как будто всерьез над этим раздумывая. — Все же, думаю, это чересчур откровенно. Нет, Гулд хороший мужик, и надо-то было всего лишь ему сказать: слышал я, дескать, что вляпался ты, парень, по самые уши, да намекнуть, что можешь помочь ему избежать неприятностей. Как правило, тут и говорить-то больше ничего не надо — он и так сразу начинает к тебе прислушиваться, с тобой соглашаться. Люди не прибегают к силе, желая остаться в тени, — по крайней мере, до тех пор, пока это согласуется с их интересами. И в выигрыше обе стороны. Как правило, субъект уничтожает ту дрянь, на которой его поймали, гораздо быстрее, нежели до нее доберется расследование должностных злоупотреблений. А мы взамен получаем нужную нам стратегическую линию. Так что их дурное поведение мы используем самым что ни на есть наилучшим образом.

Я стоял у окна, держа в распухших пальцах маленький шурупчик и молча его разглядывая.

— Просто ты слишком неожиданно столкнулся с жесткой игрой, Майк. В газетах такого не вычитаешь. Но именно так делаются дела. Надеюсь, ты уже отошел?

Мне не казалось это правильным. То, что Дэвис мне вещал, вызывало какое-то необъяснимое отвращение. Так бывает, когда долгое время к чему-то всей душой, неистово стремишься — и вдруг шарахаешься в испуге, когда наконец-то можешь это желаемое получить. Или, может быть, мне просто хотелось разделить все на черное и белое? Ведь я желал достойной жизни без всяких там серых лоскутков. И вот теперь я обнаружил, что то, к чему я так стремился, оказывается, тесно сопряжено с тем, от чего я убегал.

— Кое-что, думаю, вам следовало бы знать, сэр. Я хочу, так сказать, полностью раскрыть карты... Это связано с моим давним преступлением...

— Я знаю о тебе все, что мне необходимо знать, Майк. И нанял я тебя, ты знаешь, не вопреки этому, а рассчитывая извлечь из этого пользу. Ну что, ты по-прежнему в команде? — Он протянул руку.

В окне за его спиной виднелась изломанная небесная линия столицы. «Все царства мира и слава их».

— Да, сэр.

И мы пожали друг другу руки.

— Вот и хорошо, — сказал он. — С этой минуты можешь звать меня Генри. А то, когда ты называешь меня сэром, я чувствую себя инструктором по строевой подготовке. Да, и скажи риелтору, что поселишься в том чудном местечке в районе Ингвуд-Террас.

Тот самый дом в Маунт-Плезанте!

— Пожалуй, я все-таки воздержусь. Сниму пока что-нибудь подешевле, подкоплю немного денег...

— Снимешь? Если тебе нравится этот дом — купи его себе. Пойми, наконец, Майк, ты больше не будешь нуждаться в деньгах.

— Да, но у меня остались кое-какие долги. За учебу, например. Может, сейчас не самое...

— Вот гражданский иск против коллекторской службы Креншоу, — подвинул он ко мне лежавшую на столе папку. — Готов к подаче. Обвинение будет выдвинуто в среду. Мы порвем их как тряпку.

И он подвел меня, еще не до конца въезжающего в происходящее, к французским дверям.

— Наставником твоим по-прежнему будет Маркус, но теперь я хотел бы представить тебя остальной компании.

Он распахнул дверь в свой роскошный конференц-зал, который дал бы сто очков вперед даже выпендренному «Метрополитен-клубу». Там меня ожидали директора фирмы — наивлиятельнейшие персоны округа Колумбия.

— Прошу внимания, господа. Я хочу представить вам нашего нового старшего сотрудника Майкла Форда.

Собравшиеся шишки заплодировали, затем все по очереди пожали мне руку и похлопали по плечу. У Дэвиса я работал всего четыре месяца — с мая по август. Кто-то обмолвился, что в истории фирмы это самое резвое восхождение по служебной лестнице.

Дэвис поднял руку, и в зале воцарилась тишина.

— А теперь давайте-ка отсюда выбираться, — прошелестел он своим еле слышным голосом. — Увидимся через полчаса в «Брассери-Бек», у нас там заказан банкетный зал.

Напоследок еще раз меня поздравив, директора потихоньку покинули конференц-зал. Дэвис же проводил меня на второй этаж в мой новый кабинет — красивый и уютный, как оксфордская библиотека.

— Займешь его в понедельник, — сказал он.

Я тут же оценил расстояние до кабинета Энни Кларк — не более пятидесяти футов. Поймав мой взгляд, Дэвис слабо улыбнулся, но не проронил ни слова. Мужик явно знал толк в средствах воздействия.

— Чего ты еще хочешь, Майк? Назови.

Я растерялся. Я получил все, на что нацеливался. Достойную жизнь, хорошую работу, уважение. И даже больше — о чем я даже не мечтал. Выслеживая Гулда, я чересчур увлекся — такого азарта я не испытывал уже долгие годы, с тех самых пор, как отказался от грязных делишек. Причем Дэвису это вполне даже понравилось: честная работа и не очень-то честные замашки, которые всегда останутся при мне. Здесь я могу быть весьма востребованным человеком — и мне не придется скрывать свое происхождение.

— Я на самом деле счастлив, сэр. Я и так слишком много получил.

— Так все же? — не отступал он.

Я прекрасно понимал, что Дэвис не просто упражняется, пытаюсь меня раззадорить. Он говорил вполне серьезно.

С минуту я молчал, не отваживаясь поймать его на слове.

— Не знаю, правильно ли... — выдавил я наконец.

Он, наверно, решил, что я судорожно прикидываю в уме вполне выполнимые запросы: «Мерседес-бенц SLK-230», личная уборная в офисе... Однако то единственное, о чем я мог сейчас думать, было куда замысловатее, поскольку я скрывал это очень долго, и, сказать по правде, какая-то часть меня этого вовсе не желала.

— У меня есть отец... Он...

— Я знаю про твоего отца.

— Он подал прошение об условно-досрочном освобождении. Шестнадцать лет он отсидел, и восемь еще осталось. Вы можете помочь его оттуда вытащить?

— Я сделаю все, что смогу, Майк. Все.

Глава третья

Вскоре после моего повышения меня стали назначать на те же дела, над которыми работала и Энни Кларк. Я уж начал думать, не стоит ли за этим сам Дэвис. Хотя наша совместная работа едва ли походила на известную игру «Семь минут в раю».

Теперь мы оба являлись старшими сотрудниками, но все же в каждом проекте руководила она. В фирме Энни работала уже четыре года, и поговаривали, что она метит стать первой женщиной-партнером. Она много времени проводила с Генри один на один, что в конторе воспринимали как неоспоримое доказательство ее влияния.

В «Группе Дэвиса» витал осязаемый дух мужского соперничества, что сильно напоминало мне семинары в Гарвардской школе права. Однако Энни Кларк умела выбиться в лидеры, причем делала это очень сдержанно, с бесстрастным юмором — и очень качественно. А притом насколько она была привлекательна, это создавало просто убийственный эффект. И — увы для меня! — это была не та красotka, с которой можно просто флиртовать. Многие наши ребята боялись ее до полусмерти.

Проработав бок о бок столько часов, мы пришли к прекрасному взаимопониманию и сделались добрыми друзьями-коллегами. И нередко, сидя в конце конференц-зала уже в одиннадцать вечера и в последний раз проверяя отчет для клиента, я словно улавливал исходящие от нее флюиды. От нее катилась такая волна тепла, что казалось самым естественным придвинуться к ней ближе, коснуться ее руки, плеча, заглянуть ей в глаза. У меня появлялось странное чувство, будто Энни чего-то ждет, словно испытывая меня на смелость.

Я бы с легкостью повелся на это свое заблуждение, для меня это было суровое испытание на прочность. Однако теперь, когда я наконец пробился к хорошей жизни, работая в «Группе Дэвиса», мне казалось не самой лучшей затеей приударить за женщиной, которая не то чтобы была моим начальником, но определенно стояла выше по служебной лестнице и являлась приближенным лицом самого Генри. К тому же нас постоянно поджимали сроки и всегда окружали коллеги — и на все это мне было совсем не наплевать.

И все же мой интриганский мозг не мог не раскаляться докрасна, изобретая все новые способы свести нас вместе. Однако Энни первая поймала меня. В подвале здания фирмы располагался спортзал. Открываешь ничем не примечательную дверь в углу подземного паркинга — и вдруг оказываешься в невообразимом фитнес-центре, занимающем больше гектара площади, где поблескивают всевозможные новенькие тренажеры, горят телевизионные панели и тебя поджидают аккуратно сложенные спортивные костюмы с логотипом «Группы Дэвиса».

Около полуночи или в час ночи, когда уборщики уходят и здание фирмы пустеет, а ты все сидишь за работой и оттого, что долго пялишься в монитор, начинаешь уже сходить с ума, спортзал — это просто рай.

Однажды ночью, спустившись в спортзал, я решил размяться после шестнадцатичасового сидения перед компьютером. Вся скопившаяся за это время энергия плеснула из меня наружу, и я, похоже, немного перебрал, упражняясь на беговой дорожке, подтягиваясь, отжимаясь, вскидывая штангу, потея, задыхаясь — и при этом врубив на полную громкость айпод. Изматывал я себя всевозможными нагрузками буквально до самозабвения.

За тот порядочный срок, что я проработал у Дэвиса, я не встречал там ни единого человека в такое время. В самом деле, это ж каким надо быть маньяком, чтобы на рассвете таскаться в служебный спортзал. Да ладно — какие уж там оправдания! В разгар тренировки известная песня Ареты Франклин «Respect» вдруг всплыла среди свалки музыки в моем айпode, и я, не удержавшись, заголосил во всю силу легких, пританцовывая среди тренажеров. Эндорфины, черт бы их побрал!

Не обращая внимания ни на что вокруг, я уже выводил кульминацию песни:

О-о-о, твои поцелуи-и,
Они слаще меда-а
И дороже всех денег!
И все, что мне надо-о,
Когда ты приходи-ишь...

...когда вдруг в десятке шагов увидел Энни, с напускной безучастностью занимающуюся на эллиптическом тренажере. Уже второй раз она подкралась ко мне незамеченной!

Я замер на самой середине рулады: «Подари-и же мне это!»

Энни изобразила вежливый аплодисмент.

— О-о, мой мальчик! — закончил я.

Энни подошла ко мне, заглянула в экран айпода:

— Неужто Арета? Вот уж чего никак от тебя не ожидала.

— Чего? — удивился я.

— Такой душевной музыки.

— Ну извини.

— В смысле, именно соула не ожидала, — попыталась объяснить она. — В общем, такого саундтрека я как-то не ждала услышать, когда ты тут... Кстати, что это ты отработывал тут на полу?

Упражнение это называется «бурпи», но я вовсе не собирался просвещать Энни на сей счет.

— Ничего. У меня, кстати, много есть соула.

— Хочу заметить — потрясающе двигаешься.

— Спасибо. — Я затаил дыхание. Сейчас или никогда. — Слушай, может, встретимся как-нибудь вне работы? Ты что делаешь на выходных?

— Я занята, — нахмурилась она.

Еще не поздно спасти ситуацию.

— Жаль. Ну, может, в какой-то другой день?

— На самом деле, было бы неплохо. — Она накинула на шею полотенце. — Кстати, а как ты относишься к пешему туризму?

Даже если б она спросила, увлекаюсь ли я охотой за металлами, я бы, разумеется, ответил «да».

— Положительно.

— Мы с друзьями собираемся в субботу за город. Присоединяйся, если свободен.

И вот я карабкаюсь по гранитным валунам в парке Шенандоа. Впереди меня в туристских ботинках и шерстяных гетрах, навевающих стойкое ощущение, будто я очутился где-нибудь в Швейцарии, пыхтит Энни.

Всякий раз, когда я пытался представить ее вне работы, воображение рисовало мне сцены великосветской жизни с высокопарными беседами и вальсами. И теперь я не мог избавиться от удивления, когда Энни Кларк — голубая кровь, с Йельским университетом в резюме — вела меня по сказочно живописным местам к купальне в горной впадине.

Друзья Энни сказали, что вода, должно быть, чересчур холодная для плавания, она же пожала плечами и вопросительно посмотрела на меня. По мне, так пусть хоть там Северное море!

И вот мы вдвоем двинулись вниз. В узком ущелье, пробившем древние леса, падал с сорокафутовой высоты водяной каскад. Стояло начало сентября, и было еще довольно-таки тепло, но вода там оказалась просто ледяной. Энни разулась, стянула футболку с длинными рукавами, оставшись в спортивном топе и шортах, и прыгнула в воду первая. Даже сейчас, вспоминая, как она скользила тогда в прозрачной воде, как улеглась потом на берегу, как по ее гладкой коже скакали солнечные зайчики, потому что ветер качал над ней ветви деревьев, у меня замирает сердце.

Я разделся до трусов и тоже прыгнул в купальню. Будь Энни сиреной, я бы с радостью последовал бы за ней под воду, даже не рассчитывая вернуться на берег. Хотя я и не надеялся, что она позвала бы меня за собой.

— Хочешь пройти под водопадом? — спросила Энни, когда я выбрался на берег рядом с ней.

— Конечно хочу, — ответил я вместо мелькнувшего в голове: «Слушаюсь!.. Ах ты господи...»

— Там может быть немножко страшно.

— Думаю, обойдется. — И в самом деле, что ж такого может быть припасено у прячущейся здесь лесной феи, что меня могло бы испугать?

Энни подошла к крутому склону, образованному двумя огромными — не меньше тридцати футов, — притершимися друг к другу скалами.

— Сюда, — показала она на то, что и расселиной было не назвать. Трещина в камне! А внутри — непроглядная темень.

Энни втиснулась в эту щель и поползла во мрак. Я последовал за ней. На протяжении восьми футов было вообще ничего не видно.

Щель оказалась ужасно тесной: от стенок отражалось дыхание, и очень отчетливо слышалось, как наверху шумит водопад.

— Поворачивай сюда, — сказала она во мраке, точно бесплотный дух.

Я пошарил в темноте — девушка взяла меня за руку и провела мимо острого каменного выступа.

Мы оказались в глубоком кармане в толще горы. Откуда-то сверху капала вода и струилась у меня по лицу.

— А теперь — вниз!

Земля точно уплыла из-под ног, и я по пояс ухнул в ледяную воду. Потолок пещеры пошел вниз, водоем сделался заметно глубже — и вскоре осталось всего на фут воздушного пространства. Разом накатили приступ клаустрофобии, страх утонуть. Надо заметить, на флоте мне довелось немало посидеть в трюмах без единого иллюминатора, и я задыхался даже на самых лучших судах нашего военно-морского учебно-тренировочного центра на Великих озерах.

Я только успел подивиться, сколько же храбрости у этой женщины, и тут ее приятный голос сообщил:

— Отлично. А теперь мы нырнем и проплывем подводным тоннелем. Он небольшой, всего двенадцать футов, а потом тебя подхватит потоком и вынесет в пещеру под водопадом.

— Ну-у... хорошо.

Ничего себе — хорошо! Я не настолько горд, чтобы не признать: звучало это предложение чертовски жутко.

— Ты мне доверяешь?

— Все меньше и меньше.

Она рассмеялась.

— Просто удержи дыхание и не противься течению. Готов? Пошел!

Услышав напоследок, как она набрала воздуха, я упал в воду. Нырнув глубже, я скользнул вдоль гладких каменных стен. Постепенно меня начала охватывать паника. В ширину тоннель был не больше двух футов — слишком узким, чтобы работать руками, — и полностью заполнен водой. Подвсплыть и глотнуть воздуха там было невозможно. Оставалось только, толкаясь ногами, двигаться вперед. Наконец меня подхватило течением, спустя мгновение сбоку буквально ударила стена воды. После долгого пребывания в темноте солнце ослепило

глаза, точно фотовспышка. Нас выкинуло с десятифутового ската в воздух, и мы плюхнулись в воду в каменном углублении за оглушительно рокочущей стеной главного водопада. Тяжело дыша и распахнув глаза, мы поднялись из воды. Я так перенервничал и так был рад спасению, что сгреб свою спутницу в медвежьи объятия и выкрикнул:

— Ох ты, едрическая сила, здорово-то как!

— Правда?

Я, надо думать, не единожды помянул эту самую силу, пока до меня наконец дошло, что мы с Энни оказались в гроте. После смертельного броска нас обоих колотил адреналин, и едва ли это было подходящее время для решительных действий — чрезмерной пылкостью я мог легко разрушить любую надежду завоевать девчонку своей мечты. Но все же... В гроте... под водопадом... Разве мог я удержаться?

Мы посмотрели друг другу в глаза. Ничего в ответ — ее взгляд не был ни отталкивающим, ни призывным. В нем не читалось ни дерзкой храбрости, ни торжества. Я придвинулся к ней ближе... еще чуть ближе... Ничего. Энни ни потянулась ко мне, ни отпрянула. В глазах — стопроцентная непроницаемость!

Держи себя в руках, парень!

Я сократил расстояние между нами наполовину. Потом на три четверти. На девяносто процентов... На девяносто пять...

Когда ты уже на полпути к поцелую, когда еще пара дюймов — и ваши лица соприкоснутся, все же ожидаешь, что более или менее приличная девушка должна подать хоть какой-то знак — то ли тебе использовать свой шанс, то ли убираться восвояси.

Ничего. Никакой реакции. Такое я встречал впервые.

Я чувствовал себя точно между линиями фронта — ничем не защищенным и без малейшей надежды на чью-то помощь. Я вовсе не собирался овладеть мисс Энни Кларк без хотя бы ничтожного, еле заметного знака поощрения с ее стороны.

А потому остановился — в дюйме от наслаждения. Ставка была слишком высока: девушка, о которой мечтаешь, с которой каждый день видишься на работе и так далее... Я отстранился. Энни по-прежнему смотрела на меня. Все с тем же совершенно непроницаемым лицом.

— В таком романтическом месте очень трудно удержаться, чтобы тебя не поцеловать.

— Я бы вернула тебе поцелуй, — произнесла она. — Мне просто любопытно было посмотреть, как далеко ты можешь зайти.

Вмиг обмыслив ее слова, я провел пальцами по волосам у нее над ухом, нежно обхватил затылок и поцеловал ее — пронизывающим все тело, вырывающим из земного бытия, уверенным, властным мужским поцелуем.

Уже поздним вечером, когда Энни подбросила меня до дома, я, прощаясь, спросил, когда мы увидимся снова.

— Посмотрим, — ответила она и усмехнулась. — Я, знаешь ли, стараюсь не гадить, где кушаю.

Но все равно у меня от счастья кружилась голова. Я до сих пор не мог поверить, что так быстро сблизился с Энни. В уме никак не увязывалась та девчонка-оторва, шастающая по горам, с рафинированной вашингтонской фифой, которую я знал по работе. Так легко и естественно между нами случился роман — и заканчиваться он явно не собирался.

Поначалу, как принято, мы назначали свидания, и я пытался всячески ее обворожить: мы дегустировали разные кухни и вина, ходили после работы в «Собрание Филлипса»^[16] с непременно коктейлем в музейной кафешке. Но, к удивлению, очень скоро мы превратились в стабильную, нагулявшуюся по свиданиям пару. Когда не было срочной работы, мы могли все выходные бродить рука об руку по живописным окрестностям вблизи моего дома, или по полдня сидеть, болтая обо всем на свете, в каком-нибудь кафе, или читать рядышком на террасе. Нам ни на миг не хотелось расставаться. Я с огромным удовольствием наблюдал, как она оккупирует мою ванную, мало-помалу — то зубной щеткой, то флаконом с шампунем, — столбит отвоеванное пространство. Мое жилище было больше, чем ее, к тому же гораздо ближе к работе, а потому ей не было нужды каждый вечер возвращаться в свое однокомнатное пристанище в Гловер-парке. Как и в большинстве апартаментов вашингтонских трудоголиков, в ее квартире был минимум мебели и целые стопки нераспакованных коробок по кладовкам и шкафам.

Однажды вечером, месяца три спустя после того первого поцелуя, Энни приехала ко мне прямо с работы, прихватив тюк одежды из химчистки возле офиса. Мы поздно поужинали и устроились на диване почитать. Я сидел с краю, она же вытянулась, положив ноги на подлокотник, а голову — мне на колени, и я гладил ее по волосам. Через некоторое время Энни отложила книжку и, кивнув на свои костюмы, что висели в пластиковых пакетах на дверной ручке кладовки в передней, спросила:

— Ты не против, если я их оставлю здесь? Это будет проще, чем каждую ночь убегать домой переодеться.

Я задумчиво посмотрел на ее одежды. Все это время я что было сил старался не испугать ненароком свою подругу, выпалив фатальное: «Выходи за меня замуж», что просилось на язык всякий раз, как она заглянет мне в глаза. Я надеялся, мы с каждым днем будем все ближе и ближе друг к другу, что нам все комфортнее будет вместе — и в один прекрасный день я смогу захватить ее без долгого и сомнительного выяснения наших взаимоотношений. Наконец мой план сработал. Это был один из немногих моментов, когда я считал за лучшее промолчать. Хотя, сказать по правде, я влюбился в нее безумно и был бы беспредельно счастлив, если бы Энни перебралась ко мне в первый же день.

— Мне бы не хотелось тебя как-то стеснять, — произнесла она.

— Ну что ты, — отозвался я. — Ты лучшее, что когда-то случилось в моей жизни.

Я наклонился к ней и поцеловал в губы. Энни пробежала пальцами по моим волосам и посмотрела в глаза долгим, обволакивающим, нежным взглядом, явно обещавшим, что эта наша тихая вечеринка в гостиной вот-вот переберется в спальню.

Но тут зазвонил ее телефон. Он лежал на столе, ближе ко мне.

Я глянул на экран:

— Это Генри Дэвис.

— Не возражаешь? — спросила она и как бы невзначай обмолвилась: — Это по делу, очень важно. Я готовлю завтрашний запрос руководителю SEC.^[17]

— Держи, — передал я ей мобильник и мысленно выругался.

Она ответила Дэвису и вышла поговорить на террасу. Около пяти минут она стояла там на холоде.

— Извини, — вернувшись, сказала Энни и виновато улыбнулась. — А теперь... — провела она ладонью мне по груди. — Как насчет...

Я решил это не обсуждать. Просто взял ее за руку и повел наверх, в спальню.

Да, Энни, это работа. Благодаря ей у меня теперь было все, о чем я когда-либо грезил. И казалось, будто все это получилось как-то уж слишком просто. Хотя, конечно же, так оно и было.

Глава четвертая

Добро пожаловать в округ Колумбия, где отнюдь не место для веселых развлечений! Не счесть, сколько раз в первый год моего пребывания в Ди-Си разные субъекты в крахмальных воротничках на пустопорожних посиделках мне говорили: мол, хочешь иметь друга в Вашингтоне — заведи собаку, после чего ухохатывались над своей остротой. Предположительно афоризм этот пошел от Трумэна. Слыша его, я просвещался сразу по двум направлениям: во-первых, в Ди-Си недостаток искусства общения извращенно почитали за предмет гордости, а во-вторых, очередной мой собеседник полагал очень удачной шуткой объявить, что готов нагреть меня при первой же возможности. Зато, по крайней мере, честно.

Обзавестись друзьями в столице нетрудно — куда сложнее обрести хороших друзей, поскольку там полным-полно неотличимых друг от друга перелетных двадцати-двадцатипятилеток, работающих в тех сферах индустрии или политики, где больше всего ценятся фальшивое очарование и улыбчивая расторопность. Из всех новых знакомцев, что я обрел в округе Колумбия, особенно выделялся Так — работавший у Дэвиса родсовский стипендиат.

Этот парень являлся потомком целой династии госслужащих, давно обосновавшихся в Джорджтауне: дедушка его некогда был директором ЦРУ, отец являлся какой-то шишкой в Госдепартаменте. Родсовец так же быстро, как и я, продвигался по службе в «Группе Дэвиса», хотя, в отличие от остальных наших именитых ровесников, не был одержим ни политикой, ни властью — видимо, потому, что среди этого вырос.

Над парой проектов мы работали вместе. Нередко, засиживаясь вечерами, мы делали короткий перерыв и, чтобы выпустить пары, выходили погонять мяч на газоне перед зданием фирмы. Как-то раз около полуночи Так зафутболил мяч прямо на территорию посольства Сирии. У меня имелся некоторый опыт лазанья через ограды, а потому вернуть обратно мяч было не вопросом. И вот мы на пару вскарабкались на забор и спрыгнули по другую сторону. Пожалуй, только в Калораме можно сбегать за мячиком на территорию

враждебного государства! Едва мы сцапали мяч, как из-за гаража выстрелила вспышка света. Я быстро подсадил Така и сам успел вовремя перемахнуть через забор.

Этот случай нас сдружил, мы начали общаться и во внерабочее время. Знал Так в высшем обществе буквально всех и каждого (ходили слухи, что он спит с дочкой вице-президента) и всем меня представлял.

Когда я только попал в этот город, то думал, что вечеринки там — ого-го! И если хорошей компанией вы нацелились чудесно отдохнуть, все будет просто здорово: друзья танцуют, кто-то целуется на пожарной лестнице, и до самого рассвета все сидят, болтая, у камина. Красота, да и только! Но на вечеринках в Вашингтоне даже двадцатилетние выглядят как разменявшие полтинник скучные женатики: вместо того чтобы веселиться, они *завязывают контакты*.

Как-то раз так решил провести выходной дома с родителями и пригласил меня на барбекю. У них оказалось большое имение в Джорджтауне, с бассейном за домом. Был уже поздний вечер — а пили мы едва ли не с полудня, — и уж не помню, Так или я, но кто-то завел тему о нырянии. Недолго думая, я скинул одежду и, оставшись в одних трусах, прыгнул в воду. Помнится, летя в воздухе, я еще подумал, какая это классная идея: прохладная водичка отлично взбадривает. Но когда я вынырнул в конце бассейна и выбрался наружу — мокрый и одинокий, — я не увидел в воде ни одного купающегося. Только пьяно гудела у другого конца водоема компания, наполовину составлявшая европейский штаб Совета национальной безопасности. Я получил тогда урок: никогда не развлекайся на вечеринке.

Тот случай я как раз припомнил, собираясь нынче на коктейль. Приглашал издатель, парень с хорошими связями по имени Чип. Для меня это был шаг вверх в жестокой конкуренции за право оказаться среди наиболее известных васпов,^[18] о которых я слышал и в Гарварде, и в Ди-Си. (Кстати, приятель мой Так на самом деле, как выяснилось, именовался Эверетт Таккер Штраус Четвертый. Как обычно в частной школе перечисляют по списку богатеньких подготовишек? Берут ужасно занудное имя типа Уинтроп — и укорачивают его до комичного Уинни.)

Всякий раз, подъезжая к парадной двери такого дома, как у Чипа, — а тот обитал возле Военно-морской обсерватории и

британского посольства, в громаднейшем джорджтаунском поместье, — я испытывал давно мучившее меня чувство, что я тут совершенно неуместный тип, этаким чужак-контрабандист. Пока я тянулся к звонку, то успел даже проникнуться ощущением, что я снова тот воришка-тинейджер, который пришел убедиться, что в доме нет ни хозяев, ни собак, и у которого в руке горсть побитых керамических «юбок» от свечей зажигания. (В нашем ремесле их называли «камни ниндзя». Если эти легкие, как орешки, осколки швырнуть в окно, оно разобьется, как от увесистого шлакобетонного блока, но при этом так тихо, будто дождь простучал по стеклу. Волшебная штука!)

Однако те дни остались в далеком прошлом. Когда служанка-филиппинка открыла дверь, я быстро оглядел себя, чтобы увидеть не давние свои холщовые штаны и грязную толстовку с капюшоном, а серый костюм от Канали в тонкую синюю полоску, с идеальной стрелочкой на брюках.

Вы, наверно, мне уже сочувствуете, думая, что на этих светских посиделках с крахмальными воротничками, с четко рассчитанным количеством напитков и со взвешиванием каждого слова, я умирал от скуки? Поначалу — да. Но мало-помалу я узнал, что в этих тихих гостиных царит своего рода веселье. Под невозмутимой гладью беседы, за передаваемыми друг другу закусками и вежливыми смешками идет реальная игра со взаимоукалыванием в уязвимые места, ловлей друг друга на слове, с выуживанием информации, уклонением от обязательств, с посевом зерен соперничества и возвращением ростков сомнений. Невинная с виду болтовня была тут почище корриды. Все зависело лишь от того, кто матадор, а кто бык. И день за днем я изучал искусство этой игры. Конечно, это было не так весело, как сигать в воду под луной, но чем дальше, тем все сильнее меня захватывал азарт этих тихих баталий.

Сборище вашингтонских шишек и светских львов лишь по прибытии устрашает. Но чем глубже я проникала в это гудящее собрание, тем больше видел там знакомых лиц и вскоре уже непринужденно болтал и пошучивал, полностью затерявшись в толпе. Стоял апрель, а значит, я уже десять месяцев жил в Ди-Си, и благодаря «Группе Дэвиса» для меня открылись многие двери. Теперь этот мир аристократов стал обычным моим окружением.

Кстати, нынешняя компания была совсем неплохим итогом моего короткого и счастливого взлета. Здесь, к примеру, в цветнике моложавых дамочек соловьем разливался сенатор Майкл Рёблинг, с убедительной скромностью возглашавший, что «один лишь взгляд этих детских глаз — и никакой не нужно благодарности, достаточно всего лишь спасибо». Разумел он, похоже, Центральный детский фонд, который мы «помогли» ему организовать.

Существуют десятки вполне легальных способов купить политика. «Мягкими деньгами» через комитет политических действий, сбором «твердых денег»...^[19] Перечислять могу часами. Однако для Рёблинга всего этого оказалось недостаточно. Большею частью эти денежки все же уходят на расходы по проведению кампании, которые можно распisać очень щедро — но все равно недостаточно щедро для appetитов сенатора.

Когда он не смог снять свой банк с этой легальной взятки, мы предложили Рёблингу консультации и руководство по созданию его маленькой некоммерческой организации, которая занималась бы всем понемногу: тут и лагеря для малолетних правонарушителей, и поездки в Диснейленд для больных ребятишек, и детский зоопарк с ручными зверьками для умственно отсталых — да все, что угодно. Пожертвования на такую некоммерческую деятельность не лимитируются, они освобождены от любых отчетных препон, что за последнее десятилетие превратило создание фондов в изрядную обузу. Засадив в руководство и штат Центрального детского фонда своих людей, Рёблинг получил возможность тратить на детишек ровно столько средств, сколько велит ему совесть, пуская оставшееся на собственные нужды: непыльная работенка для свояков, конференц-центры возле своих излюбленных мест флай-фишинга,^[20] путешествия по миру с полной компенсацией всех расходов и прочее. Совесть его, надо думать, много не просила.

Может, это и не то дело, коим можно гордиться, но в конце концов детишки (как и «Группа Дэвиса», и я сам) все же получали свою долю прибыли, которую сенатор так или иначе прибрал бы к рукам. Наша фирма просто направила его верным путем в дебрях политики. Я уже усвоил, как делаются дела в округе Колумбия. Честному наивному мальчику здесь точно ничего не выгорит.

Рёблинг тем временем выудил откуда-то фото малыша в инвалидной коляске, показал собеседницам и, глянув на него сам — о неподдельный гуманист! — прям оцепенел в переживании. Одна из дамочек принялась его утешать, он же приобнял ее за плечи. Я поскорее от них отошел, пока меня не вывернуло от этого спектакля.

И так по всему залу: тому надо избавить сына от страшной марихуанной зависимости (бедняжка Уинни был ведь страстным поклонником группы Phish), тот всего-навсего мечтает стать членом гольф-клуба «Сосновая долина», этой требуется отправить своего слабоумного сына в Сент-Альбанс; еще один плачущийся мерзавец имеет жену с гораздо большими претензиями, нежели он в силах потянуть, и теперь продает свою принципиальную позицию касательно билля об иммиграции за возможность заполучить на пятидесятилетний юбилей супруги саму Селин Дион. Там, в сторонке, кучка весельчаков травит анекдоты.

Обычно не трудно бывает выяснить, кто из законодателей, инспекторов, крупных директоров, групп «особых интересов»^[21] или иностранных правительств в чьей поддержке нуждается, кто может эту поддержку предоставить и за какую цену. В половине случаев нам даже не приходилось искать влиятельных субъектов — они сами являлись к Дэвису, зная, что мы отдельными путями разрабатываем сделки между группами, которые ни за что бы не признались, что работают бок о бок. Наша фирма была точно огромный торговый зал, связывавший вашингтонские спрос и предложение и снимавший за свои услуги скромный процент.

Мало-помалу все эти грязные махинации и неприкрытая корысть делают тебя достаточно циничным в отношении всего города и вызывают сильное чувство гадливости, от которого хочется отмыться. Поэтому я немало обрадовался, когда в другом конце зала увидел симпатичного мужчину лет пятидесяти пяти, с пальто и шляпой в руке, чувствовавшего себя явно неуютно среди болтающих между собой «сливок общества».

Это был Малькольм Хаскинс — член Верховного суда и его решающий голос на закрытых совещаниях. Хаскинса крайне редко можно было встретить на вашингтонских светских мероприятиях. Выглядел он совершенно неприятно — вылитый преподаватель-естественник в универе. Он избегал коктейльных посиделок в

Джорджтауне и так ревностно радел о своей беспристрастности, что не мог себе позволить и крабовой котлетки на проплаченном приеме.

Появление этого человека сразу приподняло мне настроение: логроллинг,^[22] которым мы занимались у Дэвиса, был неотъемлемой частью политики — еще со времен «Записок федералиста».^[23] А поскольку я с головой погряз в устройстве этих сделок, мне приятно было сознавать, что есть еще на свете неподкупные люди — и даже целые ведомства, — стоящие в стороне от политической и денежной возни.

Ожидая возле барной стойки, когда освободится место за столиком, я разглядывал вывешенное на стену произведение модернизма — насколько я понял, изображалась там тетка с четырьмя буферами. Откуда ни возмись, рядом со мной нарисовался коричневый кудрявый пес, который принялся с лаем наскакивать на меня то с одной стороны, то с другой. Не то чтобы я не люблю собак — просто стараюсь держаться от них подальше. Я кому угодно могу напустить пыли в глаза, но вот собаки нутром чувуют во мне домушника. Довольно скоро к нам подошла дама с подтянутым лицом и, ухватив зверя за ошейник, одарила меня извиняющейся улыбкой.

В то же время кто-то незаметно подобрался ко мне сзади. Это был Маркус — явно получивший огромное удовольствие от сцены с облаивающей меня собакой, которая все никак не могла уняться.

— Это лабрадудель? — полубопытствовал он у дамочки.

— Шнудель.^[24]

— Милый пудель!

Дамочка потянула скалящегося пса в соседний зал, а Маркус усмехнулся:

— Славная собачка.

— Чем могу быть полезен, шеф?

— На твоих восемь, — бросил он.

Я глянул поверх него и увидел конгрессмена от штата Миссисипи, Эрика Уокера, который в свои тридцать два сделался самым молодым членом палаты представителей.

Вот черт! Маркус высвистал меня на эту попойку, не удосужившись сказать, что предстоит работа. А я-то ломал голову, зачем он меня сюда зовет, — ведь здешняя публика на несколько порядков выше меня рангом. Теперь все становилось на свои места.

— А ты думал, я привел тебя сюда из-за твоей блестящей индивидуальности?

— Я решил — соскучились. — Я оглянулся на Уокера. — Не волнуйтесь, шеф, я уже на поле.

Я направился на просторную веранду, где был обустроен бар, и как бы случайно пристроился по соседству с Уокером. С немалой досадой я пере заказал вместо бурбона «Мейкерс Марк» тоник с лаймом, который полагается употреблять на службе, чтобы не терять бдительность тогда, когда у остальных ее вымывает алкоголем.

Как и ожидалось, получив шлепок ладонью по спине, я обернулся и, обнаружив Уокера, пожал ему руку.

Бык выходит на арену.

— Ну как дела? — спросил я.

— Не жалуюсь.

— Да уж, кому тут пожалуешься!

— Воистину!

Мы чокнулись стаканами.

Коррида!

Я уже несколько месяцев вертелся возле Уокера. По выходным он устраивал у себя покер со средними ставками и любил разделать в пух и перья этих джорджтаунских проституток от благотворительности.

Когда мы с Уокером выпили, я заметил, как в другом конце веранды в дверь вошел Маркус, явно следивший за нами боковым зрением. Шеф постоянно пас меня в деле и в моей растущей дружбе с представителем из Миссисипи играл роль кумушки. Уокер вроде бы ничем не отличался от большинства вашингтонских деятелей, но Маркус следил за ним достаточно долго и знал, что тот любит обхаживать юношей помоложе. Потому-то, собственно, меня на это дело и выбрали.

Уокер был подающим надежды политиком и уже почти присоединился к «пятистам». Это одно из немногих словечек профессионального жаргона в фирме Дэвиса. Обычно я слышал его, когда кто-нибудь из старших ненароком пробалтывался, официально такой термин не существовал. Впрочем, нетрудно было догадаться: это был список из пятисот влиятельных политических фигур — тех избранных, что правили балом не только в пределах Вашингтона, но и в масштабе всей страны. И «Группе Дэвиса» требовалось иметь

прочный контакт буквально с каждым из них. В фирме я неуклонно рос по службе, и в моей работе было все больше риска, больше ответственности — но и все больше был натянут поводок. Уокер стал моим очередным назначением.

Спросите, в чем конкретно заключалась моя служба? Говоря упрощенно, работа, которую я выполнял у Маркуса, сводилась к злоупотреблению доверием.

Через несколько дней после того, как я сделался старшим сотрудником, он привел меня в свой кабинет.

— Не думай зазнаваться, — хмыкнул он.

— Конечно, — ответил я. — Дуракам везет. Мне просто чертовски подфартило прижучить Гулда.

Маркус как будто вздохнул с облегчением.

— Тогда пропущу ту часть, где я должен тебя в этом убеждать. Бизнес наш состоит в том, чтобы изменять чужое мнение. Как, по-твоему, мы этого добиваемся?

— Запускаем в кучу грязных денег?

— Если объект берет. Хотя для большинства это не прокатывает.

Так я начал свое долгое обучение ремеслу. На самом деле это было больше, чем переподготовка. Отец мой промышлял в основном мошенничеством. Его посадили, когда мне было двенадцать, так что я мало чему успел у него научиться: я ловил лишь обрывки разговоров, прежде чем он закрывал дверь, и успевал увидеть мельком фальшивые корочки, прежде он выпроваживал меня из комнаты, даже занеся руку, чтобы мне влупить, хотя никогда не давал выход чувствам.

Тяга к преступлениям передается по наследству — хотя я ни разу не встречал того, кто стремился бы это передать. Как говаривала матушка, все свои темные дела отец совершал лишь для того, чтобы я имел возможность никогда не пойти по его стопам. Но порок расплодится повсюду, пропитывая жилище, точно застарелый запах курева. И как бы ни были хороши отцовские намерения, как бы ни пытался он от нас утаить постыдную сторону своей жизни, мы со старшим братом Джеком вобрали в себя все самое пакостное. И когда однажды отца с нами не стало, уже ничто не могло нас удержать.

Любой среднестатистический подросток сам по себе источник криминального озорства, так что трудно сказать, чтобы мы чем-то

особо выделялись. Все та же садовая пиромания, те же мелкие магазинные кражи и лазанье втихаря по стройкам — обычные дворовые университеты. Компания наша состояла из мальчишек — в основном из отпрысков отцовских приятелей, — и каждый все время норовил других переплюнуть. Если однажды пятнадцатилетний Смайле взял покататься папочкин «линкольн», то на следующий же день Льюис угнал соседский «БМВ». И так всякое дельце быстро обрастало снежным комом. Так что к той поре, когда мне стукнуло шестнадцать, а брату и его приятелям — по двадцать одному, было абсолютно ясно, что большинство из них неуклонно скатываются в бездну криминала. А куда им еще было идти — в «общинный» колледж или разносить еду в «Фуд Лайон»? Нет, конечно! У них уже были свои тачки и подружки, они понемногу пристрастились к наркотикам и втянулись в крупные азартные игры, сулившие легкие деньги, причем без всяких налогов.

Поначалу я пытался от этого отстраниться, поскольку не имел такой маниакальной тяги ко всему противозаконному, как остальные мальчишки в нашей компании. Хотя, когда меня к чему-то подстрекали — прыгнуть с крыши, например, — я куда больше боялся ударить в грязь лицом, нежели сломать себе шею. Но подспудно я все ж таки всегда думал о том, чтобы не разочаровать отца, и только ловил момент, когда приятели с меня «слезут». Страстно желая выделиться, я собирался примкнуть к какой-нибудь «миссии», как мы их называли, так же как нашу шайку мы гордо именовали «командой А». Хотя многие сверстники считали меня скорее чокнутым, нежели вором.

Моей криминальной страстью было разбирать замки, ковыряться в штифтах и «собачках» — это было увлекательно, я занимался этим скорее из любопытства, нежели для дела, и так, минуя учебные лаборатории, я и погружался в настоящий мир знаний.

Отец уже сидел в тюрьме, а брат все больше втягивался в мошенничество и воровство. Возможно, это в нем было от отца. Мне тоже нравился процесс выманивания денег у лохов, но я больше любил логическую сторону этого дела, изящные механизмы обмана, я обожал эту взведенную пружину хитрой мышеловки. Джеку же была свойственна дерзость, которой мне недоставало, — а без этого едва ли кого заставишь раскошелиться. Отец тоже этим качеством обладал в полной мере. Он в любой момент готов был устроить представление:

выйти, к примеру, на середину ресторана и начать вопить, изображая обманутого и униженного в то время, как обман и унижение было собственных же его рук делом. Когда же брат выводил на «сцену» меня, я, пряча трясущиеся руки и боясь все ему испортить, отыгрывал, как мог, свою роль, крича на весь ресторан, что, дескать, дал этому парню полтинник и могу это доказать.

Я рос типичным младшим братом, готовым сделать все, о чем Джек ни попросит. Когда мать заболела, любые угрызения совести по поводу воровства полетели к чертям: без вопросов, надо было что-то делать, чтобы оплачивать счета. И вот однажды вечером — мне тогда было девятнадцать, и я куда лучше владел всевозможными отмычками, чем Джек или его друзья, — брат попросил сделать для него одно маленькое дельце. Я согласился... Это так капитально разрушило мою жизнь, что лишь сейчас, спустя десяток лет, я смог все же выбраться в люди.

И чем больше наставлял меня Маркус, тем больше я осознавал, что новое направление моей работы в огромной степени связано с нашим «семейным бизнесом».

В «Группе Дэвиса» вместо планирования грабежа мы оценивали имущество объекта. «Крючок» сменился «разработкой», прежние «игрок-приманка» и «подсадная утка» сделались «агентами доступа», вместо «взятия кассы» теперь был «запрос», а «хлопнуть цель» или «выпустить пары» означало уничтожение.

Должен сказать, жаргон тут отдыхает. Вместо ямайской разводки, наличных бабок и старого как мир «пороса в мешке» теперь у нас есть статусы типа 501(c)3,^[25] комитеты политических действий и дочерние структуры.

Но при всем знании жаргона мошенников, знакомого мне еще с детства, я понял как факт, что у этих бизнесов одна и та же гнилая сердцевина: оба они состоят в том, чтобы, втершись в доверие к человеку, побудить его что-либо сделать. Отец старался держать меня в стороне от этих дел, полагая, наверно, что его изворотливость поможет мне остаться чистым. И потому, когда Маркус начал преподавать мне правильную теорию мироздания, от которой так оберегал отец, я оказался рьяным, жадным до новых знаний учеником.

Чего стоит один только «рекрутинг людских ресурсов» (на жаргоне Маркуса), проливающий свет на то, чем мы занимаемся. Это ДИКС: Деньги, Идеология, Компрометация/давление и Самомнение. И для достижения наших целей годятся любые средства. На этих четырех пунктах основывалось все, что поведал мне Маркус, и все нюансы того, что Генри Дэвис говорил о рычагах и о получении власти над людьми.

Маркус вывел эти словечки у себя на белой доске и спросил, понимаю ли я их смысл. Я пару минут глядел на его каракули, потом пожал плечами и сказал, что попробую уразуметь.

— Ну, скажем, есть один парень — как бы его назвать... ну, допустим, Генри, — который хочет прижать к ногтю одного олуха по имени Майк, — расхаживал я взад-вперед у стенда. — Самое простое — «Деньги». Майк вырос без гроша в кармане и по уши погряз в долгах. Дальше — «Идеология». Бедняк Майк все еще покупается на всякую бредятину вроде американской мечты горадиоэлджеризма^[26] и верит, что светлые мозги и усидчивая задница пропихнут-таки его в элиту общества. Дальше — «Самомнение»: напускная скромность «синего воротничка»-работяги Майка — всего лишь фантик, под которым скрывается глубокая убежденность, что он лучший парень во всей округе. В довершение всего он несет чудовищный крест из-за своего сидящего в тюрьме отца, да и собственное нездоровое прошлое не пускает его в ту хорошую жизнь, которой он, как никто, заслуживает. Короче, Майк — чертовски удобная жертва.

Это последнее определение Маркуса развеселило.

— Ты кое-что забыл, — заметил он.

— Ах да, «Компрометация»! И что у вас на меня есть, Маркус?

Напустив на себя загадочный вид, он отвернулся и стал вытирать доску.

— Продвижение билля Маккейна-Файнгольда две тысячи второго года о финансировании предвыборной кампании.^[27]

Что ж, не так уж и мало.

ДИКС — эти четыре пункта сделались моей библией.

Деньги — самое откровенное средство, действующее в лоб. И сколько бы мы ни препирались о разных жизненных философиях,

подавляющему большинству людей оно помогает достичь желаемого — если это, конечно, позволяют их достижения и статус.

Идеология заставляет людей поверить в то, что нужно именно тебе. Приятно думать, будто у тебя в руках реальный козырь (и, как объяснил мне Маркус, американцам вообще это свойственно), когда на деле игра скорее идет в минус. Ты никак не заставишь кого-то что-либо сделать, если он сам не докажет себе целесообразность этого поступка. Вспомните, едва ли не в любом кинишке злодей видит в себе героя.

Компрометацией и давлением от кого-то можно добиться нужных результатов. Американцы, как правило, стараются избегать таких подходов: игра в компроматы якобы не по правилам (янки-то полагают, что кого угодно возьмут деньгами или идеологией!), но вот для русских и китайцев это гарантированный хлебушек с маслом.

Самомнение играет на убеждениях тех людей, которые были как-то обмануты жизнью. Они ведь умнее, чем все остальные, или гораздо больше вкалывают, чем другие, или куда честнее прочих, а потому заслуживают и работы попрестижней, и денег с уважением побольше, и супруги покрасивше, да и много чего еще. И таких людей, пожалуй, 99,9 процента населения.

Нетрудно заметить, что многие положения Маркусовой теории — и о русских с китайцами, и об «агентах доступа», и об «уничтожении» — звучат как-то жутковато применительно к работе в сфере государственных дел. Прежде я полагал, что лоббирование — это своего рода возня за местечко у кормушки. Да и насчет самого Уильяма Маркуса, человека без прошлого, у меня теперь зародилось смутное подозрение.

Однажды я решил это подозрение подтвердить. Маркус вышел покурить за домом, что мне, конечно, следовало бы воспринять как знак с ним не связываться, потому что «Кэмел» он распечатывал, лишь когда бывал сильно не в духе. Я подобрался к нему сзади так тихо, как только мог, — перекатом с пятки на носок, как учили на флоте, когда натаскивали снимать часового (хотя не скажу, чтобы я много часов потратил на ликвидацию караульных, — из службы большей частью мне запомнилось то, как я раз за разом пересматривал «Восьмую милю» и как пытался уснуть, несмотря на доносившиеся со всех сторон звуки мастурбации).

Я знал почти наверняка, что сейчас произойдет, и даже не ожидал, что подберусь к Маркусу так близко, — и все же молниеносность его действий меня сразила. Только я с коварной физиономией подступил к нему на цыпочках — и в следующее мгновение, словно из кино вырезали несколько секунд, я уже лежал, уткнувшись мордой в гравий, а Маркус стоял надо мной, цепко держа мою ладонь между большим и указательным пальцем. Он вывернул мне руку под таким жутким углом, что малейшее движение — даже дыхание — причиняло страшную боль, и, задыхаясь, я решил признать поражение. Я покосился на него снизу вверх — с кислой миной на лице, с безвольно свесившейся изо рта сигаретой, Маркус подвергал меня невыносимым мукам таким легким движением пальцев, словно переключал каналы на пульте телевизора.

Наконец он отпустил мою руку.

— Прости, дружище. Напугал меня.

— Ничего страшного, — сказал я, стараясь не показать, как болит наливающаяся краснотой рука от кисти до плеча. — Пожалуй, я все уяснил, что хотел.

— Вот и умница.

Я поднялся на ноги.

— Так кем, говоришь, ты работал до «Группы Дэвиса»?

— Торговым советником.

— А, ну разумеется.

А чего еще я хотел от бывшей церэушной шишки — крутого дядьки, у которого все есть? Я чертовски вовремя начал делать для себя выводы и набираться ума-разума.

Генри Дэвис очень ловко привлек к работе престарелых шпионов, используя их давнишние навыки по вербовке граждан Страны Советов для обрабатывания наших нынешних политиков. И это объясняло многие жаргонные словечки Маркуса. На флоте у нас немало крутилось ребят из разведслужбы, но я ни разу не встречал ни одного действующего кадра из особого отдела спецназа ВМФ США. Так что брать уроки у Маркуса казалось для меня круче некуда.

Однажды я спросил у него:

— А ты когда-нибудь научишь меня каким-нибудь фишкам... Ну, знаешь...

— Кривляться, что ли? Или как убивать людей конвертом и всякой такой хрени?

В общем-то, примерно это я и имел в виду.

— Нет уж.

Вместо этого он вручил мне журнальчик со статьей «Адаптивный и не поддающийся адаптации нарциссизм среди политиков» и конспект по психологии на двенадцать страниц. Потому что все виртуозные фишки годились лишь для развлечения публики — этикие фокусы для вечеринки. На самом же деле в моей работе требовалось великолепное знание человеческой природы и железное терпение — и для подготовки материала, и в выслеживании «жертвы».

Что касается Уокера, то было ясно, что до меня кто-то уже неплохо поработал над этим членом палаты представителей. Еще до нашего знакомства я узнал о нем из психопрофиля, что выдал мне Маркус: какие у него игорные предпочтения, какие из обсуждаемых в Джорджтауне вопросов он «поддержал», с кем якшается, что у него за хобби.

Маркус спросил, как я собираюсь взять под контроль Уокера.

— Ожидаешь, что великий форточник опять надыбает ценную информацию?

— Ну уж нет!

— Какие тогда предложения?

— Заделайся к нему в друзья.

Маркус выдал мне полторы тысячи баксов мелкими купюрами и отослал меня знакомиться с Уокером. И никакого тебе яда, никаких браш-пасов^[28] и никаких шпионских примочек, которые мне так хотелось освоить! После изучения психологии и жаргона моя работа свелась к следующему: вызвать доверие Уокера, сделать так, чтобы он сам предложил помощь, сделать его своим другом. Только и весь труд, что ошиваться возле него с молоденькими красотками под ручку. Ох и тяжкая жизнь!

С самого начала я хорошо продвинулся в деле Уокера, потащившись вслед за ним в постоянное место обитания «подготовишек»^[29] — закрытый бар, куда пускали только своих, на Висконсин-авеню в Джорджтауне. Публика в основном состояла из богатеньких бывших школяров-южан с косматыми головами, которых звали через одного Трип и Рид и которые круглый год щеголяли во

вьетнамках. Носили они шорты с блейзером, подъезжали к бару в открытых джипах, и каждый имел при себе блондинку, словно сошедшую со сверхстервозного канала «Фокс ньюс».

Политики и уже в меньшей степени крупные директора не такие люди, как мы с вами. Если вы действительно хотите понять их образ мышления, идите в книжный магазин, к огромной полке с руководствами типа «помоги себе сам», где много опусов о том, как прикинуться некоей личностью, надев нужную маску. Одну маску политики носят для широкой аудитории — для ТВ, избирателей, а другую — для друзей и знакомых. Возможно, некая реальная индивидуальность и скрывается за этими масками, но я все же склонен считать, что после стольких лет выборных гонок и стольких народных анекдотов эти люди забывают, кто они есть на самом деле.

Доселе я знал Эрика Уокера только внешне: приятный джентльмен с наружностью южанина, в достаточной мере христианин, чтобы найти с ним общий язык, но и без настырной упертости фанатика. В папке с заключениями психологов, что дал мне Маркус, содержался полнейший бред: проблемы раннего самоутверждения, перекомпенсация чувства собственной неполноценности, гиперсексуальность. Скажем, весьма непривычный для успешного политика портрет. Нечто похожее, впрочем, я о нем и слышал.

Тем вечером мы с Уокером спустились в бар и пили несколько часов в компании с одним парнем, которого мне представили как редкостного ловеласа, что, по-моему, было явным преувеличением.

Затем я заметил, как Уокер с интересом разглядывает через зал красивую студенточку лет двадцати. Когда нас попросили сделать последний заказ, предупредив, что бар закрывается, я спросил Эрика, какие его дальнейшие планы. С медлительностью, свойственной жителям Миссисипи, он проговорил:

— А теперь я собираюсь стрёмно оттянуться, — и двинулся за ней.

Уж не знаю — да и не хочу знать, — что это в его устах означало. Впрочем, догадки у меня были вполне приличные.

Это был первый раз, когда он расслабился в моем обществе, и с тех пор такое случалось все чаще. Я с трудом разбираю чудовищную смесь жаргонных, бранных, креольских и каких-то совершенно диких словечек, которыми он изъяснялся, — но, может, это и к лучшему.

Главный смысл этой тарабарщины я все же понимал. Некоторый шок я испытал, когда дошло до грубого обращения с женщинами, — все же кое-что папаша и мне сумел передать. Половина из того, что говорил Уокер, будто расшатывало элементарные законы природы и человеческой анатомии. Но, если не считать всего того, что выплескивалось из него где-нибудь в раздевалке, в целом Эрик был славный парень, с которым можно приятно провести время, и выгодно выделялся из всех знакомых мне завсегдаев столичных коктейльных вечеринок.

В этот вечер, у Чипа, Уокер, по обыкновению, преобразался просто на глазах. Немного поразглагольствовав насчет огромных возможностей своей партии на середине срока полномочий, он понизил голос до шепота, обвел глазами комнату и спросил меня, не желаю ли я «окупнуться в тайну». Заметив, что в пределах слышимости оказалась очаровательная молодая женщина, он с любезной улыбкой повернулся к ней и вовлек ее в совершенно невинную беседу, сравнивая достоинства образования в Йеле и в Брауне.

— Я замолвлю за вас словечко, — кивнул он, после чего, приведя собеседницу в дикий ужас, завершил разговор такими тонкостями любовно-половой темы, о которых я здесь, пожалуй, умолчу. Впрочем, Уокеру казалось, что говорит он гораздо тише, чем это было на самом деле. Глуша стакан за стаканом, он стремительно пьянел.

Подловив меня на пути в ванную, Маркус тихо проронил:

— Что бы ни было, держись сегодня с Уокером.

— Зачем? — не понял я. — Что происходит?

— Будет лучше, если ты побудешь с ним. Уж ты мне поверь.

Все как всегда: старшие у Дэвиса напускают загадочного тумана. Я не знал, что конкретно нам нужно от Уокера, кроме того, что мужик метит в политические тяжеловесы и надо узнать его получше. Мне довелось краем уха услышать пару намеков, явно для меня не предназначенных, да кое-какие детали я чуть ли не клещами вытянул из Маркуса.

В общем, был у нас клиент, один хлыщ то ли из Боснии, то ли из Косово — я никогда не мог толком разобраться в этих адских дырах, истерзанных войнами девяностых, — который хотел провести несколько поправок в готовящийся законопроект по международным

отношениям, чтобы то ли удешевить для себя экспорт, то ли что-то в этом роде. Еще одна крохотная лазейка, которую никто и не заметит. Фокус был в том, чтобы подождать, пока Белый дом и сенат выпустят свои варианты законопроекта, а согласительный комитет увяжет их в единое целое. Для Капитолийского холма это вполне обычный финт ушами, и в прокуренных кулуарах у какой-нибудь легенды политики всегда услышишь нечто похожее. Уокер был почти утвержденным новым членом Комитета по международным отношениям, так что имело смысл привлечь его на свою сторону.

Совершенно типичное дело — мы чуть ли не каждую неделю такое обтяпывали у Дэвиса. Но вот чего я никак не мог понять: почему о нем так тихарились, будто это какая-то государственная тайна? Никогда на моей памяти ни с одним делом в фирме так не темнили.

Однако я был всего-навсего солдат и потому подчинился начальнику и остался с Уокером. Теперь у Эрика был тяжелый сосредоточенный взгляд человека, достигшего высшей точки опьянения. Мне совсем не нравилось то, в какое русло все это заходит, и если б не работа, я бы давно оттуда слинял. Мой приятель-конгрессмен вопиюще нарушал главную заповедь вашингтонской ночной жизни: никогда не развлекайся на вечеринках.

Уокер что-то пробормотал, тяжело глядя в пространство.

— Что? — переспросил я.

— У тебя нормально... ну... с Тиной?

Я не мог припомнить, кто такая эта Тина, — вокруг Уокера всегда вертелась пестрая толпа, — но мне вовсе не хотелось выводить друга из его пьяно-благодарного спокойствия. И уж чего-чего, а никаких проблем у меня ни с какой Тиной не было, и потому я честно мотнул головой:

— Ну разумеется, — и потянул Уокера в пустую гостиную; он попытался нашарить в кармане ключи — скверный знак.

Гостиная оказалась вполне подходящим для него местом, хотя у входа и топтались несколько человек, проявляя любопытство. А еще я увидел Маркуса, который деликатно отметил передо мной, болтая с двумя скуластыми козлобородыми парнями. Я на минутку оставил Эрика и поспешил к шефу. Я надеялся прояснить свое нынешнее поручение, рассчитывая просто посадить Уокера в тачку и отправить

домой. А потому метнулся узнать, какое приключение уготовил мне Маркус на сегодня.

— Майкл Форд, — проговорил тот, — позвольте представить вас двум дорогим друзьям «Группы Дэвиса».

Это был условный знак. Просто «друзья» означали третьестепенных клиентов (из списка «В»), «Близкие друзья» — клиентов из списка «Б». «Дорогие друзья», соответственно, относились к первостепенным клиентам. Так что эти ребята пользовались приоритетом.

— Это Мирослав Гуцина и Александер Льебов, — откомендовал Маркус. — Они из торгового представительства Сербии.

Эти торговые советники, несомненно, были весьма интересной парочкой. Мирослав оторвал зубами кусок недожаренного бифштекса на кростини, затем подал мне руку.

— Приятно познакомиться, — пожал я протянутую ладонь.

Затем обменялся приветствием с Александером — словно поздоровался со шлакоблоком.

— Позвольте мне на секунду похитить Маркуса, — сказал я.

Тот извинился, и мы отошли в сторонку.

— Что это за спектакль тут с Уокером? — спросил я.

Он посмотрел на меня таким невинным и ничего не понимающим взглядом, что я лишь тягостно вздохнул.

— Следи, чтобы ему было хорошо, — выдавил он наконец. — И запомни: «Группа Дэвиса» не спускает с тебя глаз.

Проклятье! Эти балканцы, надо думать, и финансировали обольщение конгрессмена Уокера, и именно из-за них я и оказался нынче в дурацком положении.

Уокер уже обеспокоенно махал мне рукой, готовый к выходу. Я вернулся к нему.

— Это твой там новый «кадиллак CTS»? — спросил я Эрика.

— О да, — осклабился он.

— И ты готов мне доверить эту лапочку?

Я знал, это куда лучше, чем оказаться заложником пьяного в стельку южанина с непомерным гонором и ключами от машины, — по крайней мере, не имея хорошей защиты.

— Да уж прямо и не знаю...

— Пойдем.

Он повел плечами и, мгновение подержав на ладони ключи, отдал мне их без малейших колебаний. Я даже слегка удивился.

— Пойдем, мужик. К едрене фене это сборище герлскаутов. Я знаю местечко, где о нас неплохо позаботятся.

Звучало это не очень-то заманчиво, ассоциируясь у меня с публичным домом. До меня дошло, что ключи он так легко мне отдал вовсе не из соображений общественной безопасности, а потому, что и впрямь хотел закатиться со мной куда-нибудь еще.

Ну и хорошо — потому что Маркус с сербами вызвали у меня неясный страх. И потому, что я всего лишь послушная мелкая сошка и, выполняя распоряжение Маркуса, обязан сопровождать Уокера.

Уже тогда у меня было стойкое предчувствие, что эпизод с Уокером хорошо не кончится и что нынешней ночью я огребу себе еще одну, особую проблему. А заключалась она в солидном бугае, что присматривал сейчас за Уокером и мной из коридора, который весь вечер не спускал с меня глаз и явно был недоволен тем, что я собираюсь прошвырнуться по ночному городу в компании с тем еще кобелем.

А почему, спросите, меня это так беспокоило? Дело в том, что этот бугай был не кто иной, как Лоуренс Кларк... Ой, простите, сэр Лоуренс Кларк, председатель PMG — мощнейшего фонда с капиталом едва ли не в тридцать миллиардов долларов. Но самое главное — это был отец Энни и к тому же бывший игрок национальной сборной Англии по регби. Сама Энни сейчас обитала у меня — чтобы не кататься каждый вечер к черту на рога, на свою квартиру в Гловер-парке. И если вспомнить, как легко мы с Энни сошлись, то невольно, сами собой напрашивались подозрения: может, где-то меня поджидает коварная ловушка?

Первой такой ловушкой как раз и оказался Лоуренс Кларк. Я готов был сквозь землю провалиться, лишь бы он не видел, как я направляюсь в компании с Уокером в какой-нибудь бордель. Кларк метал в меня яростные взгляды, Уокер настойчиво тянул к выходу, а Маркус стоял тихонько в стороне, наблюдая мои корчи в попытках выбрать из двух зол меньшее.

Глава пятая

К тому времени как я встретился с сэром Ларри, я уже не был тем задирой из низов, как раньше. Как бы ни корячила тебя когда-то прежняя несладкая жизнь, в какой-то момент (а для меня такой момент настал, когда я приобрел домик с двумя комнатами и выложил оставшееся на швейцарские часы от Дэниела Рота) все это кажется уже смешным. Оставив на память несколько обрывков моего пестрого прошлого — чисто для полноты характера, — я легко расстался с давней горечью и обидами.

Жил сэр Кларк в Хант-кантри — всего в получасе или в сорока минутах езды от того места в Северной Виргинии, где я вырос. Я и не представлял, что так недалеко от тех просторов, где я провел лучшие моменты юности — когда я чудными солнечными днями в лесочке за придорожным лабазом целовался в засос, впивая сладость «Джусси-фрут», или предавал огню разный мелкий мусор, или играл с пистолетом папочки Риччи Иануцци, — существует настоящий рай для вашингтонских богачей.

Между Миддлбургом и подножием гор Блу-Ридж тянутся зеленые покатые холмы. Земля поделена на огромные участки и буквально испещрена причудливыми, сверхдорогими для проживания городками, бюджет которых всецело зависит от того, на сколько растрясутся заезжие леди на ланч и милые безделушки. В целом там царит англофилия высшей масти: светская жизнь вращается вокруг охот на лис по субботам и таверн с названиями типа «Олд Бул энд Буш», где непременно чем-то занимался Джордж Вашингтон или кто-то еще. В таком городке и выросла Энни. И однажды, когда мы уже несколько месяцев были вместе, она вывезла меня в отцовское имение.

Если бы я мог позволить себе хоть малую толику такого роскошества! Две с половиной тысячи акров вдоль реки Джеймс. Колониальный (он же георгианский) особняк 1790-х годов на восемь комнат. Винный погреб на шесть тысяч бутылок. Конюшня с двумя десятками стойл. Бассейны какие хочешь — и закрытые, и на открытом воздухе, — и теннисный корт, и поле для регби, и разные стрельбища — причем отдельно для пальбы по тарелочкам, — и

автодром, и площадка для софтбола с дагаутом,^[30] табло и местами для зрителей (и правда, какой смысл гонять по заднему двору мяч, если у тебя нет хотя бы шестидесяти мест для зрителей?). Продолжать можно бесконечно.

Подружка Энни по работе, Джен, однажды погостила у нее с неделю и потом, брызгая слюной, живописала имение Кларков самыми яркими красками, так что я морально был готов к визиту. Джен трещала без умолку, какой крутой папочка у Энни, какой он потрясающий кулинар, что пьет он только вина гран-крю, которые поступают из собственных виноградников сэра Ларри в Ксанаду, и так далее.

Подъездная дорога тянулась с полмили. Напротив дома я выбрался из своего облупленного джипа — и тут же увидел шесть черных с рыжими подпалинами доберманов, со всех лап мчавшихся прямо на нас через огромный газон. Судя по открывающимся пастьм, они еще и лаяли, но звук до нас не доносился. Псы, конечно, и сами по себе наводили ужас, но самая жуть была в том, что ты видел эти лоснящиеся, мускулистые, разевающие пасти торпеды и ничего при этом не слышал. Это наводило на мысль, что, может, я сильно торможу или что, может, они до меня добрались и я уже на том свете.

— Фу! — рявкнул властный голос.

Псы немедленно остановились и уселись в пяти шагах от меня, пожирая меня глазами, так что я уже начал чувствовать себя большой аппетитной мясной косточкой. Некогда молниеносный полузащитник английской национальной сборной, Лоуренс Кларк оказался высоким — больше шести футов роста — мужчиной с песочными волосами и несходящим загаром. Свой дворянский титул он выслужил победами в регби и благотворительной деятельностью. Нынче на Кларке был комбинезон, словно пошитый из стеганых пледов, а в руках — нечто похожее на свернутый трубочкой обрезок ковра.

— Решил вот малость позаниматься с суками, — сказал он, и я заметил в его руке еще и плеть.

Он чмокнул Энни в щеку, окинул взглядом мой джип, после чего протянул мне руку. И долгую минуту он словно меня оценивал, отчего мне стало совсем не по себе.

— Что ж, добро пожаловать, — выдавил он заученную улыбку.

Горничная с дворецким помогли нам выгрузить багаж и проводили к спальням: сперва к комнате Энни, затем уже — в противоположном конце длинного крыла дома — к моей.

— Сэр Лоуренс распорядился, что ночевать вы будете здесь.

Что ж, ваше поручение выполнено, сэр Ларри! Хотя что-то мне подсказывает, что запереть свой амбар вам уже несколько поздно.

Из окна я понаблюдал, как отец Энни занимается с псами на лужайке. Он все таскал в руке эту скрученную штуквину и, выкрикивая команды, стегал плетью доберманов, которые яростно вцеплялись в рулон зубами, раздирая его в клочья.

Я не стал ждать финала, который сэр Ларри с радостью уготовил бы и мне.

Во время обеда, когда мы втроем сидели у торца длинного стола на двадцать персон, я попытался затеять беседу о винах.

— О-о! — восхитился я, пригубив из бокала. — Две тысячи шестой был весьма удачный год для бордо. — И кивнул на стоявшую между нами на столе бутылку «Мутон-Ротшильда». Мне казалось, это вполне приемлемая тема для застольной болтовни.

— Я предполагал, что мы найдем согласие в чем-то, — он смерил меня взглядом, — доступном нам обоим. — И, улыбнувшись одними губами, посвятил все свое внимание цветной капусте на тарелке.

От сэра Ларри у меня определенно начал мороз подирать по коже. Это был совсем не тот классный мужик, которого так смачно описывала Джен. Хотя, подозреваю, с этим старым английским волком вполне возможно провести «изумительнейшие деньки», если ты не наглый выскочка, приударивший за его дочкой.

А может, мне все это примерещилось. На самом деле трудно что-либо произнести с британским акцентом в столь же изысканной манере, как у сэра Лоуренса, чтобы это не звучало надменно-снисходительно.

Энни моих сомнений не развеяла. Когда я поздним вечером отправился к себе в комнату — всю отделанную красными и зелеными полосами, с антикварными изображениями травли медведей и семью полками, уставленными жуткими старинными куклами, — она постучалась в мою дверь. Утешившись взаимными ласками, мы уснули в объятиях друг друга — и так же, в обнимку, проснулись.

Я, конечно, не в претензии, но утром получилась весьма неловкая ситуация, когда, продрвав сонные глаза, мы обнаружили в дверях сэра Лоуренса с доберманом, перед которым валялся какой-то жалкий зверек.

— Хотел известить вас, что завтрак готов, — сказал мистер Кларк.

— Ага, спасибо, папочка!

Она села в постели, потянув с собой одеяло и невольно приоткрыв на обозрение мои голые ноги. Пижама, которые мы было надели вечером, лежали грудой на полу. Энни решила, что должна как-то поправить ситуацию, и спросила:

— А Санденс снаряжен?

Я так решил, что речь идет о лошади.

— Да, — ответил папаша, взглядом буравя меня насквозь.

До полудня мы с Энни болтались по имению — немножко покатались, немножко постреляли. Я оказался асом в стрельбе по глиняным голубям, но упал с лошади, так что мы сошлись на ничьей.

Когда мы с Энни уже собрались возвращаться в Ди-Си, я оказался ненадолго наедине с ее отцом: девушка побежала в дом проститься с горничной.

Лоуренс положил мне руку на плечо и сказал с такой интонацией, будто я полный тормоз и не в состоянии уразуметь то, что он давал мне понять на протяжении всего уик-энда:

— Не знаю, что за игру ты там затеял, но не думаю, что ты достаточно хорош для нее. Хотя, похоже, она сейчас тобой сильно увлечена. Так что... — Он поморщился, точно силился проглотить какую-то невероятную гадость. — Если ты ее обидишь... Малейший промах — и будь уверен, я выслежу тебя и сотру в порошок.

— Я всё! — крикнула Энни.

Едва она выскочила на парадное крыльцо, его тон мгновенно поменялся.

— Это ведь разумно? — обратился он ко мне, натянув ради Энни радостную физиономию.

— С небольшим перегибом, конечно, но суть я, думаю, уловил.

Мы отбыли, и когда мой верный джип катился по бесконечной подъездной дороге, Энни повернулась ко мне с вопросом:

— И о чем вы говорили, когда остались вдвоем?

Я заметил недалеке на поле дворняжку, которая, лежа на животе, сосредоточенно обгрызала голову чучелу.

— Об охоте, — ответил я.

— Ну и хорошо, — ободряюще похлопала она меня ладошкой по ноге. — Иногда папа делает защитную стойку, но, думаю, со временем он к тебе отгаает.

Глава шестая

Как бы ни пытался я изображать своего в высшем обществе, во мне все равно еще сидел прежний оборванец с его маленькой гордыней. И знаете, что я решил в тот вечер у Чипа? Я решил просто забить на сэра Лоуренса Кларка. С этим господином все равно было гиблое дело. Он пас меня с самого начала, и я уже нашел пару вариантов, как избавиться от его назойливого внимания. Я многозначительно подмигнул ему через комнату и ушел с вечеринки вместе с Уокером.

Единственный человек, которому я действительно был сильно обязан, — это Дэвис. И обязан я был ему всем: и новым жизненным стартом, и денежной работой, и уютным домом, и возможностью видаться с Энни. И я сделаю все, что ни велит мне «Группа Дэвиса». Если буду осмотрителен и благоразумен, то смогу составить Уокеру компанию в его сомнительных полуночных забавах и при этом не изменить Энни. В конце концов, это была работа, вполне официальное задание. Так, по крайней мере, я себе мысленно говорил, когда Уокер бормотал что-то бессвязное насчет Тины.

«Тебя ждать?» — прислала мне Энни эсэмэску.

«Буду очень поздно. Работаю. Уж извини. Скучаю!» — набрал я в ответ. Формально так оно и было.

Уокер вогнал в навигатор своего «кадиллака» пункт назначения, и я тронулся в путь. Ехали мы в молчании — если не считать периодического пощелкивания оттого, что Уокер грыз ногти, и бодрого женского голоса, который четко и с расстановкой выдавал: «Следуйте по Висконсин-авеню две и одну десятую мили».

Думаю, мы оказались в штате Мэриленд. Мы съехали с автострады возле череды прилепившихся друг к другу торговых складов и места для новой застройки под названием «Фоксвуд Чейз». Это был один из тех расчищенных бульдозерами участков леса, где дома возводились предельно быстро, где не осталось ни дерева, ни даже куста, и новые строения окружали единственный оставшийся от былой природы водоем, ныне походивший скорее на щебеночный карьер. Я видел пустые дома и пустые участки перед ними, что было

совсем не редкостью в пригородах Ди-Си: сколько застройщиков потерпели крах, сколько домов попало под отказ в заселении. Город-призрак.

Жизнерадостный голос навигатора тем временем направил меня в проезд с воротами в конце. Уокер отклонился от пассажирского сиденья и помахал рукой перед маленькой видеокамерой на воротах. Дескать: «Сезам, откройся!» Мы подкатили к претенциозному мак-особняку:^[31] колонны, трехъярусный вестибюль, спиралевидные кустарники — в общем, все по полной программе.

Дверь открыл молодой парень с комплекцией бодибилдера, весом не меньше ста двадцати кило — и притом с совершенно детским лицом с ямочками. На амбале была модная нынче майка-алкоголичка и бейсбольная кепка с эмблемой «Кливленд Индиане», ухарски сдвинутая набекрень. С Уокером они поздоровались как братаны — сперва столкнулись кулаками, а затем стукнули ими друг друга по спине. В меня же парень вперился нехорошим взглядом, весь напрягшись.

— Все нормально, Сквик, — успокоил его Уокер. — Ручаюсь.

После этого ямочки вернулись на место, словно показывая, что можно проходить.

Пожалуй, как и многие люди, я был жертвой предубеждений по поводу публичных домов. Я представлял себе этакий викторианский особняк в Новом Орлеане, элегантную, с остатками давнишней красоты мадам и множество всякой выпивки.

И чем больше я об этом думал, тем больше уверялся, что попал именно туда: обширное, чуть ли не на четыреста квадратных метров, белое помещение почти без мебели — только черные кожаные диваны да шестидесятидюймовая плазменная панель. Я ожидал, что окажусь в каком-то баре, где тусуется много народу, или в каком-нибудь стрип-клубе, где я мог бы сесть спокойненько в уголке и приглядывать за Уокером, сам при этом не делая ничего такого, за что бы впоследствии себя возненавидел. Но это оказалось заведение VIP-класса, и спрятаться тут было попросту негде. Мне ничего не оставалось, как занять место на диване.

Тут же у меня появилась соседка по дивану и, сразу вторгшись в мое личное пространство, представилась:

— Меня зовут Наташа. Я из Раши.

— Очень оригинально!

— Спасибочки!

И что мне делать с этой Наташей? У нее был фальшивый бриллиант «а ля Монро» — пирсинг на верхней губе, призванный навевать сходство с прелестной черточкой Мэрилин. У девицы вообще чересчур много было блесков — как в макияже, так и в том наряде, что я с большим преувеличением назвал бы платьем. Она сразу стала вести себя довольно развязно, но я не очень-то за себя опасался. Я мог бы, конечно, устроить сцену, разругаться с ней в хлам, но это был вовсе не тот случай, когда мне стоило разыгрывать комедию с лосем и белкой. [\[32\]](#) Неважно, что сказал мне Маркус, — я сам должен установить границу дозволенного.

К Уокеру между тем подкатилась молоденькая корейнка с маленькими хвостиками на голове, имени которой я не уловил. Она очень напоминала японскую мультяшную кошечку, и я даже мысленно прозвал ее «Хэлло, Китти». Обе девчонки явно лишь недавно прибыли в Штаты — только с корабля, так сказать, — от них еще несло чемоданами и коробками. В плане испорченности Китти было до Наташи не доплюнуть. Она казалась очень даже симпатичной девчушкой с простодушным личиком. К счастью, мне досталась девица, внушавшая лишь омерзение, ни малейшего соблазна! И когда соседка по дивану прохаживалась двумя пальцами левой руки по моему бедру, я изображал крепость, надежно закрытую от ее поползновений, и был уверен, что вполне могу справиться с такой напастью, не пострадав ни телом, ни душой.

Так что я мог бы и успокоиться — если б не сидевший на кухне худосочный малый лет двадцати. Он не обращал никакого внимания на то, что происходило в гостиной (интерьер дома имел открытый план, благодатный и для обзора, и для эха). С мертвенным взглядом парень возвышался на табурете у кухонного островка, всецело поглощенный своим сотовым телефоном. Пальцами одной руки он безостановочно давил кнопки, другой же расковыривал на щеках угри. Всякий раз, как я старался не глядеть на этого парня, мобильник его в очередной раз что-то выдавал, и пацан оглашал весь дом визгливым, девчоночьим хихиканьем, от которого у меня волосы вставали дыбом. Хоть этот хлюпик и весил не больше пятидесяти килограммов, страху он наводил куда больше, нежели верзила Сквик.

Наташина рука между тем уже шарилась по мне, как осьминог. Психический парень загигикал опять. Едва я подумал, что ничего жутче в своей жизни не встречал, Сквик прошел к стереосистеме и включил CD-проигрыватель. Из большущих колонок запиликали струнные. Я сразу узнал старый альбом Дасти Спрингфилд «Дасти в Мемфисе» — ее «Всего капельку любви».^[33]

Каким-то непостижимым образом ее музыка придала всему происходящему в этом доме дух ночного кошмара. Именно! Я свихнулся. Съехал с катушек! И мало того что теперь мне грозила потеря лицензии (я, кстати, еще в феврале сдал экзамен в адвокатуру штата Виргиния) или измена моей Энни — вопрос в том, как я мог такое выкинуть, не закончив свою работу с Уокером, на которого потратил столько времени и сил.

Я хотел было подняться, чтобы уйти, как заметил, что Уокер и Сквик переглядываются, ведя какой-то безмолвный разговор. Верзила кивнул и протянул руку к лакированной коробке на боковом столике. У меня возникло нехорошее предчувствие насчет ее содержимого.

Сколь сильно я был удручен своим попаданием, говорит тот факт, что, когда Сквик извлек из коробки стеклянный бонг, я почувствовал неизъяснимое облегчение. Я уже много лет не курил травку, но сразу узнал эту стекляху, едва ее вынули из коробки. На радостях я чуть не кинулся обнимать эту чертову Наташу. Никакие они не проститутки — самые простые наркоманки!

Я даже хотел позабавить этим казусом своих новых знакомых в «Фоксвуд Чейзе». Возможно, когда-нибудь я и Энни расскажу, в какую историю влип. Обхохочешься! Она-то вообще выпадет в осадок, услышав, как конгрессмен Уокер привел меня в наркопритон, чтобы покурить немножко травки, а я чуть с ума не трюхнулся, решив, будто он затащил меня в бордель! Черт, я, может, и не прочь был бы хорошенько затянуться разок после такой-то передряги.

— Не желаешь пустить тучку? — спросил меня Сквик.

— Нет, благодарю, — отозвался я.

Тем не менее Сквик посмотрел на меня, точно на страждущего наркомана, и набил-таки трубку. Прежде я никогда не слышал оборота «пустить тучку» — это не мой, так сказать, профиль, — но как-то не придал этому особого значения.

Вспыхнула бутановая зажигалка, тихо звякнула приспособленная к трубке стеклянная чаша. И лишь когда он сам затянулся своей хренотенью и мои ноздри щекотнул слабый сладковатый запах, напоминающий пену для ванной, я сообразил, что это совсем не та старая добрая американская ганджа, что мы, бывало, покуривали в колледже.

Мне не хотелось нервировать Сквика — особенно теперь, когда его легкие до краев были заполнены неизвестной мне дурью. Поэтому я как бы невзначай бросил:

— О, так это...

— Тина, — подсказал Уокер.

— Ну да, Тина.

— Айс! — малопонятно выдал Сквик.

Может, это крэк?^[34] Я что, угодил в кокаиновый притон?

— А, ну да. Кок.

— Нет, не кок. Это Тина. Кристалл!^[35]

Наташа хихикнула над моими языковыми трудностями, которые, пожалуй, и впрямь могли кого угодно позабавить. Значит... кристаллический мет. Ага! Я испытал такое торжество, будто победил в игре в «Улику», — теперь я безошибочно выяснил, что мои новые знакомцы и впрямь не курят кокаин.

О мете я кое-что знал еще с флотских времен, где не такое уж и малое число идиотов — в основном из трюмных крыс, мотористов, — хоть когда-то, но прикладывались к метамфетамину. От этого наркотика «приятель» съезживается так, будто ты булькнулся в воды Северной Атлантики, но при этом ты становишься просто невероятно сексуально озабоченным. Парадоксальная ситуация, сплошь и рядом приводящая ко всевозможным проблемам, которых мне уж точно не хотелось хлебнуть.

Наташа, затянувшись, выпустила облачко дыма и пробежала по мне глазами, точно за обедом по шведскому столу. Сквик, Китти и Уокер между тем уже куда-то сдернули (как я заметил, мужчины перед этим приняли по какой-то пилюльке), оставив меня наедине с прелестью из Страны Советов, которая, проделывая отвлекающие маневры головой, смогла-таки успешно одолеть мою защиту и уже двигалась на ощупь в верном направлении. Я еле успел оттащить ее руку, пока она не ухватила ценнейшие мои фрагменты.

Физиономия у нее была совершенно убитая, хотя девчонку и лихорадило от действия наркотика.

— Послушай, — сказал я ей, — ты извини. Ты очень симпатичная. Но я не тот парень, что тебе нужен. Мне надо идти.

И тогда Наташа — благослови ее Господь! — подалась назад и произнесла милым, невинным голоском:

— Я тебя понимаю!

— Вот и хорошо. Правда, ничего личного. Просто мне необходимо уйти.

— Понимаю! Ты педик. Я сейчас все улажу.

— Нет-нет-нет-нет! — подскочил я.

Она бросила психическому парню на кухне несколько слов — на слух скорее по-польски, нежели по-русски, — потом выкрикнула то же самое, но погромче, чтобы привлечь его внимание. Он был сильно недоволен, что его отдернули от мобильного, но все же раздраженно затопал вверх по лестнице. Едва взглянув на него, можно было уверенно сказать, что он обколосся метом.

Я проверил телефон — пришла эсэмэска от Энни: «Милый, глаза закрываются. Спок, ночи! Обними, когда вернешься».

У меня и так было чувство, будто я ударил ей в спину, а теперь словно еще и нож провернул.

Быстро пройдя в переднюю, я остановился у лестницы и крикнул парню вслед:

— Мне только надо сказать Эрику, что я ухожу.

С минуту я подождал, раскачиваясь с носка на пятку и периодически посылая Наташе напряженную улыбку абсолютного идиота.

Наконец наверху лестницы показался психический и поманил меня рукой. Второй этаж был отделан куда беднее, нежели первый. Хлюпик препроводил меня в конец длинного коридора и завел в небольшую комнатку с раздвижными дверями с обеих сторон — как разделительный отсек между апартаментами отеля.

— Жди здесь, — буркнул психический и снова исчез.

Прошла минута, другая. Я подумал было дать деру, но, чтобы осчастливить Маркуса — он же велел мне как штык торчать при Уокере! — решил, что все же должен отметиться напоследок у конгрессмена из Миссисипи. Я был уже на пределе терпения.

Наконец передо мной предстал Сквик — это чудище с ребячьей физиономией — в банном халате и с раскрасневшимися щеками.

— Мне нужен Эрик на пару слов, — сказал я. — Или, может, вы бы ему передали...

Сквик кивком указал на двери, потом раздвинул их пошире.

— Привет, Эрик, — бодро начал я, узнав Уокера...

И потерял дар речи. Мой приятель-конгрессмен выкручивался в такой изощренной вакханалии, что черлидинг отдыхает.

На миг я повернулся, зыркнув в соседнюю комнату: там дяденька в летах, который мне в этом доме еще не попадался, жарко обнимался с двумя дамами. Я уперся взглядом в стену, точно парализованный, призывая свою плоть держаться под контролем, когда услышал голос Уокера:

— О, Майк! Присоединяйся!

Сквик сбросил халат... Уж не знаю, что там за пилюльки они приняли, дабы избавиться от побочного эффекта мета.

— Наташа передала, ты хотел меня.

Я рванулся было к двери, которая спасла бы меня от этой напасти. Но Сквик заступил мне путь:

— Так в чем проблема?

Я уставился в потолок и пошел по кругу, рассчитывая сбоку подобраться к выходу.

— Эрик уже за все расплатился.

Сквик двинулся ко мне, точно неотвратимая армия зомби. Когда дело касалось вечеринки или карточной игры, я никогда позорно не ретировался, но тут готов был бежать со всех ног.

Для тех из вас, кто ведет подсчет очков: первый раз я промахнулся, когда решил, что это всего лишь обычный публичный дом, второй — когда счел его за лавочку для сбыта травки. Нет, леди и джентльмены! Тут все оказалось куда круче! Вслед за добропорядочным господином из штата Миссисипи меня занесло в бордель с полным набором услуг, да еще и с воскурением метамфетамина.

В шоке я рванулся прочь, перепрыгивая по три ступеньки зараз, чтобы скорей бежать от этой жути. На лестничной площадке я споткнулся и упал, а поднявшись, обнаружил, что прибыли копы.

В первое мгновение я даже обрадовался: наряд полиции спасет меня и от плохих дядек, и от здоровенной елды бугая Сквика. Но когда на моих запястьях сомкнулись наручники, я начал понимать, в какой чудовищной засаде очутился. Тут меня не просто пожурит начальство за нарушение закона, как это было после моего проникновения в «Метрополитен-клуб». На сей раз я тянул на две-три тяжкие уголовные статьи — а в Виргинии смертный приговор совсем не редкость.

Я тут же вспомнил отца. Ведь старый хрен как в воду глядел!

Глава седьмая

Клоуна в тридцать футов высотой очень трудно не запомнить. Он стоял на разбитом участке виргинского шоссе, маниакально улыбаясь, напротив заброшенного магазина под названием «Винный шатер». Я испытал дежавю — аж мурашки по коже побежали, — но никак не мог вспомнить, где же я видел его раньше.

Здесь папаша велел мне свернуть. Где-то в миле от трассы была заправочная станция, на которой он работал: две колонки, гараж и круглосуточная лавка с товарами в дорогу. Я сунулся в один из гаражных отсеков и увидел, как отец зачищает пескоструем крыло лохматого, семидесятих годов, «катлэсса», разбрасывая по сторонам искры. Гараж был слишком загроможден, чтобы я попал в поле зрения, а потому я подобрался поближе, чтобы меня заметили. Без толку. Тогда я дождался, когда отец отступит от машины со своим агрегатом, и легонько хлопнул его по плечу.

Он вздрогнул и резко повернулся, вскинув аппарат, словно хотел им снести мне башку.

— О господи, Майк, — вздохнул он с облегчением, отложил пескоструй и крепко меня обнял. — Разве можно так пугать!

А мне урок: никогда не подкрадывайся к человеку, который шестнадцать лет привыкал беречь свою задницу.

Стоял март, я уже девять месяцев отработал в «Группе Дэвиса». И еще месяц был до того позорного провала, когда меня в компании с конгрессменом Уокером заловили копы в наркомовском дурдоме. Отец уже шесть недель как вышел из тюрьмы. Разумеется, я с ним поддерживал отношения, но происходило это в форме домашних званых ужинов или барбекю, когда каждый прикидывается, что у него все как нельзя лучше, и, поднабравшись, начинает изливаться в чувствах и обещать другому всегда быть на связи.

В этот раз мы впервые оказались с ним вдвоем, с глазу на глаз, без каких-либо празднований — такими, какие мы есть в повседневной жизни. Надо сказать, отец пытался вновь обрести надо мной власть, пытался вернуть былые наши отцовско-сыновьи отношения — и

«перешпаклевать» меня в точности как этот старый «катлэсс». Так что по возможности я старался его избегать.

Такое я уже прошел с братом. Джека я не видел несколько лет. Последнее, что я о нем слышал, — что он живет где-то во Флориде. Он не показался ни на одной из наших с отцом посиделок после освобождения того из тюрьмы — хотя именно Джек был в ответе за то, что я в девятнадцать лет едва не угодил за решетку. Я всегда старался быть хорошим мальчиком, который неизменно подставит другую щеку, который обязательно со всеми созвонится и который старается хоть как-то беречь единство нашей семьи. Даже когда он взвалил на мои плечи все долги, связанные с лечением мамы, я не отгородился от него, как бы мне того ни хотелось. И это была моя ошибка. Периодически, с перерывами в несколько лет, Джек врывается в мою жизнь и до самого закрытия держал меня в баре, вспоминая наши старые добрые времена. По первости это было очень весело — кому ж не захочется потусоваться со старшим братом! — но со временем я понял, что этот мошенник просто расставляет вокруг меня силки, всякий раз вытряхивая из меня наличность, а иногда и прося спрятать его вместе со всяким отребьем, с которым он теперь якшался.

Жулики всегда рассчитывают на вашу порядочность и доброту. Благодаря этому они могут подобраться к вам поближе и в какой-то момент сильно опустить. После того как Джек проделал со мной такое с десятков раз, я вычеркнул брата из своей жизни. Я не отвечал на его звонки, игнорировал взывания к семейным узам и просьбы о помощи, которыми он все пытался прогрызться обратно ко мне в друзья. И с тех пор как однажды до брата дошло, что больше он от меня ничего не добьется, я о нем уже не слышал.

С папашей я, конечно, не был так суров. Тогда мне казалось, я сделал для отца даже больше, чем он того заслуживал, когда Генри Дэвис, используя свои связи, организовал для него условно-досрочное освобождение. На тот момент у нас была сложная пора взаимоотношений: отец все пытался втереться в мое расположение — а я не мог допустить, чтобы ему так просто сошло с рук то, что он сделал с нашей семьей. Но в то же время мне не хотелось и выпытывать у него, почему все ж таки он нас покинул. У меня было ощущение, будто я должен выполнять какую-то гадостную работу, за которую по собственной воле ни за что бы не взялся, — типа драить

сортир да прочищать засорившийся унитаз, вытягивая оттуда какое-то гнилое тряпье.

Таковы были наши с отцом отношения. Я бы, конечно, предпочел пустить все это лесом, но папаша постоянно меня вызванивал — упрямо, хотя и не назойливо. Как и у меня, воля была его высшим козырем.

— Дай-ка я приберусь, — сказал он и вывел меня из гаража.

В лесочке за заправкой стоял тридцатилетний обшарпанный трейлер, а перед ним — столик для пикника с несколькими складными стульями и грилем. В этом вагончике отец и жил.

Мужик, которому принадлежала заправка, — давнишний отцовский приятель Джордж Картрайт — пристроил его тут заведующим. С тех пор при заправке работали только два-три парня, а само заведование сводилось к заливке баков бензином и рихтовке вмятин.

Внутри отцовского трейлера оказалось так опрятно, что я даже удивился: все аккуратненько разложено по местам, кровать без единой морщинки. Стол был заставлен книгами по финансовой отчетности и гроссбухами для ведения двойной бухгалтерии. На столе лежали несколько пакетов лапши быстрого приготовления.

Отец поймал мой удивленный взгляд.

— Джордж засадил меня за бухучет, — пояснил он.

Будучи в отсидке, отец освоил бухгалтерское дело и даже получил степень бакалавра, несмотря на все тюремные препоны. Заключение ведь не положено иметь при себе деньги и книги в твердых переплетах, у них нет доступа в интернет. После бог знает какой долгой переписки папаша вышел на одного профессора-пенсионера, специалиста по финансовым делам из школы квакеров, сумел каким-то образом взять кредиты и осуществить свою задумку. Очень похоже на мою историю, только в сотни раз труднее. И чем больше я осознавал нашу с отцом схожесть, тем больше бесился, что он такая сволочь. И еще больше злился на себя — что я такой весь из себя хороший сын и после всего случившегося дал ему шанс втереться в мою жизнь.

Некоторое время я разглядывал отца при дневном свете. Он носил все ту же прическу со слегка отпущенными сзади волосами — хотя и не такими длинными, как при маллете. Они изрядно поседели, но выглядел папашка крепким и цветущим. Должно быть, за решеткой он

держал себя в форме. Он до сих пор сохранил стройную фигуру спринтера, каковым был еще в школьные годы. От уголка рта вверх по щеке тянулся неровный шрам. Если кто-то интересовался, откуда эта отметина, отец всякий раз отвечал, будто порезался в тюрьме, когда брился, и, нервно хохотнув, торопливо менял тему разговора. Его колючие усы — в точности как у частного детектива Магнума в одноименном сериале, которые я помнил еще с детства, — по-прежнему нависали над верхней губой, и он все так же любил носить аляповатые свитера в стиле Билла Косби с яркими разноцветными зигзагами. Такое впечатление, что для каких-то своих целей и намерений он перенесся машиной времени в наши дни из далекого 1994 года.

Все ж таки шестнадцать лет не шутка, и они дали о себе знать. Эта его теперешняя лапша и постоянная нервозность. Он очень не любил, когда к нему кто-то прикасался. Перед любой дверью он на несколько мгновений замирал — и тут же усмехался: он-то привык ждать, пока кто-то перед ним откроет дверь.

По первости, когда мы заскакивали в какую-нибудь закусочную «Венди», отец просто ошалевал от обширного списка меню. Еще бы! Целых шестнадцать лет мужику по пунктам предписывали, что ему есть, когда просыпаться, когда ложиться спать, идти гулять, когда справлять нужду и бриться. Он уж и забыл, как можно что-то выбирать.

Когда кто-то при нем упоминал Сайнфелда^[36] или предлагал «погуглить» или когда у кого-то в кармане вдруг начинал пикировать телефон, то при виде отцовской физиономии можно было с уверенностью сказать, что мужчина испытал серьезный культурный шок. Сперва отец отпускал по этому поводу какую-нибудь неуместную остроу, а потом пытался успокоить слегка охреневшую публику.

В тот день папаша попросил встретить его у работы, чтобы вместе поужинать, и был как-то уклончив в ответах, когда я попытался выяснить, куда мы с ним двинем. Я приехал. Машины у отца не было, поэтому он сидел на своей заправке как привязанный, хотя Картрайт и сказал ему, что, если удастся поставить на колеса старый «катлэсс», отец может им пользоваться сколько душе угодно.

Итак, он показывал мне, куда ехать. Путь занял с полчаса, и я все гадал, куда же мы едем, пока не узнал это место. Вот как! Этот тип

пытался захомутать меня старой песней о маме. Классический, конечно, способ — однако, пытаюсь меня растопить, выбрал он все же наихудшее средство. Когда мы уже подъезжали к нужному месту, я хотел было ему об этом сказать, но мне не хватило духу.

Я подкатил к группе красно-кирпичных зданий Старого города в Ферфаксе. Да, это он — чудеснейший итальянский ресторан «Сальс». Самое потрясающее местечко в моей жизни! Последний раз я там угощался в десятилетнем возрасте. И дело тут было даже не в еде — это было именно то место, куда отправлялась наша семья всякий раз, как выпадала возможность тряхнуть кошельком. Еще когда мать с отцом ходили на свидания, они неизменно отправлялись поужинать в «Сальс». Когда мы с братом были маленькими, нас тоже туда брали. За столиком родители пускались в ностальгические воспоминания о поре ухаживаний и даже исполняли пару танцев вдоль барной стойки, немало смущая своих чад. Мы с Джеком уписывали чесночный хлеб, а родители все витали в своем собственном мире, смеясь, словно юнцы, то вдруг закручиваясь, то откидываясь в наклоне, но больше всего прижавшись друг к другу, и мама клала голову папе на плечо.

Когда-то это было наше любимое место... Теперь здесь устроили собачий салон и кофейню «Старбакс».

Отец вылез из машины и подошел к тому месту, где некогда был итальянский ресторан. Я стоял невдалеке на тротуаре и думал, что отцу сейчас делается плохо. При виде его у меня и у самого комок к горлу подкатил.

Я понял, что если сейчас же оттуда не уберусь, то сам, чего доброго, устрою фонтан слез.

— Ты в порядке, пап?

Ответа не последовало. Я хотел было обнять его, но побоялся снова взбудоражить и решил просто малость подождать.

— Пап...

— Все хорошо, Майк.

— Поехали в другое место. На Двадцать девятой улице есть приличная мясная кухня.

— Нет, — мотнул он головой, часто и тяжело дыша, словно его только что отметелили до полусознания.

— Пожалуйста. Я...

— Мне некогда, Майк. Надо вернуться к десяти. — Он вздохнул, покачал головой, потом невесело усмехнулся. — Ты не поверишь — я соблюдаю комендантский час. Это одно из условий моего досрочного освобождения. Я должен позвонить их роботу с домашнего телефона.

— Но тебе надо поесть, пап.

С минуту он потирал ладонью отросшую за день щетину.

— И хрен с ними, — решил он. — Хочешь, поедем в «Костко»?

Пару минут спустя мы очутились за двумя составленными металлическими столиками в огромном, залитом светом складском ангаре. Услышав, что отец хочет здесь перекусить, я сперва решил, что ослышался, но все, чего он хотел и на что имел время, — это пара итальянских колбасок с перцами и луком (что, кстати сказать, оказалось чертовски вкусно!) да стакан колы. В меню у них было всего четыре пункта, и для отца это было гораздо удобнее.

Потом мы пошли прогуляться между стеллажами с товарами — и я все пытался понять, что же задумал этот старый черт.

— Как здорово здесь... — наконец выдал он. На лице у него разлилась такая благоговейная улыбка, как у человека, впервые в своей жизни посетившего Большой каньон.

Потихоньку я кое-что начал понимать. Оплата за тюремные работы — если, конечно, удавалось попасть на те, за которые платят, — начиналась с двенадцати центов в час. А тюбик зубной пасты в тюремной лавке стоил пять баксов, к тому же, чтобы этот тюбик получить, надо было сперва заполнить специальную форму, а потом еще неделю ждать. Так что для отца этот «Костко»,^[37] с его дешевым шиком и кричащими детишками, с убойными тележками в руках домохозяек, был попросту раем.

Мы немного поболтали, обходя стойку с заморозками. Отец сейчас пытался сдать экзамены, чтобы получить сертификат профессионального бухгалтера. Он постоянно с блеском выполнял практические тесты — однако человека, осужденного за мошенничество, к такого рода деятельности просто не допустят. Должны пройти годы, прежде чем наступит «полное восстановление в правах», и все это время его будут всячески мурыжить. Впрочем, отца это ничуть не беспокоило, он собирался упрямо продираться своим тернистым путем.

Теперь он намеревался записаться в библиотеку, рассчитывая раздобыть нужные ему справочники с координатами государственных бухгалтерских служб, чтобы начать осаждать их звонками и письмами. Но на библиотечные поиски ушел бы целый день, которого в его распоряжении не было. Жизнь отца напоминала горку палочек при игре в бирюльки: когда одна крохотная палочка держит другую и сама придавливается предыдущей — и так до полной неразберихи.

— Пап, ты ж можешь найти их в интернете.

Отец с недоумением покосился на меня:

— Через компьютер?

— Ну да. Через интернет.

— Мне надо приделать интернет к компьютеру?

Я невольно скривился:

— Ну, типа да.

Это было все равно что объяснять слепому цветовую гамму — хотя, в принципе, я мог преподать ему начатки компьютерных знаний. Я сказал, что дам ему попользоваться своим стареньким ноутбуком.

— Тебе еще что-нибудь надо, пока мы здесь? — спросил я. — Затоваривайся. Может, что-нибудь кроме лапши?

Я думал, что отчасти это и была причина нашего сюда визита, но тотчас заметил, как уязвил его гордость, предложив ему подачку. Отец проглотил мои слова, только немного помрачнел.

— Нет, — ответил он, — у меня все есть. Ты и так делаешь больше, чем от тебя требуется, Майк. Но все равно спасибо.

Он взглянул на мои часы:

— Двину-ка я обратно. Пожалуй, надо даже поторопиться.

Когда мы вернулись к трейлеру, отец завел меня внутрь и вручил конверт. Там была тысяча долларов — несколько двадцаток и десяток, но в основном совсем уж замызганные пятерки и сколько-то бумажек по одному баксу.

— Я хочу возместить те деньги, что ты занимал для мамы, — сказал он. — Черт меня попутал связаться с этими акулами Креншоу. Пусть тебя это больше не коснется.

— Забери, — протянул я ему обратно конверт, но отец его не взял. — Я уже расплатился.

— Расплатился?

— Ну да.

— И на какой срок?

— Навсегда. Я расплатился сполна, со всеми долгами.

— А как же твоя учеба? Тебе об этом следовало в первую очередь подумать.

— Все оплачено. Прибереги деньги, отец, — положил я конверт на облезлую фанерную столешницу.

Я не хотел из-за этого заводить себя, да и вообще не желал касаться этой темы. Я просто хотел оставить все прошлое позади. Но этот его конверт, и то, как он говорил о маминой болезни, и то, что он полагал, будто даст деньги и все сразу станет расчудесно, — все это вывело меня из равновесия. Потому что всякий раз, как он заикался о маме, я вспоминал ее и представлял такой, какой мне нравилось ее помнить, — с озорными искорками в глазах, когда она готовилась произнести какую-то шутку. Но как я ни старался задержать в себе этот ее радостный образ, вскоре щеки проваливались, кожа становилась бескровно-бледной. И в итоге я вспоминал маму уже в последние ее дни — и эти леденящие душу хрипы из груди, и восковое лицо, и ее затуманенное морфием сознание, и то, как она иногда называла меня отцовским именем, а иногда спрашивала, кто я такой и какого черта делаю в ее комнате.

И всплывал этот отравляющий душу вопрос, от которого никак не отделаться: что, если б я смог надыбать где-то денег, чтобы определить маму в хорошую клинику? Или если бы у нее был достойный муж и была бы страховка — ведь тогда она была бы сейчас с нами.

— Ты не сможешь компенсировать того, что случилось, — жестко проговорил я.

— Все оплачено? — озадаченно повторил отец.

Потом он расправил плечи и спросил таким тоном, будто на правах отца интересовался, пользуюсь ли я презервативами:

— Послушай, Джордж Картрайт говорил, ты справлялся об одном дельце...

«Ох, блин! Только не это! Только не сейчас!»

Джордж Картрайт был докой по части «лезь, хватай и беги» и мог раздобыть любой инструмент домушника, какой ни пожелаешь. Помнится, когда мы устроили посиделки по случаю отцовского досрочного освобождения, я спросил Картрайта, не знает ли он, часом,

как взломать замок «Сарджент и Гринлиф» — тот самый, которым Гулд запирает свой шкафчик в «Мет-клабе». Просто из любопытства.

И вот сейчас, судя по всему, папаша решил, что я сумел полностью расплатиться по долгам, разграбив чертов Пентагон, и теперь изображает, будто очень за меня трясется.

— Халявы не бывает, Майк. Во что ты ввязался?

— У меня хорошая работа, которую я заслужил своим умом и усидчивой задницей. Или ты — севший за кражу — готов меня научить, как не надо совать нос куда не следует? — Я обвел глазами трейлер, словно он подтверждал мою правоту. — Что-то мало верится.

— Я просто сказал, Майк. Не попадись в ловушку, сделавшись при ком-то вымогателем. Ты будешь играть свою роль, крутясь при всяких шишках, и однажды сильно обожжешься. Доверять можно только своим.

— Пап, пожалуйста... — Я старался сохранять спокойствие и следить за тем, что говорю. Нетрудно пнуть упавшего, указав ему, как он на самом деле жалок. Правда сама по себе была жестока. — Выкинь ты из головы всю эту белиберду насчет воровской чести. Думаешь, из-за того, что ты не дал показаний и никого не выдал, а потом отмотал свой срок, ты теперь такой уж весь из себя герой? Ты вовсе не...

— Майк, я не мог...

— Не ту роль ты сыграл. Ты ведь мог бы и расколоться. Ты не должен был сесть на эти гребаные двадцать четыре года и оставить нас в такой засаде. Кто знает, может, тогда мама бы...

Я оборвал себя, но удар уже достиг цели. Отец стоял не шевелясь, с закрытыми глазами, мелко тряся головой, словно соглашаясь. Я ожидал, что он как-то огрызнется, или пустит слезу, или кинется ко мне — но он только стоял, зажмурил глаза и часто, отрывисто дыша.

— Может быть, — сказал он наконец и снова стал тереть щетину. — Я поступил так, как считал лучше. — Я думал, отец сейчас заплачет, но он заглушил слезы. — Я знаю, я во многом не прав, но не отгораживайся от меня, ладно?

Я промолчал.

— Прошу тебя, Майк.

Я несколько раз глубоко вздохнул, беря себя в руки.

— Мне надо идти.

Вот и все. Я ушел.

Эта короткая сцена с клеймением отца, как вы, наверно, догадываетесь, связана была с его преступлением — точнее, квартирной кражей, — которое оторвало его от нас, когда я был подростком. Все, что я об этом знал, было полнейшей бессмыслицей.

Большей частью я выведал эту историю у Картрайта и кое-каких других отцовских дружков. Если поймать их однажды воскресным днем в придорожной закусочной у Теда — в этом занюханном заведении без единого окна, где они обычно тусовались, — и хорошенько подпоить, то они могли рассказать много чего такого, что отец от меня скрывал.

Мошенником он заделался еще в молодые годы. Его семья держала небольшую литейную в пригороде Вашингтона, близ Фоллз-Чёрч. Они отливали лесенки для Смитсоновского замка, фонари для Капитолийского холма и предположительно даже несколько двенадцатипудовых орудий, участвовавших в битве при Геттисберге.

[\[38\]](#)

Но к тому времени, как фамильное дело перешло к моему отцу, производство в Америке приказало долго жить. Отец вырос в Нью-Джерси и приехал в штат Виргиния, когда ему было уже за двадцать, чтобы унаследовать бизнес от дядюшки. Тогда для железообрабатывающих заводов настали грустные времена: их заменили прославленные машинные цеха. Отец не очень-то разбирался в этом деле — но крайне нуждался в заказах. И вот один парень по имени Аккурсо надул его с мошенническим счетом. На этом всё — столетний фамильный бизнес потонул, и отец остался за бортом. После этого, первого в его жизни, надувательства отец выяснил досконально схему аферы, потом выследил этого Аккурсо и впарил ему поддельные акции, полностью возместив давешний ущерб.

Как я понимаю, еще подростком отец совершал разные мелкие преступления, но лишь после того, как он взялся за мошенничество, его криминальный талант расцвел пышным цветом. Он был простым человеком и придерживался своей среды, стараясь по возможности не облапошивать всяких мелких сошек. У нас извечно склонны романтизировать мошенников, но, в конце концов, он являлся преступником, и, что ни говори, его работа сводилась к

злоупотреблению человеческим доверием. Впрочем, спал он по ночам куда спокойнее, чем многие его сверстники.

От меня эту часть своей жизни отец утаил. Хотя, бывало, он не мог удержаться, его прямо-таки распирало, и он показывал нам, сыновьям, как надо с пользой проводить время, развлекая нас изящным мошенничеством, — чисто ради развлечения.

Так, он устраивал разводку, именуемую «Старая скрипка», затаскивая нас в дорогой ресторан и прикидываясь там путешествующим солидным бизнесменом. Когда приносили счет, он вдруг спохватывался, что забыл бумажник. Намеченному лоху он говорил, что сбегает за наличностью, и оставлял в залог некую антикварную вещицу, с которой он якобы ни за что не расстанется (в классическом варианте это скрипка) и которая приносит ему удачу. Вскоре по его уходу являлся сообщник (при мне этой подсадной уткой выступал Картрайт), который, проходя мимо, обнаруживал «ценный раритет» и, предложив купить его за некую кругленькую сумму, уходил якобы за деньгами. Тут возвращался отец, чтобы оплатить счет. Лох предлагал выкупить у отца вещицу за половину назначенной незнакомцем «кругленькой суммы». Отец — разумеется, с огромной неохотой! — все же соглашался наконец ее продать. Картрайт, как вы понимаете, больше не возвращался за антикварной вещицей. Отец, прихватив половину «кругленькой суммы», побыстрее смывался, а у лоха в руках оставалась безделушка, которой место на помойке.

Как и всякое красивое мошенничество, «Старая скрипка» строилась на том, что жадность лоха и его готовность кого-то нагреть оборачивались против него самого. Точно так же папаша развел и Аккурсо. Картрайт рассказал мне об этом уже спустя годы. Это была все та же «Старая скрипка» — только в куда больших масштабах, и проделывалась она со страховой оценкой компании. Надо сказать, отец всегда дружил с гроссбухами, что и объясняет, как легко он освоил в тюрьме бухгалтерское дело.

Он дважды попадал за решетку. Первый раз его приговорили к недолгому заключению, когда мне было лет пять, второй раз папаша загремел уже на двадцать четыре года, когда мне исполнилось двенадцать. Первый раз его заловили на банковской афере с акциями. Тогда он нацелился снова опустить Аккурсо, обнаружив, что тот проворачивает с другими мелкими бизнесменами тот же финт, что

некогда и с ним. Обычно, окучивая жертву, в качестве приманки используют что-нибудь незаконное или постыдное — свистнутый у кого-то телевизор или набитый бумажник с именем владельца внутри, — и если лох вдруг что-то заподозрит или даже ясно поймет, что его разводят, он просто постесняется обратиться к копам. Аккурсо же был так взбешен прошлой выходкой моего отца, что на второй раз, едва учуяв, откуда дует ветер, вызвал полицейских (что, на мой взгляд, как-то неспортивно: ведь он мог бы, в конце концов, ответить тем же оружием и снова раздеть моего папашу). А поскольку рыльце в пуху было у обоих, копы загребли и того и другого. Я тогда был еще маленький, поэтому едва могу что-то припомнить. Отцу дали год, и отмотал он шесть месяцев, выйдя условно-досрочно. Аккурсо получил два года.

После той краткой отсидки отец вроде как встал на честный путь. Тусовавшаяся у Теда компания всегда с тоской сетовала, что он отошел от дел: ведь они лишились одного из лучших. Он занимался вполне легальным трудом — как я, во всяком случае, считал — в машинных мастерских или в других местах, куда его брали, мама работала секретарем. А потом, когда мне почти исполнилось двенадцать, все однажды пошло прахом. Как-то раз вечером отец сказал, что хочет с друзьями посмотреть бейсбольный матч низшей лиги с «канонирами» принца Уильяма. Я натянул пижаму и, как обычно по четвергам, просмотрев очередную серию «Большого ремонта», завалился спать.

Проснулся я оттого, что мама среди ночи подняла суматоху. Было уже за полночь. Спустившись вниз, я увидел маму возле телефона. Вся словно обмякнув, она сползла у стены на корточки и, кусая ногти, тихо плакала.

Полиция поймала моего отца при проникновении в дом в Пэлисейде, в богатом анклав у реки Потомак на границе округа Колумбия и Бетезды, штат Мэриленд. Я никогда не мог понять, что же все-таки произошло той ночью. Дом этот являлся инвестиционной собственностью одного вашингтонского дядьки с большими связями.

Там просто нечего было красть! Да и вообще, прежде отец никогда не лазил по чужим домам. Ему нравилось мошенничество с его риском и вызовом, нравился сам процесс надувательства — и эдакая роль Робин Гуда, вершащего правый суд над теми, кто этого заслужил. Это мы с моими дружбаками-балбесами чуть позднее

занимались вылазками под девизом «Бей окна, хватай электронику!». Такой профи, как мой отец, и близко бы к этому не подступился.

Никто так и не узнал, зачем он это сделал. На следствии он отмалчивался. Ни слова за все эти долгие годы! Я всегда считал, что кто-то его на это подбил, сам бы он такого не придумал. Но отец отказался сотрудничать с окружным прокурором и на каждой встрече с ним демонстративно молчал. Он никогда не доверял представителям власти и вообще всем, кто хоть отдаленно напоминал политиканов. Он считал, что вся система правосудия — это своего рода крупная мошенническая схема, где его самого «разводят как лоха». И ясно, почему он так думал: налогами правительство подрезало его семейный бизнес на корню, и когда литейная разорилась, «респектабельные» бизнесмены налетели на нее, как стервятники на труп. А может быть, тут сказались годы всевозможных надувательств и афер, когда он выдавал себя за честного, порядочного человека, за опору общества, прекрасно зная, что он попросту бессовестный жулик. Возможно, поэтому за всем, что имело респектабельную наружность, он видел лишь обман.

Размышляя все эти годы о его отказе сотрудничать с законниками, я видел в отце лишь узколобого прохвоста местного пошиба. Он не верил, что прокуратура поможет ему в обмен на его помощь, не воспринимал политики взаимных уступок — не имел ни малейшего представления о том, что мы практиковали в «Группе Дэвиса». Ни-ни! Для него все было просто: лишнего не болтай, своих выгораживай да срок знай себе отстукивай. Этот, с позволения сказать, кодекс воровской чести вырвал отца из семьи — и я думал, что никогда не прощу ему, что он выбрал его, а не нас, что оставил мою мать, брата и меня.

Половину своей жизни я искал ответ на вопрос: зачем грабить пустой дом? Пока шло судебное разбирательство, я подслушивал сквозь тонкую перегородку между нашими комнатами разговоры отца с матерью со спорами и плачем, пока брат спал на нижней койке двухъярусной кровати. И я помню, как однажды ночью мама спрашивала его: «Просто скажи им, что случилось. Расскажи им все как есть».

Я думал, что в полной мере извлек уроки из его ошибок — и как программировать свою жизнь, и как подыгрывать власть имущим. Я

несомненно превзошел своего отца... Так мне, во всяком случае, казалось, пока меня не доставили в наручниках в окружной суд Монтгомери в компании с проститутками и наамфетаминившейся наркотой.

Глава восьмая

Таким образом, все мои попытки держаться от тюрьмы как можно дальше привели меня именно туда. И тут, разумеется, встает философский вопрос: когда ты пристраиваешься над очком посреди камеры, даже если никто на тебя при этом не любуется, — это все так же унижительно? Думаю, да. А что уж говорить про нагрузку на квадрицепсы!

Мы оказались в новехоньком полицейском участке близ Пулсвилла: все выдержано в цветах государственного флага, коврик на полу — обстановка больше напоминала начальную школу, нежели тюрьму. Даже решеток не было — металлические двери и окна с армированным стеклом.

И вот когда я пристроился над очком посреди камеры, у меня возникло ощущение, будто сейчас вся моя жизнь спускается в этот убогий, без крышки, клозет. В то же время я не был так перепуган, как в тот первый раз, когда я в девятнадцать лет оказался в тюрьме. Сказывалось, наверное, то, что нынешним моим соучастником был член палаты представителей конгресса Соединенных Штатов, а не придурок-братец.

На задворках мак-особняка меня, Уокера и пожилого дядьку посадили в немаркированный «форд-краун-виктория» — вместо обычной патрульной машины с клеткой позади салона. Каждого водворили в отдельную камеру с полным VIP-пакетом.

После того как я два часа там протомился, в тюремный коридор спустился помощник шерифа.

— Пошли, — сказал он и препроводил меня в свободный кабинет с небольшим лабиринтом столов.

— Могу я сделать пару звонков? — спросил я. — При любом допросе я требую присутствия адвоката.

— Конечно можете, но...

— Я имею право на адвоката.

Помощник шерифа закатил глаза и подвинул ко мне стоявший на столе аппарат. Первым делом я позвонил Маркусу. Ведь именно он,

гад, втравил меня в эти неприятности, и для них с Дэвисом лучше выволить меня отсюда — и чем скорее, тем лучше!

Пока я слушал гудки в телефоне, мне припомнился старый вашингтонский афоризм: единственный скандал, который трудно затереть, — это если тебя застукают в постели с мертвой девочкой или живым мальчиком.^[39] Вот уж никак не думал, что могу так оскандалиться. Ч-черт! Ну и ночка!

После третьего гудка наконец раздался голос Маркуса:

— Алло!

— Послушай, меня загребли. Я... — Я умолк. Что-то было не так. Голос Маркуса доносился из телефона и одновременно...

Я обернулся. Тот довольно улыбался, прижав к уху мобильник.

— Вы не возражаете? — сказал Маркус помощнику шерифа.

Тот вышел из-за стола. Маркус уселся на его место.

— Что, черт возьми, происходит, Маркус? — вскинулся я.

— Смотри на все проще!

— Небось к утру все газеты растрезвонят! Дэвис в курсе?

— Да успокойся ты, Майк.

— Как ты так быстро здесь оказался? Тебе позвонили?

— Я ж говорил тебе, Майк: фирма не спускает с тебя глаз. Кстати, и как тебе Тина? — расплылся он в широкой улыбке.

Я закрыл глаза, стиснул зубы и мысленно отсчитал от пяти до нуля. Я старательно внушал себе, что если попытаюсь прямо здесь придушить Маркуса, то он, скорее всего, грохнет меня первым, но даже если мне повезет — я как-никак в полицейском участке, не в самом подходящем месте для совершения убийства.

— Вы знали, что затеял Уокер? — Шестеренки в голове у меня закрутились. — Так это была подстава? Это ты вызвал копов?

— Нет, — ухмыльнулся Маркус. — Ты погоди, не забегай впереди паровоза. Мы же следили за Уокером, и у нас появилось предчувствие, что именно сегодня он влипнет в какую-то щекотливую ситуацию. Недавно у него был... ну, скажем, сильный стресс. А еще нам случилось узнать, что полицейские планируют устроить сегодня облаву на этого... как его... — Он щелкнул пальцами, пытаясь вспомнить имя. — Ну, здоровяк такой...

— Сквик?

— Именно. Так что мы глаза разули, уши растопырили, позвонили кому надо — и убедились, что, если что-то сегодня с Уокером, прости господи, стряется, у нас будет возможность его вытащить. Старое доброе «ты мне — я тебе».

— Зачем же ты меня послал на это долбаное шоу? Меня-то на хрена подставил? Что теперь будет?

Маркус потер ладошки:

— Да ничего не будет, успокойся. Протокола-то нет. А насчет Барни Файфа, — кивнул он в сторону помощника шерифа, — не беспокойся. О полиции мы позаботились. Так что все свободны. Можешь пойти к Уокеру и сказать, что ты связался со своим боссом и ему удалось вызволить вас обоих из этого переплета. — Тут Маркус просиял. — Кстати, тот солидный джентльмен, которого тоже замели на вашей оргии, — не кто иной, как глава Лиги защитников семейных ценностей. Крупная рыбина — да еще и в такой подливке! Невероятная удача, что он оказался в нужном месте и в нужное время.

— Так что теперь? Мы говорим Уокеру: или он дает лазейки и нужную резолюцию для ваших сербских дружбанов, или мы его публично оскандалим? Ты, помнится, говорил, что такое откровенное давление не лучший метод — можно и самим в рыло схлопотать.

— Ну да. Поэтому ты пойдешь к Уокеру и дашь ему понять, что мы оказали ему маленькую услугу. И знаешь, что ты за нее попросишь?

— Что?

— Лучший ти-тайм^[40] в Загородном клубе конгресса.

— Что?! Ведь это могла бы устроить твоя помощница одним телефонным звонком!

— Вот именно. Попроси его для начала о простенькой услуге, чисто по дружбе — пусть знает, что ты вовсе не собираешься его поиметь. Вы на пару вляпались в историю, так что теперь вы повязаны. Очень жаль, что пришлось тебя через все это пропустить, но теперь ты знаешь, зачем это было надо. Так Уокер ничего не заподозрит. Если мы засветимся в полицейском участке и предложим ему сделку, это будет грубый шантаж. Начнем что-то из него выдавливать — он, наоборот, извернется и, выбрав момент, укусит нас за задницу.

— То есть мы ничего не будем просить — и в итоге он сам нам все поднесет.

Маркус кивнул:

— Это твой звездный час, Майк. Мы будем оказывать Уокеру услугу за услугой, и потихоньку он начнет воздавать нам сторицей — причем из собственных побуждений. Всякий раз запрашивая чуть больше, ты постепенно подомнешь его под себя. В этом-то самая прелесть: он ничего не прорюхает, а потому и сопротивляться никак не будет. Ты ведь не станешь зажимать его в тиски — ты будешь убивать его потихоньку, тысячью маленьких порезов. И когда в один прекрасный день он нечаянно перейдет черту — он твой. А если начнет выворачиваться — ты обмолвишься, что он уже давным-давно продал свою душу и что у тебя есть улики, чтобы его прихлопнуть, если он вздумает увильнуть. Это долгая игра, Майк. Матч высшей лиги!

В такие игры отец любил играть — но никогда меня этому не учил.

— Мог бы, по крайней мере, предупредить. Намекнул бы как-то для дураков.

— Что я тебе говорил о контрразведке?

— Бог ты мой, Маркус, сейчас четыре часа утра! И ночь у меня была... еще та. Можно обойтись без этой викторины?

Он молча ждал ответа.

— Испытываете своих агентов на надежность? — спросил я.

— Умница. Однажды и мы тебе пригодимся.

— Чушь собачья! Вы проверяли меня, макали носом в дерьмо — непонятно для чего.

Маркус поднял ладони: дескать, как знать, как знать...

Великий сфинкс Калорамы сказал все, что мог.

Доставленная из притона компания — психический торчок, Сквик и Уокер — с овечьей робостью ожидала в приемной полицейского участка. Девицы и дядька в летах успели испариться. Я уже объяснил Уокеру, как Маркусу удалось отбить нас у копов.

— Вы хотите... уфф... То есть мы можем вернуться? — спросил Уокер.

— Ну разумеется! — весело ответил Маркус, точно речь шла о том, чтобы досмотреть захватывающий матч по софтбоулу, а не вернуться в пристанище разврата.

Все вместе мы погрузились к Маркусу в «мерседес AMG» и покатали обратно к наркомовскому притону. Очевидно, у меня начала вырабатываться привычка возвращаться на место преступления.

На мою долю выпало немало несурзных поездок на авто, но эта была вне конкуренции. Уокер был еще слегка под кайфом: под глазами фиолетовые круги, взгляд отсутствующий — хорошо, хоть старался зубами не скрипеть. Маркус включил радио, и стало немного веселее. Но только минут на пятнадцать — потом запустили «Сына проповедника».^[41] Этого я уже не вынес, вырубил Даста, и оставшуюся часть пути мы одолели в тишине.

Когда мы высадили Уокера недалеко от его машины, я отметил, что на сей раз он полностью растерял свой фирменный шарм. Выглядел Эрик совершенно потухшим и разбитым.

— Я даже не знаю, что сказать, — взглянул он на меня. — Спасибо тебе. Если я могу что-то для тебя сделать в знак благодарности — дай мне знать.

— Ммм... — Я сразу и не нашелся что ответить. Он весь сжался, словно его собирались побить, и уже готовился, что его начнут шантажировать. И в самом деле, на Уокера у нас набралось столько всякой грязи: и наркотики, и мальчишки, и шлюхи, — что мы уже раза четыре могли бы его уничтожить. — Да, собственно, не за что благодарить. Всего лишь выручил друга. Слушай, а может, возьмешь меня на пару раундов в гольф-клуб конгресса — и будем считать, что мы квиты?

Несколько мгновений Уокер изумленно смотрел на меня с явным облегчением. Потом весь залучился, взял мою руку и, радостно потискав ее, кивнул:

— Ну конечно!

Он пошел к своему авто, открыл дверцу и, когда я уже направился прочь, сказал мне вдогонку:

— Если я что-нибудь могу для тебя сделать — не стесняйся, дай мне знать. Сделаю все, что угодно.

Наблюдавший все это с водительского места Маркус подбадривающе похлопал меня по плечу, когда я, кислордый, сел

обратно в машину. Уокер считал, что он только что выпорхнул из клетки, а силки-то вокруг него еще только расставлялись. Бедняга думал, будто обрел настоящего друга в Вашингтоне!

Пока мы ехали домой, я все думал, почему же Маркус даже не намекнул о том, что произойдет этой ночью в наркопритоне. Этому были, возможно, свои объяснения. Чтобы заставить Уокера поверить, будто мы с ним в этом повязаны? Ну да, логично. Чтобы такой злобной выходкой испытать меня на прочность? Может, и так. Но мысленно я все возвращался к тем четырем пунктам: Деньги, Идеология, Компрометация давление и Самоуверенность — и припоминал, какой таинственный вид напустил на себя Маркус, когда я спросил насчет третьего пункта: что у него на меня есть? Как дополнительный бонус от моей недалёковидности теперь он имел на меня довольно действенный компромат.

Все это, вместе взятое, оставило крайне неприятный осадок. Ведь когда я прижучил Гулда на взятках, заныканных по коричневым пакетам, было однозначно ясно, что попался господин на нехорошем деле, и его вынудили подписать нужный документ, проводя таким образом некую нужную политику... Все ж таки как-то подозрительно легко нынче Маркус обошел закон (хотя, разумеется, я очень рад был тому, что он это сделал). Выглядело так, будто мне не просто намекали не мешать про исходящему, но и подбивали помочь Уокеру самому себя свалить, чтобы потом можно было наброситься на него, разбитого, и получить свое.

И в изложении Маркуса все было вполне убедительно: и что Уокер захочет этой ночью хорошенько оторваться, и что полицейские отправятся накрывать Сквика, и что оба эти факта удачно совместятся на пользу «Группе Дэвиса». Не знаю, Маркус ли вызвал копов, — для меня это лишь звено долгой цепочки совпадений. Но я хорошо понимал, что жесткая игра — часть нашей работы и что, заключая какую-то сделку, нужно всегда быть начеку. И мне уже стало любопытно: как далеко может зайти мое начальство, чтобы получить желаемое? И может, в отцовских предостережениях есть-таки зерно истины?

Маркус предложил подкинуть меня до дома, но я вежливо отказался, попросив высадить меня там, где провела ночь моя машина. И уже спеша к маленькому домику своей мечты, ставшей реальностью

благодаря моей работе, я забил на все эти подспудные тревоги. Я был совершенно выжат, мозг еще лихорадила мысль о полном крахе.

Все, что мне говорили об округе Колумбия, подтверждалось: хочешь друга — заведи собаку и никогда не развлекайся на вечеринках. Особенно если рядом рыскает «Группа Дэвиса».

Глава девятая

Однако и теперь я не мог расслабиться: ведь я провинился перед Энни. Еще возвращаясь из штата Мэриленд, я поглядывал на часы, которые, точно тикающее взрывное устройство, отсчитывали время к шести тридцати, когда у Энни зазвонит будильник.

Если я вернусь домой до того, как она проснется, то смогу ополоснуться в душе, нырнуть в постельку — и никто ничего не узнает. Но это было в высшей степени невероятно. В шесть утра трасса 1-270, ведущая в округ Колумбия, уже начинает забиваться транспортом. Забрав свой джип в Джорджтауне, я начал молить Бога, чтобы Энни еще спала.

К шести тридцати Коннектикут-авеню обычно походит на автостоянку. Пока я протолкаюсь через пробку, Энни как минимум уже будет додремывать перед второй трелью будильника, и, понятное дело, ее сон не будет таким крепким, чтобы она не заметила, что я не ночевал дома.

О чем там говорить — я не успел даже к семи! Все было потеряно. Энни в это время уже одной ногой на выходе. Я стал судорожно думать, как спасти ситуацию, но в измученном мозгу не родилось ни одного более или менее удачного объяснения. И я решил не врать, но и не выдавать всей правды: дескать, по работе мне пришлось пасти Уокера, и он продержал меня всю ночь. Мол, признаю свою вину и готов понести наказание. Энни несколько дней подуетса — но это ничто по сравнению со всеми заморочками этой ночи. И все будет отлично...

Если не считать того, что помимо встревоженной Энни дома меня поджидало нечто более серьезное. На моей террасе, в моем кресле, с моей газетой в руках сидел не кто иной, как сэр Лоуренс Кларк.

Я поздоровался.

Он не ответил, лишь улыбнулся. Он занял хорошее место, чтобы лицезреть, как меня будут распинать.

— Майк? — послышатся голос Энни из открытого окна в кухне. Вскоре она распахнула дверь: — Где ты был?

— Работал, — отозвался я. — Я тебе потом все объясню.

Я надеялся, она не заметит на моей штанине мерцающих Наташиных блесков.

— Хорошо. — Она, конечно, была расстроена, но не безнадежно. — Папа хотел с нами позавтракать. У тебя есть время?

— Разумеется, — ответил я, еще пытаюсь сориентироваться в ситуации. По крайней мере, я хотел поприсутствовать на этом завтраке, чтобы как-то воспрепятствовать тому, что задумал коварный сэр Ларри.

Энни вернулась в дом, чтобы закончить приготовления.

Отец ее все так же улыбался, крайне довольный собой. Судя по всему, он хорошо был осведомлен, чем я занимался минувшей ночью. А учитывая, что этот мужик рвался повесить меня при первой же возможности, игру свою он, наверно, решил вести так: заловить меня у дома с поличным... И что дальше? Разоблачить меня на месте, чтобы Энни немедленно разорвала со мной отношения?

Что ж, неплохая игра, под стать шахматам. У него было немало времени, чтобы подготовить удар. После сумасшедшей ночи я, конечно, туго соображал, но все же не был совсем уж не готов к его ходу.

— С нетерпением этого жду, — добавил я, улыбнувшись сэру Ларри.

Веселость тут же сбежала с его лица — похоже, до него дошло, что ему не удалось зажать меня в угол, как он рассчитывал.

— И что вы намерены ей сказать? — любопытно спросил я.

— Думаю, тебе первому предоставлю объясниться, где тебя всю ночь носило.

— Можно и так, — сказал я, глядя на горизонт, где пробуждающееся солнце еще скрывалось за рыжеющими облаками. — Или, может быть, вы лучше расскажете ей о пожарах в Барнсбери?

Кларк стиснул челюсти и воззрился на меня свысока:

— Что в Барнсбери?

В его голосе тут же прорезались угрожающие нотки и какой-то плебейский акцент. И я начал понимать, почему сэр Ларри с первой же встречи меня возненавидел: во мне он увидел себя самого — парня, что нечестным путем втерся в респектабельную жизнь.

Барнсбери был рабочей окраиной на севере Лондона, где Кларк сколотил себе первоначальный капитал на операциях с

недвижимостью. Барнсбери был и моим козырем, призванным помочь мне избавиться от «опеки» сэра Лоуренса. Я нарыл на этого господина как раз то, что надо. Раньше я не был на сто процентов уверен, что смогу угрожать ему сведениями о Барнсбери, но по его реакции понял, что попал в десятку.

Теперь, когда я почти год проработал на Дэвиса, воздействовать на людей сделалось моей второй натурой. Кларк оказался преинтереснейшим экземпляром, поскольку на первый взгляд был кристально чист. Я со всей страстью взялся за его разоблачение, намотав на ус мудрый совет Генри: любого можно прижать к ногтю, если нащупать верные рычаги.

Как-то раз, просматривая старые судебные дела Соединенного Королевства, я наткнулся на несколько исков, касающихся ранних сделок Кларка по застройке в Северном Лондоне. Все эти дела были закрыты, так что никаких полезных для меня документов там не нашлось, но я связался с парочкой адвокатов, представлявших оппонентов. От их клиентов якобы откупились. Однако юристы в разговоре со мной схитрили: первые сделки Ларри были окутаны дымом. Как нельзя более кстати вспыхнули три пожара, очистившие местечко от жильцов, и очень скоро Барнсбери из рабочей окраины превратился в суперблагоустроенный микрорайон для лондонской элиты. Ларри пятикратно увеличил свои инвестиции и, со временем превратив эти богатства в миллиарды, основал на них хедж-фонд.^[42]

Подозреваю, что Кларк, как и многие прохвосты, был уверен, что его преступления канули в Лету, не оставив никаких следов — разве что в памяти нескольких престарелых адвокатов, — и никогда уж не всплывут. Оно и к лучшему. Я не собирался валить сэра Ларри с пьедестала — лишь инстинкт самосохранения превратил в оружие всю ту дрянь, что я случайно накопал.

— Не будем делать глупостей, мистер Кларк, — сказал я.

— И что ж ты такое узнал? — прищурился он.

— Более чем достаточно.

— Ты хочешь денег? Так вот зачем все это! Вот зачем ты приволокнулся за моей дочкой! Чтобы подобраться ко мне?!

Судя по столь горячей реакции, он был уже мой. Но любой мошенник вам скажет, что разъяренный лох — опасная штучка. Такие сделают все, лишь бы отомстить.

Так что теперь жертву следовало малость остудить. И отец, и Маркус хорошо знали это правило.

— Нет, — невозмутимо ответил я, — ни в коем случае. Я упомянул об этом исключительно для того, чтобы вы знали: я на вашей стороне и блюду интересы вашей семьи как собственные.

Я знал, что у Ларри чрезвычайно широкие связи в финансовых кругах Нью-Йорка, но с тех пор, как он переехал в округ Колумбия, он слишком много занимался охотой на лис в своем поместье, чтобы должным образом закалиться политически. А значит, он был слабым, малоинформированным субъектом, вполне созревшим для чьего-то блефа.

— Если я знаю о Барнсбери, значит, вы не можете быть уверены, что об этом не узнают и другие. Я упомянул об этом факте, только чтобы дать понять: я смотрю в оба. И чтобы уверить вас: никто — ни органы безопасности, ни Комитет по финансам — не попытается вас очернить. Банкиры нынче не самая популярная братия. Я предлагаю ничью. Мировую.

Такой жест был совершенно в духе Дэвиса: вымогательство, замаскированное под защиту.

— И что ты хочешь взамен? Мою дочь?

— Я ничего не хочу от вас получить. Я хочу только иметь честный шанс доказать, что я достоин Энни.

Она между тем открыла дверь:

— Готовы?

— Абсолютно, — отозвался я.

Выражение лица у Ларри сменилось с гнева на предупредительность.

— Знаешь, Майк, — сказал он, — раз уж ты всю ночь проработал, перенесем-ка это на другой раз.

— Нет, ну что вы, — улыбнулся я.

Кларк ошутимо ворочал извилинами — как минимум он всерьез размышлял над моими словами. Мне удалось отвлечь его от своей оплошности — и в то же время не разъярить настолько, чтобы он очертя голову бросился меня топтать. Это была победа. И как бы ни был я измочален прошедшей ночью, больше всего на свете мне хотелось усестыся с сэром Ларри за омлет, доставшийся мне такой

дорогой ценой. Но еще больше мне хотелось понаблюдать, как извивается этот самодовольный ублюдок.

После того ушата дерьма, который минувшей ночью опрокинули на меня мои боссы, это было хорошим напоминанием, что работа в «Группе Дэвиса» дает великие преимущества — например, возможность походя, в ожидании завтрака, зажать в кулак крутого миллиардера.

Глава десятая

В Колумбии мне понравилось. В стороне от контролируемых партизанами районов близ Панамы сейчас вполне спокойно — это уже давно не то жуткое стрельбище, как в последние годы Медельинского картеля.^[43] Женщины там невероятно красивы — но главным моим пристрастием был все же кофе. Колумбийцы пьют его постоянно. Даже в полночь, при влажной тропической жаре, на какой-нибудь полупустой городской площади непременно прохаживается парень с термосом, предлагая чашечку «тинто», — и у него нет недостатка в покупателях. Это местечко как раз для меня.

Я пробыл в Колумбии четыре дня. Мы с Генри гостили у Радо Драговича — грозного сербского вожака, который и финансировал «обольщение» конгрессмена Уокера. У него имелся чудный домик в модернистском стиле на карибском берегу, недалеко от национального парка Тайрона. С одной стороны — переливающаяся до самого горизонта мягкая синева Карибского моря. С другой — горы, вздымающиеся на пять с половиной километров. Для сравнения представьте Скалистые горы у Тихого океана или Биг-Сур в Калифорнии, только вчетверо выше, и вы поймете мой восторг.

Все мои сотрудники, включая Энни, с трудом скрывали зависть, когда именно меня выбрали лететь в командировку с Генри Дэвисом в настоящий рай.

Я предположил, что мы едем с целью окончательно подбить с сербами все детали: какие конкретно лазейки им нужно обеспечить в новом законодательстве по международным отношениям, которое вот-вот будет принято. Как и предсказывал Маркус, Уокер оказался наиболее подходящей для этого кандидатурой. Однако, несмотря на свою деловую часть, столь дальняя поездка в основном состояла из отдыха. Мы остановились в гостевых домиках в бывшей рыбацкой гавани, которую богатенькие эмигранты из Европы превратили в городок сплошных удовольствий.

После почти что года работы у Дэвиса по девяносто часов в неделю этот отдых и расслабление показались мне чем-то сверхъестественным. Я уяснил тогда две вещи. Во-первых, после

щекотливого случая с Уокером Дэвис держался со мной очень приветливо — еще и подкалывал порой насчет ночной оргии. А во-вторых, это не могло продлиться долго.

Самой трудной для меня задачей в тех далеких краях было избегать дочки Радо, Ирины. Она нарисовалась на следующий день после моего прибытия, и не одна, а с компанией гламурных подружек, таскавшихся за ней везде и всюду. Мне мимоходом уже случилось видеть Ирину — на той злополучной вечеринке у Чипа, когда меня приставили к Уокеру. Как раз с ней конгрессмен и болтал тогда о колледжах. Ей было двадцать—двадцать один. Вероятно, закончив колледж, она на пару лет осела в Джорджтауне, выбирая между Йелем, Брауном и Стэнфордом для завершения образования.

Девочка, конечно, была мозговитая, однако на первый взгляд Ирина и ее подружки казались девицами легкого поведения. Темные очки, фирменные шмотки от известных модельеров, да еще и манера курить с таким независимым видом, какой нередко свойствен сопливым девам. Ирина явно верховодила в своей компании. Думаю, выражение «сексапильная малолетка» подходило к ней как нельзя кстати. У нее была потрясающе соблазнительная фигура и темные манящие глаза средиземноморской искусительницы. Не то чтобы она была самой прекрасной девушкой, что я когда-либо встречал, но красота ее сражала настолько, что могла бы кого угодно довести до греха. Самое убийственное в этой девице было сочетание ее облика — конечно, восхитительно-прекрасного, с полными губами и миндалевидным разрезом глаз — и самого взгляда... Представьте лицо человека в финале роскошного ужина, после нескольких стаканчиков вина — этот соблазняюще-томный взгляд, откровенно взывающий: уведи меня отсюда, затащи в постель... Такое выражение лица у нее было постоянно — и приводило меня в замешательство.

Однажды на пляже мне случилось оказаться объектом ее атаки. Она стала расспрашивать меня, чем я занимаюсь и какое дело связывает меня с ее отцом.

— Ты ведь работаешь непосредственно с Генри Дэвисом?

Ирина как будто прощупывала, достаточно ли я крут. В джинсовых шортах и лифчике от купальника-бикини, она подседала ко мне так близко, что, наклоняясь смахнуть какую-нибудь букашку, то и дело задевала грудью мое плечо. В целом представление выглядело

вполне убедительно. Глаза этой коварной девицы, можно сказать, плавили мой самоконтроль, испуская гипнотические лучи. Но я столько успел повидать, пока работал у Дэвиса, что сильно остерегался любопытных дамочек с пышными сиськами и теперь сделал все возможное, чтобы от нее отделаться. Судя по всему, мое безразличие к Ирине выглядело недостаточно убедительным. Старательно поизобразив несколько минут потаскуху из нуара, она заглянула мне в глаза:

— Тебя запугали плохие девочки?

Ужасно, — ответил я и вновь обратился к моему пляжному чтиву (и впрямь с «Политикой принятия решений»^[44] Лафонта и Тироля только успевай листать страницы!).

Ирина отошла на несколько шагов, все не сводя с меня призывных глаз, затем отвернулась и ушла прочь, вероятно рассчитывая найти какое-нибудь увеселение в тенистой части пляжа.

Подкупающе забавно было видеть, как девушка упивается своей новоприобретенной властью и пользуется сексапильностью как рычагом воздействия даже на самых хладнокровных мужчин. Вот только не получалось из нее игривой Лолиты: в Ирине ощущалась наработанная уверенность опытной куртизанки... Впрочем, кто я такой, чтобы так говорить? Я вынужден был тихо сидеть с книжечкой на волноломе, изображая самую бесстрастность, в ожидании, пока мой вставший предатель окончательно откажется от своей волнующей надежды.

Двоих подчиненных Радо — Мирослава и Александера — мне тоже довелось встречать в округе Колумбия. Оба были такими доморощенными головорезами и так называемым евротрэшем — отбросами цивилизованного общества. Так что я был приятно удивлен, обнаружив, что Радо Драгович — субъект совсем другого пошиба. Он всегда носил шитый на заказ костюм, и казалось, его потовые железы не работают даже здесь, в тропической жаре. Изъяснялся он с легким акцентом и обычно вычурными оборотами типа «уж не взыщите» или «кого бы там ни пристало», неизменно добиваясь результата.

Дом его находился в полумиле от того поселка, где остановились мы с Генри. И вот однажды Мирослав, Александер, Радо, Генри и я попиwali в саду у Радо игристое «Просекко», наблюдая солнечный закат. Драгович разглагольствовал о разных травках, которые он

предполагал присовокупить к нынешнему ужину, и, рассказывая об их тонких различиях, растирал листочки между пальцами и вдыхал эфирные масла.

Дом был весь открыт океанскому бризу. Стало слишком ветрено, а потому Радо увел нас обратно в кухню и принялся разливать о великолепных особенностях стейка «Тартар», а именно какое там все свеженькое — и зелень, и яйца, а особенно мясо.

Впервые на моих глазах Радо снял пиджак, закатал рукава рубашки до локтей и велел Мирославу вынуть из холодильника говяжий бок.

— Флору забили два часа назад, — сказал Радо, любовно похлопывая по куску туши.

Длинным ножом дамасской стали он единым движением срезал со спины филей и принялся уверенно отделять кожу и жир.

— Я люблю сам разделять мясо, — плотоядно улыбнулся он.

Мне страшно хотелось чем-нибудь заняться — это ничегонеделание нагоняло беспокойство. Я вообще люблю быть при деле. К тому же, глядя, как Радо ловко орудует ножом, я уже не чувствовал себя так бойко при виде Ирины. Та спустилась в кухню в полупрозрачном одеянии и теперь, грызя яблоко, строила мне глазки через стол.

Радо между тем не умолкал, распространяясь об ужине из шести блюд. И что самым изумительным блюдом из средиземноморских певчих птиц признана сочная, жаренная на гриле славка, и что наиболее язвительным из ранних фильмов Эмира Кустурицы является «Андерграунд», и что для коктейля «Сазерак» лучше всего подходит виски «Фамильный запас Ван Винкля»... Больше я не выдержал. Я решил вернуться к вопросу о воздействии на Уокера — мне хотелось немедленно узнать, чего конкретно хочет Радо и сколько он намерен заплатить.

— Итак, мистер Драгович, чем мы можем помочь вам в Вашингтоне?

Собравшаяся к ужину компания отреагировала на мои слова так, будто я наклал в крюшон. Генри поспешил меня спасти, сменив тему беседы.

— Так кто нынче делает лучший абсент? — спросил он Радо, и хозяин, одарив меня покровительственной улыбкой, переключился на

абсенты.

Ох уж эти чертовы южноевропейцы! Они, видите ли, не могут обсуждать дела за столом! Лишь спустя четыре часа наш ужин плавно перетек в десерт и кофе, а те, в свою очередь, — в возлияния. Радо вытянул откуда-то бутылку мерзкого с виду, темного напитка с азиатской вязью на этикетке и принялся разливать по бокалам. Какой у него был вкус, сказать затрудняюсь, поскольку после первого же маленького глотка во рту возникло такое ощущение, будто мне впрыснули туда зараз двойную дозу новокаина. Мне тут же сделалось нехорошо.

Хозяин между тем предложил всем переместиться вместе с выпивкой в библиотеку. Ну наконец-то! Хоть как-то ближе к делу!

Драгович заново наполнил стаканы, и я заметил, что в бутылке с этим дальневосточным зельем что-то плавает.

Генри изложил детали договора — предельно точно, без малейшего словоблудия. Никаких юристов, никаких авансов. Просто дружеская сделка: вы даете нам двадцать миллионов долларов, а мы воплощаем в жизнь нужный вам закон — все как полагается, официальный законодательный акт правительства Соединенных Штатов, пропущенный обеими палатами и подписанный лично президентом. Он, конечно, явится подпунктом более крупного документа — но закон есть закон. Если же «Группе Дэвиса» не удастся его провести, Радо ничего не будет нам должен.

Радо, казалось, был вполне удовлетворен такой постановкой вопроса.

— Высшая законность есть высшее беззаконие, — изрек он чужую мысль и глотнул из стакана.

И они пошли цитировать Цицерона. Черт подери! Я едва сдерживал раздражение.

— Это соджу из Северной Кореи, — кивнул на бутылку Радо, — редкостная штука. Семилетней выдержки, из запасов для партийной элиты.

Он вновь наполнил стаканы — в бутылке, совершенно точно, плавала дохлая черная змея.

— Там гадюка, — пояснил Радо, заметив мой брезгливый взгляд. — Яд сообщает напитку некоторую сладость.

Вот уж порадовал!

— Двадцать миллионов американских долларов, — задумчиво проговорил он и принялся шагать по комнате, поглядывая сквозь окна на качающиеся в Карибском море далекие огоньки.

Это все, что он успел сказать. Подозреваю, у него была своя стратегия ведения переговоров, но в данном случае она не сработала: в дверь постучали, и вошел слуга с запиской для Генри. Дэвис прочитал, показал Радо, и серб распорядился:

— Разумеется, проводите его сюда.

Минуты три спустя Маркус уже рассыпался в извинениях — чертовски помятый и взъерошенный, с цифровым диктофоном в руке. Предполагалось, что он поедет сюда вместе с нами, но в последний момент что-то задержало его в округе Колумбия. Маркус коротко пошептался с Генри, и они вдвоем, извинившись, удалились.

У Маркуса была одна привычка: обсуждая что-то крайне важное или секретное, он врубал музыку — вероятно, из давнишней своей боязни «жучков». Как и следовало ожидать, очень скоро из маленькой комнатки, где уединились Дэвис с Маркусом, грянула ария.

Минут через десять они вернулись в библиотеку с застывшими серьезными минами. Генри попросил нас оставить его с Радо на минуту наедине. Я не представлял, что происходит, но ясно было одно: серб сейчас ухватится за предложенные двадцать миллионов, поскольку цена, похоже, успела возрасти.

Еще двадцать пять минут мы прождали снаружи, пока Дэвис с Радо совещались в библиотеке. Несмотря на явно высокий градус этого соджу, внезапное появление Маркуса меня отрезвило. Может, они решили немножко развести Радо, обрушив на него некие малоприятные вести и тем самым набив себе цену?

Как бы то ни было, меня в это не посвятили. Наконец Генри с Радо показались из библиотеки. Они ни словом не обмолвились о том, к чему пришли в своих переговорах, только всё о чем-то перешептывались. Маркус отдал диктофон помощнице Дэвиса — вероятно, чтобы транскрибировать запись.

Набравшись терпения, я выждал некоторое время и наконец подошел к Генри с Маркусом:

— Что происходит?

— Мы бы предпочли оставить это между собой, — ответил Маркус. Иными словами: «Отвали, пацан!»

Что ж, по крайней мере, честно. Я и не претендовал на то, чтобы все знать, — однако в последний раз, когда я попал в переделку, имея недостаточно информации, меня едва не вспахал двадцатикилограммовый верзила Сквик. Мне надо хотя бы знать, как все это отразится на моем аспекте операции «Радо — Уокер».

— Ладно, — ответил я. — Тогда хотя бы просветите меня, какие наши дальнейшие шаги с Уокером.

Маркус и Генри обменялись взглядами, не предвещающими ничего хорошего. Дэвис, похоже, решил лечь на амбразуру:

— Знаешь, Майк, мы решили вывести тебя из игры.

Я остолбенел. Удивленно моргая, я переводил взгляд с одного на другого, точно полный идиот.

— Что?! Я только раз промахнулся с этим чертовым этикетом — и все? Меня турнули?

— Дело не в этом, — ответил Маркус. — Ты ничего не напортачил.

— Это связано всего лишь с введением поправки к закону, — добавил Генри. — Кое-что изменилось. У нас теперь задействованы величины совершенно иного порядка. Для тебя это совсем уж чересчур, Майк.

Я мог бы, конечно, поскулить насчет того, что меня зачем-то притащили в Южную Америку, хотя мне было чем заняться и в округе Колумбия, и что я зря потратил целую неделю, и что мне вообще не по себе от того, что меня держат в неведении, но это не принесло бы ничего хорошего.

— Я ведь это заслужил, — сказал я. — Я рисковал, я цеплял на крючок Уокера. Я готов понести ответственность. Возьмите меня в дело. Я вас не подведу.

— Мы тебя же пытаемся защитить. Тебя выслеживают как участника. Для твоей же безопасности лучше выйти из игры. Здесь одно неверное движение — и ты пропал. Причем безвозвратно.

С минуту я переваривал услышанное — и решил оставить все как есть.

— Я все понял, — ответил я. — Благодарю за откровенность.

И, оставив их решать свои дела, я вышел наружу. Они что, считают, что с лихвой оплатили мою исправную солдатскую службу? Если они думают, что я вот так просто могу все бросить — одним

движением выключателя погасить азарт пройдохи — или же позволю снова задействовать меня вслепую, — плохо они тогда знают человеческую природу!

Мне требовалось узнать, что же изменилось в деле Радо и о чем та запись на диктофоне. Отчасти мною двигало простое любопытство, отчасти самолюбие. Я проделал сложную работу и вполне заслужил свою роль в той игре, что они теперь затеяли. Впрочем, этим дело не исчерпывалось. С тех пор как Дэвис с Маркусом запустили меня вслепую пасти в притоне Уокера, я держал с ними ухо остро. Я был настолько посвящен в дело Радо — Уокера, что был уверен: если новый план этой парочки потерпит неудачу, я не тот человек, кого они сделают козлом отпущения. Вот бы мне посчастливилось нарыть что-то против моих начальников — хоть какой-нибудь рычаг воздействия, — тогда в момент опасности я мог бы целым и невредимым скрыться от обоих.

Генри взял меня в дело только потому, что я чертовски пронырливый гаденыш, — и я, конечно же, не мог его разочаровать.

Генри с Маркусом собирались немного побродить возле дома Радо, чтобы выработать ответные действия на грандиозную новость, изменившую сценарий игры с Драговичем. Помощница же Дэвиса отправилась в город, в свой гостевой домик, с диктофоном Маркуса и поручением транскрибировать запись.

Разумеется, я вызвался проводить женщину до дома. Кто знает, какие мерзкие типы могут подкараулить ее на пути!

Я повел ее кружным путем, обойдя за два квартала лодочные мастерские и автомагазины, а это значило, что до отеля нам несколько минут предстояло идти вдоль берега.

Помощница Генри — звали ее Маргарет — несла диктофон в руке. Она служила секретарем при Дэвисе уже десятки лет — еще со времен его бытности в правительстве. Это была женщина пятидесяти с лишним лет, с неизменно убранными в пучок волосами и в тщательно отутюженной одежде. Она без преувеличения являлась человеческим эквивалентом надежного сейфа.

Вверенный ей в руки диктофон заключал в себе разгадку той большой новости, что получили Генри с Маркусом, но Маргарет уж точно не дала бы мне послушать ни секунды. И я знал, что, как только

запись попадет обратно в Вашингтон, ее сразу упрячут в тайное хранилище Дэвиса, оборудованное внушительно и недоступно.

Однажды мне довелось видеть, как босс оттуда выходит. Вход в хранилище скрывался за фальшивой стенной панелью в его кабинете. То, что я хоть мельком увидел, где оно находится, возможно, явилось некоторым просчетом с точки зрения безопасности, однако это мое знание ровным счетом ничего не давало, поскольку запиралось хранилище надежным биометрическим замком. Чтобы его вскрыть, самый что ни на есть матерый специалист продолбался бы с этим механизмом часов двадцать кряду. Так что если я хотел послушать, что же там такое записано, я должен был заполучить диктофон здесь, в Колумбии.

Я болтал о том о сем, идя со своей спутницей вдоль берега моря, пока вдруг не обнаружилось, что мы топаем не одни. Маргарет глянула назад через плечо, потом обернулась еще раз — и как-то вся напряглась, подобралась и заметно ускорила шаг.

— Нас кто-то преследует, — сообщила она мне.

— Все будет нормально, — ответил я. — Сохраняй спокойствие.

Я оглянулся. Высокий жилистый чернокожий туземец лет сорока пяти тащился по нашим следам. У него были взлохмаченные волосы и тронутая сединой борода.

Между тем луна спряталась от нас за пальмовой рощей.

— Так темно, ни черта не разобрать. Ты на свету не заметила, в какие цвета он одет? Черный с синим?

Маргарет мгновение поколебалась, вспоминая.

— Кажется, да. А что это означает?

— Похоже, из местной шайки, — нахмурился я. — Думаю, все обойдется, если не засветим что-нибудь ценное.

Она показала мне на ладони диктофон — маленькую серебристую штукювину за триста пятьдесят баксов. На Маргарет было платье — соответственно, карманов не имелось, — сумочку же она оставила в гостевом доме.

— Можешь у себя это спрятать? — спросила она.

— На мне есть поясной кошелек, — ответил я, и женщина передала мне диктофон.

Преследовавший нас мужик прибавил ходу, мы же в ответ попытались выдержать дистанцию. Метров за пятьдесят до отеля наш

«спутник» принялся еще и что-то бормотать, и Маргарет едва ли не бегом устремилась к парадной двери.

Ну что, цель в руках. Теперь надо сдать отсюда дамочку.

— Вот те раз! — выдохнул я и кивком указал за угол. — Там, кажется, несколько ребят из Эхерсито.^[45]

На самом деле все побережье контролировалось колумбийскими военными. Когда невдалеке бродят крепкие шестнадцатилетки в «брониках», с минометами и штурмовыми винтовками «галиль», неподготовленному человеку, впервые попавшему в Колумбию, делается как-то не по себе. Впрочем, скоро становится ясно, что эти молодцы здесь для того, чтобы янки не похищали детей и при случае не обтряхивали местных.

— Скажу им, чтобы понаблюдали за этим типом, — сказал я спутнице. — А ты иди наверх.

— Ты уверен?

— Да, со мной все будет хорошо, — соорил я добровольного страдальца. Тот еще прощелыга!

Маргарет без лишних уговоров убралась в здание.

Никаких солдат за углом, конечно, не было. Мужик в сине-черной одежде был уже в пятнадцати шагах. Он осторожно подобрался ко мне бочком и тихо забормотал:

— Ганджи... Кока... Ганджи... Кока...

— Не стоит благодарностей, Рамин, — сказал я, вручая ему за хлопоты около трех долларов в песо, и двинулся в обход гостиницы к задней лестнице.

Я нимало не переживал из-за того, что надул Маргарет. Это вообще оказалось очень просто сделать, когда месяцами я только тем и занимался, что завоевывал доверие людей. Мне во что бы то ни стало надо было услышать запись с этого диктофона.

Свою «жертву» следует хорошенько знать — и я был уверен, что Маргарет станет выполнять приказ Генри даже под угрозой смерти. Нынешним вечером ей было дано простое задание: охранять диктофон. Это усложнило мне задачу. Я мог бы, конечно, просто силой вырвать диктофон у нее из рук, но это вышло бы совсем некрасиво. Поэтому я представил перед женщиной другую опасность — куда страшнее, чем я. И чтобы спасти диктофон, она препоручила его

человеку, являвшему на тот момент гораздо меньшую угрозу, — милому, кроткому Майку.

Рамин был местным типом, постоянно промышлявшим на пляже. Он вечно ходил в замызганных черно-синих обносках, напоминавших форму футбольного клуба «Джерси» (насчет того, что это цвета здешней бандитской шайки, я придумал, чтобы обдурить Маргарет). В дневные часы Рамин продавал на пляже поддельные кубинские сигары. С наступлением же сумерек он торговал наркотиками, а также пытался подзаработать на забредающих сюда туристочках. Если отловить его достаточно поздно (а к двум пополудни Рамин, как правило, бывал уже слегка под дурью, точно отобедал рыбой фугу), он начинал горько плакаться о своих голодающих детях. Выглядел этот мужик устрашающе, но был совершенно безобидным. Как раз то, что надо, для моих целей! Я специально повел Маргарет через пляж, чтобы наткнуться на Рамина, напугать ее и вынудить тем самым отдать мне диктофон.

На карте памяти в диктофоне имелась пометка: «Объект 23. Городская линия». Мне хватило полминуты, чтобы скопировать ее содержимое к себе в лэптоп, и я припустил к номеру Маргарет:

— На-ка, не забудь! — И вручил ей диктофон с возвращенной на место картой.

— О, спасибо тебе, Майк! — обрадовалась женщина. — Не представляешь, как бы мне влетело, если б я только выпустила его из виду.

Дождавшись, пока уснут остальные постояльцы, я подключил к ноутбуку наушники и принялся слушать запись.

— *Я вот-вот получу нужную информацию,* — послышался голос мужчины средних лет. — *Надеюсь, мне хватит на это времени.*

Говорящий явно волновался, но, судя по манере речи, обычно этот человек бывал выдержан, уверен в себе, обладал изрядным красноречием и привык говорить на публику.

— *Хватит времени?* — эхом повторил его собеседник.

— *Они могут что-то знать о том, что я ищу,* — не знаю уж, как много. *Мне кажется, они за мной следят. Они бог знает на что способны! Другие просто исчезли, когда подобралась слишком близко к правде.*

— *Другие — это кто?* — вздохнул второй.

— *Ты единственный человек, кому я могу доверять, но я не смею тебе все рассказать. Слишком много плохого случилось за последнее время. Если я тебе расскажу, ты тоже окажешься под угрозой. Зачем тебе такое бремя.*

— *Ты говоришь как сумасшедший.*

— *Знаю. Дай бог, это всего лишь паранойя. Но увы! Я, кажется, нашел человека, владеющего информацией. И мне надо добраться до него раньше, чем доберутся они. Они пойдут на все, чтобы заполучить улику. И если она окажется у них — я знаю, совершенно точно знаю, что мне конец.*

— *Необходимо сообщить это твоей службе безопасности. Тебя могут убить...*

— *Даже не заикайся об этом! Ты не представляешь, что на кону.*

Второй собеседник, поколебавшись, произнес:

— *Хорошо.*

Первый глубоко вздохнул:

— *Если они за мной придут, я буду к этому готов.*

Я был так поглощен прослушиванием, что не заметил, как в дверь постучали. Наконец до меня донеслись три настойчивых стука, и голос Маркуса спросил:

— Майк, ты там?

Я, как по тревоге, сорвался с места, сунул наушники с ноутбуком в бюро и открыл дверь.

— Ну как дела? — спросил я, с трудом изображая невозмутимость.

— Да вот, хотел убедиться, что после того, что было у Радомира, с тобой все в порядке.

— Ну да. Понимаю. — От волнения у меня кровь пульсировала в горле, и я надеялся, что Маркус этого не заметит.

— Если ты правильно разыграешь свои карты, то в один прекрасный день станешь нашим партнером. Будешь одним из трех китов огромной фирмы наряду со мной и Генри. Но вот в этом деле слишком много, так сказать, подвижных деталей. Это не то, с чего надо начинать карьеру. Оно чересчур опасно для тебя.

— Усек. Вы за мной приглядываете.

— Вот и хорошо. — Он хищно глянул через комнату на мой лэптоп с воткнутыми в него наушниками. Прямо ястреб, а не человек! — Что ты там слушаешь?

— Новый альбом Джонни Кэша.

— Я думал, он уже помер.

— Да, но каждый год шлепают новые альбомы со старыми записями.

— Как этого... Тупака.

— Ну, вроде того, — кивнул я.

Маркус был не тем человеком, с которым можно просто поболтать. Стоять перед его испытующим взглядом было мучительно. Трудно было понять, понял он что-то или это была его шпионская привычка тщательно взвешивать каждую мелочь и намеренно затягивать разговор в надежде что-то вынюхать.

— В общем, так, — сказал он наконец. — Планы меняются. Завтра ты отправляешься в округ Колумбия. К десяти внизу подадут машину. Так что не опаздывай.

— Разумеется.

Он ушел. Я закрыл за ним дверь, заперся на замок и плюхнулся на кровать, точно куль с песком.

Малость отойдя, я прогнал запись второй и третий раз, и с каждым прослушиванием вопросов становилось все больше.

Кто этот человек — «объект 23»? Неужто Генри с Маркусом и впрямь дошли до того, чтобы записывать его телефонные разговоры? Ну да, разумеется, я же сам только что слушал.

Что это за улика, к которой почти подобрался «объект 23»? Столь опасный секрет, что за него могут и кокнуть? Должно быть, это как-то связано с делом Радомира, из которого меня убрали, мол, слишком уж опасно для такого салаги, как я.

Прокручивая все это в голове, я думал: чего же все-таки опасается «объект 23»? Того, что всплывут какие-то его грехи и он станет очередной жертвой дэвисовского шантажа? Или его жизни грозит реальная опасность? Или у него просто паранойя? Может, мужик съехал с катушек и теперь готов наброситься на всякого, кто хоть как-то приблизится к тому, что он скрывает?

Все это не было в порядке вещей и не походило на обычную силовую игру с политиками. Я должен был выяснить, кто этот человек,

что он такое знает и чего хотят от него мои начальники. Как-никак вопрос профессиональной чести: это было мое дело, и я нелегкой ценой заслужил участие в нем.

Но было тут и кое-что еще, гораздо серьезнее. Одно дело — грязные игры, и совсем другое — мокруха. Марать руки в крови мне совсем не улыбалось.

Глава одиннадцатая

Обожаю киношки про воров и грабителей — особенно старые, с парнями в свитерах с высоким воротом, с бриллиантами и, разумеется, с Кэри Грантом. Там все так гладко, так классно и предсказуемо — они непременно что-то свистнут, потом обмоют свое дельце шампанским на Французской Ривьере, поваляются на сене с Грейс Келли...

В действительности надевать на дело глухой свитер — очень плохая идея. Вы не представляете, как сильно человек потеет, когда собирается где-то что-то тырбануть. И вечно у него все идет наперекосяк! После «работы», как правило, остается сломанный или отбитый палец, а то и два, парочка изрядных порезов от разбитого лобового стекла или окна, а подчас — собачьи укусы. И как бы ты ни старался, в половине случаев твой улов составляет сумму в двадцать семь баксов или вообще банку четвертаков. От тебя разит предательским потом (даже без глухого свитера), и средний почасовой барыш — при той таксе, которая установлена за наводку и за хранение краденого, а ведь порой на деле просто все обламывается — выходит такой, что лучше уж было бы пойти работать в «Макдональдс».

Мои попытки выяснить, зачем Генри с Маркусом диктофонная запись, были столь же незадачливыми. Уж не знаю, что там замыслила эта парочка, но скрытничала она так, словно работала над «Манхэттенским проектом».^[46]

Маркус надолго отлучался пообедать, и как бы случайные вопросы его помощнице: «Привет, не знаешь, где Маркус? Мне надо бы, чтобы он взглянул на мои записи» — ни к чему не приводили. Пошуровать в его кабинете? Глухой номер! Дверь туда всегда была заперта — да, собственно, и не в этом дело. Маркус еще со своего «правительственного» этапа привык соблюдать правила безопасности. Всякий раз, как он уходил на ланч или отправлялся ночевать, стол его пустел. Он запирал каждую бумажку, даже вынимал жесткий диск и прятал его в сейф, а все ненужное отправлял в измельчитель либо в мусоросжигательную печь. И никогда ни один существенный вопрос не обсуждался им в открытом месте, где у кого-то могли оказаться слишком длинные уши.

Кое-что по части физической безопасности Маркус мне преподавал — так, чисто для разнообразия рабочих будней. Однажды он рассказал мне о подполковнике морской пехоты, служившем на аванпосте американской армии в провинции Гильменд в Афганистане. Этот парень никогда не ходил одним путем дважды и во всем придерживался стандартной практики для военной зоны, за исключением одного момента. Каждое утро он начинал с поднятия государственного флага и каждый вечер его опускал всегда в одно и то же время, с точностью часового механизма. Однажды на рассвете, когда флаг был уже на полпути к верхушке флагштока, этого вояку поймал снайпер.

Намек я понял. Может, для безмятежного округа Колумбия это могло показаться сумасшествием, и все же, понаблюдав за Маркусом, нетрудно было заметить, что на все важные встречи он ходил кружными путями, тщательно запутывая следы.

По прошествии пары недель я уже отчаялся раскусить, над чем они работают. Маркус отсутствовал в конторе чаще, чем когда-либо прежде. Тот факт, что на этот раз он взвалил на себя всю беготню вместо того, чтобы слать гонцов вроде меня, подтверждал особую значимость нынешней сделки. У меня не выходила из головы диктофонная запись и то, что там говорилось насчет убийства и решительного отпора. Я с самого начала был вовлечен в дело Радомира и теперь должен был знать, куда все это пойдет, — чтобы облегчить совесть и заодно прикрыть тыл.

Озарение настигло меня в ту минуту, когда Маркус в комнате отдыха заговорил о футбольном матче с участием своего чада, а потом посетовал насчет цен за обучение в частных школах. Может, он и был некогда крутым шпионом, но теперь я видел всего лишь служащего, сидящего на жалованье, — этакого папашу с дешевой окраины. А это означало, что я легко смогу подобрать к нему ключ, потому что, куда бы он ни пошел и что бы он ни делал, он будет возмещать свои затраты до последней чашки кофе. Девиз шпионской корпорации: никогда не оставляй следов, но сохраняй все чеки.

Все издержки требовалось представить в бухгалтерию с первого по пятнадцатое число. Сперва о них отчитывались через интернет, потом распечатывали, после чего печатную копию отчета со всеми чеками помещали в конверт и спускали в отдел заработной платы на

первом этаже. Впрочем, я заметил, что помощница Маркуса самолично относит туда его сведения о затратах. Это немного усложняло мою задачу, поскольку так просто перехватить конверт из внутриофисной почты уже не представлялось возможным. Требовалось придумать какую-то хитрость.

Было пятнадцатое число, и я знал, что Маркус куда-то отлучился. Я попытался записаться на телефонный разговор с ним, и его помощница сказала, что шеф будет отсутствовать с одиннадцати до двух пополудни. Как обычно, в девять тридцать она отправилась на первый этаж, чтобы сдать отчет о расходах. Едва она ушла, я тоже поспешил вниз, и как только она сдала конверт, я направился к Пег, нашей «зарплатной даме».

Я принес с собой стопку конвертов из манильской бумаги и еще парочку для внутриофисной почты — на всякий случай. На стене того отсека, где сидела Пег, висела проволочная корзина для отчетов о расходах. Она была заполнена наполовину, и, судя по тому, что помощница Маркуса только что от нее отошла, его отчет лежал там сверху. Отсеки для служащих примыкали один к другому, и над ними через каждые двадцать футов к потолку крепилась черная камера видеонаблюдения. Так что мне надо было проявить изрядное хитроумие.

Есть один карточный фокус, который шулеры называют «дёржка снизу». Незаметно для жертвы нижняя карта колоды подменяется той, что пряталась в руках у шулера. Делается это обычно для того, чтобы карта жертвы внезапно оказалась в руках у «дергача» или под охи-ахи как бы случайно вывалилась из колоды. Такое прокатывает разве что для занудных престарелых дядечек да социально неблагополучных школяров. Куда более важен этот фокус для уличных мошенников: «дёржка снизу» ни за что не позволит лоху выиграть в «три карты Монте». Знаете, как сдатчик в «Монте» обычно подменяет выбранную вами карту? Используя один из вариантов «дёржки» — так называемый «вольт по-мексикански», — он подсовывает заведомо проигрышную карту и забирает ваши денежки. Этот шулерский прием я и собирался применить, чтобы заполучить конверт с отчетом Маркуса. Малейшая неточность — и я уйду отсюда ни с чем.

Пег была одной из тех конторских тружениц, у которых вечно что-то болит. У нее имелась подушечка под запястье, упор для ног,

фиксаторы для запястий, кружка с фотографией ее любимой кошки, и большинство разговоров с этой женщиной сводились к подробному медицинскому отчету о ее скверном самочувствии и сетованиям на то, как далеко еще до пятницы. В общем, я знал достаточно, чтобы подбить ее на долгую трескотню и тем самым отвлечь внимание.

А теперь, леди и джентльмены, блистательный Майкл Форд прямо на ваших глазах совершит трюк с подменой (здесь театральная пауза!)... внутриофисной почты!

Я подошел к отсеку, приготовив стопку конвертов, и поинтересовался у Пег, как ее дела. Заглотив наживку, она пошла распространяться о том, что у нее снова появились пятна перед глазами. Я же тем временем убедился, что конверт Маркуса действительно лежит в корзине на самом верху, и спросил у Пег, не просветит ли она меня насчет того, когда ожидается ближайший набор в нашу группу здоровья.

— Хороший вопрос! — обрадовалась она. — Дай-ка я узнаю.

И едва она повернулась к компьютеру, чтобы «кликнуть» нужную информацию, я занес мою пачку конвертов над почтовой корзиной. Конверт со своим отчетом я сдвинул большим пальцем с верха пачки, одновременно безымянным пальцем и мизинцем подхватив из корзины конверт Маркуса и незаметно подсунув его к себе в пачку. Совершеннейшая «дёржка снизу»!.. Если не считать того, что во время подмены я заметил под Маркусовым конвертом другой, тоже подписанный его помощницей. Один в один: «От кого: Кэролайн Грин. Куда: Отдел расходов. Первый этаж».

Вот блин! Неужто я сцапал не тот конверт? Или на самом деле ничегошеньки не подцепил?

В этот момент Пег стала отвечать на мой вопрос, и я мигом отвернулся от корзины. Мне требовалось еще раз чем-то ее отвлечь — и пора было рвать когти.

— А, слушай, раз уж я здесь, могу я тебя еще кое о чем спросить? Как соотносятся годовые комиссии в «Контрафанде» и в индексном фонде Доу-Джонса в рамках правила «401-кей»? А то, боюсь, меня съедят живьем.

На это она ответила, даже не раздумывая. Ч-черт!

— А «Диверсифайд интернешнл»? — не отступал я.

— Сейчас глянем. — Пег стала пролистывать какие-то папки.

На сей раз времени было совсем мало, но мне удалось все же выудить из корзины второй конверт, подписанный помощницей Маркуса. И в то мгновение, когда Пег повернулась ко мне с ответом, я заметил в корзине еще и третий конверт с тем же самым почерком. Чертовщина какая-то! У меня появилось ощущение, будто меня самого разводят в «три карты Монте».

Хоть ты тресни, но мне ничего больше не приходило в голову, что могло бы заставить Пег еще раз отвернуться. Решив держаться до конца, я переминался возле ее стола с придурковатым видом и вел себя очень странно, невольно вызывая подозрения, чего мне совсем не хотелось. Наконец я посмотрел на кружку и воскликнул:

— Ух ты, это твоя кошка?

— О да-а, это моя Изабель, — расплылась она в улыбке и потянулась за кружкой, я же по-быстрому прибрал третий конверт.

На данный момент я держал в руке четырехдюймовую пачку бумаги, и ни о какой ловкости уже не могло быть и речи. Когда мы наконец закончили обсуждать кошачьи проблемы Изабель, предплечье у меня чуть не отваливалось.

Вернувшись за свой стол, я проверил добытые конверты — все три были одинаково подписаны Кэролайн. Может, она сдавала отчеты о расходах и за других людей? Один был от парня по имени Ричард Мэтьюс, другой — от некоего Дэниела Лукаса. О таких сотрудниках я никогда не слышал. Решив, что эти двое, скорее всего, работают по контракту, я отложил их отчеты в сторону.

Распустил красные завязки на третьем конверте — да, там лежали чеки о расходах Маркуса, отслеживавшие его последние две недели лучше частного детектива. Я просмотрел рестораны, отели, перелеты, имена людей, с которыми он ужинал, ища чего-то, что прольет какой-никакой свет на нынешнее его дело. Мое внимание привлекли его ланчи. Как раз этого я и ожидал от скрытного парня: никаких шаблонов, никакого твердого распорядка, хотя посещал он солидные места, где требуется заказывать столик заранее. Это могло мне пригодиться.

Наблюдая за Маркусом в последние две недели, я выявил парочку его осведомителей. В те дни, когда он надолго отлучался пообедать и был совершенно недоступен, он, бывало, выскакивал из конторы с сосредоточенным видом и глядя под ноги: сразу видно — человек на

задании. В нашей фирме он, конечно, не был главным весельчаком, но в такие моменты буквально источал холод.

Сегодня был как раз один из таких дней, и я решил: вероятность того, что Маркус отправился по их с Дэвисом сверхсекретному делу, довольно высока. И хотя он никуда не ходил регулярно, я все же вычислил пару ресторанов, где шеф бывал дважды. Понятное дело, я не собирался его выслеживать: это заняло бы чересчур много времени и отняло бы слишком много усилий при весьма сомнительной отдаче, да и, если честно, я чертовски боялся шпионить за самим Уильямом Маркусом.

Но я вполне мог ткнуться в упомянутые в его отчете рестораны — узнать, не забронировал ли он там себе местечко. Прихватив свой сотовый, я вышел немного прогуляться. Пролистал список заведений.

— Алло! Добрый день, я хотел бы подтвердить заказ столика на имя Уильяма Маркуса... В самом деле? А это «Ливанская таверна?» Ой, простите, я, видно, ошибся номером.

И так раз двадцать.

В контору я вернулся ни с чем, чувствуя себя совершенно по-дурацки. Поиграл, называется, в Нэнси Дрю!^[47] Мог бы и заранее догадаться: ничего так просто не бывает.

Вернувшись за свой стол, я взял конверты и решил поскорее отнести их к Пег, пока никто не заметил моих дурацких вывертов и я не вляпался в серьезную неприятность. Они, скорее всего, решат, что я ворую у компании, и дадут мне хорошего пинка. Столько риска — и ради чего?

Однако, сев в кресло, я решил еще раз глянуть на отчеты. Все они были подготовлены помощницей Маркуса, а я уже достаточно проработал в фирме, чтобы знать, действительно ли у нас трудятся ребята с указанными именами. И я открыл два других конверта.

Я снова вышел на улицу и нашел в списке телефонов фирмы кабинет Дэниела Лукаса. Ответила, разумеется, Кэролайн:

— «Омнитек консалтинг». Кабинет Дэниела Лукаса.

Я отключил связь. Подумал с минуту. Итак, я узнал один из псевдонимов Маркуса.

Я сопоставил оба имени: Мэтьюс и Лукас. В чем-то они были схожи. Довольно скоро я разгадал, в чем дело: их объединял «рисунок» псевдонимов. Эти имена объединялись Евангелием: Матфей —

Мэтьюс, Лука Лукас. Так же как «Марк», надо думать, выливался в «Маркуса».

Может, я где-то и промахнулся, но все равно был очень горд собой. Я сделал копии отчетов о расходах, переправил оригиналы в корзину для внутриофисной почты, после чего еще раз вышел прогуляться и попытался обзвонить рестораны, в которых Маркус бывал под вымышленными именами. Безрезультатно.

Но ничего, терпения мне не занимать. Буду пытаться до тех пор, пока не выкурю-таки его из норы.

Я прямо сам напрашивался на неприятности! Задумавшись, я шел с работы домой и на улице Маунт-Плезант в пятнадцати шагах вдруг заметил бегунью. Обычно я не пялюсь на улице на девчонок, но тут был особый случай: прекрасная, пышущая здоровьем девушка совершеннейших пропорций, в черных лосинах, размеренно подскакивая, неслась на меня по тротуару, раскачивая черным хвостом волос.

Свернув поскорее за угол, я убрался с ее пути, радуясь, что девчонка не поймала меня на том, как я на нее таращусь. Я двинулся было дальше, однако бегунья остановилась и повернула в мою сторону.

— Майк? — услышал я. — Майкл Форд?

Теперь, когда она приблизилась, я узнал ее. Это была Ирина Драгович.

— Не прерывай из-за меня занятие, — сказал я.

— Я уже закончила, — отозвалась она и, наклонившись, обхватила ладонями колени. — Когда в школе играла в футбол, порвала в коленке заднюю крестообразную связку. До сих пор дает о себе знать, когда холодно.

— Досадно.

— Куда сейчас идешь?

Я указал на улицу Маунт-Плезант.

— Не возражаешь, если я с тобой немного пройдусь?

— Ничуть.

И мы двинулись по улице в сторону моего дома. Той инженеру, что она разыгрывала передо мной на пляже в Колумбии, как не бывало. Ирина извинилась за то свое поведение — якобы это подружки ее

подбили, а поскольку обычно она девушка застенчивая, то в итоге малость переборщила. Я в ответ сказал, чтобы она не переживала по этому поводу.

— Где бы тут лучше поймать такси? — спросила Ирина, оглядываясь по сторонам.

Мы были в квартале от моего дома, и джип мой стоял припаркованный через дорогу.

Во мне сидело смутное чувство, что эта внезапная встреча с Ириной совсем не так случайна, как она пытается изобразить, — впрочем, теперь, когда она не корчила из себя проститутку, она была очень даже милой, веселой и адекватной девчонкой.

С того дня, как я получил отставку от дела Радо и раздобыл диктофонную запись, у меня возникло множество вопросов насчет этих сербов. Ирина обладала доступом к отцовским делам, к тому же явно привыкла вытряхивать из людей информацию, что я уже ощутил тогда, на пляже. Вроде бы собеседник из нее был легкий и приятный — так почему бы не попытаться выудить что-то из нее?

Естественно, я повел себя как настоящий джентльмен и предложил ее подвезти. Мы сели в джип и отправились к Джорджтауну, где она жила.

Я собирался просто высадить ее у дома и распрощаться, но когда я подкатил к небольшому особнячку в колониальном стиле, купленному богатым папочкой в ее единоличное пользование, Ирина наконец проболталась:

— Дело моего отца намного сложнее, нежели просто пробивание лазеек по выгодному импорту и экспорту.

— Это вопрос или сообщение?

— Могу я с тобой поговорить?

— Конечно.

Ирина с опаской оглядела улицу.

— Может, зайдём? — показала она глазами на свой дом.

Я проследил за ее взглядом. Не лучшая идея. Во-первых, что подумает Энни? В последние две недели мы виделись крайне редко, хоть и пытались оба выкроить часы, чтобы побыть вдвоем. А во-вторых, что скажут мои начальники — ведь они велели мне отойти подальше от дела Драговича. Не говоря уж о том, что держаться на расстоянии от дочки Радомира — полуплегалного бизнесмена, очень

уж дружащего с ножом, — было бы с моей стороны наиболее благоразумно.

— Ну... пошли, — ответил я. В самом деле, зачем закрывать девице рот, если она хочет слить информацию?

«Исключительно ради дела», — сказал я себе. Хотя звучало это совсем не убедительно, особенно когда Ирина, извинившись, сообщила, что выйдет переодеться, и спустя мгновение я услышал из глубины дома шуршание душа.

Я как-то ожидал, что она выйдет в слабо завязанном кимоно или в полупрозрачном шелковом одеянии — очередной Матой Хари. Ирина же предстала передо мной, как она сказала, в «одежде поудобнее» — в свободных, словно больничных, брюках и просторной футболке с эмблемой баскетбольной команды Джорджтауна, широкий вырез которой открывал плечо. Я мог немного расслабиться. Выглядела она как обычная девчонка из местного колледжа.

Единственная выпивка в доме, само собой, была водка, поэтому я смешал себе ее с тоником, Ирина решила последовать моему примеру. Я, конечно же, заметил, что в ее стакане получившийся коктейль вовсю пузырится, а в моем — едва-едва. Старый трюк! Так Линдон Джонсон любил подпаивать в своем кабинете нужного человека, чтобы потом взять его за жабры, и всякий раз распекал свою секретаршу, если она подносила ему неразбавленное спиртное. Я неторопливо потягивал свой коктейль и даже ловко подменил стаканы, когда Ирина на что-то отвлеклась.

Мне понравилась эта девушка — хотя физически меня к ней и не влекло. У нее было замечательное чувство юмора. Она очень похожа спародировала чрезмерно утонченные отцовские замашки («Тогда это отнюдь не „Сазерак“», — манерно проговорила она, пренебрежительно отмахиваясь ручкой) и довольно язвительно продела лицемерие конгрессмена Уокера, которого она, оказывается, знала по его подвигам у джорджтаунских дам.

Я осторожно направил русло разговора к ее отцу, рассчитывая вытянуть из Ирины то, что она знает. Главное при этом было не забыть, что и она в то же самое время пытается залучить меня в ловушку, выдавая и без того известные мне факты.

В этом деле для нее, как она сказала, стоял ребром вопрос признания. Радомир считал, что женщина годится лишь на то, чтобы

стряпать и ублажать мужика в постели. У Ирины же для этого было слишком много мозгов и амбиций, и ей хотелось показать, что она достойная наследница своего папочки и заслуживает собственной роли в семейном бизнесе. И девушка решила: если она хорошенько сунет нос в отцовские дела, то сумеет помочь Радо избавиться от тех проблем, что изначально привели его в «Группу Дэвиса», и тем самым докажет собственную значимость.

Но это явно была не вся правда.

— Все, что я знаю, — сказал я, — это что Радомир обратился в нашу фирму по вопросу пробивания лазейки для импорта-экспорта.

Это, в общем-то, была общедоступная информация, но глаза у Ирины хищно сузились.

— Тут все намного серьезнее.

— А в чем тогда дело?

— Проблемы тут не в отцовском бизнесе — неприятности у него самого. Он опасается чего-то, связанного с... юрисдикцией... или экстрадицией... Короче, что его привлекут к суду и посадят, и ему необходимо от этого прикрыться.

Я начал понимать истинные мотивы Ирины. Ходили слухи, что Радо как-то причастен к торговле оружием. Так что, может статья, интерес ее был не только в том, чтобы перевернуть отцовские ограниченные представления о месте женщины в семье. Если Радомира привлекут к суду и докажут его виновность, она уж точно не сможет продолжать полную удовольствий жизнь богатенькой американской студенточки. Семейство будет опозорено, разорено — и финансовый поток на ее содержание, разумеется, иссякнет.

Я ничего не ответил. Молчание подчас лучше вытягивает из людей информацию, нежели какие-то вопросы. Большинство готовы что угодно говорить, лишь бы не сидеть в тишине.

— И к тому же это уже не зависит от конгресса, — продолжала она. — Все, что я знаю, — это что на сцене появился новый человек — новое «лицо, принимающее решения», — некто очень влиятельный, которого хотят склонить на свою сторону.

А вот это уже как будто могло пролить свет на того господина с прослушки — «объект 23»!

— А как ты об этом узнала?

— Методом дедукции, — ответила она с невинным личиком.

Глазами я невольно наткнулся на показавшуюся на ее гладком оливковом плече бретельку бюстгалтера. Мало-помалу Ирина придвинулась ко мне очень близко. Пока мы разговаривали, эта исподволь растущая близость подавалась как нечто естественное — все равно как свернуться на диване возле давней подружки. Она заметила, как я разглядываю ее тело, как мои глаза невольно задерживаются на длинной ложбинке, открываемой широким вырезом футболки.

— То есть чисто логически, да?

— Ну, скажем, у меня были еще кое-какие источники, — хитро улыбнулась она. — Хорошо ведь, когда у тебя полный колчан.

Она подалась ко мне еще ближе, подтянув на диване коленки. Ее свободные брюки чуть приспустились, открывая взору гладкий животик и завлекая дальше, к тенистым изгибам бедер, в запретную, опасную страну.

— Ну так и что? — хмыкнула она. — Есть один человек, от которого все зависит. Это и есть точка воздействия?

— Может быть, — ответил я.

Девушка не давила на меня, не разрушала иллюзии, что все это больше легкий флирт, нежели допрос. Ее рука задержалась ненадолго на моем колене, скользнула по бедру. Манящие карие глаза вдруг оказались совсем рядом с моими, Ирина приникла ко мне сбоку, подарив поцелуй — легкий, почти невинный. Ее рука скользнула еще выше, и девушка прижалась ко мне грудью, коснулась губами виска.

Страстное желание, которое сильнее и глубже воли и рассудка, влекло меня к ней...

Хотелось бы думать, что спасла меня любовь к Энни. Или то, что я просто сам по себе хороший парень. Но нет — скорее, тут сработал инстинкт самосохранения. Девушка попыталась грубо соблазнить меня на пляже в Колумбии, и когда это не прокатило, она решила завладеть мной, используя мои слабые места, в непринужденной дружеской манере. Я не знал, на кого она работает, но она представляла угрозу. Сперев запись прослушки, я завладел опасной информацией. И хоть я мнил себя слитком волевым типом, чтобы угодить в «медовую ловушку», я не сомневался, что сношение с ней так или иначе выйдет мне боком.

Я сам не верил, что такое возможно: словно со стороны, я изумленно наблюдал, как я взял ее за плечи и отстранил от себя. Ирина с удивлением на меня уставилась. Я глубоко вздохнул, поблагодарил ее за угощение и поднялся.

— Увидимся, — кивнул я и ушел.

Итак, Ирина выдала мне два пункта: что ее папашка боится экстрадиции и что в это дело вовлечено некое лицо из более влиятельного органа, нежели конгресс Соединенных Штатов. Я же не сообщил ей ничего. Радовало, что я ушел от нее без потерь.

Все это время я сосредоточенно следил за Маркусом. Всякий раз, когда он с таинственной физиономией покидал контору, я брался за телефон и, якобы проверяя бронь, обзванивал те рестораны, которые он часто посещал под вымышленными именами. Я уже начал думать, что все это пустая трата времени, когда на следующий вторник внезапно попал в цель.

— Да, мистер Мэтьюс, — ответил мне метрдотель с легким акцентом, похожим на китайский. — Вас ожидает ланч на двоих в тринадцать тридцать в отдельном кабинете.

Я чуть не вскрикнул: «Да что вы! Серьезно? Вы меня разыгрываете!» Я был в шоке, что моя идея сработала, ведь я уже готов был от нее отказаться. Теперь я знал, где бывал Маркус в те дни, когда играл в свои шпионские игры. Все же я заставил себя собраться и вежливо ответил:

— Отлично. Благодарю, — и отправился в округ Принс-Джордж посмотреть, какого черта Маркус там делает.

Округ Пи-Джи, как его называет народ из округа Ди-Си, вызывая тем самым лютую ненависть обитателей Принс-Джорджа, — настоящая *terra incognita* для вашингтонских яппи. Последние обычно считают, что эта территория является неким выростом на теле штата Мэриленд, самым захудалым и мрачным районом в окрестностях, а потому это последнее место, куда могло бы занести человека вроде Уильяма Маркуса. Как раз то, что надо!

Ресторан находился в придорожном супермаркете какой-то корейской продуктовой фирмы. На вывеске даже обещали караоке. Я уже слышал об этом местечке от Така, у которого был особый талант находить исключительную жрачку в окрестностях округа Колумбия.

Так что кормили здесь, вероятно, потрясающе. Впрочем, для моего желудка это значения не имело, сидеть тут было слишком рискованно: если меня заметит Маркус, то сразу заподозрит неладное.

А потому я припарковался метрах в ста от ресторана, занял местечко у окна в кофейне через дорогу и стал ждать. Кофе оказался пережаренным и горьким, зато чашка была поистине бездонной — сиди себе и сиди. Спустя пятьдесят минут я отчаянно ерзал на стуле, до боли желая сбегать отлить — но не мог же я упустить момент, когда Маркус со своим сообщником покинет ресторан!

Я все еще настороженно относился к этой затее. Мне казалось, будто я гоняюсь за тенями, хватаясь за каждую зыбкую возможность. Всякий раз, как кто-то выходил из ресторана, я вспыхивал надеждой — и тут же угасал, обманувшись в ожиданиях. Когда уже двенадцатый кореец в костюме покинул заведение, я решил было сдать и рвануть в уборную. Но тут дверь в доме напротив открылась опять... Маркус!

Он придержал дверь, и на свет божий из ресторана вышла как всегда обольстительная Ирина Драгович.

Что, черт возьми, происходит?!

Маркус забрался в свой «бенц», Ирина уселась в белый «порше-кайен», и оба по-быстрому отбыли.

По дороге обратно я сузил рой мыслей в голове к трем наиболее вероятным версиям.

Первое: Маркус спит с Ириной. Но это мало походит на правду. Этот мужик и сам большой любитель расставлять такого рода приманки, так что вряд ли попадет на нее по зову своего «друга».

Второе: Ирина играет роль посредника между «Группой Дэвиса» и семейным бизнесом. Такое возможно — однако у Радо и так полным-полно помощников, к тому же он определенно не хочет втягивать дочь в свои дела.

И наконец, третье: Маркус использует Ирину как «медовую ловушку», ведя «объект 23». Мысль, конечно, сумасшедшая: зачем вовлекать дочь клиента в столь хитроумную затею? А может, Радо сам предложил ее в качестве своей лепты в сделке?

Или, может, когда она пыталась меня соблазнить, это мои боссы подослали ее, дабы выведать, что я такого знаю и не нарушил ли их запрет? Но этот вариант был все же чересчур эгоцентричным, даже

отдавал паранойей. Во всем деле я, скорее, играл весьма эпизодическую роль.

И чем больше я об этом думал, тем больше концентрировался на одном: если Маркус использовал меня для завлечения Уокера, так почему бы ему не использовать Ирину, которой так не терпится доказать собственную значимость, для оболъщения того господина с прослушки?

Глава двенадцатая

За те одиннадцать месяцев, что я проработал в «Группе Дэвиса», мне, конечно, пришлось по уши окунуться в кухню вашингтонской политики, но всю мою пресыщенность как ветром сдуло, едва я услышал гулкий звук собственных шагов по черно-белым плиткам Капитолия. Мраморные фигуры великих американцев и золоченые кессонные своды потолка будоражили меня не меньше, чем двинутого правозащитника — классовый шовинизм.

Пока я нагнал Уокера в Национальном зале собрания статуй, я полностью проникся торжественностью обстановки. Здесь с давних пор проходят собрания палаты представителей, и, если не считать купола Капитолия, это действительно величественнейшее место в Вашингтоне.

Я шел повидаться с Уокером, рассчитывая вызнать побольше об Ирине и о делах ее отца. Во-первых, Уокер имел отношение к Комитету по надзору за международными связями, а во-вторых, учитывая его активные любовные похождения в Джорджтауне, он не мог не пересечься там с Ириной или хотя бы не знать что-то из ее подноготной. К тому же после нашей последней загородной поездки мужик определенно горел желанием оказать мне хоть какую-нибудь услугу.

Короче говоря, я собирался немного поскабрезничать с Уокером — и он пригласил меня не куда-нибудь, а в Национальный зал собрания статуй, в этот священный пантеон. В зале было полным-полно маленьких детей и монашек, и с каждой минутой я чувствовал себя все более неловко.

Наконец я заметил Уокера у постамента статуи Эндрю Джексона и направился к нему.

— Какого... — начал было я, но заметил проковылявшего мимо малыша и сказал: — Что здесь такое происходит?

— Точно и не знаю. Сегодня очень плотный график, так что извини за накладку. Думаю, сегодня какое-то поминовение миссионеров. Или что-то связанное с сиротами. Я зашел, только чтобы сделать пару снимков, — мой специалист по общественному мнению

считает, мне надо смягчить свой имидж среди женщин. Вот, Чарльз знает... — указал он на тучного помощника, переминавшегося в десяти шагах от нас.

Забавный факт: сенаторы и конгрессмены, фактически управляющие страной, как правило, и представления не имеют, что происходит вокруг. Все свое время они проводят, выпрашивая у спонсоров денег на свое переизбрание, сплетничая между собой и периодически летая в родной штат поруководить церемонией открытия свинячьих бегов. Ходячие ограниченности, они во всем привыкли полагаться на своих партийных боссов и целую армию помощников — социально неполноценных, болтливых экс-ботанов, — которые обычно и сообщают им ход мысли. Любая десятиминутная накладка полностью парализует их жизнь, и ассистенты осторожненько переводят их от одного мероприятия к другому, словно из кабинета в кабинет — пациентов с черепно-мозговой травмой.

— Можно, этот разговор останется между нами? — спросил я Уокера.

— Ну разумеется, — ответил он, и, учитывая, какой компромат у меня на него имелся, я вполне мог этому верить.

— Отлично. Я хотел спросить — знаешь ли ты девушку по имени Ирина Драгович?

Он повторил услышанное имя и сморщил физиономию, старательно вспоминая.

— Так сразу на ум и не приходит.

Учитывая размах Уокера, я и не ожидал, что он держит в памяти разные женские имена, а потому показал ему фото Ирины с аватары в «фейсбуке» — любительский снимок с сорока процентами декольте и бутылкой шампанского «Моз Шандон».

— О да, — тут же вспомнил Уокер. — Таковую трудно забыть.

— Расскажи мне о ней.

Он подумал мгновение.

— Очень решительная. Всегда знает, чего хочет. Любит заводить шашни с крупными шишками. Для этого она и ко мне навевывалась в мой укромный уголок. — (Я знал, что в коридорах палаты представителей имеются этакие секретные кабинетики.) — Никаких детских глупостей. Никакой там верности, вообще никаких сантиментов. Она профи, и знаешь...

Уокер быстро огляделся, не стоит ли кто поблизости. Чарльз был за пределами слышимости, монашки кучковались в пятнадцати шагах. Учитывая, что Эрик обычно бывал крепок на словцо, а тут вдруг поджал хвост, боясь что-то ляпнуть, я сильно занервничал, гадая, что ж это за бомбу он готовится взорвать.

Статуя Дэниела Уэбстера возвышалась за нашими спинами, сердито глядя вниз: словно я выбивал из Уокера рассказ о любовной связи со знаменитостью под осуждающим взглядом великого толкователя Конституции. Однако меня тревожили куда более серьезные вопросы.

— Говори, — шепнул я.

— Если без деликатностей... Помнишь, я упоминал одну совершенно безбашенную девчонку?

Я помотал головой.

— Ну, я познакомился с ней на вечеринке у Чипа. Помнишь, мы тогда отправились к моим друзьям и...

— Это я помню, — перебил я. Да уж, когда тебя арестовывают заодно со шлюхами и наркодилерами, такое прочно заседает в памяти.

— Однажды подловив меня, когда я сидел один в библиотеке, она пошла за мной, как голодная кошка. Несколько дней мы обменивались эсэмэсками. Кончилось тем, что мы решили посидеть немножко, выпить в «Софителе». Заказали кабинет. Ну, знаешь, как это бывает. Слово за слово, трали-вали, процесс в разгаре. И вдруг она просит, чтобы я ее отшлепал! Ну, я как джентльмен исполнил желание дамы. Потом еще и еще. И тогда она просит, чтобы я съездил ей по лицу, и не просто просит — уперлась на своем. Ну, я игриво так коснулся ладонью ее щеки. А она приподнимается на локте и говорит мне таким тоном, будто она мой тренер по баскетболу: «Слушай, парень. Давай-ка, смажь хорошенько».

И Уокер выпучился на меня: мол, представляешь картинку?

— Ясное дело, я не должен был на это повестись, — продолжал он. — Кто знает, что эта девица устроит потом. И я уж точно не собирался с ней драться, чтобы остались какие-то отметины, да и вообще... Короче, некоторое время мы так вот общались — хотя лично мне такое общение совсем, знаешь ли, не в кайф... В общем, долго мы с ней кувыркались, и когда я уже готов был кончить, она вдруг сорвалась с меня, оставив, так сказать, в подвешенном состоянии...

Парень, она просто имела меня — я извивался под ней, точно пришпиленный, всецело в ее власти. Под конец я уже молил ее, как побитая собака...

Под конец этого уокеровского повествования послышался резкий вздох, что казалось сверхъестественным, поскольку стояли мы далеко в сторонке от всех, а звук раздался будто рядом.

Забавный факт номер два: Зал собрания статуй имеет эллиптическую форму, и, оказавшись в определенном месте (а именно в том, где некогда заседал Джон Куинси Адамс^[48]), можно слышать разговоры в противоположном конце зала, будто в паре шагов, и наоборот. Адамс этим пользовался, чтобы шпионить за лояльной оппозицией. Нынче этот эффект настиг святую сестру, которая теперь замерла в другом конце зала, побелев как полотно. Похоже, она-то и испустила судорожный вздох, уловив пикантные подробности нашей беседы.

Я отвел Уокера на несколько шагов в сторону:

— Так и чего она от тебя хотела?

— Доступа к высшему эшелону. Хотела, чтобы я ее кое-кому представил. Думаю, она использовала меня как ступеньку к добыче покрупнее, к более влиятельным людям. — Уокер помотал головой. — Больше я с ней не общался.

— То есть ты перестал ей звонить?

— Она продвинулась выше. Слышал, теперь она обрабатывает какую-то шишку из Министерства финансов. Вот дрянь... Но секс с ней — это что-то.

Он умолк, пережидая, когда мимо нас пройдут несколько конгрессменов.

— В ней столько мощи! Как она все это выделяет! То дает тебе почувствовать себя крутым боссом, то вдруг меняется ролями и выжимает из тебя все, что ей угодно. Знаешь, она мне прямо сказала: «Ты — один из первых лиц в государстве, а я — девчонка двадцати одного года. И ты станешь ползать передо мной на коленях, чтобы меня трахнуть». — Уокер рассмеялся. — И конечно же, она была права. С такими глазами и сиськами она, глядишь, к двенадцатому году будет управлять страной.

— А ее отец?

— Он из тех, с кем не стоит даже пересекаться. Я знаю о нем достаточно, чтобы не хотеть знать большего.

— Это как?

— Не исключено, что мне придется иметь с ним дело по одному вопросу, так что чем меньше я о нем знаю, тем лучше. Перестраховка штука полезная, сам понимаешь.

— Вроде того, что у него могут быть проблемы с законом и ему будет грозить экстрадиция?

— Не знаю и знать не хочу.

Он явно ничего толком не знал насчет Радо, и я оставил этот вопрос. Мы прошли еще несколько шагов, и я поймал на себе взгляд Уокера, в котором совершенно ясно сквозило: «Ах ты, хитрая лиса!»

— А у тебя-то что за интерес к несравненной Ирине Драгович? — спросил он. — Может, мы с тобой соперники? Или товарищи по несчастью?

— Это совсем не то, что ты думаешь.

— Ну разумеется, — покачал он головой. Стрёмно все это...

Опять это его «стрёмно»! И опять мне вовсе не хотелось знать, что это означает.

Между тем в коридоре за нами старые часы — на первый взгляд совсем как школьные — отбили пять раз. Наверху у них — между десятью и двумя — имелись восемь лампочек. Пять из них загорелись белым, одна — красным.

— Надо идти голосовать, — сказал Уокер.

— Это лампочки тебе просигналили?

— А хрен их знает, что они там просигналили, — буркнул он и поднял к глазам смартфон. — От Чарльза сообщение.

Он поманил к себе помощника:

— Ты прихватил для меня памятку?

Тот передал Уокеру каталожную карточку.

— За. За... Против... За... — приговаривал он, читая. — Ну вот и все — а делают из мухи слона.

— За что голосуете? — поинтересовался я.

— Помилуй! — воздел он руки. — Спроси Чарльза, он знает. А мне надо бежать. Да, скажи-ка: у тебя есть уже планы на сегодняшний вечер? А то у нас тут намечаются посиделки, — кивнул он на святых сестер. — Погудим по-взрослому.

У нас с Уокером определенно были разные представления о «погудим».

— В другой раз непременно, — сказал я.

От монашек я сбежал со всей возможной прытью, надеясь, что мои подозрения не верны.

Все могло бы быть намного проще, плюнь я на эти заморочки. Однако, исходя из того, что нынче выложил мне Уокер, я еще больше забеспокоился, к чему все это приведет. Ирина казалась вполне подходящей приманкой для того неизвестного с прослушки.

Глава тринадцатая

Когда-то Уильям Маркус был, конечно, секретным агентом, но после стольких лет «в поле» шпион наконец оброс семьей, встретив подружку себе под стать — миссис Маркус. Несмотря на все его псевдонимы и тайные стрелки, которыми он запутывал реальных и мнимых противников, существовала еще и Карен Маркус — фанат «фейсбука», то и дело постящая: «Не пора ли по винцу?» или «О-хо-хо, не могу дождаться, когда увижу тебя в ближайший уик-энд на приеме». Она еще не вполне овладела лабиринтами частных сообщений на интернет-форумах, и это было почти все равно, как если бы Маркус прицепил к себе путеводный маячок.

Почти, но все же не совсем, потому-то я и рыскал в зарослях за домом Маркуса в Маклине, чтобы посадить ему на задницу этот самый маячок. Или, по крайней мере, на колесо его «мерседеса». Чета Маркусов отбыла в Брендивайн-вэлли к племяннице «обмывать ножки» ее новорожденному, так что мини-вэн отсутствовал.

Я первым соглашусь, что новейшие технологии лишают процесс одурачивания людей всей его прелести, и свое черное дело я пытался делать старыми, добрыми, проверенными способами. За те несколько недель, что я выцеливал загадочные Маркусовы свидания за ланчем, я перерыл кучу литературы о методиках слежения, и таковых оказалась масса: тут и слежка с опережением, и параллельное ведение, и всевозможные радиотехнические приспособы. Однажды ночью, читая о том, какие машины лучше использовать для мобильного наблюдения, я задал себе вопрос: что, черт возьми, я вообще затеял?

Сказать по правде, я уже сильно привязался к моей новой счастливой жизни вашингтонского яппи. У меня была толпа приятелей, красивая подружка, задний дворик с барбекюшницей и холодное пиво в холодильнике.

У нас с Энни, хоть мы и работали как сумасшедшие, все было отлично. Спустя неделю после того, как я закатился к Ирине, Энни пришлось ехать по делам в Париж — работать над одним из проектов Дэвиса, обещавшим обойтись без нервотрепки. Я спросил, смогу ли я приехать ее навестить, если она застрянет там на все выходные (к

счастью, возможность брать по своей надобности «горящие» билеты на трансатлантические рейсы была одной из многих привилегий, предоставляемых «Группой Дэвиса»), Во мне все больше нарастало беспокойство, что, хотя между нами установились очень серьезные отношения, все же какие-то противоречия, личные секреты, какие-то скрытые мотивы держали мою подругу на расстоянии. Это не позволяло мне предложить ей совсем ко мне переехать или даже по-настоящему признаться ей в любви. Насчет последнего я неоднократно подступал к ней, но всякий раз Энни давала мне понять, что еще не время. Это было странно, и я терялся в догадках, связано ли это как-то с ее работой с Генри тет-а-тет, или эта осторожность навеяна моим прошлым, или причина в моей семье.

Но, смотавшись к ней в Париж, я все же подуспокоился. В последнюю нашу ночь во Франции мы стояли на балконе номера отеля. Перед нами раскинулся чудесный вид от Ла-Дефанса до собора Парижской Богоматери, напротив простирался сад Тюильри. Эта обстановка, а также предчувствие финала нашего четырехдневного свидания, когда мы почти не выходили из номера и Энни постоянно удивляла меня каким-то новым, «отпускным» репертуаром, — все это было настолько романтично, что она готова была сказать «я тебя люблю» даже присевшему на балкон голубю. Но это не важно — главное, Энни произнесла это, и я ответил ей признанием. Она была моя. Мечта стала явью.

И вот теперь случись что — и все, о чем я так долго мечтал, к чему стремился, все полетит к черту. Наверное, потому-то смутные подозрения в отношении начальников и втянули меня в столь рискованную игру. Я не должен был допустить, чтобы что-нибудь случилось. Мы с Энни за две недели забронировали номер в «Литтл Вашингтон» — лучшей загородной гостинице из категории суперлюкс на Восточном побережье, — и я совсем не собирался лишиться великолепнейшей кухни и ударного отпускного секса, погибнув в шпионском противостоянии с Уильямом Маркусом.

Может, я наткнулся на некий страшный заговор, угрожающий чьим-то жизням, а может, всего лишь соединял отдельные точки непересекающимися линиями и тратил время впустую. Надо было просто забыть о том, что произошло, и погрузиться с головой в бескрайнее море работы у Дэвиса. Но всякий раз, как я пытался забить

на дело Драговича и «объект 23», что-нибудь вновь напоминало мне об этом — как, например, уход Така, лучшего моего приятеля по работе.

Как-то раз я сидел в комнате отдыха, поглощая кофе (хотя, признаться, там он весьма далек от идеала). Она была обустроена на втором этаже, как старый, всеми любимый мужской клуб — с потертыми кожаными диванами, с мраморным полом в шашечку, с доступной в любой час снедью.

Подошедший ко мне Так был мрачнее тучи.

— Я перевожусь, Майк. Буду работать на правительство. Хотел тебе это сказать, прежде чем ты услышишь от кого другого.

— Поздравляю, — сказал я, хотя не был уверен, что это подходящее слово.

В министерстве можно полтора десятка лет карабкаться по сухим бюрократическим сучьям — и подняться не выше, чем пятилетний сотрудник «Группы Дэвиса». Хотя отец его и работал помощником госсекретаря, едва ли он помог Таку в продвижении.

— А почему переводят? — спросил я.

Он скользнул взглядом по панельному потолку комнаты отдыха и предложил:

— Может, прогуляемся?

Я тоже глянул на спрятанные в стыках между плитами над головой камеры слежения и двинулся за Таком.

Мы покинули контору и прошли мимо причудливо застроенного Посольского ряда: особняк в стиле *Beaux-Arts*^[49] соседствует там с простенькой бетонной коробкой, за которой высится увенчанный минаретами Исламский комплекс. По пути Так распространялся о том, над чем он будет работать в госдепе, о своих огромных перспективах и о семейной традиции государственной службы — однако на уме у него было что-то еще.

— А на самом деле почему уходишь? — прервал я его.

Он остановился и посмотрел мне в лицо:

— Я поговорил с дедушкой. — (Упомянутый родственник Така в шестидесятых годах был директором ЦРУ.) — Как правило, он немногословен. В общем, он сказал, чтобы я попробовал для разнообразия какие-то другие посты. Мол, «Группа Дэвиса» не совсем подходит для такого человека, как я.

— И что это означает?

— Я не могу тебе всего сказать. Дедушка знает все, что происходит в округе Колумбия, но никогда не раскрывает свои карты. Ты когда-нибудь задумывался, как это Дэвису удалось? Как он сумел оплести весь город?

— Да уж не бойскаутскими штучками.

Так поднял брови:

— Возможно, как раз это и имел в виду дедушка. Ты головокружительно взлетел, Майк. Теперь будь осторожен. Боюсь, все это слишком хорошо, чтобы обойтись без подвохов.

Он зашагал дальше, и за весь оставшийся путь я, как ни пытался, не смог выудить из него больше ничего. Описав круг, мы направились к конторе. Оказавшись на вершине холма на 24-й улице, мы увидели простиравшийся перед нами город, подкрашенный садящимся солнцем.

— Когда приходит беда, — задумчиво произнес Так, — падают не те, кто на вершине.

Кое-что из того, что сказал мне Так, я, наверно, должен был отвергнуть, как кислый виноград. В конце концов, кто я для него? Чужак без семейных связей, обскакавший его в «Группе Дэвиса». Но это смутное предупреждение, исходившее от парня, не менее посвященного, чем его дед, с новой силой разожгло мои тревоги.

Мне, конечно, хотелось присматривать за Ириной и Маркусом, потому что, если мои страхи оправданны и на той прослушке, что я стащил, действительно речь шла об убийстве, я никогда себе этого не прощу. Если в деле Радо и «объекта 23» случится что-то ужасное, виноват в конечном счете буду я. Так что мне хотелось подстраховаться, и для этого надо было следить, что же предпримет Маркус.

Дома я проработал вопрос выслеживания людей по старой традиционной методике «стоптанных башмаков». Затем наткнулся на способы, так или иначе вышедшие из употребления. После обширного поиска (хотя, если честно, я два часа проторчал в самолете на бетонной полосе аэропорта Рональда Рейгана, и мне просто нечего было читать, кроме каталога «Скай-молл») я обнаружил, что всего за полторы сотни баксов можно купить маленький магнитный GPS-трекер. Аккуратно прикрепив этот спутниковый маячок к машине

жертвы и поскорее смывшись, можно сидеть попивать кофе, следя за перемещением объекта по гугловским картам, — и никакого тебе риска!

Иринин маячок был уже надежно прицеплен к колесу ее «порше», и теперь требовалось в срочном порядке снабдить таким же и Маркуса. Вот почему я и оказался за его домом. Вроде бы проще это было сделать на работе, но я все же поостерегся: все здание «Группы Дэвиса» было напичкано камерами видеонаблюдения.

Молниеносно рванувшись из зарослей, я надежно прилепнул трекер к колесу Маркусова «мерса». За забором послышался собачий лай — а точнее, тьяканье, — я бегом вернулся к своей машине и укатил восвояси. Миссия была выполнена. Немного наличности в кармане — и даже такой идиот, как я, получит преимущество перед супершпионом Уильямом Маркусом. Вы еще не полюбили новейшие технологии?

Лично мне это очень даже понравилось. Насколько я мог судить, больше никаких встреч Маркуса с Ириной не было, но я всегда мог проверить местонахождение обоих по веб-браузеру в маленьком приложении на моем телефоне. Это было очень забавно — словно живой Пакман в городской обстановке! И постепенно мои опасения насчет «объекта 23» отступили...

Но лишь до того момента, когда шесть дней спустя помощница Маркуса пригласила меня к нему в кабинет. Маркус сидел за столом. Принял он меня холодно: не поднялся, не предложил присесть, даже не поздоровался.

— Ты говорил с Ириной Драгович? — спросил он с ходу.

— Да, я к ней заезжал.

— Кажется, я велел тебе держаться подальше от этого дела.

— Она совершала пробежку и повредила колено. А я чисто случайно проезжал мимо — вот и подбросил девушку до дома. Только и всего.

— Помнишь, я говорил, как опасно для тебя совать нос в эти дела? — выпучился он на меня.

Тогда, в Колумбии, это скорее звучало как дружеское предупреждение опытного наставника. Теперь же в словах Маркуса сквозила явная угроза.

— Надеюсь, ты меня понял.

Ну да, разумеется. Я понятия не имел, как Маркус узнал о моих телодвижениях, и надеялся, что ему известно лишь о моем относительно невинном свидании с Ириной, а вовсе не о том, что я похитил его отчеты о расходах и теперь слежу за его авто. Но что бы он там ни знал, он совершенно ясно дал мне понять: держись подальше, не то огребешь. Если я буду оправдываться, ссылаясь на неведение, то закопаюсь еще глубже.

— Абсолютно. Буду избегать независимо от обстоятельств.

Маркус посмотрел через мое плечо в направлении открытой двери. Я обернулся. Позади меня стоял Генри Дэвис.

— Тебе все ясно, Майк? — тихо произнес он. Очевидно, он знал, для чего меня высвистал Маркус, и зашел специально, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации.

— Да, — кивнул я.

— Тогда можешь идти.

Я ушел. Огибая колонны, что огораживали место секретарши, я уловил, как Генри сказал Маркусу:

— Мне надо отлучиться. Обсудим это вечером.

После предупреждения Маркуса мне было уже не до работы. Я прилип к экрану и всю вторую половину дня наблюдал за передвижением моих маячков. Угроза начальника звучала так, будто он держит меня на мушке — но если они с Генри собираются вечером обсуждать мою дальнейшую судьбу, мне, естественно, хотелось узнать об этом как можно больше.

Вечером, около шести, маячок Маркуса оторвался от здания конторы и направился на запад по Резерва-роуд. Близость к Джорджтауну захватила мое внимание. Я и так постоянно наблюдал, как Маркус крутится возле дома Ирины. Между тем он проехал прямо через Цепной мост на виргинский берег реки Потомак, в сторону здания ЦРУ. Моя паранойя тут же добавила оборотов — покуда я не вспомнил, что Дэвис живет где-то по соседству, над бурлящей по ущелью рекой. Машина Маркуса свернула на извилистую улицу, идущую вдоль стоящих у реки особняков, как раз к северу от Цепного моста. Так что, вероятнее всего, он направлялся к Генри.

Этого хватило, чтобы я тут же захотел сам все проверить. Я быстро расчистил стол, спустился вниз и выкатил свой джип из

гаража. С Энни мы условились поужинать через два часа. «Я всего лишь прокачусь, — сказал я себе, — проверю, действительно ли Маркус отправился к Генри, — на все про все десять минут».

Длинная улочка, ведущая к особняку Генри, заканчивалась внушительными воротами с видеокамерой охраны. Проехав дальше, ниже к берегу, я остановился в тупике. Некоторое время я наблюдал, как подо мной сердито несется по каменистому руслу пенящийся поток Потомака.

Виргинский берег Потомака напоминает парковую зону: изрезанный ущельями, усеянный площадками для скалолазанья и «тарзанками» для прыжков в воду. Я спустился сквозь заросли к подножию холма и пробрался к тыльной стороне владений Генри, к самой их границе. С дороги, откуда я только что ушел, его дом казался неприступной крепостью. Однако тщеславие вкупе с речными просторами перекроют любые меры безопасности. От воды я мог беспрепятственно обозревать «каса Генри» — солидный особняк в самой высокой точке над рекой. Подтягиваясь на скалистых выступах и огибая валуны, я приблизился к дому и наконец смог различить на террасе две разговаривающие фигуры — их силуэты четко вырисовывались на фоне желтых огней внутреннего освещения.

То, что я задумал выкинуть дальше, казалось сумасшествием. Однако я был в опасности, и Маркус, в общем-то, откровенно мне это высказал. И раз уж передо мной ребром встал вопрос жизни и смерти — куда большим сумасшествием было вообще ничего не предпринимать. Я и так уже зашел слишком далеко. Если они обнаружат, что я выкрал запись прослушки и отчет о расходах, что я снабдил маячком Маркусову машину, — мне конец. Так что лучше уж сейчас выяснить всю правду и с открытыми глазами идти навстречу судьбе.

Забор у Генри оказался высоким и так хорошо прятался в ветвях, что я едва заметил идущую по верху колючую проволоку. Перемахнуть его не было никаких шансов — ну, разве что в клочья разодрать надетый к ужину костюм и в итоге загреметь в больницу.

Быстро обогнув имение, я подошел к подсобной территории — там стояла пара помоечных контейнеров, к которым вела дорожка для мусоровозов. Ворота с этой стороны были оборудованы электроникой и контролем доступа с радиочастотной идентификацией, так что

открыть их можно было, просто помахав нужным брелком или картой доступа. Снять такой замок было выше моих способностей.

Впрочем, новейшие технологии — это палка о двух концах. Если люди платят за всякую ерунду типа «сезам, откройся», они, как правило, рассчитывают на автоматическое открывание дверей за счет датчика движения — чтобы створки со свистом открывались, как в «Звездном пути», едва к ним подойдешь изнутри. В этом-то и фишка: снаружи ворота можно открыть только ключом, а изнутри — никакой ключ не нужен.

Я подыскал в лесочке хорошую узловатую палку, подсунул ее сбоку от воротины и помахал ею примерно на уровне головы. Послышался щелчок датчика, электромагнитный засов отполз, створка открылась — и я, опасаясь быть замеченным, прополз через нее на животе.

Назад, в сторону мусорных баков, лупил светом единственный очень яркий прожектор — там словно все было призвано создавать ложное чувство безопасности. Лучше уж разжиться датчиками движения или вообще не ставить ничего, чем вешать фонари! За забором же была совсем другая история. Едва миновав ворота, я тщательно огляделся и сумел выявить с полдюжины датчиков движения — похоже, инфракрасных и ультразвуковых, — что крепились на деревьях вдоль дорожки к дому.

Я слышал много различных теорий, как защититься от этих приспособлений, и сам немало часов поломал над этим голову в годы моей воровской юности. Кто-то предлагал накидывать на голову простыню, кто-то — передвигаться в абсолютно ровном темпе, кто-то — надевать гидрокостюм. Но факт оставался фактом: я никак не мог подобраться к террасе на расстояние слышимости, чтобы меня не засекли.

Итак, меня должны засечь... «Кричи: „Волк!“» — хоть и очень старый трюк, но обычно срабатывает.

Для начала я нашел отличное местечко, чтобы спрятаться: дыра между корнями высокого дерева. Я все еще находился за домом, вне видимости с террасы, где стояли мои начальники. Выступив к ближайшему датчику движения, я принялся размахивать руками, как полный дебил. Этого было вполне достаточно, чтобы он сработал, однако не последовало ни вспышки света, ни воя сирены. Скверно. Это

ясно указывало на централизованный пульт контроля и режим тихой тревоги. Я прошел шагов двадцать в сторону и попрыгал перед другим датчиком, после чего торопливо забился в свою щель.

Спустя несколько минут, покачивая фонарем, передо мной появился сердитый колченогий мужик, похожий на матроса. Луч света два-три раза скользнул по моему дереву. Я очень хорошо спрятался — хотя это мало обнадеживало, когда я представлял, какая судьба меня ожидает, если Генри, не дай бог, обнаружит, что я вломился в его святая святых.

Мужик посветил туда-сюда фонарем и ушел, матеря оленей.

Едва он зашел в дом, я снова выскочил — поскакал, как обезьяна, перед датчиком движения и опять спрятался. После трех раундов мужик даже не направлял в мою сторону фонарь. Я мог спокойно двигаться дальше.

Я обежал угол дома, затем на животе прополз вдоль водосточной канавки и подлез под деревянный настил террасы, на котором разговаривали двое мужчин. Перевернувшись на спину, я тихо растянулся на земле теперь я мог слышать все, о чем говорят мои боссы.

Я неудобно лежал, ощущая камень под крестцом, и наблюдал топтание четырех ног над головой. Казалось, даже дыхание может меня выдать. Я едва сдержал себя, когда спустя полчаса судорогой скрутило правую ногу.

Разговор их сперва вился вокруг политиков, затем перешел на те дела, что были мне совсем неинтересны. Наконец они добрались и до более важного вопроса.

— Как по-твоему, Форд был с тобой сегодня честен? — спросил Дэвис.

— Думаю, да, — ответил Маркус. — Он не стал нас допытывать насчет того, что происходит с Радомиром. Думаю, он плюнул на это дело. И девчонка сама к нему подкатилась — не наоборот. К тому же сегодня мы точно напустили на него страху. В общем, он будет паинькой.

— А как «Двадцать третий»? Еще не добрался до улики? — спросил Генри.

— Трудно сказать. На перехваченных звонках он об этом молчит и внезапно стал очень скрытен.

— А вы его достаточно плотно ведете, чтобы понять, раздобыл он доказательства или нет?

— Ну да. Не думаю, что он их достал.

— Так, может, будет безопаснее вывести его из игры?

— Это было бы лучше всего, — согласился Маркус. — Где-то, скажем, восемьдесят процентов безопасности.

— Ты что думаешь об этом?

— Он уже близко подошел к этому конверту. Настолько близко, что может нас к нему привести. Вот только если он до него доберется, то может прихлопнуть всю нашу лавочку. Так что было бы разумнее позаботиться о нем заблаговременно, нежели с этим опоздать.

— Его можно отловить один на один? Жена у него умерла несколько лет назад — может, есть любовницы? Дочь у него бывает?

— В любовных связях не замечен. Человек привычки, он почти все выходные проводит за городом, где нет особой охраны. Дочь учится в пансионе и в течение учебного года его практически не навещает.

— Еще какие концы торчат?

— Есть один. Девушка Драгович все не унимается. На прошлой неделе я с ней встречался, чтобы остудить ее пыл.

— И много она знает?

— Практически то, что касается ее отца: попытка избежать экстрадиции и не предстать перед судом.

— А про «объект двадцать три» ей известно?

— Она знает, что есть некий человек, на котором нынче все завязано, но пока не похоже, что ей известно, кто он.

— И чего она хочет?

— Очевидно, помочь, — сказал Маркус. — Хочет спасти отца от экстрадиции. Она считает, что ее трах — неотразимое оружие и что она всего сможет добиться, если будет удовлетворять чужие слабости. Полагаю, так она и разнюхала, что смогла, об этом деле. Но я ее заткнул.

— Если она такая же упертая, как ее папаша, у нас все равно останутся причины для беспокойства.

— «Двадцать третий» — чересчур нервный тип. Если она станет подбираться к нему со своим неуклюжим соблазнением, то, скорее всего, нарвется на весьма болезненный отпор.

Генри промолчал.

— Думаешь, она поможет нам выйти на улику? — спросил Маркус.

— Может, и так. «Двадцать третий» одинок. Впрочем, это неважно. Если она только заглянет в конверт — ее дни сочтены. Это очень опасное знание, и нам придется самим о ней позаботиться, чтобы себя защитить. — Генри вздохнул с досадой. — Мы в любом случае не можем ее использовать. С этим психом Радомиром все становится совсем сложно, и «Двадцать третий» уже на грани. Полное дерьмо! Давай покуда держаться в стороне. Будем следить и ждать. Я пока готовлю и подбираю клиентов — а это миллиарды баксов. Если все срастется, это будет последнее дело нашей фирмы.

По террасе забарабанил дождь.

— Приглядывай за девочкой, и хорошенько, — продолжал Генри. — Если ей удастся подобраться к «Двадцать третьему», мы немедленно его снимем. Продумай разные варианты. Метод проб и ошибок здесь явно не подходит, надо действовать наверняка.

— Сделаю, — ответил Маркус.

— Что-то я зябну. Пойдем-ка в дом.

Я услышал, как открылась дверь. Залаяла собака — причем тьяканье раздавалось все громче и ближе. Сейчас все мои старания накроются медным тазом, если меня здесь унюхает коротколапая корги Дэвисовой супруги. А потому, недолго думая, я задал стрекача к воротам, выскочил наружу и, продираясь через подлесок, вернулся к машине.

Нещадно поливавший дождь быстро освежил мне мозги. Итак, Ирина не работала на Маркуса. Как и я, она ввязалась сама по себе и, судя по всему, продвинулась гораздо дальше меня — хотя меня-то Дэвис с Маркусом пока что не поймали на самостоятельном копании в деле Драговича. Мы с ней оба угодили в игру, ставки которой нам были неизвестны. Начальники мои как-то неявно обозначили, что произойдет с тем человеком с прослушки и Ириной. Возможно, они говорили о том, что заплатят за отстранение от дела, или даже о шантаже, однако все труднее и труднее было игнорировать возможность куда худшего исхода.

К ужину я опаздывал уже на двадцать минут. В машине лежал костюм, предназначенный для химчистки, — пришлось переодеться в

него. Вдобавок я еще немного потел от страха после проникновения во владения Дэвиса. В итоге, представ перед Энни в ресторане, выглядел я далеко не лучшим образом.

На лице у моей подруги явственно читалось: «Где, черт возьми, тебя носило?» С тех пор как мы смотались с Генри в Колумбию, ее чрезвычайно интересовало, что меня связывает с нашей главной шишкой. Я поймал ее на том, что она поглядывает на экран, когда я открываю почту, смотрит, кто высвечивается на звонящем мобильнике, как бы невзначай выпрашивает у меня, над чем я работаю. Она была одной из лучших учениц Генри, и я подозревал, что за ее любопытством притаилась зависть. Возможно, ее даже пугало то, что я так быстро расту в фирме Дэвиса. В конце концов, далеко не многие сотрудники могут сделаться полноправными партнерами.

По крайней мере, я надеялся, что ее любопытство вызвано именно этим. Но была и другая вероятность: Энни же тесно контактила с Генри по работе — что, если он, совещаясь с ней с глазу на глаз, выпытывает, чем я занимаюсь? И как ни параноидальна была мысль о том, что Энни, намеренно или невольно, помогает Дэвису за мной следить, я, разумеется, не собирался рассказывать ей, что шпионю за начальниками.

В своем опоздании я обвинил, разумеется, джип.

— Ох уж этот твой джип, — усмехнулась она.

Гурман так настаивал, чтобы мы побывали в этом местечке с настоящей сычуаньской кухней и непременно попробовали «ма-ла», что, как мне сказали, переводится «онемелый язык». Это блюдо оказалось не просто острым — у него был вкус боли и запах смерти. Я всячески делал вид, что это ем, на деле мечтая о спагетти с тефтелями и поглядывая под столом за перемещением моих GPS-маячков на смартфоне.

Машина Ирины, как обычно, припарковалась в гараже возле ее дома на Проспект-стрит. Маркус вечером проехал через Джорджтаун. Вроде бы ничего особенного. Но вот теперь, в восемь тридцать пополудни — можно сказать, в воровской час, — он направлялся на юг, к Капитолию.

Ужин подошел к концу. Энни осоловело смотрела на меня, словно предупреждая, что минут через пятнадцать уже уснет. Мне же до смерти хотелось узнать, что ж там намечается на юго-востоке округа

Колумбия, в направлении старой заброшенной верфи. Вот уж точно последнее место, где можно повстречать человека вроде Уильяма Маркуса. Единственная сложность была в том, что мой дом находился буквально за углом, и так вот взять и смыться от Энни было бы непростительной грубостью.

Я поднял к глазам телефон.

— О боже! Я же обещал Эрику Уокеру заехать к нему и сыграть несколько партий.

— Может, лучше свернуться на диване и посмотреть кино? — предложила Энни. Это означало, что она отключится уже на начальных титрах.

— Я бы с удовольствием, но это по работе. Надо познакомиться с несколькими свежееиспеченными сенаторами. Пойдем со мной? Тебе бы тоже пригодилось.

Там будет пара деятелей из Министерства внутренней безопасности.

У Энни было несколько дел, касающихся этого министерства, но я прекрасно знал, что ночь она собиралась провести дома. Я блефовал.

— Иди, дорогой. Пожалуй, я поеду к себе.

— Ты можешь остаться у меня.

— Ладно.

Я проводил ее до двери и обещал поскорее вернуться. Между тем температура на улице упала, дождь сменился мокрым снегом.

Я так долго следил за маячками — двумя крохотными мишенями на карте в телефоне, — что не мог не заметить, если вдруг что-то затеется. Маркус отправился в прибрежную зону возле старой верфи. Этот район уже давно считался самым убогим и заброшенным в округе Колумбия, там полно было опустевших мастерских, загаженных панк-клубов, полуразвалившихся бань. Большинство из них снесли, чтобы обустроить на их месте помещения для нового стадиона «Вашингтон нэшналс», возвести кондоминиумы. Однако эти планы по джентрификации верфи бюджет, увы, не потянул. Теперь здесь была безлюдная территория с ничейными, расчищенными под застройку участками, с пустыми паркингами и огромными, давно списанными судовыми ангарами сплошь с побитыми окнами. Скажем так, не самое подходящее местечко для бизнес-встречи на высоком уровне — скорее уж для обувания в бетонные шuзы.

Маячок подсказал мне, что машина Маркуса где-то у воды. Может, он съехал к реке, чтобы посозерцать ее течение, остаться наедине со своими мыслями, послушать «Кошку в колыбели» Гарри Чапина?.. Как бы не так! Как раз между 295-м пирсом и косой Баззард-пойнт было самое место, где вместо того, чтобы обрести вдохновение, можно было лишиться автомобиля.

Суровый апрельский ветер трепал над Потомаком пелену замерзшего дождя. Я следил за маячком, с каждой секундой все больше нервничая. Вел он меня по верфи вдоль реки. Подъехав близко к тому месту, где на моей карте остановилась мишень, я хорошенько огляделся — Маркус как будто бы находился в конце одного из причалов. Я всмотрелся, но ничего не различил. Впрочем, спутники-то не врут — и потому, оглядевшись, нет ли за мной «хвоста», я осторожно двинулся по причалу, стараясь держаться в тени.

Чем ближе я подходил к указанному маячком месту, тем чаще и быстрее вспыхивала на экране красная точка. Удобная примочка — по крайней мере, пока не пробираешься во тьме по пустынному пирсу. Наконец красный глаз на телефоне, моргавший все чаще и чаще, выпучился на меня горящим, насыщенно багровым зловещим оком. Мне стало совсем не по себе.

На студеным ветру я стоял в том месте, куда указывал маячок, — в самом конце пирса. И Маркусовой машины там, черт возьми, не было. Выходит, он обнаружил на колесе маячок? Кинул в Потомак — и его принесло водой сюда? Учитывая обстоятельства, это самое бестолковое объяснение.

В начале причала мелькнула едва заметная тень. Потом шевельнулась опять...

Меня посетила другая мысль: для Маркуса здесь было идеальное место, чтобы самому посадить маячок, выследить, кто за ним шпионит, и поймать наглеца. Сущий пустяк для цифровой эры! Если это так — я сам же загнал себя в тупик.

Движение во тьме было очень медленным — но я безошибочно знал, куда смотреть. Темный силуэт то и дело пересекал конусы желтого света, падающие от натриевых судовых прожекторов.

Выхода не было. Маркус грозно надвигался на меня, точно всадник Апокалипсиса. Я лихорадочно прокрутил в голове несколько вариантов — но Маркус же увидит их насквозь! Да и чем вообще

можно объяснить, что ты следишь за начальником, подсаживаешь ему «жучка» и лезешь к самому его дому?

Нет, для Майка Форда это означало конец. По крайней мере, пора моего расцвета в «Группе Дэвиса» явно миновала. Ни тебе мясных медальонов на вилле Шенандоа, ни молодой картошечки в «Литтл Вашингтон». И самое скверное: у моих боссов достаточно на меня компромата, чтобы закопать меня одними финансовыми нарушениями предвыборной кампании — даже без гнусной истории с наркопритоном. Финита ля комедия. Валяй обратно в тюрьму, истинный сын своего папочки!

Вслушиваясь в скрип досок во тьме, я все меньше беспокоился о вещах столь отдаленных и все больше — о тяжелой руке Маркуса. В том смысле, что убить он меня, конечно, не убьет — но что мне известно о повадках мужика, в восьмидесятых душившего сандинистов?

Как бы то ни было, попасться к нему в руки было чересчур рискованно. Все варианты были плохи. Да и вода с белыми шапками в десяти футах подо мной, естественно, к себе не манила. Но я знал, что, как бы ни было тяжело, смогу доплыть до соседнего причала. Единственное, чем хороша верфь, так это тем, что отсюда можно булькнуть в пучину вод и скрыться без лишнего шума.

Внезапно луч света прорезал пирс — и я молниеносно сиганул во тьму. Когда оказываешься в ледяной воде, главная опасность — что, от холода резко вдохнув, наберешь полные легкие воды и якорем пойдешь ко дну. Мне удалось этого избежать, хотя смертельный холод охватил все тело, — я сразу начал дышать как сумасшедший и, пожалуй, сбросил свой IQ где-то процентов на сорок. Если, оказавшись в арктических водах, сразу не отбросил коньки — значит, в запасе есть еще минут пятнадцать. А поскольку умирающим я себя явно не ощущал, времени у меня было в достатке. Луч фонаря длинными дугами прохаживался по воде, поэтому я подплыл под причал — в эту обросшую ракушечником и вонючим мхом пещеру. Я пробрался прямо под Маркусом, то и дело натываясь головой то на балку, то на торчащий из бревна болт.

Я слышал перед собой шаги Маркуса. Свет от его фонаря просачивался в щели между досками над головой. Когда он подошел ближе, я нырнул и проплыл под ним.

Было бы, наверно, куда лучше, если б он ругался и выкрикивал угрозы — это его невозмутимое, рациональное молчание пугало меня больше, чем что бы то ни было.

Вскоре я выбрался к навесу, от которого начинался пирс, отгреб на пятьдесят метров в сторону, обжигая уши снежной кашей, к следующему причалу. Там, подтянувшись, я вылез из воды и хотел было припустить к своей машине, но онемевшие ноги не слушались, спотыкаясь на каждом шагу. Луч фонаря устремился мне в спину и выхватил меня из темноты, но на таком расстоянии света явно не хватало, чтобы кого-то разглядеть.

Эти два причала оказались разгорожены забором, так что пришлось его преодолевать, и это отняло у меня некоторое время. Добравшись наконец до джипа, я прыгнул за руль, дал по газам и, втопив под пятьдесят миль, домчался до хорошей дороги, а там и вовсе разогнался, как реактивный истребитель. Включил до упора обогрев, так что в меня дуло жаром, как от открытой топки. До дома я мог бы добраться и за двадцать минут, однако катался вдвое дольше, петляя по улицам, делая неожиданные развороты и тщательно озираясь, прежде чем куда-либо свернуть, дабы убедиться, что Маркус меня не преследует.

Я вбежал в дом, скинул в прачечной камерке одежду и минут на двадцать забрался под горячий душ, но руки все равно так тряслись от холода, что я едва справился с краном. Единственное, что еще давало мне силы, — это перспектива забраться под толстое одеяло и пристроиться к Энни.

Я скользнул в сумрак спальни, нырнул под одеяло, протянул руку, чтобы обнять Энни за талию... но ощутил под ладонью лишь матрас. Ее не было.

Свою подругу я обнаружил внизу. Точнее сказать, она обнаружила меня. Она сидела на диванчике с книжкой и чашкой чая, явно ожидая, когда я к ней приду. Проследив, как я спускаюсь по лестнице, она отложила книжку. Видно было, что Энни недавно плакала, но теперь ее лицо сделалось строго деловым.

— Ты кувыркаешься с кем-то еще? — спросила Энни странно-спокойным голосом.

Мозги у меня сперва как заклинило. Я лучезарно улыбался своей девушке, донельзя счастливый ее видеть после такой дерьмовой ночи.

Однако это чувство облегчения стремительно рассеялось.

— Что? — опешил я. — Нет, конечно.

Она подняла к моим глазам одну из распечатанных мной аватарных фоток Ирины.

— Ты постоянно опаздываешь, вечно выдумываешь какие-то отговорки. Ты возвращаешься домой, избавляешься от одежды и тут же чешешь в душ. Я что, по-твоему, дурочка? Я знаю, что все это значит.

— Это всего лишь работа, — возразил я. — Ее отец — Радо Драгович.

— Не морочь мне голову. Хочешь сказать, эта двадцатилетняя потаскушка лоббирует Пентагон?! Я глянула насчет нее в твоём ноутбуке — там миллион запросов вывалилось! Ты что, за ней следишь?

— Дорогая, ты же знаешь, копание в инете — большая часть моей работы. Я проверяю ее в связи с одним делом, и я обещал Уокеру, что встречу с ним сегодня...

— Лучше молчи! — взвилась она. — Уокер сейчас в сенате — готовит свою филибастерскую речь.^[50] Перестань мне врать. Это отвратительно!

Она развернулась и зашагала к выходу. В одном полотенце я потрусил за ней, на ходу что-то лопоча. Мне снова пришлось студить свою задницу, на сей раз полуобнаженным выскочив на крыльцо. Я вдруг понял, что моя правда гораздо менее правдоподобна, нежели любая брехня, что я мог бы придумать с ходу, — но мне не хотелось снова обманывать Энни.

— Милая, я могу все объяснить. Это была работа. Я солгал, потому что не хотел тебя в это втягивать. Это касается наших шефов, в частности Дэвиса. Прошу тебя, пойдем в дом.

— Ты хочешь, чтобы я тебе доверяла?

— Да.

— Тогда доверься мне. Ты больше, чем кто-либо, знаешь, как работает этот город, Майк. Здесь нельзя брать, ничего не давая. Расскажи мне, что происходит.

— Сейчас покажу.

Я провел Энни в коридор рядом с кухней, сунулся в прачечную и вынул из стиральной машины впопыхах сунутый туда костюм.

— Фу, какой затхлый дух! — поморщилась она. Думаю, она ожидала унюхать парфюм другой женщины или даже запах секса.

— Я соврал тебе. Больше не буду. Мне очень жаль, честное слово. Но я просто не хотел тебя в это втягивать. Ты веришь, что я не стал бы заниматься любовью с такой вонючкой?

— Расскажи же мне, что произошло.

Я очень тщательно выбирал слова. Даже если бы это была погоня за теньями, я не хотел Энни в нее вовлекать, а уж тем более, если это грозило реальной опасностью.

— Понимаешь, я опасался, что в той сделке, в которой я участвовал, не все... этично. Поэтому я решил кое-что перепроверить. А поскольку я болван и вечно лезу куда ни попадя, то свалился в эту вонючую воду и чуть до смерти не замерз.

Некоторое время она переваривала услышанное.

— Слишком смешно для придуманного алиби. — Мгновение она сверлила меня взглядом. — Так ты упал в воду?

— Да, в Анакотию.^[51] Вода ледяная! — поежился я. — У меня выдалась жуткая ночь. И мне чертовски жаль, что я тебя огорчил.

— Почему ты мне сразу не сказал?

— Я знаю, у меня, наверно, мания преследования, но мне не хотелось вмешивать тебя в это дело. Это было глупо, и я дурак — согласен.

— Ты говорил об этом Маркусу и Генри?

— Нет. И пожалуйста, оставим это между нами. Я это делал по собственной инициативе, и если они узнают — мне мало не покажется. Договорились?

— Лучше бы ты им сказал. Они знают, что делать.

Энни была охотником вроде меня. Работа была для нее все, к тому же она была коротка с Дэвисом. Черт подери, это ведь Генри свел нас когда-то в одном деле! Я думать боялся, что станется, если Энни вдруг окажется перед выбором: он или я.

— Ты права. Но пусть это все же останется между нами. Я все перепроверил, ничего особенного не нашел, но мне бы влетело за самодеятельность. Никому не говори об этом, ладно?

Энни, похоже, снова насторожилась.

— Хорошо, — сказала она, подумав.

— Обещаешь?

— Да.

— Спасибо. Я больше не буду тебя обманывать. Ты вправе на меня сердиться, но не торопись с решением. Если хочешь, могу отвезти тебя домой, но я очень надеюсь, что ты простишь меня и останешься.

Энни смерила меня взглядом и целую минуту заставила страдать в ожидании.

— Нет, — молвила она. — Сперва пойдем в постель.

Вот он, предел моих желаний! Натянуть одеяло до самого подбородка и свернуться возле ее жаркой маленькой круглой попки. Блаженство!

Энни выключила лампу со своей стороны.

— Знаешь, милый...

— Что?

— Если ты когда-нибудь смешаешь меня с дерьмом, я тебя найду и в асфальт закатаю.

Ну да, папенькина дочка.

— Конечно, моя радость. Я люблю тебя.

— Я тоже.

«Точно, — сказал я себе. — К черту этот долбаный „объект 23“ и Ирину!»

Я не собирался терять то, что честно заслужил, из-за того лишь, что вырвал несколько тайных фраз из контекста и поиграл немного в детектива. Дело ведь для меня закрыто... Вот только никак не шли из головы несколько оговорок Энни, а также и то, что первым ее инстинктивным желанием было рассказать все Маркусу и Генри.

Я пытался убедить себя, что не передал ей всю историю для ее же блага. А может, для моего? Тщетно пытаюсь уснуть, я все больше понимал, что подозрения относительно «Группы Дэвиса» заставляют меня сомневаться уже во всем, что связано с компанией. На фирму был завязан весь мой мир: друзья, деньги, дом и даже Энни — и всем этим я обязан был Дэвису. И кому я мог теперь верить?

Глава четырнадцатая

Парень был наголо обрит и имел атлетическое сложение футбольного центрового, мышцы у него на шее бугрились, как пухлые хот-доги. Глаза скрывались за темными солнцезащитными очками, полусферическими, как у бейсболиста. Шагал он уверенно, оттопырив локти и выпрямившись, словно аршин проглотил, — может, мнил себя героем вестерна? На нем был мешковатый костюм и дешевенький галстук. Одним словом — коп.

Учитывая историю моей семьи, появление полицейского заставило меня слегка занервничать. Теперь, слава богу, у меня имелся пухлый бумажник и уютный дом в центре города, и я в полной мере оценил их достоинства, однако старые привычки отмирают долго. И если принять во внимание недавнюю цепочку моих отнюдь не стандартных поступков, понятно, что я не испытывал ни малейшей радости, когда это живое воплощение Палуки^[52] уселось рядом со мной возле барной стойки и вперилось в меня взглядом.

Вблизи от моей работы нет приличных закусовых. Есть одна — под вывеской «Вагон-ресторан», — но это выпендренное, в стиле ретро заведение, где за обычный сэндвич выложишь десять баксов. Поэтому большей частью я ходил обедать в кафе с поэтичным названием «Лунас» с аэрографическими картинками на стенах в духе Беркли Бриседа и его «марсианских мамочек»,^[53] где в уборной можно увидеть панно с нисходящими рука об руку по радуге Ноамом Хомски и Гарриет Табмэн.^[54] Впрочем, гамбургеры в этом заведении вполне приличные и недорогие, и кофе можно подливать бесплатно. Так что если, навалившись на барную стойку, всецело сосредоточиться на еде, это место ничем не отличишь от обычной забегаловки.

И уж конечно, в таком месте я совсем не ожидал увидеть этого красномордого блюстителя порядка.

— Майкл Форд? — спросил он.

— Мы знакомы?

— Эрик Ривера, — представился атлет. — Я детектив из городского полицейского управления. Отдел специальных расследований.

— Слушаю.

— Это дружеский визит, — сказал Ривера, что в моем восприятии предвещало неизбежные заморочки. — Как коблер?

— Хороший коктейль.

— Хорошо.

Наверное, так их учили устанавливать контакт в летнем полицейском лагере. Исполнение оставляло желать лучшего, но, к счастью, Ривера сразу перешел к делу:

— Я рассчитываю на вашу помощь в некоторых вопросах касательно деяний «Группы Дэвиса».

«Деяний»? Я что, на съемках «Сетей зла»?

Я вдохнул поглубже и абсолютно монотонным голосом выдал свой лучший адвокатский пассаж:

— К сожалению, должен сообщить вам, что со всеми нашими клиентами у нас заключен договор о строгой конфиденциальности и неразглашении информации, и я юридически обязан воздерживаться от обсуждения с вами чего бы то ни было вплоть до вызова повесткой в суд. Но даже при этом обстоятельстве мои обязательства регулируются соответствующими статьями закона. Предлагаю вам адресовать все ваши вопросы главному юрисконсульту «Группы Дэвиса». Я буду чрезвычайно рад предоставить вам его контактные данные и надеюсь, что вопрос решится в порядке, приемлемом для всех заинтересованных сторон.

На этом я вернулся к коктейлю, черпнул ложечкой венчавшее его мороженое и отъел немного.

— Разумно, — сказал крутой полицейский парень и приосанился. — А пока вы наслаждаетесь десертом, я хотел бы кое о чем вам поведать. Что, если я скажу вам, что «Группа Дэвиса» систематически подкупает наиболее влиятельных людей Вашингтона.

В голове у меня тут же созрели варианты ответа: «Ах, вы про пятьсот!» и «Да ни хрена!». Однако я промолчал.

— И что, если я вам скажу, что Радомира Драговича подозревают в совершении преступлений против человечества?

Драгомир, конечно, трескучий зануда — но «преступления против человечества»... Ну-ка, ну-ка. Это уже пахнет фанатизмом. Не всякого серба обвиняют в геноциде. Так вот чего он так беспокоится насчет экстрадиции!

— И что, если я вам скажу, что вы, возможно, причастны к совершению нескольких тяжких преступлений. Думаю, мистер Форд, вы достаточно осведомлены о возможных сроках тюремного заключения и о том, что сотрудничество с правоохранительными органами учитывается при вынесении приговора.

Вот гад! Меня аж зло пробрало. Было ясно, что они копнули под моего папашу, и не менее ясно, что этот тип меня прощупывает. Первым порывом было сшибить его с барного стула и вскрыть ему горло десертной ложкой — но, поскольку именно на такую реакцию коп и рассчитывал, я взял себя в руки.

— Вы не из округа Колумбия, — спокойно произнес я. — Акцент ваш выдает Лонг-Айленд.

Ривера слегка опешил.

— Да, я из Бэйшора.

— Тогда вы должны знать, — сказал я, поискав глазами под его стулом.

— Должен знать что?

— Когда идешь на рыбалку, надо брать с собой пиво. Удачного вам дня!

Уж не знаю, понял ли фараон шутку, но суть он уловил.

— Позаботьтесь о себе, — сказал он, вставая, и вручил мне визитку. — Еще увидимся.

Покончив с коблером, я наконец-то смог дать волю нервам. Я широко раскинул руки и поглубже вздохнул. Какого черта хотят от меня копы?! Я неплохо продвигался по карьерной лестнице, но я по-прежнему был никем в «Группе Дэвиса». И уж точно не мог быть отдельной мишенью для отдела специальных расследований.

С профессиональной точки зрения игра Риверы была в лучшем случае неуклюжей. Начав с угроз, пусть даже не высказанных открыто, далеко не уйдешь. Если он таким образом пытался сделать из меня «крота» — он провалил задание. Моим шефам, вероятно, интересно будет узнать о том, что вокруг фирмы что-то вынюхивает полиция, и особенно о Ривере, который имел наглость подкатиться ко мне прямо возле работы.

Может, это знак, чтобы отмежеваться наконец от моих боссов, — и тогда Ривера становится моим единственным другом. Или, может, я переоцениваю опасность и этот парень — полный дебил? Из того, что

мне было известно о типичной карьере работника правоохранительных органов, последнее казалось вполне возможным.

Ведь он и в самом деле не сказал мне ничего особенного. Минут десять поиска в инете по «Группе Дэвиса» выдадут множество деталей для подобного блефа против желторотика вроде меня, который, глядишь, со страху и разговорится. Вот черт, ведь он, может быть, даже и не из полиции! Да и вообще, делами о коррупции обычно занимается ФБР.

Что-то тут определенно не стыковалось. У меня, конечно, было множество поводов для беспокойства в отношении моих шефов, но опасное лавирование с Маркусом и Энни уже заставило меня занервничать: не слишком ли я заигрался в детектива-любителя? По-прежнему бродя в кромешных потемках, я даже думать не мог о том, чтобы к кому-то там переметнуться и работать против Дэвиса. Этот мужик был неостановим, и ничто в Вашингтоне не происходило без его ведома. Не сомневался я только в одном: мои шефы рано или поздно обо всем узнают, а потому лучше сразу пойти признаться дяденькам и получить в награду пирожные, не дожидаясь, пока кто-нибудь другой им сообщит, что до меня добрались копы.

Я направился к кассиру.

— Ваш друг уже все оплатил, — сообщила она.

Едрит твою мать! Терпеть не могу быть кому-то что-то должен! Так вот, капелька за капелькой, и подминают под себя людей.

После возвращения из Колумбии Дэвиса с Маркусом на работе было не застать. Но стоило мне мимоходом упомянуть Риверу в электронном послании Маркусу, как тут же они стали свободны от дел и жаждали со мной встречи.

Я сел между ними за столом для переговоров в кабинете Генри и рассказал о визите копа.

— Это все, что он сказал? Ничего такого особенного?

— Да, это все, — пожал я плечами. — Надеюсь, я не сказал ничего лишнего.

— Нет. Ты сделал большое дело. Мне жаль, что тебе пришлось с этим столкнуться. Представляю, что ты теперь думаешь: а вдруг здесь что-то нечисто? — Дэвис напустил на себя безразличие, дабы меня приуспокоить.

— Я считаю важным и полезным то, чем мы занимаемся, хотя лишние заверения и не повредят.

— Майк, ты уже достаточно долго в Вашингтоне, чтобы понять: здесь каждый ищет себе какой-нибудь крючок. Исключение составляет лишь городское полицейское управление.

— В самом деле?

Дэвис рассмеялся, тут же потеряв всю свою холодную невозмутимость.

— Ну конечно же нет! Для этого ведь даже не нужен диплом о высшем образовании. Копы — это те же крючки, только с жетонами. Маркус, как часто полиция или ФБР пытается так на нас наехать?

— Ну, где-то пару раз в году.

— Не странно ли то, каким путем он к тебе стал подбираться? К тебе — относительно молодому сотруднику. Причем по его личной инициативе? Вне официальной обстановки и без свидетелей?

— Ну да.

— Никто не мог ткнуть на тебя пальцем, Майк. У нас нет никого за полем. Это типичный полицейский наезд. Ты знаешь, мы не бойскауты, не сорвиголовы — в своих делах мы абсолютно честны и тщательно все выверяем. Мы никогда не переходим черту. Я занимаюсь этим уже сорок лет, Майк, и мы безупречно чисты. У нас не было ни единого нарушения. Люди швыряют в нас много всякой грязи — но, знаешь ли, к нам ничего не пристаёт. Законники знают это и нас не трогают. Но вот возьми, скажем, кого-то одного — детектива, фэбээровца, генерал-инспектора — кого угодно. Ему мнится, что, если ему удастся накопать какой-то грязи против самой могучей фирмы в Вашингтоне — что-нибудь, что может сбить с толку нас и наших клиентов, — то он сможет выторговать за это себе некие блага.

— Они все рыскают в надежде добыть какой-нибудь компромат, — вставил Маркус, — рассчитывая, что мы потянем нужные струны — и они получат повышение или назначение в теплое местечко. Чаще всего эти ребята надеются, что мы пристроим их в какую-нибудь частную компанию на хороший контракт и они будут получать впятеро больше, нежели им платит государство.

— К счастью, — улыбнулся Генри, — перекупить нашего лучшего сотрудника стоит гораздо больше, чем порция коблера.

Он остановился возле меня, ласково похлопал по плечу:

— Ты молодец, Майк. И мы знаем, как непросто тебе пребывать в неведении о деле Драговича — Уокера.

— А вы можете просветить меня на этот счет?

— Увы, Майк, такие инциденты, как интерес к нам некого Риверы, — одна из причин, по которой мы держим сотрудников на расстоянии. У Маркуса, оказывается, есть люди, которые подсаживают «жучков» ему в машину. Представляешь? Не все такие надежные, как ты, Майк. И знай, что мы так просто это не оставим. Ты, наверное, заметил, что мы с Маркусом сейчас крутимся, как первогодки. Порой так складывается, что в руки попадает крупица информации — и вдруг намечается сделка всей жизни, и ты стремишься к ней, выжимая себя до предела. Мы, конечно, делаем все возможное, но если представится шанс сделать фирму мирового масштаба еще более великой и для этого придется согнуться дугой — надо извернуться и ухватиться за этот шанс. Когда-нибудь мы сможем тебе это объяснить. И ты все поймешь.

Любопытно, эта великая перспектива имеет какое-то отношение к диктофонной записи, угрозам, к «объекту номер 23»?

— Мы знаем, что ты по-прежнему вкалываешь по девяносто часов в неделю. Возможно, тебе кажется, что мы будто испарились и не видим твоих стараний, но мы все замечаем. Почему бы вам с Энни не взять наш фирменный самолетик да не слетать на Карибы, в Сент-Барт? Если надумаешь — дай нам знать. У тебя там будет собственное уединенное местечко на море. То что надо для отличного отдыха. Ты более чем заслужил его.

«То что надо, чтобы откупиться, — подумал я. — На тебе, мальчик, сладкий пирожок!»

— Мы с Энни будем очень признательны, Генри. Спасибо.

Выйдя от них, я почувствовал себя гораздо лучше, поскольку понял, что даже такие профи, как Маркус с Дэвисом, порой дают маху — как, например, с этим коблером, о котором я вовсе не упоминал. Теперь я точно знал, что эта парочка держит меня под колпаком.

Глава пятнадцатая

Возьмите все более или менее значимые фигуры Вашингтона, отсейте лишние, оставив те, что имеют отношение к международной юрисдикции, у кого умерла жена и у кого дочь учится в пансионе. У вас получится сто шестьдесят человек. Если же расширить это количество за счет тех, кто задействован в государственной сфере, число возрастет до трехсот сорока восьми. Всего за каких-то полчаса можно найти аудиозапись каждого из них — будь то выступление на конференции, или выложенное на «Ю-тьюбе» видео, или другая запись, — и две-три недели плотной работы вам обеспечены. Не забывайте, что аудиозаписей где-то сорока процентов кандидатов вы так с ходу не найдете, и этих придется отложить в отдельную стопку и все время думать, что «объект 23» как раз и прячется где-то среди них, пока вы прослушиваете записи с конференций фонда TED. В идеале было бы запустить на эти поиски какого-нибудь зеленого сотрудника, но я не мог рисковать, чтобы мои шефы учуяли, чем я занимаюсь. С того дня, как я подслушал разговор Дэвиса с Маркусом, я уже битую неделю каждую ночь разыскивал «объект 23».

Проделывать всю эту работу, можно сказать, сверхурочно было просто самоубийством. Однако свидание с «детективом Риверой» пробудило во мне прежние тревоги насчет того человека, которого прослушивали мои шефы. Я должен был что-то сделать — но после того, как я чуть не попался в руки Маркусу, я как-то не решался снова играть в рыцаря плаща и кинжала.

И пока я так сидел не высовываясь, я даже не имел возможности покопаться в прошлом Радомира и выяснить, был ли тот на самом деле, как сказал Ривера, причастен к военным преступлениям.

Дело было во вторник, в восемь вечера. Обычно я не из тех, кто жалуется, но у меня выдалась совсем хреновая неделя — сперва я едва не обморозился, потом на меня попытались навесить тяжкие уголовные преступления. Вдобавок я подхватил небывалую простуду, возможно усугубленную тем, что я наловил ноздрями всякой плавающей в Анакостии заразы. Итак, я сидел, сгорбившись над ноутбуком, за кухонным столом, проглядывая список потенциальных

кандидатов на место таинственного «объекта 23», который, казалось, никогда не кончится.

Я уже почти добрался до конца. Надо было сделать перерыв — хотя бы просто чтобы насладиться новой жизнью, которую я ненадолго для себя выиграл.

Энни в спортивных трусиках и в моей толстовке в явной нерешительности застыла перед открытым холодильником. Изучив несколько кафешных контейнеров с едой навынос, она повернулась ко мне и обнаружила, что я ее разглядываю.

— Что такое? — устремились на меня ее чудесные голубые глаза, слегка взметнулись завитки волос.

— Ты, — улыбнулся я.

— У тебя что-то не так, Форд?

— Все в порядке. Я просто люблю за тобой наблюдать.

— Очень мило.

— Не обращай внимания, — сказал я и закрыл ноутбук. — Иди-ка сюда.

Скользнув к Энни, я обнял ее и крутанулся с ней по кухне. Она положила голову мне на плечо.

— Давай я приготовлю для тебя ужин, — предложил я.

— Что это ты задумал?

— Ничего. С чего такая подозрительность? Это такая же ловушка, как ты сама. И подстерегать тебя она будет каждый день. Как насчет того, чтобы поужинать, пропустить по паре стаканчиков вина, а потом отправиться в «Гибсон»? Все будет, как ты захочешь!

«Гибсон» — это бар в стиле ретро на Ю-стрит, где очень уютно и спокойно. В духе тех старых добрых заведений, где в пору «сухого закона» из-под полы торговали спиртным. И я бы на него не польстился, сочтя за слишком уж вычурное, если бы бармены там едва ли не с набожностью относились к своим напиткам.

— А после потанцуем? — спросила Энни.

— Посмотрим.

— Тогда я пойду приведу себя в порядок, пока ты не опомнился, — улыбнулась она, направляясь к лестнице.

В холодильнике у меня имелись стейки «Нью-Йорк стрип». Я налил на сковороду масло, поставил разогреваться, достал салат. Энни

между тем скрылась в спальне и негромко включила радио — она старалась всегда быть в курсе новостей.

Даже в собственном холодильнике я никогда ничего не могу найти. Наверное, это участь всех мужчин. Я поднялся по лестнице, чтобы спросить Энни, где может прятаться горчица...

И вдруг остановился как вкопанный. Ошибки быть не могло. Голос «объекта 23» доносился из спальни.

Я толкнул дверь. «Объект 23» выступал по радио. Все, что я знал об обладателе этого голоса, было сопряжено с насилием — и страх того, что с ним может сделать Генри, и угрозы самого «Двадцать третьего» напасть на Дэвиса в ответ. Теперь же он уверенно бубнил, сухо, четко и совершенно спокойно.

«Прежде чем мы перейдем к вопросу об экстрадиции, — неслось из металлического динамика, — не следует ли нам рассмотреть границы юрисдикции: не нарушают ли указанные преступления права наций?»

— Что это? — спросил я у Энни.

— Ты о чем?

— По радио?

— Не знаю. Новости. — Она отвернулась от зеркала на комод. — Какое-то дело слушается в Верховном суде.

В этот момент послышался голос репортера:

«Это был судья Малькольм Хаскинс, выступивший в судебных прениях на прошлой неделе по делу, которое может оказать сильнейшее влияние на международное законодательство по правам человека. А теперь перенесемся в Сиэтл, где...»

Я сбежал вниз, «разбудил» лэптоп и поскорее нашел какую-нибудь аудиозапись Малькольма Хаскинса. Об этом человеке в Вашингтоне слышали буквально все — однако знали его, в сущности, немногие. Жил он довольно замкнуто, стараясь избегать всяческие торжества и посиделки. За все то время, что я тусовался в высшем обществе округа Колумбия, мне довелось встретить его лишь однажды — в гостях у Чипа. Тут я припомнил: на той же вечеринке была и Ирина.

Будучи членом Верховного суда, он на самом деле обладал гораздо большей властью, чем сам председатель. Человек умеренных взглядов, Хаскинс при голосовании часто давал пятый, решающий

голос. В некотором смысле он имел даже больше политического влияния, чем кто-либо из столичных деятелей, будучи совершенно независимым: у него была солидная работа, чтобы себя прокормить, и ему не требовалось устраивать акции по сбору денег или заключать какие-то сделки. Вынесенные им решения уже не подлежали обжалованию.

И я знал, что этот человек имеется в моем списке.

Я нашел несколько видеозаписей с прошлогодних судебных прений и вслушался в его голос. Затем включил запись с прослушки «объекта 23», стянутую у моих шефов в Колумбии:

«Дай бог, это всего лишь паранойя. Но увы! Я, кажется, нашел человека, владеющего информацией. И мне надо добраться до него раньше, чем доберутся они. Они пойдут на все, чтобы заполучить улику. И если она окажется у них — я знаю, совершенно точно знаю, что мне конец».

Я по несколько раз прогнал обе записи: на одной говорил столп закона, на другой — загнанный в угол человек, напуганный и потому особенно опасный. Я попытался успокоиться, не реагировать так остро. Совершенно точно это был один и тот же человек: Малькольм Хаскинс.

— Майк! — заорала вдруг Энни. — Плита!

Пламя от горящего масла вздыбилось на три фута. Мне казалось, я должен был выключить газ, прежде чем прослушивать записи. Я мигмом подскочил к плите, стянул крышку с большой кастрюли и накрыл ею сковороду. Огненные язычки пару раз выбились по сторонам и опали, пламя погасло.

Итак, я едва не спалил себя, свой дом и девушку своей мечты. И все же сажа на посуде и клубящийся под потолком дым были теперь самыми распоследними моими проблемами.

Глава шестнадцатая

После того как я увязал обладателя записанного Дэвисом голоса с личностью Малькольма Хаскинса, многие загадки последних недель начали для меня проясняться.

К примеру, те прения в суде, что я частично услышал по радио. Это заседание Верховного суда велось по делу об экстрадиции и касалось Закона о правонарушениях в отношении иностранцев. Сей закон восходит к самому созданию нашего государства. Если вкратце, то там говорится, что в определенных обстоятельствах некое лицо могут привлечь к суду в Америке за военные преступления, совершенные в любом краю земли.

Если Радо совершал те преступления, о которых заикнулся Ривера, он крайне заинтересован в исходе прений. Может быть, те лазейки в законе о международных отношениях, для пробивания которых я пытался использовать Уокера, не так уж и безобидны? Может, они призваны были защитить Радо от американского суда?

Если мои начальники обнаружили, что могут прибрать к рукам судью Верховного суда, этот законопроект не пройдет. Это объясняет, почему они отстранили меня от дела. Они, конечно, не брезговали использовать меня в своих грубых политических играх — но, надо думать, когда отправляешься покупать высшую судебную инстанцию в стране, щенка куда спокойнее оставить дома.

Я все никак не мог в это поверить. Попытка уложить на лопатки судью Верховного суда казалась сумасшествием, но ведь с тех пор, как судьба свела меня с Генри, таковым было все происходящее вокруг. Почему бы и нет?

В тот вечер, когда я чуть не сжег свою кухню, я уяснил, что, пока ничего не произошло между Ириной и Хаскинсом, у меня есть небольшая передышка. Генри же сказал, что он на сегодняшний день воздержится от каких-либо действий в отношении члена Верховного суда — я, признаться, не очень понимал, что это означает, — но немедленно примет меры, если Ирина сама свяжется с судьей.

У меня был знакомый, который пару лет назад работал в Верховном суде секретарем. Потом он подвизался в какой-то частной

фирме, получив свои полмиллиона баксов в качестве бонуса, который обычно полагается «перебежчикам» из секретариата Верховного суда. Протянув в этой конторе где-то с год, он свалил и сейчас проедал свой бонус, путешествуя по миру.

В какой бы точке земного шара этот парень сейчас ни находился, его всегда можно было достать по мейлу. Я спросил, не знает ли он, часом, где живет Хаскинс и в городе ли тот сейчас. Приятель ответил уже через пару минут: *«Вряд ли он в Ди-Си. Это еще один Торо^[55] на следующей неделе никаких прений и заседаний не ожидается, так что, держу пари, он смылся к себе в Виргинию, в округ Фоквиер, — будет на выходных изображать отшельника».*

Той же ночью я порыскал по интернету, пробежав глазами все новостные сообщения последних нескольких недель, где упоминалось появление Хаскинса на публике, и сверил с теми данными, что оставил мне GPS-маячок на машине Ирины. С уверенностью можно сказать, что как минимум дважды она бывала на тех мероприятиях, что посещал Хаскинс: благотворительная акция и лекция в Американском университете. Должно быть, она выяснила, что именно Хаскинс решит судьбу ее отца, и собралась сама взять судью в оборот. И возможно, уже начала испытывать на нем свои чары.

На следующий день я позвонил в приемную Хаскинса. Представившись, будто я из газеты Джорджтаунского колледжа, я спросил, смогу ли я поговорить немного с мистером Хаскинсом перед его речью в кампусе.

— Знаешь, сынок, — ответил мне его агент по связям с общественностью, — боюсь, он вплоть до пятницы в отпуске. У меня не записано, что он где-то собирался выступить.

— Ой, господи! — с досадой воскликнул я. — Это ж я прошлогодний схватил... Извините, я ошибся. Всего хорошего!

Может, я немножко и перестарался, пытаюсь закосить под студента, однако я выяснил то, что хотел. Предположение моего приятеля, что Хаскинса нет в городе, подтвердилось.

Приглядывая за маячком Ирины, я мог убедиться, что она далеко от Хаскинса, но это все равно ничего не значило, пока я не соображу, что, черт возьми, мне надо делать. Чувствовал я себя уже намного увереннее, а когда заглянул в ее блог, то понял, что могу даже рассчитывать на долгую передышку. *«Развлекись в Париже;)»*, —

написал кто-то из ее друзей в «Твиттере». Отлично! Чем дальше от Хаскинса, тем лучше.

Так что я мог с чистой совестью отправиться с Энни в замечательный загородный отель «Литтл Вашингтон» — освежить голову и продумать дальнейшие шаги. Никогда еще я так остро не нуждался в отдыхе.

Наконец настала суббота — чудеснейший весенний день. По трассе 66 мы с Энни выкатились из округа Колумбия, и очень скоро впереди выросли мягкие складки гор Шенандоа.

И вот что забавно: я не мог удержаться, чтобы не проведать маячок, и обнаружил, что машина Ирины начала движение, хотя хозяйка ее предположительно отдыхала в Париже. Может, какой-нибудь приятель взял на время попользоваться?

Еще забавнее было то, что ее машина двигалась как будто вслед за нами за город. Хотя меня это не сильно беспокоило: мало ли народу выезжает солнечными весенними выходными на природу!

По приезде в отель Энни запрыгала от радости, обнаружив в номере бутылку шампанского, которую я заказал к нашему прибытию, а я, заглянув в ванную комнату, изумился совершенно невыносимому великолепию... И вдруг я увидел, что мишень маячка на карте свернула с трассы 1-66 вправо, направляясь к округу Фоквиер, где у Хаскинса имелся загородный дом. Вот это было уже совсем не смешно.

Внезапно я потерял аппетит к шампанскому и к лучшему в моей жизни обеду из шести блюд. Увеличив изображение, я наблюдал, как автомобиль Ирины все ближе и ближе подъезжает к маленькому виргинскому городку где-то в часе езды от нас под названием Париж. Я никогда о таком не слышал, но один из многочисленных чернокоستمных прислужников, что крутились вокруг нас, выполняя любые наши капризы, просветил меня, что тот городок в округе Фоквиер — излюбленное место отдыха для вашингтонских высших кругов и даже более популярное, нежели их селение. Что ж, хорошее местечко для ключевой фигуры Верховного суда, чтобы от всего отдохнуть.

Генри с Маркусом говорили, что будут следить за Ириной. Уж не знаю, как именно, но из того, что я услышал, лежа под террасой, я

понял: если нынче вечером Ирина окажется у Хаскинса, то, какую бы там улику он ни нашел, ее жизни — а возможно, и его тоже — будет грозить опасность. Исходя из предупреждений Така и Маркуса, я понимал: если дело рухнет и к тому же пострадают люди, Генри свалит все на меня.

«Пусть будет как будет», — подумал я, пытаюсь убедить себя, что ничего, собственно, не случилось. Я не мог ставить на карту свою карьеру. К тому же если я снова провинюсь перед Энни, то рискую потерять все, что успел построить с той девушкой, встретить которую светит лишь раз в жизни.

Однако — сам тому не веря, словно будучи во сне, — я заявил Энни, что мне надо отлучиться и что я из кожи вон вылезу, чтобы поспеть к ужину.

— Скажи, что ты меня разыгрываешь.

— Хотелось бы, — невесело усмехнулся я.

Минут двадцать мы ходили вокруг да около. Я поверить не мог, что спорю с ней, ведь все то, что она мне внушала, — остаться здесь, подальше от неприятностей — было куда разумнее. Как я мог бросать все это? Как мог рисковать всем, что честно заслужил?

Я понял, что ее снова охватили подозрения: она припомнила ту ночь, и мое вранье, и фотографии Ирины.

— Я бы подумала, что ты меня надуваешь, но ты не дурак, чтобы делать это так неуклюже. Так что звучит убедительно. Я просто... Просто скажи мне, что происходит.

— Ты никому не скажешь?

— Никому.

— Поклянись.

— Клянусь.

— Это связано с одним делом, которое вышло из-под контроля. Мне надо отъехать отсюда на час и предотвратить беду. Чтобы кто-то из-за этого не пострадал или еще того хуже. Я не хочу тебе лгать — но я не могу тебе рассказать все, потому что это очень опасно и я никогда не прошу себе, что втянул тебя в это. Извини.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я поеду с тобой.

— Прости, Энни, но я тебя не возьму.

— Если что, вызови полицию.

— Ладно. Я не дам себя в обиду.

— Тогда хорошо, иди. Удачи!

Я прекрасно знал, что не могу вызвать полицию. Я уже имел возможность убедиться, что Генри с Маркусом прибрали к рукам полицейских. Да и что бы я сказал копам, чтобы это не выглядело бредом сумасшедшего? Нет, надо просто попытаться, что называется, минимизировать последствия: найти способ остановить Ирину, пока она не добралась до Хаскинса, и не подставить при этом собственную шею.

Я лишь надеялся, что смогу это осуществить, не завалив все дело. Столько было вариантов все испортить: обратиться к шефам, к прессе, к представителям закона. Я боялся даже представить, какие щепки полетят.

Маячок на Иренином авто перестал двигаться на полпути между Аппервилем и Парижем. Мишень застыла прямо посреди шоссе. Подъехав к этому месту, я ничего не увидел — ни машин, ни домов. Только деревья по сторонам да яма на дороге, которую чуть не поймал мой джип. Может, на этой выбоине и соскочил мой трекер с ее «порше»?

Найти ее теперь казалось нереальным — даже в небольшом городке всего в дюжину «колониальных» особнячков, что рассыпались по тянущейся к Блю-Риджу низине, были весьма слабые шансы засечь Ирину и Хаскинса.

Я покатался по городку, высматривая Иринин «порше», но так ничего и не нашел. Через полчаса я подрулил к провинциальному супермаркету под названием «Ред барн». Живот уже подводило. Нынешним «блюдом дня» в местном кафетерии выступала чашка горького кофе со «сникерсом». Да, это тебе не пятизвездочный отель! Я был сердит и зол на себя. Я оказался в дураках. Какого черта я делаю в этой дыре? Или я уже вконец сбрендил от этой паранойи?

Но мне недолго пришлось скрипеть зубами: длинные пружины на входе скрипнули, дверь открылась и тут же захлопнулась. В магазин торопливо вошел Малькольм Хаскинс в просторных джинсах и в старой толстовке с эмблемой Йельской школы права. В стеклянных дверцах холодильных камер я видел в отражении, как он складывает в корзину покупки. Коробка с патронами для дробовика, мешки для мусора, складная пила, что обычно используется для обрезки

деревьев, — ясно, что человек затаривается, дабы с толком провести выходные в загородном доме. Самое время открыть весеннюю охоту на индейку! Но меня-то перечень его покупок не мог оставить равнодушным.

Когда Хаскинс полез за бумажником, чтобы расплатиться, толстовка на поясе у него натянулась, и я отчетливо различил под ней пояс с кобурой под здоровенный пистолет эдак сорокового калибра. Скверная новость.

Проследить за Хаскинсом оказалось проще простого. Освещался городок всего несколькими фонарями, улицы были почти пусты. Я запарковался на съезде с автострады, где-то в трехстах метрах от его дома. Ни Ирины, ни ее «порше» там не наблюдалось. Небольшой двухэтажный коттедж Хаскинса располагался на лужайке у самых холмов.

Я прошел через редкий лесочек за его домом, вдоль главной дороги. Укрывшись между двумя старыми деревьями, я даже мог заглянуть внутрь дома. Я радовался, что так ловко сумел спрятаться, — но лишь до того момента, пока к дому не подъехал белый «порше» Ирины. Будь я на дороге, то сумел бы ее отпугнуть или просто помахать рукой — к чертям последствия! — и хоть как-то ее предупредить.

Я двинулся к дому, но было уже поздно: Ирина скрылась за парадной дверью.

Вломиться в дом и объявить, что это подстава, было по меньшей мере опрометчиво. Я просто спокойно объясню Хаскинсу, что я за ним следил, — но лишь потому, что мои драгоценные коллеги желают на него «наехать», подкупить высшую судебную инстанцию в Америке и, может статься, даже его убить. И что на самом деле я оказываю ему большую услугу. Меня примут как борца с бандитизмом, и мне останется всего лишь разобраться с последствиями моей измены шефам и заслонить собою то, что они там запланировали в отношении Хаскинса. Всего-то и делов!

Нет, я не стану рисковать своей задницей. Должен быть какой-то другой выход. Что, если я расстрою вечеринку до того, как мои начальники сумеют что-то выяснить? Они ведь говорили, что будут присматривать за Ириной. Никого я тут поблизости не видел — хотя Маркус-то лихо умеет прятаться.

Я решил, что, если Ирина приехала соблазнять Хаскинса, они оба будут на взводе и тогда их легко напугать. Я поднял горсть гравия и швырнул в дом камушек. Он отскочил от черепицы на кровле коттеджа. Следующий звякнул об оконное стекло. Я подождал, но никакой реакции не последовало: ни внизу свет не зажегся, ни снаружи, возле дома.

«Ну что ж, я сделал все, что мог. Или хотя бы попытался, — сказал я себе. — Так что зря оставил себя без ужина. Я вовсе не в ответе за то, что может произойти. Что я мог поделаться? Ворваться в дом и объявить о своей скромной роли в преступном замысле Генри? Нет, единственный выход — уйти прочь, и будь что будет».

Все мы идем на компромиссы, чтобы достичь желаемого. Готов ли я распрощаться с моим маленьким житейским счастьем: с виллой в Шенандоа, с теплым полом в ванной, с девчонкой, такой красивой, словно я выписал ее вместе с одеждой из «Джей Крю», — и в лепешку расшибиться ради правого дела?

Никаких шансов. Я не гожусь на роль мученика.

Я всего лишь хотел позаботиться о себе и...

Погодите-ка... Что это? Я вроде как не принимал такого решения и уж точно не собирался идти к коттеджу. Однако никто иной, а именно я шагнул сейчас к заднему крыльцу. В голове что-то перещелкнуло, и — черт меня дери! — ноги сами понесли меня, хрустя сухими ветками, к дому Хаскинса.

То ли я оказался куда более достойным парнем, нежели думал, то ли просто хотел поиграть в героя-шерифа, поскольку почти заложил душу Дэвису. Как бы то ни было, мои ангелы-хранители определенно собирались меня убить, и меня такая перспектива совсем не радовала.

Хотя, впрочем, не все еще было потеряно. Я три раза стукнул в заднюю дверь. Потом еще три, уже погромче... Мальцами мы, помнится, играли в такую игру: звонили в дверь и поскорее делали ноги.

Ответа не последовало. Я сошел с крылечка — и тут услышал, как Хаскинс рывкает на Ирину. На мгновение он нервно высунулся из окна второго этажа с дробовиком в руке. Меня он не увидел. Итак, подтвердились мои страхи, возникшие после разговора Маркуса с Генри насчет того, что девушке мало не покажется, подберись она к судье.

С задней стороны дома окон было немного, но вполне достаточно, чтобы туда забраться. Однако проблема всякого домушника: как ни пытаешься аккуратно вынуть стекло, чтобы залезть внутрь, неизбежно рассечешь об него руку или ногу, спеша и чертовски нервничая.

Тут я заметил, что из-за поленницы торчит какая-то рукоятка, и, потянув ее, обнаружил колун. Так мы и поступим. Простейший способ забраться в дом это вовсе не выламывать дверь, на что уходит где-то минут пять, если под рукой нет подходящей монтажки. Самое простое — это отжать замок.

Увлечшись технической стороной дела, я отогнал от себя мысль о всей бредовости того, что я творю, и о той катастрофе, что меня ждет, когда наконец я проникну в дом и засвечусь перед хозяином.

Я поместил кончик колуна сбоку от дверного замка и пару раз стукнул ладонью по обуху, чтобы вогнать лезвие в щель. Затем взялся обеими руками за рукоятку и хорошенько даванул — что-то щелкнуло, и вылетевший цилиндр плюхнулся в грязь у крыльца. Осталось только отодвинуть засов сломанного замка.

Проделал я все это быстро: от силы десять секунд от первого стука до прохода через дверь. Я думал, что смогу удивить хозяина своим внезапным появлением, может, даже успею сказать ему нечто вразумительное. Не тут-то было! Хаскинс поджидал меня за дверью с нацеленной прямо мне в лицо «вертикалкой».

Ирина с красными от слез глазами сидела на диване, полузакрыв ладонями лицо.

Хаскинс стоял на дощатом полу в позе бывалого охотника, целясь из ружья мне в голову.

Уткнув ствол дробовика мне в челюсть, судья обыскал меня на предмет оружия.

— Я пришел, чтобы помочь вам, — сглотнул я. — Не делайте этого. Она не подстава. Они все знают, и они придут. Они используют это против вас.

— И что ж такое тебе известно?

Хаскинс отступил. Однако два ствола по-прежнему таращились на меня.

— Ирина не работает на Дэвиса. Она просто бестолковое дитя, решившее помочь своему папочке. Если вы ей что-то сделаете — они

вас подомнут. Вы же действуете точно по их плану. Возможно, они уже сюда едут. Не делайте этого! Они станут вас этим шантажировать.

— Ты кто такой? — спросил судья, стиснув ложе дробовика так, что костяшки пальцев побелели.

— Я выяснил, что происходит. Они пытались вас подставить. Я пришел помочь.

— Ты ведь работаешь на Дэвиса.

— Меня сюда не посылали. Я просто хочу их остановить, чтобы никто не пострадал.

Своим детским лепетом я попытался заболтать судью Верховного суда, чтобы он опустил свою «беретту». Ситуация была настолько нереальна, что мне самому не верилось до конца в происходящее. Если б не это, я бы просто онемел.

— То есть это означает «да». — Он как-то неестественно засмеялся, подергивая головой. — Поздно. Уже слишком поздно. У нас не осталось времени.

Он опустился на диван, причем ружье по-прежнему целилось в меня — похоже, мужик просто забыл о его существовании.

— Садись, — предложил Хаскинс, указав двустволкой на кресло-качалку.

Я сел. Для человека, предположительно страдающего манией преследования, да еще и хорошо вооруженного, судья казался вполне мирным типом.

— Как тебя зовут, парень?

— Майкл Форд.

— И ты в самом деле явился сюда, чтобы предотвратить беду?

— Да, — кивнул я. — И еще не поздно.

Он снова засмеялся, но уже не дурацким хихиканьем сумасшедшего, а как человек, которому только что преподнесли отличную шутку.

— Что ж, все это очень благородно, Галахад!^[56] Однако ты без всякой надобности встрял в эту чрезвычайно опасную историю. Не думаю, что для кого-то из нас это хорошо закончится.

Может, он потому так спокоен, что уже принял решение нас убрать?

— Не делайте этого.

— Христа ради, перестань ты талдычить одно и то же! — не выдержал Хаскинс. — По-моему, ты все ж таки не понимаешь, что тут происходит, а?

Да, у него явно был какой-то пунктик.

— Не думаю, что он поверит, если ему скажу я, — повернулся он к Ирине. — Может, ты его в это посвятишь?

— Тебе незачем его останавливать, Майк, — сказала она, глядя в пол. — Он ничего бы мне не сделал.

Я перевел недоуменный взгляд с нее на Хаскинса.

— Я бы не смог. У меня у самого дочь, — сказал судья. — Так что ты слышал от Дэвиса? Что я психопат, готовый любыми средствами защищать свой грязный секрет? И что я прибью эту девочку, если она подберется ко мне слишком близко? Чушь какая, — помотал он головой. — Так, значит, они придут сегодня?

— Они следили за девушкой, — сказал я. — Они сказали, что, если она подберется к вам и к некоей улике, то им придется вас брать.

— Что ж, теперь я знаю, что они за мной идут. Но они вовсе не на меня компромат ищут, Майкл. Это компромат на Генри. И они хотят его отнять. Хотят, чтобы он исчез с лица земли. Он у меня. И они идут сюда не для того, чтобы меня шантажировать. Они уже испытали на мне всяческие свои приманки и рычаги воздействия — я не поддался. Теперь они идут, чтобы меня убить. А заодно, вероятно, прикончат и эту девочку, поскольку она слишком много знает.

— Так вы не собирались ничего ей сделать?

— Я ведь уже сказал, — вздохнул Хаскинс. — Нет.

— Получается, вы пытались защититься?

— Да.

— А я, значит, пытался тут защищать правое дело?

— Похоже, что да, только абсолютно ошибочным путем. Если б ты пришел сюда по приказу Дэвиса, ты бы не трепался тут со мной без оружия — ты б уже меня убил.

— Тогда я не понимаю: почему бы нам всем отсюда просто не уйти? Почему все должно плохо кончиться?

— Потому что уже слишком поздно, — сказал Хаскинс и посмотрел из окна вниз, где мелькнули чьи-то тени.

Придвинувшись ко мне ближе, он понизил голос:

— Давно ты знаешь Генри Дэвиса?

— Почти год.

— А я знаю его три десятка лет, с самого колледжа. Первокурсниками мы даже жили в одной комнате. Думаю, ты слышал его разглагольствования насчет того, что любого человека можно купить?

— Да, — ответил я, хотя преподносилось мне это в несколько иной интерпретации: что любого человека можно взять под контроль, если найти его рычаги. Впрочем, не велика в данном случае разница между подкупом и контролем.

— Всю свою империю он построил на этом убеждении, — продолжал Хаскинс. — На этом зиждится его власть и его деньги. И вся беда в том, что он прав. Я наблюдал за ним многие годы. Медленно, но уверенно он подмял под себя всех: сенаторов, конгрессменов — даже президентов держал в кулаке. Этакий великий собиратель грехов! Обработывая одного за другим, он доказал, что может купить любого влиятельного человека в Капитолии и им манипулировать. Он подчинил почти всех.

— Кроме вас, верно? Вас ведь он так и не подмял. Вы доказали ему, что он ошибался.

— Это не важно. Каждый человек имеет свою цену, и каждого можно купить. Таковы правила в мире Генри Дэвиса. Неподкупного человека не существует в принципе, а если таковой вдруг появился, его надо просто вывести из кадра.

Хаскинс поднялся и выключил свет. На миг я словно провалился во мрак, но постепенно стал различать в темноте серые контуры.

— О чем это вы? — не понял я.

Он снова поднял дробовик и выглянул в окно.

— Я сделал ошибку, пытаюсь остановить его посредством закона. С помощью той системы, которой я посвятил всю свою жизнь. Честным путем. Этого оказалось недостаточно, а теперь уже поздно. Дэвис никогда не проигрывает. Он тебе это говорил?

— Да, но, думаю, сегодня не его день. У нас все отлично, мы сейчас уйдем.

— Нет. Они надеялись, я выведу их к улике. Я теперь слишком много знаю, и это оставляет им единственный выход. Если меня не купить — значит, меня надо убрать. Правило Дэвиса.

— Но это сумасшествие! — поморщился я. Хотя теперь бежать отсюда было бы ошибкой: кто-то — и, похоже, не один — уже подступал к дому.

— Некогда я тоже так думал. Но это далеко от вашингтонского полноконтактного кикбоксинга «ты мне — я тебе», Майкл. И так же далеко от шантажа и провокаций. Это означает убийство. Причем Дэвису это уже не впервой.

— Генри убивал людей?

— Да. И заказывал убийства. Он обставлял это как обычный уход мирного служащего: вызывал insult или провоцировал инфаркт. Ничего особо подозрительного.

Хаскинс подступил к окну, выглянул наружу и, подняв к глазам пистолет, на полдюйма оттянул затвор, убеждаясь, что обойма полная.

— Но я так тихо не уйду. Я собираюсь уйти так, что ему будет очень трудно спрятать концы в воду.

Я взглянул на свой мобильник. Вне зоны действия.

— Мы можем вызвать полицию?

— Телефон не работает: наверно, перерезан кабель. Слишком поздно. У меня уже нет времени.

— Слишком поздно для чего? О чем вы говорите?

— Генри охотится за мной не из-за Верховного суда, а по более серьезной причине. Я следил за ним уже несколько лет и всегда его подозревал. Я по крупницам собирал картину его могущества — того, как он подчинял себе «пятьсот». Я верил, что смогу обуздать его с помощью закона. Но, как ты, вероятно, уже знаешь, Генри заткнул за пояс закон. Тогда я решил предать огласке доказательство его преступления.

Он снова прильнул к окну и глянул наружу.

— Я думал, у меня больше времени. Но теперь мы все знаем слишком много... Ну, я ему устрою свистопляску! Генри терпеть этого не может.

Хрустнули шаги у парадного крыльца. Хаскинс повел нас к задней двери.

— А что за доказательство? — спросил я на ходу.

— Нельзя чему-то научиться, не набив шишек. И Генри, насколько мне известно, допустил всего одну промашку, причем уже очень давно. Он начинал еще в шестидесятых как политический шпион с подлостей

и доносов. «Уотергейт»^[57] по сравнению с его деяниями — ребячьи шалости в летнем лагере. Один человек по имени Хэл Пирсон, проводивший журналистское расследование, особо заинтересовался Дэвисом — и Генри его убил. И я знаю, существует доказательство того, что именно Генри это сделал. Мне для подстраховки надо было бы кое с кем этой уликой поделиться. Но теперь уже слишком поздно.

— Зачем вы мне об этом говорите?

— Им известно только, что в этом доме я и она, — кивнул он на Ирину. — Про тебя они не знают... Ага, вот он! — Он схватил с бокового столика планшет с блокнотом, что-то записал в нем, вырвал страницу и вручил мне. — Это как его найти.

С минуту слышалось лишь наше учащенное дыхание да чье-то ковыряние на крыльце. Я увидел фигуру, метнувшуюся через задний двор. Люди Дэвиса. Слава богу, я спрятал свой джип на отдаленном съезде.

Хаскинс изучающе посмотрел на меня:

— Подумываешь, не заключить ли сделку?

Признаться, такая мысль уже успела мелькнуть у меня в голове. Если все сказанное — правда, то получается, Хаскинс вручил мне с этим обрывком бумаги мощнейший козырь. Если люди Дэвиса меня таки отловят — а настроены они явно на убийство, — то, имея на руках улику от Хаскинса, я смог бы поторговаться и спасти свою жизнь.

— Нет, — ответил я судье. — Но почему вы мне ее доверили?

— Подумай сам, — сказал тот, спускаясь по ступеням. — Это единственное на всем свете, чего боится Генри Дэвис. Доказательство его единственной ошибки. Он ни перед чем не остановится, чтобы его получить. Так что — да, это огромная ценность. Но неужели ты думаешь, что они дадут уйти тому, кто об этом знает, и позволят ему жить долго и счастливо?

Хаскинс невесело усмехнулся.

Я не ответил. Для меня все это было чересчур.

— Вот увидишь. Я не помогаю тебе, Майкл. То знание, что я тебе передал, — это смертельный приговор. Это единственное средство воздействия на Генри Дэвиса — а этот человек не позволит, чтобы его контролировали. Он ни за что не допустит, чтобы тот, кто об этом знает, остался в живых. Потому-то я никогда и ни с кем этой

информацией не делился. Верить ты мне или нет — уже не важно. Довольно скоро ты все увидишь сам.

— И что? Что я, по-вашему, должен делать?

— Спрятаться и выжить. Единственный твой выбор, если тебе удастся отсюда улизнуть, — это найти улику и низвести Генри Дэвиса. Потому что, если он узнает, что она у тебя, — а Дэвис воистину умудряется знать все, — вопрос решится радикально. Проиграет один из вас — или он, или ты.

Его пламенная речь чертовски смахивала на пассаж из «Властелина колец», но когда черные силуэты окружили дом, спорить с ним я уже не мог.

Хаскинс велел нам с Ириной спрятаться. Я отказался: если они и впрямь пришли за нами, я хотел помочь отбиваться.

— Никаких шансов, — вздохнул судья. — Они не знают, что ты здесь, и это наша единственная надежда. Ты должен спрятаться и потом бежать. Так что дуй наверх — или я сам тебя пристрелю!

Ирине, которая явно пребывала в шоке, он также приказал отправляться в спальню на втором этаже. Прежде чем за нами закрылась дверь, она оглянулась через плечо:

— Майк, мне страшно!

— Все будет хорошо. Просто сиди и не высовывайся.

Я стал искать выход со второго этажа. Всякий раз, как мое лицо оказывалось у окна, с заднего двора на меня устремлялся пучок света. Я был в ловушке. Подозреваю, одни перекрыли задний выход, пока другие пытались проникнуть в дом через парадное крыльцо. Разумно.

И что дальше? Черт его знает. Пока они окружали дом, я исполнил то, что велел мне сделать дядька с дробовиком (а эта штука, как известно, лучший уговорщик), — спрятался. Итак, я сидел, как в клетке, в верхней спальне, потев от страха и пытаясь придумать, как оттуда выбраться. Было слышно, как кто-то вскрыл входную дверь — совсем не так аккуратно, как я пробрался через заднюю. Затем кто-то стал резко выкрикивать приказы. Не берусь утверждать, но голос командира очень выдавал Маркуса.

Раскатистым дуплетом грохнул дробовик, вскинулись вопли. С минуту было тихо, потом я услышал звуки, от которых мороз пробежал по коже: два громких хлопка из ружья или винтовки с интервалом в полсекунды и один — чуть погодя. Стандартная техника:

«два в корпус, один в голову» — отчетливый почерк натасканного киллера.

Потом я услышал шаги по лестнице и скрип двери, открывшейся в дальнем конце коридора, — этот старый скрипучий дом выдавал все перемещения. Бойцы искали остальных. Я высунул голову в окно — и вовремя спрятал обратно от блуждающего по дому света фонаря.

Единственное, чего мне сейчас хотелось, — это просто здесь сидеть. Ведь если бойцы и впрямь не знают, что я в доме, у меня есть шанс затихариться, пока все не закончится.

Я услышал, как открылась другая дверь, шаги приблизились. Я едва удержал себя в руках... Похоже, Ирина сдержаться не смогла. Кто-то побежал, сшибая на ходу вещи, к лестнице. Как будто она психанула и ломанулась.

И вновь раздались характерные выстрелы: хлоп-хлоп... хлоп.

При слабом свете от мобильного я обследовал чулан. Если бы я был готов к тому, что меня казнят, я бы не сидел сейчас съездившись среди старых фотоальбомов и шариков от моли. Как вариант я рассматривал торчать тут до одурения, но затем различил наверху чулана небольшой квадрат. Плечи тут же в надежде расправились: там, скорее всего, выход на чердак. Если повезет, я выберусь на крышу и сдерну подальше от этих ищек.

Я подтянулся к верхней полке чулана, толкнул дверцу и протиснулся на чердак. Там оказался незаделанный каркас без пола с розовой пухлой стекловатой, накиданной, вероятно, поверх того гипрока, которым снизу был зашит потолок. При каждом моем шаге балки отчаянно стонали.

Я вернул на место деревянный люк, что закрывал лаз из чулана. Кое-где поперек балок и поверх стекловаты были кинуты доски, чтобы можно было перемещаться по чердаку. Одну из досок я упер концом в люк, через который только что вылез, а другим концом — в стропилину. Получился наипростейший вариант «полицейского запора», которого сторонится всякий воришка: когда металлическая палка специальным замковым механизмом крепится сзади к двери, утыкаясь в паз в полу. Вломиться в такую дверь совершенно невозможно, и домушники при виде характерных болтов посередине железной двери идут искать чего попроще.

Я слышал, как по комнате, где я только что был, ходят бойцы, перекрикиваясь с наблюдателями на заднем дворе. Должно быть, они все же знали, что я в доме. Я поискал глазами, как отсюда выбраться, — какое-нибудь вентиляционное окно в крыше или фронтоне, — однако не обнаружил ничего шире водопроводной трубы. Вот черт! Здесь уже запахло жареным.

В чердачный люк ударили кулаком. Я отступил, старательно балансируя на балках. По своему прежнему опыту я уже знал, как нелегко и опасно бродить по чердаку. Как-то раз, подлой предательской ночью, мы с Льюисом влезли в один дом у Фоллз-Чёрч, забрались на чердак — и парня угораздило оступиться. Левая нога у него ухнулась в утеплитель, правая же зацепилась на балке, и бедняга порвал связку в паху.

Под моими ногами балки прогнулись и спружинили на гвоздях, безошибочно выдав меня скрипом. Тут же раздались два ружейных выстрела. Через дырки в чердачном полу в шести футах от меня просочились лучи света — из-за клубящейся в них пыли казалось, их можно даже потрогать.

Люди снизу принялись теперь решительно пробиваться через чердачный люк, и, судя по звуку, деревяшка, расщепляясь, уже поддавалась. Я отступил еще дальше.

Паф-паф! Два коротких выстрела — и еще два лучика, пробившихся через пол чуть ли не у меня под ногами. Всякий мой шаг по чердаку выдавал им мое местонахождение. Я ждал, пока они выломают люк. Наконец деревяшка под ударами развалилась, подпиравшая доска полетела в открывшийся проем. Мой план — если его можно так назвать — состоял в том, чтобы выждать подольше, не выдавая себя движениями, пока как можно больше бойцов не полезут на чердак.

В проеме показались чьи-то руки...

Я подождал еще.

И вот, когда над люком показалась голова, я перенял опыт моего давнишнего сообщника Льюиса — и сиганул с балки, целясь в середину дома, в высокий, на два этажа, вестибюль, моля Бога, чтобы подо мной и впрямь был лишь утеплитель с гипроком.

Я помню это ощущение невесомости в животе в момент падения. Все шло гладко, покуда я не зацепился подбородком то ли за гипрок, то

ли за проводку и по инерции не пошел на кувырок. А поскольку я все еще летел вперед, то боком вметелился в стену прямо над парадной дверью и, завершая свой неудачный кульбит, приземлился большей частью плечом и немного головой на жесткий деревянный пол.

Можно сказать, получилось. Ай да я! Встав на ноги, я, шатаясь, сделал пару шагов и выпрямился. Если на нижнем этаже кто-то и был живой — я таковых не видел. Ирина в неуклюжей позе застыла на лестнице с простреленными грудью и глазницей. Хаскинс лежал внизу в гостиной с пулевыми отверстиями в груди и во лбу.

Мертвого человека я прежде видел разве что на панихиде — аккуратно прибранного, со скрещенными руками. К счастью, от удара я был немного не в себе и воспринимал все вокруг как нечто нереальное и фальшивое, точно дешевый дом с привидениями.

Стрелки между тем уже торопились вниз по лестнице, и я не мешкая выскочил за дверь. На крыльце я сдернул крепившийся к козырьку флаг и пропихнул шестом через дверную ручку, выгадывая таким образом еще немного времени. У парадного входа не было ни души — я, похоже, выскочил в тыл зачищавшим дом бойцам.

Я промчался не меньше двадцати метров, пока прошел первый шок и я заметил, что сильно хромаю. На штанах зияла дыра. Поглядев, в чем дело, я обнаружил длинный осколок в полдюйма шириной от белой крашеной деревянной лепнины, глубоко впившийся мне в бедро.

С такой раной едва ли у меня был шанс, даже если парадная дверь устоит, успеть слинять от них к машине. Надо было что-то придумать. Единственный фонарь на дороге стоял напротив дома — на двадцать шагов в противоположную сторону от того места, где я припарковался. Подбежав к столбу, я задрал штанину, осторожно извлек из раны деревяху, нацедил в ладонь немного крови — столько, чтобы Маркус уж точно ее заметил, — плеснул на землю и припустил в противоположном направлении.

Шкандыбать по разбитому проселку с выключенными фарами — еще то удовольствие. Впрочем, грунтовка вскоре вывела меня к второстепенной трассе, ведущей прочь от Парижа. Рану на ноге потребовалось лишь зашить несколькими стежками в пункте скорой помощи при магазине во Франт-Рояле. Вместо роскошного ужина на вилле в Шенандоа я взял сэндвич с курицей в фастфудовской кафешке «Арбис» при парковке и, управившись с ним, развернул полученный

от Хаскинса обрывок желтой бумаги — мой смертельный приговор и мою единственную надежду.

Глава семнадцатая

Когда я вернулся в отель, Энни еще не спала. Я напрямик прошел в ванную, встал под душ и смыл с ноги успевшую засохнуть кровь. Вернувшись в комнату, я сказал ей, что я в порядке, хотя и очень устал, и что все объясню утром. В потемках швы под повязкой не выглядели так ужасно. Естественно, Энни попыталась припереть меня к стенке, выясняя, что произошло, но все же смиростивилась, когда я сказал, что единственное, чего мне сейчас хочется, — это спать.

Завтрак в ресторане, в окружении вездесущих услужливых халдеев, не располагал к обсуждению такого конфиденциального дела, и это подарило мне некоторую отсрочку для объяснений.

Едва мы сели в машину, я включил радио. Энни пристально глядела на меня, ожидая, когда я наконец заговорю, — я же, словно не замечая этого, старательно всматривался в дорогу. Спустя четверть часа она не выдержала и, выключив музыку, сказала:

— Майк, ты должен рассказать мне, что случилось. Что у тебя с ногой? Ты в порядке? Там никто не пострадал?

— Все хорошо. Я... — И голос сорвался.

Я рассчитывал, что мой давнишний талант к импровизированному вранью вынесет и на этот раз, однако номер не прошел. События минувшей ночи по-прежнему виделись мне как во сне, и попытка как-то на них отреагировать и уж тем более внятно все изложить просто парализовала мне мозги.

— Мне надо время, чтобы обдумать, — произнес я. — Это...

Я поглядел на убегающие назад, блестящие на солнце линии дорожной разметки, потрянул головой:

— Давай поговорим об этом позже?

Согласно кивнув, Энни взяла мою руку и уставилась в окно — тем временем мы огибали живописную долину Шенандоа. Признаться, меня даже удивило, что это сработало: подруга моя не менее упряма, чем я сам. Впрочем, удивлялся я лишь до того мгновения, пока не увидел себя в зеркале. Надо сказать, после прошедшей ночи я первый раз обозрел при ясном свете свою физиономию: под глазами синие

круги, пустой, невидящий взгляд, на щеках нездоровая бледность — краше в гроб кладут.

Две последующие ночи я провел совсем без сна — все лежал, уткнувшись взглядом в потолок и слушая дыхание Энни. Иногда посматривая на нее, я немного успокаивался, видя ее забавно надутые во сне губки.

Время от времени я садился во тьме на краю кровати и принимался теребить пальцем уголок визитки, что вручил мне детектив Ривера. Сумею ли я сам со всем этим справиться? Или все-таки лучше поговорить с копами — совершить тот грех, что не прощают в воровском семействе? И действительно ли у меня нет возможности спастись от Генри или в одиночку его переиграть?

— Привет, старик! Дерьмово выглядишь, — порадовал меня парень из кабинета, что наискосок от моего, когда я показался в понедельник на работе. — Славно вздрогнули на выходных?

— Да уж, отлично!

Похоже, та жуткая история, в которую я вляпался, была написана у меня на лице: выглядел я и в самом деле скверно. Лишь привычное погружение в работу и маска невозмутимости помогут мне с этим справиться и избегать Генри с Маркусом, пока я не решу, что делать дальше.

Два трупа — а в газетах об этом до сих пор ни слова! Может, о произошедшем знали только киллеры да я? Но ведь долго так продолжаться не может.

Никогда еще разбор входящей почты не действовал на меня так успокаивающе. Я копался и копался в своей обычной рутине весь день напролет — и уже почти уверился, что минувших выходных и не было на самом деле...

Вот именно, что почти. Сквозь стеклянную дверь своего кабинета я увидел, как Уильям Маркус вырулил с лестницы и двинулся по коридору в мою сторону. Как всегда, само спокойствие: в одной руке — кружка с кофе, в другой — черничный маффин.

За дверью слышались приглушенные шаги по ковру: Маркус как раз подходил к моему кабинету. Я с озабоченным видом взялся проверять электронную почту. Спустя некоторое время рискнул выглянуть в коридор — шефа уже там не было.

— Майк! К Дэвису. Быстро! — раздался у меня за спиной голос Маркуса. Словно над ухом пальнули из ружья.

Я весь мгновенно напрягся, кулаки сами сжались у груди. Однако я тут же расправил пальцы, заставил себя сделать долгий глубокий вдох.

— Да, конечно, — спокойно ответил я.

Пока мы поднимались по лестнице, сердце в груди бумкало, как в стиральной машине разболтавшийся барабан. Я попытался найти какой-нибудь правдоподобный и безобидный повод для этого вызова на ковер, но безуспешно. Единственное объяснение: они знали, что я был в том доме, где убили Хаскинса и Ирину. И я послушно шел за Маркусом, зная — но все еще не до конца веря в это, — что иду прямо в руки к убийцам.

Дэвис сидел за столом и, водрузив на нос очки, кликал «мышкой» электронную почту.

— Минуточку, — сказал он, даже не оторвав взгляд от монитора.

— Хорошо провел выходные? — поинтересовался Маркус.

— Да. Мы с Энни ездили в загородный отель, в «Литтл Вашингтон», — сообщил я совершенно спокойно, хотя в горле и в висках отчаянно бился пульс.

Маркус с Дэвисом переглянулись, и Генри кивнул.

— Телятину там пробовал? — присоединился к разговору Дэвис.

— Да, классная. Теперь точно буду искать в округе хорошего мясника.

Маркус подошел ко мне вплотную.

— Выворачивай карманы, — прошипел он мне в ухо и протянул настольный пластиковый лоток.

Я выложил сотовый телефон, ключи, бумажник. Маркус похлопал по карманам пиджака и, нащупав ручку, велел вынуть ее, а также снять часы.

— Что ж, хорошо, — сказал Дэвис. — И ничего необычного?

Маркус жестом велел мне встать, я подчинился.

— В этом отеле какое-то просто уникальное обхождение с постояльцами, — ответил я. — А так больше ничего необычного.

Маркус, храня молчание, обшарил на мне ремень, затем прошелся двумя пальцами мне по груди словно молотком простукал по костям.

— Чудненько, — молвил Дэвис. — Маркус, у тебя ведь есть знакомый мясник, а?

Тот уже рылся в лотке, изучая мои принадлежности.

— Да, на Восточном рынке, — буркнул он.

Наконец Маркус удовлетворился поисками и кивнул Генри.

Я, как обычно, поддерживал с боссом непринужденную светскую болтовню — хотя обычно меня на встречах с начальством не обыскивали.

— Так и что, ничего необычного? — снова спросил Дэвис.

— Нет.

Он поглядел на Маркуса, тот пожал плечами.

— Это просто фантастика, — широко улыбнулся Дэвис.

— Здорово, — вставил Маркус.

Может, я ошибся насчет них? То, что меня всего обхлопали, было, конечно, очень непривычно — однако вид у моих начальников был такой, будто они тут приятно проводили время. Я чуточку расслабился, даже ухмыльнулся себе под нос:

— Классно!

— Ага. Главное, держись этой версии — и проблем у нас не будет, — сказал Генри. — Ты, как и весь остальной мир, вскоре...

Он глянул на Маркуса, и тот посмотрел на часы:

— Вероятно, где-то в одиннадцать тридцать.

— ...через несколько часов после случившегося впервые узнаешь прискорбные новости о трагедии в округе Фоквиер. В течение нескольких дней в прессу будут просачиваться подробности всей истории.

Они изучающе глядели на меня, я же не проронил ни слова. Только кивнул: дескать, договорились. Они хотели, чтобы я придерживался своей легенды об отдыхе в отеле — подыграл убийцам.

— Тебе понятно?

— Да, — ответил я.

Генри перевел взгляд на Маркуса:

— Видишь, какой способный ученик? Избавил нас от необходимости сотрясать воздух, да и вообще от многих неприятных вещей.

— Тебе не стоит беспокоиться из-за своей причастности к этому делу, — сказал Маркус. — Мы обо всем позаботились, ты тут ни при

чем. Прибывший тем же вечером наряд полиции обнаружил несчастных жертв убийства и суицида.

Генри кашлянул.

— А что касается тебя — тебе следует знать, что мы, как никто другой, сожалеем о случившемся. Мы и раньше были обеспокоены связью судьи с этой молодой женщиной, равно как его сумасбродством и склонностью к паранойе. Трудно сказать точно, что между ними произошло. Мы пытались его остановить, но было уже поздно. Мне неизвестно, что ты там знаешь — или думаешь, что знаешь, — но теперь ты можешь расслабиться. Мы вовсе не злодеи, Майк.

— Хотя и не такие уж добрые дяденьки, — вставил Маркус. — Но мы не хладнокровные убийцы. Это вредно для бизнеса.

— Так уж получилось, — продолжил Генри. — Думаю, мне не стоит объяснять тебе, в какой опасности все мы находимся. Да и у тебя не все чисто, Майк. Это дело окажется в зоне особого внимания прессы и общественности. Такого цирка мы не видели со времен... дай-ка вспомнить... Чаппаквидика?^[58] Или убийства Мэри Мейер?^[59] Знаешь, Майк, при внимательном рассмотрении твоя работа с Уокером и Радомиром не так уж и добропорядочна.

— Я не знаю ничего насчет тех двух случаев.

— Или не хотел о них знать. Деньги, как правило, притупляют нравственное любопытство. И это естественно. Поработав с Маркусом, ты уже прекрасно знаешь, что ни он, ни я никогда никому не угрожаем. Пока что почти все вокруг считают его в высшей степени достойным человеком, каких по пальцам перечесть. И еще вот что скажу: люди склонны считать себя честными — но лишь потому, что их честность никогда не подвергалась проверке, потому что их никогда не заставляли платить истинную цену этой самой честности. Я говорю тебе все это, потому что ты мне нравишься. В тебе я вижу себя молодого. И я хочу уберечь тебя от многих бед и огорчений... Твое прошлое, Майк, мне известно от самого начала, — продолжал Генри. — Ты был рожден для скучной, блеклой жизни. Потому-то я тебя и взял к себе. И я знаю о твоём прошлом даже больше, чем ты сам. Мы с Маркусом предпочли бы и дальше потихоньку растить из тебя преемника, неспешно вводя во все сложности нашей работы, но, боюсь, теперь всему придано ускорение. Ты, парень, всегда был развит

не по годам. Ты можешь сделаться великим. Когда-нибудь ты можешь даже стать мною. Выбор за тобой.

Он подошел ближе, нависнув надо мной:

— А теперь скажи мне: в том доме ты говорил с Хаскинсом? Он тебе что-нибудь сообщил? Он что-то тебе передал?

Я чувствовал на себе цепкий взгляд Маркуса, готового уловить малейшее движение на моем лице, любое напряжение мускулов, каждую каплю пота. Если я и солгу, то изменническое тело само выдаст правду.

— Нет, — ответил я.

Маркус не сводил с меня изучающих глаз.

— Хорошо, — наконец кивнул он, и я понял, что прошел проверку.

— И мы одинаково видим события минувшего уикэнда? Верно? — спросил Дэвис.

Они хорошо играли свой спектакль — впрочем, другого я от Дэвиса и не ожидал. Он выдал мне историю для обложки — дескать, пытались остановить, но безуспешно, — достаточно правдоподобную, чтобы облегчить мою совесть. По его собственному разумению, злодеев тут никаких не было, и в соответствии с его, Дэвиса, правдой мне следовало переиграть в голове события того вечера и вспомнить их совсем в ином свете.

«Да» он заставлял звучать так незначительно — подумаешь, всего лишь маленький шажок в цепочке других, что я проделал в «Группе Дэвиса». И каждый из них вроде бы едва заметен, но в один прекрасный день ты вдруг обернешься и глазам не поверишь — оказывается, ты успел заложить свою душу! Генри говорил так легко и непринужденно, словно переспрашивал о планах на ближайший ужин, а вовсе не покрывал двойное убийство и подкуп Верховного суда. Сущий пустячок — всего лишь сказать «да».

Две пары глаз снова вперились в меня в ожидании ответа.

— Да, — кивнул я. — Совершенно верно.

— Замечательно, Майк. Ты, несомненно, понимаешь, что в «Группе Дэвиса» весьма поощряется преданность. Маркус, не подсказешь, кто в истории нашей фирмы был самым молодым партнером?

— Коллинз. Он стал партнером в тридцать шесть.

— Ты на пороге рекорда, Майк.

— Спасибо, — ответил я.

— Хорошенько все обдумай, Майк. Главное здесь, конечно, свобода выбора. К тому же это едва ли наша последняя с тобой беседа.

Дэвис промурыжил меня еще минут двадцать пять, прощупывая, что у меня на уме. Я держался как стойкий солдатик, не выказывая страха, хотя от каждого его слова у меня сжималось все внутри, так что вскоре я уже с трудом разговаривал.

— Значит, мы поладим, — наконец сказал Генри.

— Да.

Дэвис передал мне лоток, я выгреб оттуда свои вещи, и он проводил меня к выходу. Прежде чем отпустить, Генри взял меня ладонью за плечо и развернул к себе:

— И если ты что-то еще припомнил или о чем-то попросту забыл упомянуть — сделай это сейчас. Полагаю, ты достаточно долго здесь просидел, чтобы и без моего напоминания оценить всю тяжесть ситуации. Это дело вызовет необычайный резонанс, на нас начнут давить. И если тебе понадобится об этом поговорить — приходи к нам. Потому что, если ты вздумаешь вынести сор из избы, мы узнаем об этом еще до того, как ты это сделаешь. Уверен, ты и сам это отлично понимаешь.

— Безусловно.

С выплатами они выждали приличное время, так что это ничуть не выглядело как откуп. Мне выдали квартальную премию и повысили жалованье за профессиональные заслуги — в целом набежало двести тысяч баксов на будущий год. Маркус известил меня, что дел в фирме временно поубавилось и что, если я хочу взять отпуск, могу это сделать в любой момент.

Глава восемнадцатая

Просто возьми деньги и сиди помалкивай. Если бы я пошел по этому пути, все было бы намного проще. Однако, несмотря на все мое здравомыслие, я пока что не готов был полностью продаться Дэвису. Я не был злобным наемником-убийцей, хотя имел к тому все шансы: довольно скоро меня станут разыскивать за зверское убийство Ирины и судьи. Сказать Дэвису с Маркусом «да» было единственным способом выдержать ту нашу беседу. Если я собирался связаться с Риверой или федералами или в припадке суицидальной злобы найти припрятанную Хаскинсом улику и самому завалить Дэвиса, мне бы не помешало прикинуться, будто я подыгрываю, и тем самым оттянуть время. Что еще я мог поделаться? Устроить Генри и Маркусу благополучный финал в стиле киногероев Джимми Стюарта и отвести их за ручку в полицию с чистосердечным признанием? Никаких шансов. Я мог либо подыграть им, либо притвориться, что я на их стороне. Я это знал — и чертовски был уверен, что Дэвис с Маркусом тоже это знают, а потому будут отслеживать каждое мое движение.

От моей двоюродной сестры Дорин пришла голосовая почта. В следующее воскресенье меня приглашали на вечеринку по случаю первого причастия ее сына. Я уж хотел было стереть приглашение — лет пять-шесть от нее не было ни слуху ни духу, — но ей удалось-таки зацепить меня за живое. Дорин обещала приготовить тушеную говядину по маминому рецепту.

Как я уже говорил, хочешь с успехом развести лоха — используй его жадность против него самого. От этого приглашения сильно пахивало подставой. Я даже знал, что за пару дней до мероприятия она позвонит мне и намекнет, что отец тоже может приехать, и уточнит, приняли ли мы приглашение. И я не такой уж поганец, чтобы ответить ей «нет». Может статься, отец всем этим и дирижирует. По крайней мере, забавно узнать, что этот малый пока не растерял своего умения разводиться людьми.

Я мог ему позволить эту маленькую слабость. Дело в том, что мне необходимо было немножко пообщаться со старым пройдохой. Передо

мною сейчас стоял сомнительный выбор: то ли подыграть Генри и сохранить все блага своей новой светлой жизни, то ли наябедничать в полицию на Уильяма Маркуса по прозвищу «Я знаю девять способов грохнуть парня конвертом». Соблюсти пресловутую воровскую честь — или сделать то, о чем когда-то мама упрасивала отца: «Просто все им расскажи». Теперь, когда я балансировал на тонкой грани, ответ уже не казался мне столь категоричным.

Так что я решил махнуть к Дорин и позвал с собой отца.

— Отлично, — сказал он. — Я тебя прихватчу.

Я-то думал швырнуть ему косточку — а он, судя по всему, вовсе не нуждался в моем участии.

В назначенное время отец подкатил к моему дому, и я увидел, что он довел-таки до ума «катлэсс», сделав и ходовую, и все прочее. Когда трогались от светофоров, было ощущение, будто взлетает самолет.

— Надо отхонинговать цилиндры, — бросил отец.

— Будешь растачивать?

— Может быть, — хитро улыбнулся он.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Я, знаешь ли, уже все прикинул. Сейчас там прокладка головки блока на четыреста шестьдесят, а мне удалось надыбать на пятьсот пятьдесят. — И он еще раз с ревом газанул.

Отец привел в порядок бухгалтерские дела Картрайта, разобрался с его кредитом и в итоге сэкономил для заправки по шесть штук баксов в месяц. Нервозности его как не бывало — он уже не напоминал зажатую в угол крысу, как в первые дни после освобождения.

Я затащил его в ресторанчик с мясной кухней, о котором уже упоминал, когда мы в первый раз ездили вместе пообедать. По пути отец сообщил, что успел сдружиться с парнем из Совета по финансовой отчетности штата Виргиния.

— Нашел его в «Гугле», — объяснил он.

Неплохо. Так, глядишь, и получит возможность сдать экзамен — если, конечно, за два года после тюрьмы не попортит себе досье. С последним пробным тестом он отлично справился.

На сей раз я не заставлял отца оправдываться. Кто я такой, в конце концов, чтобы его судить? Сам я попал в такой переплет, в сравнении с которым его кража со взломом была все равно что переход улицы в неполюженном месте. Я никак не мог собраться с мыслями, чтобы

понять, о чем конкретно я хочу его спросить. Мне просто хотелось поскорее пройти этот тягостный период колебаний и принять наконец-то решение.

Однако сразу, как подали кофе, отец первый об этом заговорил:

— О чем ты так напряженно думаешь, Майк?

— Что, заметно?

Отец кивнул:

— Ты грызешь ногти — а это выдает тебя с самого детства. Я не собираюсь тебя... В смысле, мы можем поговорить об этом, когда тебе захочется. Я, к сожалению, в последнее время в такой запарке. К тому же после тюрьмы малость загрубел, одичал — там, в Алленвуде, как-то и не с кем по душам разговаривать.

— Никаких сверхсекретных замков я не взламывал, но вот насчет бесплатного сыра ты был абсолютно прав. Я угодил в переделку.

В его кармане затрезвонило.

— Черт, извини. Это меня, — сказал он и потянулся в карман, чтобы выключить сотовый. — Будильник. Мне пора домой, отмечаться.

Этот парень и впрямь шагал в ногу со временем.

Миновав гигантского клоуна возле винной лавки, мы проехали к отцовскому трейлеру за автозаправкой, и он отзвонился в службу надзора за условно освобожденными. Обернувшись от телефона, отец обнаружил меня возле висевшего на стене вагончика плана строительства, который я с интересом разглядывал. Старые затрепанные листки являли взору проект трехкомнатного дома от дизайнерской конторы «Крафтсман», и выглядели ужасно знакомыми.

Отец молча ждал, пока до меня дойдет. Я сообразил наконец, где видел эти листки и почему при виде клоуна у дороги у меня всякий раз мурашки пробегают. Когда я был маленьким, отец привозил меня на это место, к стоящему среди деревьев трейлеру, когда здесь еще не было автозаправки. У него уже тогда висели эти проекты, и он мне показывал тот участок, где построит дом для мамы и меня. Это было как раз перед тем, как его упекли на двадцать четыре года.

— Ты продал участок Картрайту?

— Ага. Нам нужны были деньги.

— И он тебя нажег?

— На шестьдесят процентов стоимости или около того. Но у меня тогда не было выбора. Мне надо было его продать, пока меня не посадили.

То есть человек обслуживал бензоколонку в том самом месте, где когда-то хотел обустроить свой маленький рай?

— Извини, пап.

— Не стоит теперь из-за этого переживать.

— Я сильно влип, отец.

Он облокотился на стол возле меня:

— Обычно это по моей части.

Я вспомнил слова Хаскинса насчет того, как опасно знать компромат на Генри Дэвиса. Своей гибелью судья подтвердил это правило. Я не хотел без острой необходимости посвящать кого-либо в этот вопрос, а уж тем более условно освобожденного человека, пытающегося наладить честную жизнь. Поэтому я представил отцу радиовersionю того, что произошло.

— Это связано с моей работой. Они хотят, чтобы я держал рот на замке насчет некоторых их делишек.

— Скверных делишек?

Я кивнул.

— И насколько скверных?

Я кинул взгляд на газету, что, раскрытая, лежала на кухонном столе. Репортажи о без вести пропавшем члене Верховного суда уже обосновались на передней полосе. Газетчики были, кстати, сильно далеки от действительности. Да и в интернете народ высказывал разные непристойные версии, которые, разумеется, тоже не имели ничего общего с жуткой правдой.

— Ужасных. Большого я не могу тебе сказать.

Отец поморщился, провел рукой по волосам.

— Расскажи, — сказал он, подумав с минуту. — Разнеси об этом всем, как сорока. Все расскажи. Это единственный путь.

Как свойственно многим людям, я обратился за советом, который сам хотел услышать. Наверное, поэтому мне так не терпелось переговорить с отцом — с живым примером того, как держат язык за зубами. И тут вдруг он вдохновляет меня пойти по беспокойному, но правильному пути, от которого мне как раз хотелось отбрыкаться.

Честность во мне уже начала склоняться к дружбе с мнимой респектабельностью, с моей карьерой у Дэвиса.

И тут на тебе! Какая, скажите, польза от дурного отцовского влияния, если он наставляет тебя на праведный путь?

— Но ведь ты так и не заговорил, — напомнил я.

— Я — нет.

Я разочарованно вздохнул.

— Почему, думаешь, я все эти годы молчал как рыба? — спросил отец.

— Ты не переворачивай, — с досадой сказал я. — Ты защищал друзей. Это все равно что кодекс чести... воровской чести.

— Господи, Майк, — помотал он головой. — Из-за этой чепухи я бы ни за что не оставил ни маму, ни вас маленьких. Это я как раз и пытался тебе сказать в последнюю нашу встречу. Самая моя большая ошибка была не в том, что я доверился соседским прощелыгам, а в том, что я поверил честным людям.

— Что тогда произошло?

— Это не важно. И дело было не в том, говорить или не говорить. Вопрос был, как надо поступить. В тюрьму я сел не для того, чтобы покрыть сообщников. Я защищал свою семью. И у меня не было другого выбора. Просто поверь мне. Такие вещи никогда хорошо не кончаются. Так что расскажи обо всем. Выбирайся из этой ямы, пока еще можешь выбраться.

Наутро история с Хаскинсом разорвалась, точно бомба. Десятки тележурналистов столпились на возвышении напротив Верховного суда, чтобы за спиной у каждого хорошо просматривалось это здание. Выстроившиеся под прожекторами, они напоминали карнавальных зазывал. Все прибывающие толпы людей и грузовики перекрыли едва ли не пять кварталов вокруг Капитолия, усугубив обстановку.

Такой цирк возможен только в Вашингтоне: тонкий налет общественной значимости поверх полнейшей мишуры позволял даже уважаемым СМИ потворствовать этому пип-шоу. В Париже, недалеко от места преступления, пресса разбила настоящий лагерь. Главные теле- и радиовещательные сети забили прайм-тайм освещением последних новостей, а по четырем основным каналам транслировалось обращение президента в связи со смертью Хаскинса.

На следующий день этими новостями начинались чуть ли не все разговоры даже незнакомых друг с другом людей. На улицах постоянным фоном витало: «Я слышал, он ее грохнул именно в тот момент...» — «Это я уже слышал». — «Друдж говорит, он ее задушил». — «Не, чушь собачья».

С этим носились всю неделю — словно, кроме этих двух смертей, ничего больше в мире не произошло. Я наблюдал, как запущенный Дэвисом фейк постепенно оседает непреложной реальностью в умах миллионов, будучи озвучен самим президентом. Генри, должно быть, позаботился о всякой мало-мальской улике, что могла бы опровергнуть его залепуху. И наверняка добрался до того человека, с которым говорил на прослушке судья Хаскинс. Я и представить себе не мог, сколько привлечено связей, какого размаха закулисные сделки при этом обтяпаны, сколько отпущено всяческих угроз, чтобы повернуть такое грандиозное предприятие.

И я собирался свалить человека, который за всем этим стоял? Ни единого шанса.

Вопрос о том, кто убил Малькольма Хаскинса и Ирину Драгович, преследовал меня везде, не отпуская ни на минуту, давя, словно толща вод. Когда давление возросло, я сумел все же худо-бедно раствориться в своих повседневных делах, чтобы мне не приспичило встать перед Белым домом, как какой-нибудь маньяк с куском бумаги и маркером, и начать выкрикивать правду о гибели судьи, пока меня не уволочут копы.

Энни чувствовала, что что-то не так. На следующий вечер после моего разговора с отцом она попросила меня пойти с ней прогуляться, невзирая на все отговорки — мол, работа, электронная почта, телефонные звонки, — которые я пускал в ход, чтобы не выкладывать ей то, что у меня на уме. Мы пересекли площадь Адамс Морган. Я повел Энни длинными окольными путями, подальше от Калорамы и особняка «Группы Дэвиса».

Мы остановились на мосту Дюка Эллингтона. Известняковая дорожка вела к парку Рок-Крик.

— Что на самом деле случилось в субботу, Майк?

Понятно, что то жуткое воскресное видение, которое я собой являл после того, как при мне хлопнули двоих человек, не располагало

Энни к любопытству. Но ясно было и то, что это ненадолго.

— Кое-кто убит, — выжал я ответ. — Я пытался это предотвратить, но не смог.

Энни смотрела, как проплывает туча над серпиком луны.

— Хаскинс, — произнесла она.

Я промолчал.

— Не замыкайся в этом, Майк. Скажи, чем я могу тебе помочь.

— Просто будь со мной рядом. Этого достаточно.

Я послушал, как под нами бьется о камни поток, вцепился в перила. Энни внимательно посмотрела на меня.

— Случилось нечто очень нехорошее, и часть вины лежит на мне, — решительно сказал я. — Теперь я хочу это исправить. Я хочу добиться правды. Даже если это означает пойти против Генри Дэвиса.

Она придвинулась ко мне, погладила ладошкой спину.

— Послушай, — неуверенно проговорил я, — мне надо задать тебе один дурацкий вопрос, поскольку я совершенно не знаю, что из всего этого выйдет. Я... Ну, в общем, мне очень беспокоит. Потому что я могу натворить бед и с Дэвисом, и с работой. У меня все сейчас ставится на карту: работа, дом — возможно, даже наше с тобой счастье. Ты будешь со мной, даже если я в итоге останусь на полном нуле?

Она смотрела на меня, скрестив руки на груди. Мне вовсе не хотелось заставлять ее выбирать между мной и Генри, поскольку я не был уверен, что непременно выиграю это состязание. Ведь очень может быть, что я интересовал ее лишь как восходящая звезда «Группы Дэвиса». Кроме того, я знал, что Генри как раз и подстроил наше сближение: кабинеты рядышком, схожие поручения. Они постоянно секретничали один на один в его кабинете. Так ли уж бредова мысль, что он пристроил ко мне свою «правую руку», дабы за мной присматривать? Может, и так. Но, учитывая, что я видел и на что способен Дэвис, явно не все тут было подстроено. Нет, конечно. Я вытолкнул эту идиотскую мысль из головы. Наверно, на мне сказывался прессинг последних дней и мой страх.

— Ладно, забудь, что я сказал.

— Глупо об этом спрашивать, Майк. Ты ведь знаешь, что я буду с тобой. — И, прильнув ко мне, Энни обхватила меня руками.

Вопрос был глупый не потому, что правда была совершенно очевидна, а потому, что ее ответ мне ни о чем не говорил. Это то же самое, как Маркус с Дэвисом спросили, согласен ли я поддержать их утку. Будет Энни на моей стороне или обманет — ответ все равно один и тот же.

Хотя какая тут разница — правда или ложь? Мне было приятно от нее это услышать.

Я собирался обратиться в полицию — но не потому, что считал это правильным шагом. Фактически я бежал очертя голову навстречу своим бедам. Я обладал опасной информацией. А поскольку ни одна тайна не бывает надолго скрыта от Генри, лучше я сам за ним пойду, не дожидаясь, пока он двинется за мной.

Глава девятнадцатая

Дэвис намекнул, что будет за мной следить, но избавиться от «хвостов», реальных или воображаемых, оказалось легче всего. Район вблизи пересечения 19-й и L-стрит на севере Вашингтона был построен как трехмерный лабиринт: мало отличающиеся друг от друга типовые офисные здания сплошь из стекла, множество проулков, улицы с односторонним движением, подземные гаражи по четыре выезда с каждого. Самому б не заблудиться!

Куда сложнее было найти работающий телефон-автомат. Наконец я набрел на замызанную будку возле греческой кулинарии. Я позвонил по основному номеру городской полиции и попросил соединить меня с детективом Риверой — дабы убедиться, что он на самом деле тот, за кого себя выдавал.

На том конце мне не ответили, и я оставил голосовое сообщение. Сказал, что хочу переговорить с Риверой в безопасном месте и удостовериться в его личности и честных намерениях. Я продиктовал свой адрес на «Хотмейле» и пароль, сообщил, что буду оставлять ему любые послания в папке с черновиками, не отправляя их, — и он для сообщения со мной может делать то же самое. Мне как-то довелось прочитать статью о том, что этим пользуются для связи террористы, и теперь я решил, что, если это удобно для Талибана, то почему бы и мне таким образом не увернуться от электронных ищек Генри.

И когда я позвонил в полицию Ривере, гнетущая меня в последние недели муть неопределенности почти мгновенно рассеялась. Я весь был в предвкушении кошмара. Но каким бы бредовым ни был мой план, теперь, выступив против Генри Дэвиса, я чувствовал громадное облегчение и даже какой-то маниакальный свербеж.

Меня уже едва не воротило от того потока лжи, что изливался в новостях по поводу убийства. Хотя теперь ситуация немного изменилась. Со все большим удовлетворением я видел, как разваливается состряпанное Дэвисом изложение событий — якобы одержимый паранойей Хаскинс убил Ирину, а потом и себя.

При той тщательности, с которой изучалось это дело, а к расследованию убийства в округе Форвиер подключилось ФБР —

Дэвис не мог скрыть от всех тот факт, что обе жертвы были убиты. Си-эн-эн, например, ссылаясь на некие источники, сообщало, что это было не просто убийство с последующим суицидом. Бродили слухи, будто полиция разыскивает вооруженного преступника, разгуливающего на свободе.

Эти новости только укрепили мою уверенность. Отчасти сила Дэвиса поддерживалась его имиджем вездесущего и всесильного магната, способного подчинить кого угодно, какой бы властью человек ни обладал, и переделать действительность на свой лад. Теперь же этот имидж начал давать трещину. Выданная Дэвисом и Маркусом аккуратненькая версия убийства обрастала множеством неряшливых деталей, а потому я мог немного расслабиться, зная, что возможности этой парочки не беспредельны. Понятно, что они купили местную полицию, но ведь не все же ФБР! Так что вперед, парень! Правильно сделал, что позвонил.

В «Группе Дэвиса» я делал вид, что ничего не произошло. В тот вечер я засиделся на работе, точнее, в библиотеке с юридической литературой на первом этаже, изучая материалы по делу Драговича и Закон о правонарушениях в отношении иностранцев. Было без четверти восемь. Обычно в это время контора уже пустовала, но тут я услышал какое-то оживление в вестибюле.

Я поднялся на шум, а когда открыл дверь с лестницы на третий этаж, увидел нескольких полицейских детективов, топающих от меня по коридору в направлении представительских помещений — то есть к кабинетам Маркуса и Дэвиса.

Я подавил улыбку: вот тебе и всемогущество! Неужто копы так быстро вычислили роль Генри в двойном убийстве? Меня это даже немного озадачило: не ожидал, что матч закончится так быстро.

Однако довольно скоро Генри уже шагал по коридору, ведя детективов за собой. Я поскорее юркнул обратно на лестницу, пока меня не заметили. Дэвис уж точно не походил на человека, который вот-вот предстанет перед всем миром в наручниках и под конвоем.

Высунувшись на втором этаже, где находился мой кабинет, я начал понимать, что происходит. Сквозь окна было видно, как внизу перемигиваются развеселые красно-синие огни целого скопления полицейских машин. Я отступил в задний коридор, ведущий к

туалетам, и успел заметить, как Генри ведет детективов к моему рабочему месту. Один коп встал на посту у главной лестницы, несколько столпились у моей двери.

Я решил наскоро выйти с телефона в интернет и глянуть новости. Времени все перечитывать не было, но по заголовкам на нескольких сайтах главное я уяснил: теперь я на арене цирка.

Имя нигде не называлось, но, по различным источникам, доступным только следствию, полиция вышла на «лицо, заинтересованное в убийствах» судьи Малькольма Хаскинса и Ирины Драгович. Генри ведь предупреждал, что будет знать о каждом моем действии еще до того, как я его совершу. Должно быть, он узнал, что я пошел против него. Он что, выставил меня как убийцу?

Смываться от копов было моей особой специальностью, хотя уже и подзабытой. Был у меня когда-то один знакомый домушник, которого все называли Смайле. Так вот, он завязал с жилыми помещениями, переключившись на офисные, и втрое увеличил свой доход. Вы не представляете, сколь сужено поле зрения у людей, сидящих на рабочем месте! Смайле обчищал всю контору: прикарманивал ценные вещи, одевался во что подороже, прихватывал с собой пару ноутбуков, даже умудрялся слямзить кружку кофе в кафетерии — и преспокойненько уходил, на прощанье помахав охране ручкой.

Копы еще не успели заполнить собой весь особняк «Группы Дэвиса». А потому, учитывая опыт моего знакомого по обнесению офисов, я надеялся, что никто из оставшихся на этот час сотрудников не обратит ни малейшего внимания на прилично одетого молодого человека, подозреваемого в совершении убийства, который, старательно орудуя локтями, ползет по ковру через редко используемые кабинетные отсеки.

Я одолел пятьдесят футов, миновав занятый кабинет, где ритмично подергивался в кресле парень в наушниках, затем прополз за рабочим местом исполнительного помощника. Столь выигрышное положение позволило мне вблизи рассмотреть спрятанную под столом скромную коллекцию туфель, принадлежавшую старшей сотруднице Джен. По городу девушка носилась в кроссовках, а приходя на работу, забиралась на каблуки.

Больше всего копов было на втором этаже. Отметив, что они выставили посты у мужского туалета и главной лестницы, я уже не

сомневался, что все выходы перекрыты. И тогда мне в голову пришла одна идея. На план исчезновения она, пожалуй, не тянула, но это было единственное, что я смог придумать на тот момент.

Миновав ползком обычно пустующий конференц-зал, я пробрался позади двух копов, изображавших караул, и юркнул в дамскую комнату. В числе старших сотрудников в фирме работали только три особы женского пола («Группа Дэвиса», скорее, являлась своего рода мужским клубом), и, похоже, все три уже разошлись по домам. Так что я имел возможность воспользоваться их уборной — к счастью, среди копов женщин не наблюдалось. С парой чудесных босоножек от Джимми Чу, которые я сбондил из-под стола Джен, я вполне мог переждать облаву в дамском туалете.

Прятаться в сортире, конечно, не так круто, как с боем прорываться через «тонкую голубую линию»^[60] здешних копов. Но, мужчины, дамская комната — это нечто! У них там и цветы, и мягкий диван, и россыпь журнальчиков. Признаться, я даже почувствовал некоторую гендерную ущемленность, когда, прихватив экземпляр «Стиля жизни от Марты Стюарт», устремился в дальнюю кабинку.

Казалось бы, мой замысел сработал. Я целый час сидел на своем насесте, никем не потревоженный, пока полицейские устраивали шмон по всей фирме. Наконец один из копов все же отважился проверить женский туалет. Конечно, я рассчитывал, что до этого не дойдет, однако предусмотрел и такую ситуацию. Невзирая на возмущенное потрескивание кожи, я впихнул ноги в тесные босоножки Джен, порвав там несколько швов.

Я был рад, что разжился нужной обувкой, поскольку полицейский двинулся проверять каждую кабинку. Заберись я на унитаз, меня мигом бы вычислили по закрытой двери и отсутствию за нею ног.

Когда коп подергал дверь в мою кабинку, я тоненько кашлянул.

— Прошу прощения, — сказал он.

Шаги приблизились, раздался тихий стон — похоже, парень согнулся пополам, чтобы проверить ноги в кабине. Я спустил пониже брюки, чтобы как можно больше прикрыть свои явно не дамские конечности, — и, судя по всему, ножки ниже щиколотки убедили-таки копа в моей принадлежности к слабому полу.

Я услышал, как полицейский уходит, и, когда открылась дверь, вздохнул с облегчением. Конечно, не «Побег из Шоушенка», но

сработало.

Спустя некоторое время я уловил разговор в коридоре. Дверь открылась снова, и слышались шаги по плиткам уборной. Скверное дело.

Все же целый час — достаточно долгое время для заседания в кабинке. За этот срок я успел понять две вещи: во-первых, исходя из советов Марты, мне надо срочно избавиться от моего обшарпанного комода, и, во-вторых — что куда более важно, — то обстоятельство, что Дэвис подставил меня под обвинение в двойном убийстве, в целом не так уж и плохо. Конечно, в Виргинии, где меня будут судить, по-прежнему приговаривают к смертной казни, и мои шефы этим непременно воспользуются.

Но я всегда относился к той категории людей, которые в извечном споре о наполовину полном и полупустом стакане выбирают первый вариант, и в данной ситуации мне уж точно терять было нечего. Говоря языком «белых воротничков», маргинальная стоимость любого моего последующего преступления была нулевой. Я мог сейчас пройтись по городу, дать поблажку любому своему криминальному порыву, что вот уже десять лет усердно подавлял, — и ухнуть в дерьмо не глубже, чем сейчас, поскольку охотящиеся за мной Дэвис с Маркусом уже загнали меня туда по самое некуда.

А потому, когда коп подошел к моей кабинке во второй раз, сердце бешено забилося — немного я, конечно, боялся, но в целом чувствовал себя вполне раскрепощенно. Я больше не буду прятаться и пережидать.

Когда он сунул под дверь голову, я увидел на его физиономии сладостное предвкушение, как он хватает молокососа, выталкивает из кабинки, открыв его носом дверь, надевает наручники, потом запихивает в полицейскую машину и, ухмыляясь, говорит: «Упс!» А еще у меня перед глазами возник тот кусок дерьма с коротким ежиком на голове, что заявился к нам однажды утром, когда мне было двенадцать, и лишил меня отца. А еще я припомнил харю пузатого надзирателя в помещении для свиданий в Алленвуде, который рывкнул: «Не прикасаться!» — когда мама, уже иссохшая от рака, потянулась к отцовской руке...

Коп глянул на меня из-под дверцы, довольно улыбнулся и сказал:

— Классные туфельки, придурок!

Я пнул его в висок, не дожидаясь, пока мужик полезет в кобуру. Голова его шлепнулась на мраморные плитки, тело распласталось на полу. То ли обиды всей жизни тут выплеснулись из меня наружу, то ли я слишком резко отреагировал на такой пренебрежительный отзыв о моей обуви.

Я приковал его наручниками к стойке кабинки и осторожно высунулся в коридор. К счастью, нокаутированный в женской уборной коп и был как раз тем охранником, что стоял у задней лестницы, а потому, никем не замеченный, я бегом рванул по ступеням к подземному паркингу.

Похоже, разведка копом в уборной была предпринята уже с отчаянья. Патрульных машин перед зданием осталось совсем мало. Рыхлое полицейское оцепление вокруг здания еще стояло, но людей там было значительно меньше, чем прежде.

Кое-кто из них, наверно, и заметил, как из подземной парковки выкатился грузовичок с надписью «Клининговые услуги» — но уж точно никто не увидел, как в тот момент, когда он притормозил у знака остановки, у него из кузова выскользнула быстрая тень, устремившаяся к парку Рок-Крик. Это был, конечно, я.

Сбежать-то я сбежал, но каждый коп в округе Колумбия меня уже разыскивал.

К счастью, парк Рок-Крик тянется через Северный Вашингтон, соединяясь с парками Джорджтауна и ближайших окрестностей. Мне уже много довелось по нему побегать, так что знал я его как свои пять пальцев. Он вдвое больше, чем Центральный парк, и гораздо гуще. В нем множество тайных стоянок бомжей и бог знает кого еще. Думаю, если тело Чандры Леви^[61] пролежало тут целый год, то уж по крайней мере несколько дней свободы мне были обеспечены. Я был уверен, что те, кто меня ищет, уже добрались до моего дома, но у Энни меня, наверно, еще не ждут.

Некоторое время я пробирался вдоль дорожек в сторону Военно-морской обсерватории, потом пересек Висконсин-авеню и оказался в парке Гловер. Во мраке я подскакивал от малейшего хруста веток или шороха испугнутого енота, и эта крошечная тьма ночного леса, завлакивавшая сознание старыми первобытными страхами, заставила на время забыть о тех реальных опасностях, что ждали меня в городе.

Я покругил немного по окрестностям вблизи дома Энни, высматривая наблюдателей, но ничего подозрительного не обнаружил. У Энни была квартирka на втором этаже в перестроенном таунхаусе. Чтобы меня не заметили с улицы, я пробрался к террасе позади дома, подтянулся ко второму этажу и перелез через перила.

Она сидела на диване в просторной толстовке и пижамных штанах, попивая чай и читая книжку. Любоваться на нее можно было часами!

Я хотел привлечь ее внимание, не всполошив, а потому осторожно постучал костяшкой пальца по стеклу и негромко позвал:

— Эй, Энни! Это я.

Она не испугалась, только положила на подлокотник книжку, прошла в кухню, вытянула четырнадцатидюймовый поварской нож «Вустхоф», что я раздобыл ей к Рождеству. Зажав его крепкой хваткой, она бесстрашно подступила к двери. Боже, я люблю эту девчонку!

— Майк?

— Да, это я.

— Господи! — Оттянув задвижку, Энни открыла дверь. — Я ведь тебя чуть не убила!

— Сегодня такой день.

Положив нож на стол, она втянула меня внутрь и крепко обняла.

— Что, черт возьми, происходит? — чуть отстранилась она. — Ты видел новости? Это о тебе они говорят? Это ты — подозреваемый?

У нее был включен без звука канал Си-эн-эн. Приманивавшие зрителей «неопровержимые новости» об убийствах в загородном доме сделались еще пикантнее. Теперь репортеры сообщали, что страшный инцидент произошел от любовного треугольника: якобы двойное убийство совершил ревнивый поклонник Ирины и теперь он в бегах. Странно только, что с каждого канала еще не отсвечивала моя физиономия.

— Не верь ничему, — сказал я Энни.

— Ты в порядке?

— Ага.

— Что случилось?

— Помнишь, я говорил, что попытаюсь восстановить правду о случившемся? И что это связано с Хаскинсом? Так вот, за этими убийствами стоит Дэвис. Я знал об этом и собирался сообщить в

полицию. Дэвис предупредил меня, что лучше, если я ему подыграю, и что я, мол, не представляю, какую цену за это заплачу. Вот, оказывается, что это значило. Он свалил убийство на меня. Все, что ты видишь по телевизору, — сплошная ложь. За всем этим стоит он.

— Но как он сумел все это организовать? Ведь столько людей вовлечено в расследование.

— Он подмял под себя весь город, Энни. Шантажом, вымогательством он одного за другим прибрал к рукам всех более или менее значимых фигур. А Хаскинс — его грааль. Это Верховный суд.

Когда я сам услышал, что сказал, то понял, что все это звучит как бред завязанного конспиролога. Энни отступила на шаг, скрестила руки на груди.

— Сообщают, что что-то произошло в «Группе Дэвиса», что совершено нападение на полицейского.

— Мне надо было как-то бежать, Энни. Полиция ходит под Дэвисом, я убедился в этом своими глазами.

Я чувствовал, что теряю ее. Интересно, что бы я подумал, если бы вдруг поменялись ролями и она бы сейчас давала мне чудовищные объяснения, зачем тюкнула полицейского каблуком в висок? Я, как и прежде, был всего-навсего сыном жулика, отбившимся от стаи. И моя наглая афера начала потихоньку разваливаться, потому что я тут слишком уж загостился и зажадничал.

— Ты только хуже делаешь, что убегаешь, Майк. Что о тебе будут думать?

— Я не могу сдать, Энни. Генри доберется до любого.

В окнах с фасада дома полыхнули огни. Я подошел к окну, чтобы взглянуть, и увидел «мерседес-бенц» Маркуса. Они с Дэвисом уже вылезли из машины.

Да, Генри мог добраться до кого угодно. Я обернулся к Энни:

— Ты им передавала наш вчерашний разговор — что я попытаюсь их остановить?

— Нет, Майк. — Она шагнула назад, широко раскрыв глаза. Она явно была очень напугана.

Наш роман с Энни закрутился как-то очень легко. Оглядываясь назад, я видел во всем этом руку Генри: и как он усадил меня на втором этаже рядом с ее рабочим местом, и как расхваливал ее на

корпоративной рождественской вечеринке. Бог знает какие еще уловки он использовал — с ее ведома или без, — чтобы нас свести.

Подставить меня под двойное убийство — это должно было занять некоторое время. Возможно, закрутилось все еще до моего утреннего звонка Ривере. Энни я еще накануне сказал, что собираюсь предать дело огласке. Ни одна живая душа не знала столько, сколько было известно ей: и что я намерен обратиться к властям, и что знаю правду о гибели Хаскинса. Должно быть, она и сообщила об этом Генри и Маркусу. И все наши отношения были лишь подставой? А Энни — всего лишь очередная «медовая ловушка»? И все это с самого начало было спланировано, чтобы Генри мог шпионить за мной и держать меня под башмаком? Может, он именно это имел в виду, когда сказал, что узнает о моем намерении слить информацию еще до того, как я успею что-то сделать?

Я всю неделю держал себя железной хваткой, но теперь она ослабла. Я ощутил ту же взбудораженность и жажду действовать без малейших угрызений совести, что испытал в тот миг, когда собирался вырубить копа в сортире.

Энни уловила эту решимость в моем лице. Она перевела взгляд с меня на нож, лежавший на столе. И в этот момент я понял — неважно, говорила она о чем-то Генри или нет, были наши отношения настоящими или фальшивыми, — я понял, что потерял ее.

— Перестань убегать, Майк.

Генри с Маркусом уже стояли у парадной двери.

— Я невиновен. Это правда.

— Тогда сдайся полиции.

— Нет. Правда больше ничего не значит.

Я открыл дверь на террасу, скакнул на перила и чуть ли не четырехметровой высоты прыгнул на мягкую весеннюю траву. Когда я приземлился, державший рану на бедре шов в нескольких местах разошелся, но, невзирая на это, я подскочил и помчался к темнеющему лесу.

Глава двадцатая

То, что Энни выдала меня Маркусу и Генри, явилось ударом, но в каком-то смысле и упростило жизнь, расставив все по местам. Дэвис свалил на меня обвинение в двойном убийстве после того, как я решил пойти в полицию. И если об этом ему донесла Энни — значит, утечка информации была не от Риверы. И как раз сейчас мне надо было довериться этому детективу.

С той злополучной субботы, когда застрелили Хаскинса с Ириной, я все пытался докопаться до улики, о которой судья мне поведал перед самой гибелью. Он указал мне на человека по имени Карл Лэнгфорд и даже дал его адрес. Лэнгфорд был единственным, кто знал, как найти доказательство того, что Генри причастен к убийству журналиста Хэла Пирсона, случившемуся сорок лет назад. Дэвис понятия не имел, что Лэнгфорду об этом известно, и это единственная причина, по которой тот сумел так долго прожить.

Судья Хаскинс несколько лет пытался подбить Лэнгфорда выставить против Дэвиса это доказательство убийства и легальными средствами привлечь того к ответственности. Хаскинсу это не удалось. Но я-то уж больше не заморачивался такими пустяками, как закон. Дома вечерами я уже достаточно поизучал этот вопрос и теперь знал, что Лэнгфорд в Сарасоте. И разыскать его было бы совсем не трудно, если б не одна загвоздка: он умер от инсульта в 1996 году.

Итак, раздобыть улику, способную раздавить Дэвиса, для меня был дохлый номер. Мне нужен был Ривера.

Может, он сумеет вновь открыть давнее дело или восстановить то, что Лэнгфорд знал. Сам я, разумеется, ничего не мог сделать без посторонней помощи, поскольку меня разыскивала вся полиция по всему Восточному побережью. Я даже не имел возможности переодеться.

Детектив Ривера оставил мне на «Хотмейле» сообщение. В пятницу, спустя почти неделю после убийств, я позвонил Ривере с сотового телефона с предоплаченной туристской сим-картой, который только что купил. Он сообщил, что я подозреваюсь в убийствах в

Париже, штат Виргиния, и что мои ориентировки и фото разосланы во все органы полиции.

Первое, что мне хотелось узнать: почему обычный коп из округа Колумбия вмешался в дело о политической коррупции?

— Дэвис много грязных дел проворачивает в Ди-Си, — сказал Ривера. — У него повсюду источники — от проплаченных консьержей и метрдотелей до хозяек публичных домов и поставщиков других утех для ви-ай-пи. Это меня в первую очередь и заинтересовало. Я уже очень давно докладывал об этом федералам, однако узнал, что наверху этой кучи у него еще больше купленных людей, нежели в низах. У меня есть люди, которым я доверяю и которых я мог бы задействовать, но сперва я должен выяснить, насколько сильна эта твоя улика против Дэвиса.

Ривера еще некоторое время вытягивал из меня информацию о том, что конкретно у меня есть на Генри, о деталях убийства. Я, конечно же, держался настороже. Но, согласитесь, как тут не умилиться, когда представитель закона, убежденный, что ты — страдающий манией убийства недоумок, любящий носить дамские туфли, вещает тебе:

— Майк, я знаю, ты невиновен. Мы поможем тебе из этого выбраться. Я уже поговорил с людьми из ФБР, в которых я уверен. Они выставят тебя как свидетеля по делу против Дэвиса.

Я записал все его разглагольствования — в частности, о его подозрениях в отношении Дэвиса, — сказав, что мне это нужно для подстраховки. Дескать, при той свистопляске, что творится сейчас в прессе в связи со смертью Хаскинса и моим исчезновением, журналисты с жадностью набросятся на этот материал.

Никогда не делай то, чего от тебя ожидают, — таково основное правило, когда ты в бегах. Я сказал Ривере, что встречу с ним на следующий день в гардеробе Западного крыла Национальной галереи искусств. Это классическая часть музея — сооружение с огромными залами, с колоннами, с массивным куполом, оно спроектировано тем же архитектором, вдохновленным римским Пантеоном, который создал Мемориал Джефферсона. Этого они и ожидали от типа вроде меня, трепещущего перед своим первым свиданием с парнем в синей форме.

Мы с Риверой условились встретиться в три тридцать пополудни, то есть прямо сейчас — потому-то я и находился в Восточном здании, в этом аскетичном строении со строгими геометрическими формами, розовым мрамором и экспозициями современного искусства, причем на самом верху. Оттуда прекрасно просматривался атриум и все входы-выходы. Оба здания были оснащены металлодетекторами, так что любые нежданные гости — вроде людей Маркуса — были бы, надеюсь, разоружены.

Я вытащил сотовый и позвонил в гардероб Западного крыла. Выслушав мою историю туриста-потеряшки, милая дамочка, отвечавшая на звонки, громко спросила, нет ли там рядом человека по фамилии Ривера. Разумеется, он там был, явился минута в минуту!

— Ваш сын в Восточном здании, — услышал я любезный голос дамочки, — у инсталляций Дэна Флавина. Это на верхнем этаже. Ищите, где побольше лампочек.

Да, насчет лампочек она была права. За моей спиной светился всеми цветами спектра тоннель, созданный флуоресцентными трубками. Идти по нему было все равно что совершать психоделическое путешествие по шоколадной фабрике Вилли Вонки.

[\[62\]](#)

Я настороженно ждал. Если Ривера собирается меня поймать, у меня здесь будет больше шансов заметить засаду, когда он и его сообщники ринутся через дворик из Западного крыла в Восточное.

Национальная галерея искусств числится обязательной остановкой в смертельном марше для любого попавшего в Вашингтон туриста, и я не сразу разглядел Риверу среди многочисленных экскурсантов — откровенно скучающих тинейджеров и улыбчивых, все вокруг «щелкающих» гостей из Азии. Было не похоже, будто он пришел с компанией, — хотя это могло означать и то, что его сообщники достаточно умелы, чтобы их сразу вычислили.

— Что, черт возьми, с тобой случилось? — удивился он, завидев меня в самом конце художественной выставки.

На носу у меня была повязка, глаза закрывались темными очками.

— Ничего, — пожал я плечами.

— Что ж, неплохая идея, — оценил он мой камуфляж.

Не мог же я разгуливать по округу Колумбия в лыжной маске, чтоб меня не узнали полицейские, вот и пошел на эту хитрость. Лицо

мое почти полностью скрывала повязка, и люди вокруг думали, что у меня сломан нос или мне сделали пластическую операцию.

— Так что у тебя есть на Дэвиса?

— Я был свидетелем того, как его подручный Уильям Маркус убил двоих.

— Ты сказал, у тебя есть улика.

— Мне нужна неприкосновенность, — заявил я. — Я буду говорить только с федералами. И я должен быть уверен, что обвинения в убийстве будут с меня сняты.

— Мне кажется, это не очень-то тебе подходит, Майк. Владелец одного из магазинов в Париже тебя опознал — он сказал, что в вечер убийства ты выслеживал Хаскинса. Приятель твой Эрик Уокер сообщил, что у тебя был явный интерес к Ирине — ты спрашивал у него о ее сексуальных повадках. Да и отдельные твои приобретения — например, GPS-трекеры — очень даже вписываются в твой психологический портрет охотника-убийцы. Один из этих маячков был обнаружен за несколько миль от места преступления. А уж твоя история с туфлями, как ты каблуком выключил копа в женском туалете... — Ривера аж языком поцокал: дескать, плохо твое дело, парень. — Я хорошо знаю, как действует Дэвис, и понимаю: очень даже может быть, что за всем этим стоит именно он. Но простые бессловесные копы вроде меня предпочитают расследовать дела попроще. Подтверждение твоей благонадежности потребует невероятных усилий — а я не хочу делать из себя мученика. Что у тебя есть? Какая-нибудь притянутая за уши улика, с которой чем меньше ты против него говоришь, тем лучше?

— Вы о чем?

От Хаскинса я знал, что Лэнгфорд запрятал подальше некое очевидное доказательство того, что Генри причастен к убийству журналиста. Но я не стал сообщать это Ривере: что-то в нем мне сильно не нравилось — даже если опустить мою обычную неприязнь к копам. К тому же он начал покрываться испариной. Вроде бы чуть-чуть, но в зловещем красно-фиолетовом флуоресцентном свечении это было очень даже заметно. Мне хотелось немножко его подразнить.

— Что тебе рассказал Хаскинс? — спросил Ривера. — Он тебе что-нибудь дал?

Сосредоточившись на этом вопросе, я промолчал. Надо было дать ему поговорить — глядишь, и выболтает больше, чем сам того желает.

— У тебя есть какая-нибудь улика, которую мы можем использовать против Дэвиса?

Не сомневаюсь, что он хороший коп — достаточно упертый и не слишком въедливый, — но вот мошенник из него никакой. Главное правило любого надувательства: внешне ты не должен хотеть того, что на самом деле очень желаешь получить. Ты должен гасить мельчайший проблеск жадности и, может, даже сперва отказаться, когда лох сам предложит тебе то, что тебе так сильно хочется присвоить. И держаться до тех пор, пока он чуть ли не заставит тебя это взять. Стоит только спросить лоха об этом предмете, будь то часы, бумажник или что-то еще, проявив тем самым свой интерес, — и все пропало! Жадность рушит все твои старания. Люди чувствуют подвох — и на этом игра окончена. Так вот и Ривера засветил сейчас свою жадность.

— Нет, — ответил я. — Ничего у меня нет.

Я сделал шаг назад и взвесил возможность отступления.

Тут Ривера поднял руку и провел пальцем по правой брови. Да уж, этот парень туп, как кирпичная сральня! Хреновый из него кидала. Такой сигнал вообще нельзя использовать: очень неестественный жест. Мало того — подав знак, коп еще и посмотрел на того, кто его знак принял. Одного этого взгляда мне хватило — я тут же заторопился в противоположном направлении.

— Мне надо кое-что проверить. Я сейчас, — бросил я на ходу.

— Что? — кинулся было за мной Ривера.

В течение всей нашей беседы он крутился вокруг того, что Генри очень хочет получить, — вокруг доказательства его давнего преступления, о котором знал Хаскинс. Подробности двойного убийства, которые вроде бы должны были интересовать детектива по долгу службы, он, можно сказать, пропустил мимо ушей. Он тоже как будто был уверен в том, что я не только находился в доме Хаскинса в момент убийства, но и успел с ним пообщаться наедине. А я копу об этом не говорил. Может, у меня и мания преследования, но я совершенно точно уяснил, что передо мной разыгрывают спектакль, и поскорее вышел из игры.

Я уже подумывал приобрести приличный радар для шпионов, но сегодня, увы, приходилось выкручиваться без него. Когда я рванул на

выход, группа поддержки Риверы тут же материализовалась. Там, где только что бродили студент, пенсионер и турист, внезапно возникли несколько типов, явно работающих с Риверой и за мной следящих, которые точно знали, что им надо делать. Изменив место встречи, я, возможно, и выиграл несколько минут, сорвав их первоначальный план, но теперь, сориентировавшись, они быстро приближались ко мне.

Так уж получилось, что свои бойцовские навыки я набирал в сильно вбрызнутом состоянии, да и то лишь по случаю и забавы ради. В результате полученные уроки я помнил довольно смутно. Но все же таки на службе я усвоил пару приемчиков, которые сейчас помогли мне избежать ударов.

Первое: когда я дернул от Риверы, из-за угла вывернул мужик в шортах и бейсбольной кепке и попытался сцапать меня за воротник. Я скинул его руку и, ухватив за запястье, резко вывернул ее за спину. От очень надежного источника — а именно от военного полицейского, встреченного когда-то в открытой кафешке, — я знал, что это охренительно больно, особенно когда тянут локоть в противоположную сторону, выкручивая плечевые связки, точно тряпку. Как и прочие наступавшие на меня дуболомы, этот ублюдок был тяжелее меня где-то на полсотни фунтов, что вселяло единственную надежду. Когда он на мгновение потерял равновесие, я подставил бедро ниже его центра тяжести и перебросил верзилу через плечо.

Пользуясь случаем, хочу принести свои искренние извинения мистеру Флаvinу за повреждение его флуоресцентных трубок. На самом деле я непредумышленно швырнул противника именно туда — хотя должен признать, что целый каскад искр и осколков, обрушившийся с восьмиметровой высоты, был изумительнейшим зрелищем.

Выскочив во внутренний дворик, я понял, что нахожусь в ловушке. Все выходы были перекрыты. Что-то в этих типах — наверное, написанная у них на лбу готовность убивать — указывало, что никакие это не копы, а люди Маркуса. Возможно, я только все усложнял, отбиваясь от них и доводя до бешенства, не имея ни малейшей возможности выбраться. Однако после этой напряженной недели — спустя целых семь дней после убийства — мне ничто не доставляло такого удовольствия, как эта безудержная остервенелость.

Я вильнул за скульптуру Ричарда Серры — пять массивных стальных плит, прислоненных друг к другу под разными углами, — и обнаружил там Уильяма Маркуса собственной персоной. Возникнув у меня за спиной из ниоткуда, он поймал мое запястье куда более действенным захватом, нежели я применил к его парню. Электрошокер в его руке выплюнул маленькую молнию. Маркус сказал, что если я буду слушаться, то избавлю себя от лишней боли.

Второй свой прием я применил совершенно спонтанно. У моих ботинок очень жесткая рантовая подошва, и я что есть силы пнул Маркуса сначала по голени, а затем по колену, отчего оно ушло вбок с жутким щелчком, от которого даже я содрогнулся.

На долю секунды его хватка ослабла, и я сумел даже немного отступить, прежде чем Маркус снова ухватил меня за запястье и вывернул его передо мной. Чтобы не порвать плечо, я весь скрутился, но спиной оказался прижат к холодной скульптуре Серры. Маркус, придвинувшись лицом ко мне, продолжал натиск. Я почувствовал, как что-то произошло с моим плечом. Другой рукой он поднес тазер к моей голове и всего в дюйме от глаза выщелкнул голубую дугу. Свободной рукой я с большим трудом отвел от лица электрошокер. Держа хватку на моем запястье, Маркус оказался в такой неуклюжей позе, которая позволяла поднести ко мне тазер лишь под очень неудобным углом. Выбраться я не мог, однако был в состоянии помешать ему выпустить в меня разряд. То есть пат.

Постояв так несколько мгновений, Маркус чуть склонил голову и оценивающе посмотрел на скульптуру. Он, конечно, не мог добраться электрошокером до моего тела — но ему это было и не нужно, в его распоряжении имелась восьмифутовая стальная плита, к которой я был прижат спиной. Оба приема из своего скудного арсенала я уже использовал, и теперь мне не повезло. Маркус поднес тазер к плите и выпустил в нее несколько разрядов.

Без запинки я выкрикнул все ругательства, какие только имелись в моем запасе. Долгие четыре секунды Маркус поджаривал меня на стальной плите, пока я не сполз на землю, а потом добавил еще пять секунд, приставив электрошокер уже непосредственно ко мне. Я повалился на площадку, перед глазами все поплыло, при этом я отчетливо ощущал, как сокращается каждая мышца, словно пытаюсь оторваться от кости.

А потом Ривера выхватил свой полицейский жетон и провозгласил:

— Городская полиция! Пожалуйста, очистите территорию, освободите проход.

Маркус тем временем потянул меня через служебную дверь на улицу и втолкнул на заднее сиденье незнакомого седана.

Глава двадцать первая

Уложенный на заднем сиденье, я видел лишь проскакивавшие в окне машины деревья. За всю дорогу я еле-еле пришел в чувства. Наконец мы свернули с улицы и подъехали к бетонному въезду в тоннель в склоне холма. Стальные двери медленно разъехались в стороны, и седан исчез в его недрах.

Мы остановились. Маркус сцепил наручники у меня за спиной и повел через подземную парковку к большой тяжелой двери. Он прошел вместе со мной шагов двадцать по коридору, остановился перед какой-то дверью и поднял взгляд к глазку видеокамеры, установленной под потолком. Спустя секунду дверь открылась. За ней нас встретил этакий квадратный шкаф весом сотни под три фунтов.

— Мне нужна запись Кларк, — сказал ему Маркус.

Амбал хлебнул из небольшой бутылки лимонада «Маунтин дью» и махнул рукой, приглашая войти. Я быстро вспомнил этого детину: Джеральд, ведущий программист «Группы Дэвиса». Он провел нас в комнату, освещенную лишь серо-голубым свечением множества мониторов на широкой стене.

Некоторые экраны демонстрировали то, что и следует ожидать от мониторов видеослежения: входы-выходы, коридоры, кабинеты. Я даже узнал Пег в ее бухгалтерии на первом этаже — та нынче прицепила к шее что-то вроде бутылки с водой. Другое видео меня озадачило: на нем женщина явно в домашней обстановке складывала в стопочку постиранное белье, вокруг нее играли малыши; лицо мужчины оказалось очень близко, он глядел куда-то правее камеры.

Джеральд вручил Маркусу диск, и мы снова потопали в коридор. Поднявшись на три пролета по бетонной лестнице, мы свернули вбок, миновали серую металлическую дверь хранилища с биометрической системой доступа. В конце коридора Маркус толкнул дверь — в глаза ударил яркий свет, на мгновение меня ослепив. Когда глаза адаптировались, я увидел Генри Дэвиса с широкой улыбкой на лице:

— Добро пожаловать назад.

Мы с Маркусом оказались в углу его кабинета, войдя через потайную дверь в обшитой деревянными панелями стене за его

столом. Мы были на самом верху особняка «Группы Дэвиса», так что, судя по всему, нынче мне довелось увидеть секретную пристройку — зону безопасности, — уходящую в толщу холма.

— Мэгги! — позвал Дэвис через открытые двери кабинета.

Его помощница — та самая женщина, у которой я выцарапал диктофонную запись в Колумбии, — показалась в дверном проеме.

— Чего-нибудь желаете? — обратился к нам Дэвис. — Кофе? Содовой?

Она вопросительно оглядела собравшихся: сперва посмотрев на Дэвиса, потом на Маркуса и, наконец, на меня. Руки у меня были скованы наручниками за спиной, на носу болталась повязка, а на шее наливался красный рубец в том месте, где Маркус прижарил меня тазером. У Генри было несколько помощников, но Маргарет работала при нем секретарем уже не один десяток лет и, надо думать, была в курсе его дел. Так что моему виду она удивилась не больше, чем если бы я напялил разные носки.

— Мне воды, — подал я голос.

— Я буду «Арси-колу», — сказал Генри.

— А мне ничего, спасибо, — в тон ему молвил Маркус.

Маргарет вернулась минуту спустя с заказанными напитками и поставила стакан воды со льдом передо мной на стол, за которым Дэвис проводил совещания. Какая, в самом деле, разница — бизнес-встреча тут происходит или удержание заложника!

— Почему бы тебе не снять с него наручники? — предложил Генри Маркусу, и тот высвободил мне руки.

Дэвис жестом предложил мне присесть за стол, на то самое место, с которого он обычно руководил заседаниями. Я опустился в кресло, положил руки на стол и спросил:

— Чего вы от меня хотите?

— Ничего особенного, — ответил Генри и легонько похлопал меня по руке. — Я хочу, чтобы ты вернулся. Разумеется, ты пытался разыграть из себя героя, и это вполне понятно. Я ведь тебе уже говорил: большинство людей мнят себя честными лишь до тех пор, пока не узнают — как ты, например, уже начал узнавать — реальную цену этой самой честности. Я не вправе тебя обвинять, что ты начал за мной шпионить, — я и сам в твои годы пытался убрать с дороги своих боссов, чтобы самому обосноваться на вершине. И кстати, не без

успеха, — ухмыльнулся он. — В тебе я вижу много своих черт, Майк. Когда кто-то — а здесь таких по пальцам перечесть — однажды узнаёт весь масштаб наших устремлений, то первая его реакция — или сбежать, или попытаться нас остановить. Люди думают, что руководствуются некой особой моральной устойчивостью, на самом же деле ими движут всего лишь страх, неуверенность и недостаток воли.

— А на какое конкретно место вы метите в этих своих устремлениях? — съехидничал я.

— Ты умный мальчик и, полагаю, уже знаешь ответ на этот вопрос, — сказал Дэвис. — Мне принадлежит столица. Всех наделенных в ней властью мужчин и женщин я собрал в свою коллекцию, как бейсбольные карточки. И в этом не было ничего особо сложного. Когда-то человеком можно было завладеть, поймав его на том, что он изменил жене или получил взятку в десять тысяч баксов. Теперь же никого ничем не удивишь! Сенатор легко отряхнется от супружеской измены, дав пресс-конференцию и с месяц отмолившись в церкви. Стыд и срам, право слово! Увы, мы живем в эпоху девальвации. Надо сказать, я вовсе не сторонник грубых методов. Но с тех пор, как мелкие выигрыши перестали кого-либо шокировать, мы вынуждены были поднять наши ставки... И теперь, по сути дела, — продолжал Генри, — я и есть правительство. Я держу в руках власть — причем без всей той шелухи, которая обычно ей сопутствует. Кто будет разбираться в деталях! — махнул он рукой. — Я добивался этого долгие годы, и Хаскинс должен был стать последним элементом. Все пошло не так, как я планировал, но, думаю, тот, кто его заменит в Верховном суде, будет сговорчивее. Как наш работник, ты уже успел пожать плоды моих стараний — и что-то я не заметил, чтобы ты особо любопытствовал, откуда берутся эти деньги. Ты не можешь выбирать, Майк: ты уже ввязался в грязное дело.

— А если я скажу «нет»?

Генри хохотнул.

— Я вижу, у тебя еще сумбур в голове. «Нет» попросту невозможно. Здесь не спрашивают: да или нет. В какой-то момент ты сам запросишься обратно. Всякий рано или поздно ломается, — сказал он и взглянул на Маркуса.

Тот стоял, уставившись на собственные ноги. Интересно, сколько уже десятков лет Генри держит его в кулаке?

— Вопрос лишь в том, — продолжал Дэвис, — какой рычаг воздействия надо к тебе применить.

— Типа убить меня?

Генри даже огорчился:

— Почему-то именно это в первую очередь приходит людям в голову. Ну никакой творческой искры! Страх смерти отнюдь не самый сильный из возможных страхов. Большинство людей с этим не согласны, однако они предпочтут смерть предательству, стыду, страданиям любимых людей. Возможно, даже публичному выступлению. Вопрос в том, чтобы понемногу подбрасывать им то, что мы называем стимулами, в порядке усиления, а потом сидеть тихонько и выжидать, как долго продержится наш объект. Завораживающее занятие, честное слово!

— И как глубоко я завяз?

— Ну, мы начинаем с малого. Сперва забираем у человека его работу, состояние, репутацию. Если он боится стать преступником — пусть на следующем шаге весь мир начнет считать его убийцей или насильником. Затем мы отбираем тех, кого он больше всего любит. Энни, к примеру.

— А вот и нет, — встрепенулся я. — Если вам продал меня Ривера, значит, Энни этого не делала. Она меня знает, и она ни за что бы не купилась на ту требуху, которой вы кормите копов.

— Чего тебе тут непонятно, Майк? Дело же не в том, Энни тебя спалила или Ривера. Всякого можно купить. Что касается Риверы — я ведь честно предупредил, что он продаст тебя за хорошую цену, — вот только не упомянул, что покупателями будем мы. Знаешь, почему он тебя сдал? Я тебе по-дружески, конечно, скажу по секрету: ему очень нужны деньги на гранитные столешницы. А вот с Энни... Уильям, — обратился он к Маркусу, — включи запись.

Маркус пихнул сбоку в ноутбук полученный от Джеральда диск и развернул ко мне экран. На записи оказалось видео. Энни сидела на том же самом месте, где сейчас сидел я. Судя по ракурсу съемки, камера была установлена где-то на одной из книжных полок. Я кинул взгляд на стеллаж.

— Ты ее не увидишь, — хмыкнул Дэвис.

Тут до меня запоздало дошел весь отвратительный смысл того, что я видел на мониторе у Джеральда в камере:

— Вы следите за сотрудниками через лэптопы и мобильники тоже?

Генри ослабился. Он легко мог «писать» своих работников со всего выдаваемого им оборудования. Я даже видел, как неуклюже переваливается по коридору Джеральд, плотоядно пялясь на проходящих мимо женщин, особенно на Энни. Меня аж в дрожь бросило при мысли, что он мог видеть подробности моей частной жизни.

Дэвис кивнул на лежавший передо мной ноутбук. На записи он одет был точно так же, как и сейчас.

— Это утренняя запись, — пояснил Генри. — Энни к нам пришла.

— Я подумала о том, что вы мне сказали вчера вечером, — обратилась Энни на экране к Генри и Маркусу. — Я хочу помочь. Когда Майк вчера ко мне явился, у него был такой жуткий взгляд... Я очень испугалась, думала, он хочет меня убить. Правда то, что о нем говорят? Он действительно опасен?

— Очень, — ответил ей Генри.

Довольно долго она задумчиво глядела в стол, потом снова посмотрела на Дэвиса:

— Как я могу помочь вам его остановить?

У меня непроизвольно сжались кулаки:

— Это чушь собачья!

Но Маркус шикнул на меня.

— Сейчас будет лучшая часть записи.

— Майк сообщил мне кое-какие вещи о вашей с Маркусом работе, — сказала Энни на экране. — Может, мне еще не представилось шанса в полной мере оценить размах деятельности «Группы Дэвиса». Я хочу помочь вам найти Майка и рассчитываю, что вы предоставите мне возможность проявить себя в более секретных и прибыльных областях.

Дэвис встал у Энни за спиной и положил ей руки на плечи.

— Я сделаю все, что надо, — напряженно сказала она.

— Ах ты, ублюдок! — кинулся я на Дэвиса.

Маркус сцапал меня за плечо и, буквально ввернув пальцы мне в мышцу, стиснул нерв у кости. Дикая боль пронзила всю руку.

Я плюхнулся обратно в кресло, и, пока я остывал, Маркус не сводил с меня настороженного взгляда.

— Видишь, как это делается, Майк? — улыбнулся Дэвис. — Шаг за шагом, мы понемногу повышаем степень воздействия. И надо сказать, с тобой мы еще только начали. В какой-то момент ты проглотишь свою гордость и сдашься. Если ты сделаешь это сейчас, я все тебе верну: деньги, работу, уважение в обществе, свободу — всю ту жизнь, к которой ты всегда стремился. Спаси себя и тех, кого ты любишь. Работай со мной. Скажи, что сообщил тебе Хаскинс перед гибелью. Где улика?

Я улыбнулся. Генри явно зацепило.

— Я знаю кое-что такое, чего не знаете вы. И это вас уничтожит.

— Это и тебя уничтожит, Майк. Не будь таким самодовольным.

— Это верно, — вздохнул я. — Вы убили журналиста?

— Пирсона? — Генри провел пальцами по шраму на горле, который я впервые заметил еще в Гарварде. — Я кое-что потерял в тот день, — сказал он с раздражением, — и хочу это вернуть. Ты даже не представляешь, Майк, какую опасную игру ты затеял. Просто скажи, где она. Если ты не скажешь, все будет жутко и отвратительно.

— Вы станете меня пытаться?

— Причем всякими разными способами. В твоей глупой голове, надо думать, уже что-то нарисовалось? Небось дыба?

— Да нет, я представил, как Маркус разрядит мне в башку стартовый аккумулятор.

Генри вздохнул:

— Чего ты можешь не бояться, Майк, так это полиции. Пожизненный срок или смертельная инъекция были бы наиболее легкими вариантами. Ну а если б я хотел какой-то дикой кровавой резни, то отдал бы тебя Радомиру.

— Драговичу?

— Ну да. Ты, вероятно, был слишком занят, чтобы рассмотреть вопрос под этим углом. Ты ведь грохнул дочь боснийского палача.

— Он же военный преступник.

— Он весьма солидный военный преступник. Едва война закончилась, он прибрал собственность проигравшего диктатора и начал расширять классы в Гарвардской бизнес-школе. Ему страшно понравилось то, что мы называем «установившейся практикой», и он

применил ее для реального устрашения людей. Как-то раз Радо прочитал в «Экономисте» об одном девятнадцатилетнем военачальнике в Сьерра-Леоне, который любил закусить сердцем своего противника, полагая, что это сделает его то ли невидимым, то ли неуязвимым, то ли еще что-то в этом духе. Радомир увидел глубокую связь между тактикой того молодца и своим растущим синдикатом по торговле людьми. Однажды он пригласил к себе на ужин всех своих конкурентов, кроме одного, и прямо на их глазах употребил сердце того, неприглашенного — главного своего соперника по бизнесу.

— Приготовив его в «Су виде», под вакуумом, — добавил Маркус.

— Несколько театрально, на мой взгляд, — продолжил Генри, — но цель была достигнута. Радо даже написал тематическую работу по исследованию психопатической жестокости. Торквемада,^[63] У Цзэ-Тянь,^[64] Саддам Хуссейн — он отбирал самых колоритных деятелей. Кстати, сейчас Радо в Америке — разыскивает человека, который убил его дочь. Тебя то есть. И то, какие ужасы зреют в его голове, просто за пределами воображения.

— А как же экстрадиция? — спросил я. — Он бы не рискнул показаться в Соединенных Штатах. Он ведь может попасть под суд. Ведь поэтому вы таскали меня в Колумбию?

— Я думал, ты сделаешь нужные выводы. Однако ты прав: только сумасшедший станет рисковать своей торговой империей, чтобы отомстить за дочь, которую считал шлюхой. Хотя Драгович — весьма нестандартный индивид. Мы с Маркусом — нормальные американские «хомо экономикус». И как бы отвратительно все это ни было, мы всегда руководствуемся наибольшей для себя выгодой. А Драгович — хитрый и коварный тип, живущий кровью и гордыней. Он нелогичен, и, честно говоря, строить с ним какой-то бизнес для меня еще тот геморрой. С ним я вообще не советую иметь дело. Он рискнет каждым заработанным пенни, рискнет своей жизнью, всем, чем угодно, лишь бы тебя заполучить. Для него единственный способ вернуть себе честное имя — это предъявить твой труп.

— От ваших угроз никакого толку, — сказал я. — Хаскинс ничего мне не сказал.

— Грубо играть проще всего, Майк. Драгович пользуется топором — мы же предпочитаем скальпель. Ты правда уверен, что хочешь

рискнуть теми, кого ты любишь?

— Энни ушла, мамы нет в живых. Кто еще остался?

— Доминион-драйв, пятьдесят два пятьдесят один, — подсказал Генри.

Адрес отца.

— Вы про того мужика, что бросил нашу семью? Неужто вы этот вопрос заранее не проработали? Меня больше не волнует, что с ним случится. — Конечно, мое отношение к отцу после его освобождения стало гораздо теплее, но ведь Генри не мог об этом знать.

— Мне принадлежит вся твоя жизнь, Майк, — правда, ты лишь сейчас об этом узнаешь. Вот почему я выдернул тебя из Гарварда. А скажи-ка мне, парень, почему такой прожженный аферист, как твой отец — большой специалист в своем деле, — вдруг ни с того ни с сего заинтересовался квартирными кражами? И зачем он полез грабить пустой дом?

Я аж выпрямился в кресле. Я и сам всю жизнь задавался этим вопросом.

— Видишь ли, Майк, я не единственный человек, совершивший убийство.

— Это вы о чем? — не понял я.

— Перри. Джеймс Перри — это имя тебе ни о чем не говорит?

Так звали давнего маминого шефа.

— Мы были хорошо с ним знакомы, — продолжал Генри. — Нормальный продажный политикан. Партийный босс от штата Виргиния. — Нависнув надо мной, Дэвис вперился мне в глаза. — Твой отец убил его.

— Это невозможно, — невозмутимо ответил я.

У отца было правило: никакой жестокости. Он заявлял всякому, с кем собирался на дело, что никто не должен пострадать.

— Это была не квартирная кража, Майк. Твой папаша полез к нему в дом, чтобы замести следы. Неужели такая мыслящая личность, как ты, ни разу не попыталась соединить концы с концами?

— Ну и зачем ему это было надо? — усмехнулся я в лицо Дэвису.

— Вероятно, пытался защитить свою семью.

В своем загадочном объяснении событий той злополучной ночи отец употребил именно это выражение.

— Кроме всего прочего, Перри имел твою матушку, — сказал Дэвис. — Разве кто-то мог его в этом обвинить?

Я метнулся через стол к Генри, и Маркус молниеносно вцепился мне в ремень. Извернувшись, я ударил его ногой в физиономию, угодив пяткой в бровь. Обернувшись на мгновение к Маркусу, я заметил краем глаза неясное движение — Дэвис ребром ладони, точно стальной арматуриной, ударил мне в дыхательное горло. Этого я никак не ожидал: не думал, что Генри станет сам мараться.

От удара я начал задыхаться. Маркус оттащил меня обратно, поддержнул за плечи и приковал наручниками к стулу.

Поначалу было не очень больно — только казалось, будто в горле что-то отошло или порвалось. Будто он ударом перебил там какие-то хрящи. Я чувствовал, что горло стремительно опухает.

— Я полагаю, мы оба с тобой знаем, что на убийства нет срока давности, — вновь подступил ко мне Дэвис.

— Я ни черта вам не скажу, — огрызнулся я с непривычным присвистом.

Медленное неотвратимое отекаание горла казалось ужасным — как будто Генри, даже пальцем не двинув, душил меня все сильнее и сильнее.

— Сейчас тебе перекроет трахею, Майк.

— Компрометация и давление, — прохрипел я и улыбнулся. — Не срабатывает, Генри. Полный обломисиус. И так будет всегда. Я еще тебя сделаю.

Взглянув на Маркуса, Генри рассмеялся.

— Ты умеешь лишь то, чему мы сами тебя научили. Хотя еще один урок мы для тебя припасли. Это правда, что такого рода принуждение — шантаж, вымогательство, как хочешь назови, — делает плохую репутацию.

Дыхательное горло, казалось, сузилось до булавочного отверстия, в голове разрасталась странная легкость.

— Но это лишь потому, — продолжал Генри, — что совсем немногие люди обладают необходимой решимостью. Ты должен быть готов принять все это до конца — и жестокость, и убийства.

Все вокруг как будто начало куда-то ускользать, я стал проваливаться в черноту.

Генри быстро вытащил из моего стакана еще не дотаявший лед, завернул в носовой платок, запрокинул мне голову, ухватив прямо за волосы, и приложил к горлу холод. Почти удушенный, я уже балансировал на грани беспамятства. Спустя мгновение, длившееся целую вечность, я наконец смог втянуть немного воздуха в измученные легкие.

— Отведи его вниз, — велел Генри Маркусу. — И скажи Мэгги, пусть подаст мне чай.

Меня заперли в пустом кабинете, снабдив ледяным компрессом для снятия отека. Я лежал на полу не шевелясь, надеясь, что горлу вскоре станет лучше. Спустя некоторое время мне и впрямь полегчало. Через час я уже мог безболезненно делать небольшие вдохи.

За дверью переминался охранник, вдобавок я знал, что через вмонтированную в потолок камеру где-то в своей камере за мной наблюдает Джеральд.

Обследовав кабинет, я надавил в одном месте на стену — под рукой она слегка спружинила. Наружные стены особняка «Группы Дэвиса» большей частью были из кирпича, оштукатуренного снаружи и обшитого деревом изнутри. Да хоть и из железобетона — для моих целей это все равно не играло никакой роли. А вот когда большое пространство здания делили на кабинеты, наверняка применяли стандартный современный вариант стального каркаса с гипсокартоном. Позорище, конечно, с архитектурной точки зрения, но для меня — то, что надо.

Такое я видел сплошь и рядом — особенно в ту пору, когда промышлял воровством. Некоторые идиоты выложат две тысячи баксов за сверхнадежную железную дверь с суперсекретным замком — и впердолят ее в стену, которую можно пробить крепким ударом кулака.

Прикинув размер стены, осмотрев хорошенько дверной проем и выключатели, я за несколько минут точно определил, что прячется здесь, под широком. Еще учась в колледже, я подрабатывал плотником, собирая каркасные дома под нещадным солнцем Флориды, и успел изучить особенности типовой электропроводки.

Теперь надо было подождать, пока спадет отек на горле. Какой смысл сбегать, если от удушья можно вырубиться в любой момент?

Наконец, более или менее придя в себя, я привалился спиной к стене возле двери и локтем пробил гипсокартон. Хотя я и ошибся с пробоиной на несколько дюймов, но все равно сумел дотянуться до кабеля и резким рывком выдернуть его из распределительной коробки. Мне нужен был черный провод — обычно именно черный бывает под напряжением. Я ткнул провод в замочную скважину в дверной рукояти — в качестве заземления я рассчитывал использовать топтавшегося снаружи охранника.

Произведенный мной шум должен был насторожить парня — чего я, собственно, и добивался, — а может, даже вызвать у него испарину, что снизит сопротивление кожи и увеличит силу тока.

Ручка на двери подергалась. Коридор огласился воплями.

Я отдернул от рукояти черный провод, плечом распахнул дверь и, выскочив наружу, уложил на пол еще трясущегося от полученного разряда охранника. Вполне, на мой взгляд, честная расплата за то, как Маркус приложил меня своей игрушкой в музей. Я завел парню руки за спину и, обшарив его карманы, нашел гибкие наручники и связку ключей. Я стянул ему запястья и напоследок вытащил из-за ремня полицейскую дубинку.

Шум стоял такой, будто сюда, вниз, бежала целая толпа людей. В конце коридора с глухими, без окон, кабинетами был тупик. Пробежав вперед, я стал соваться в каждую дверь и наконец укрылся в последнем кабинете, выбрав его потому, что уловил там за стеной еле слышный, низкий вибрирующий звук, который дал мне приблизительное представление о том, где я нахожусь.

Разумеется, я оказался в ловушке, однако я был не из тех, кого способен остановить какой-то несчастный архитектурный план. Я хорошенько ткнул дубинкой в гипсокартонную стену кабинета и, навалясь, потянул вниз, проделав в гипроке щель высотой фута в три. Затем отступил на шаг вбок и параллельно прорвал вторую, после чего лихим приемом пожарника выбил ногой проход в стене.

Через проделанную дыру я просочился в тот коридор, по которому меня тащил Маркус, когда мы только сюда приехали. Выскочив в дверь, я оказался на подземной парковке. После минутного бега мне едва хватало воздуха — он словно втягивался в легкие через мятую соломинку. На связке ключей, отобранных у охранника, я нажал кнопку снятия сигнализации — в ответ приветливо чирикнул «вольво-

вэгон» последней модели. Очень даже неплохо для наемного головореза. Когда речь шла о безопасности, Генри явно не скупился.

Выезд с паркинга перекрывали раздвижные стальные ворота, но сейчас это была не самая большая моя проблема: с минуты на минуту здесь мог появиться Маркус со своими архаровцами. А потому, включив заднюю передачу, я даванул на газ, метя в ограждение у двери, через которую я только что выскочил. Два-три раза вметелившись в него задним бампером, я покорежил железяку как надо, причем очень вовремя: в дверном окошке вскоре показались мордороты-охранники — однако завалившаяся, пожеванная ограда не позволяла им открыть дверь.

Тут звякнуло стекло, и через дверное оконце просунулся ствол. Я оценивающе посмотрел на стальные ворота. При прорыве наружу действуют те же законы, что и при взломе.

К слову сказать, есть немало грабителей, обчищающих ювелирные магазины. Так, одна банда под названием «Розовые пантеры» успела наварить пятьсот миллионов долларов, промышляя в двадцати странах мира. Они не запускают никуда хитрые крюки с захватами, не ползают по воздуховодам, не взламывают сейфы — отнюдь. Эти умники угоняют с парковок при дорогих торговых центрах машины с движком помощнее и вламываются на них в оконные витрины ювелирных магазинов. Грубо, но эффективно.

Раздвижные ворота впереди выглядели внушительно, и мысль через них ломануться мне как-то не очень понравилась... Но, черт подери, что со мной сделается-то в «ВОЛЬВО»?

Втопив газ до полика, я успел разогнаться до сорока пяти миль в час — и машина вметелилась в ворота. Внутренности чуть не вылетели у меня из горла, по лицу шлепнуло «торпедой». Салон окутался облаком пыли, и как-то гадостно запахло. Закашлявшись, я вывалился из машины и пополз по бетону. Из носа текла кровь, лицо сильно саднило в том месте, где шваркнуло подушкой безопасности.

Ворота перенесли удар намного лучше — хотя и помялись настолько, чтобы я мог без особого труда через них улизнуть. Скрикошетив от машины, совсем близко от моей головы пронеслись пули, подняв в солнечной полоске фонтанчики пыли. Взявшись за край створки, я сумел отогнуть ее настолько, чтобы получился проем над

землей размером в локоть — как раз под помятым крылом, — и прополз через эту дыру, едва не ободрав бока об острые края.

Район Адамс-Морган находился всего в двух кварталах отсюда, и, как всегда, там полно было чернокожих таксистов. Видок у меня, конечно, был как у черта из преисподней, но вторая двадцатидолларовая бумажка убедила-таки водителя отвезти меня как можно дальше от «Группы Дэвиса».

Глава двадцать вторая

Генри едва не сломил меня в кабинете, вывалив разом столько дряни: Энни меня предала, Ривера продал, мать, как выяснилось, изменяла отцу, а тот вообще оказался убийцей. В каком-то смысле Дэвис даже сделал мне услугу, доказав без всяких сомнений, что моя мечта о честной, правильной жизни несостоятельна, так что теперь я мог не раздумывая послать эту самую мечту куда подальше. Хаскинс был прав: Генри подмял под себя закон, а значит, я имею полное право пустить этот закон побоку. И да поможет мне врожденный криминальный талант!

Первым делом я заехал домой. Грабить собственный дом, конечно, еще то извращение — особенно когда напротив припаркована полицейская машина. Но после того, как Генри замучил меня рассказами о жутком поступке отца и о Драговиче, который якобы меня повсюду ищет, чтобы сожрать мое сердце, полиция беспокоила меня меньше всего на свете.

Как и многие неблагонадежные люди, я, в свою очередь, тоже не шибко доверял банкам, а потому хранил шесть тысяч баксов в старом, красном с золотом сборнике по уголовному праву, распихав сотенные купюры между страницами. Улизнув от Генри, я забрал из дома деньги, смену белья, костюм, а также раздолбанный в хлам ноутбук, который служил мне еще до Дэвиса, и скрылся незамеченным.

Я знал, что использование кредиток или банковских счетов тут же выведет на меня и Дэвиса, и полицию. А значит, чтобы выкрутиться, мне придется воровать. Вопрос был, разумеется, чисто практический, но этим дело не исчерпывалось. Я представлял, с каким облегчением вздохнет один отмотавший двенадцать лет экземпляр, узнав, что я вернулся в мир криминала.

Некогда мой излюбленный способ угонять машину был таков. Сперва я лениво прогуливался мимо моечного бокса — парни оттуда вечно выскакивают, покончив с работой, чтобы обхаживать следующую тачку. Сперев ключи от какой-нибудь дорогой модели, я неторопливо вышагивал туда-сюда, нажимая кнопочку дистанционного открывания единого замка и заодно отыскивая свой

новый транспорт, потом саделся за руль и был таков. Люди, пользующиеся ручной автомойкой, обычно являются обладателями очень дорогих колес. Так и на этот раз я увел «Инфинити V8» от вашингтонского «Арт-клуба».

Времена меняются, и ныне округ Колумбия буквально наводнен красными глазками камер наблюдения и патрульными машинами, отслеживающими все просекающие мимо номерные знаки. И те и другие легко могут засечь угнанный автомобиль, так что мне требовалось избавиться от «инфинити» как можно скорее. Мне нужна была «чистая» тачка, «чистый» мобильник, «чистое» оружие и кое-какие другие предметы первой необходимости. Так что по большому счету мне нужен был этакий «бандитский гипермаркет» — и я даже знал, где его найти.

Через сорок минут я подъехал к заболоченной части парка Манассас близ Оккокуанского водохранилища. Припарковался за углом окруженного чахлыми деревцами куонсетского ангара из гофрированного алюминия. Огляделся, нет ли полиции, и, никого не обнаружив, направился к задней двери с йельским висячим ударопрочным замком. С этой штуковиной я хорошо был знаком, хотя и проковырялся с ней целых две минуты, пока не открыл.

Внутри гаража оказался настоящий рай для воров. По стенам были аккуратненько развешаны всевозможнейшие причиндалы домушников: съемники цилиндров, наборы отмычек, даже гидравлические ножницы и бензорезы, способные за минуту проделать отверстие в бетонной стене. В застекленных шкафчиках я обнаружил с полдюжины сотовых телефонов и прибрал себе парочку, убедившись в наличии туристической сим-карты.

Вскрытие оружейного сейфа, огромного, как целая кладовка, отняло у меня немного больше усилий, чем хотелось бы. Но, учитывая тот арсенал отмычек, что имелись в гараже, это был всего лишь вопрос времени. Внутри хранилось с десятков «длинных стволов», даже две винтовки «M16», обе с переводчиком огня, установленным на автоматическую стрельбу. Это было бы чересчур уж в духе Чарльза Бронсона,^[65] на мой взгляд. Я прихватил парочку девятимиллиметровых пистолетов «беретта» — на таких меня натаскивали на флоте.

— Почему бы тебе не взять еще и «Эн-ка сорок пять»? — раздался голос за спиной. — «Девятка» может не справиться с работой.

Я обернулся с пистолетом у бедра, крепко сжав рукоять. Передо мной стоял улыбающийся Картрайт. Он указал на дальний угол гаража — там находился датчик движения и видеокамера, так хорошо спрятанные, что я не заметил их при входе.

— Тихая тревога, — пояснил Картрайт. — Когда ты в последний раз сюда лазил, ее тут не было.

— Извини, — смутился я. — Я боялся, за тобой будут следить, и за отцом тоже.

— За ним следят. Меня пока миновало. Твоя тачка у ангара?

— Ага. Точнее, не совсем моя.

— Могу обменять на десятилетнюю «хонду-сивик» с «чистыми» номерами.

— Спасибо.

В обычных обстоятельствах такой обмен был бы далеко не равноценным, но сейчас я не видел других вариантов. Картрайт всегда оказывался там, где в нем возникала острая нужда, и неизменно извлекал выгоду из чьей-то беспомощной ситуации.

Эта сцена была странно похожа на ту, когда я первый раз столкнулся с Картрайтом. Нынче он уже вторично застучал меня в своем гараже — в первый раз мне было шестнадцать. В те далекие годы для моего брата и его дружков, малолетних преступников, гараж Картрайта был неким сказочным местом — этакой пещерой Аладдина. Как-то раз брат спросил, могу ли я снять йельский ударопрочный замок на гараже, и я ответил, что если дать мне время, то с замком я, пожалуй, справлюсь. Тогда братец стал подзуживать меня сделать это на спор. Разумеется, я согласился. Он с приятелями — в том числе с сыном Картрайта Чарли — привезли меня к гаражу и подбили снять с двери замок. Заняло это у меня тогда всего минуту.

Когда нарисовался Картрайт, все смылись, оставив меня одного в гараже. Первое, что он сделал, когда меня поймал, — это надавал хороших оплеух. Никто не знал, как Картрайт делает деньги, но все были уверены, что лучше у него под ногами не вертеться. И тут вдруг он вылавливает меня в своем хранилище оружия и всяких воровских придамбасов, выставляющих его далеко не с лучшей стороны!

— Ты знаешь, что будет с твоим отцом, когда он узнает, как глупо ты рискуешь своей шкурой, водясь с этими безмозглыми идиотами? — спросил он меня тогда.

Уставившись в пол, я лишь смущенно помотал головой.

— Как ты сюда попал? — спросил он.

Я вытащил из-за спины его замок, вскрытый и невредимый.

— Я его не сломал, — поспешно объяснил я. — И я ничего здесь не трогал. Я просто хотел знать, смогу ли с ним справиться.

— Ты его снял? — опешил Картрайт. Он уже не казался таким сердитым, а даже как будто был немного впечатлен. — Кто тебя этому научил?

— Никто. Я просто люблю разбирать замки. Забавы ради.

Учитывая, что отец сидел в тюрьме, мать, уже больная, работала на двух работах, а мой чертов братец со своими дружками служил для меня основным примером, Картрайт понял, что скоро я плохо кончу — или отправлюсь на тот свет, или тоже сяду, — хотя он и не мог меня остановить. Ведь мне нужны были деньги, чтобы оплачивать медицинские счета. И в тот день он заключил со мной сделку: он обучает меня ремеслу — для начала искусству снятия замков, — если я перестану заниматься всякой дилетантской хренью с этим малолетним ворьем из братниной шайки.

Должно быть, он меня пожалел. Или понял, что если и не в силах уберечь меня от бед, то хотя бы может научить не попадаться. Или распознал во мне не по годам развитый талант, который он мог использовать в своих целях. Как бы то ни было, Картрайт показал мне, как работают профессионалы, и научил меня всему, что я теперь знаю. И все ж таки я никогда не мог отказать своему брату — это меня в итоге и сгубило.

И вот теперь, двенадцать лет спустя, когда я дал зарок порвать с прежней жизнью, я опять оказался в его гараже и снова был пойман за руку.

— Ты в порядке? — спросил Картрайт.

Я кивнул.

— Может, тебе еще что нужно?

Я оглядел стену, пробежал глазами по полке с инструментами домушников и указал наверх, на стальную вагу с когтем на конце. Этой

штуковины я уже давненько, лет десять, не брал в руки — даже не с той ночи, когда меня арестовали, а с последней удачной кражи.

Эту приспособу, напоминающую обычный пожарный багор, мы называем «халлиганом», а также, вслед за пожарниками, «хулиганом». На одном конце — крепкий, слегка отогнутый раздвоенный клин, который можно просунуть между дверью и косяком и без труда ее отжать. На другом — загнутое острие и тесло. Разработали этот инструмент в Пожарном департаменте Нью-Йорка,^[66] но саму идею «хулигана» позаимствовали у домушников. Как гласит легенда, где-то в двадцатых-тридцатых годах прошлого века несколько пожарников ковырялись в развалинах и пепле, оставшихся от банка в Нижнем Манхэттене, который был ограблен, а потом подожжен для сокрытия улики. Грабители оставили после себя явно кованную на заказ монтажку с крюком на конце. Дымоглотам эта штука понравилась. Они сделали себе такие же, распространили по пожарным станциям — за несколько десятков лет приспособление усовершенствовалось, и теперь борцы с огнем могли всего за минуту обеспечить себе проход практически через любую дверь.

И тогда верные своим принципам домушники вроде меня слимонили доработанную идею обратно.

Картрайт снял «хулигана» со стены. Чертовски здорово держать эту штуку в руках!

— Хорошо, что ты вернулся, Майк, — пристально посмотрел на меня Картрайт.

— Передай отцу, чтобы не беспокоился. Со мной все в порядке.

— Разумеется. И не переживай, за стволы потом расплатишься.

Расставшись с Картрайтом, я отправился к автовокзалу компании «Грейхаунд», чтобы пустить ищеек по ложному следу. Я приобрел билет во Флориду по своей корпоративной карте «Американ экспресс» и еще один — до Сан-Франциско по именной банковской карте. Затем я прогулялся по залу ожидания и, точно Робин Гуд, раздал свои кредитные и дебетовые карты случившемуся там народу: белому парню с дредами и в залатанных штанах, парочке точно взрывом взлохмаченных тинейджеров, одоруку мужику, потягивающему из бутылочки торчковый сиропчик «Робитуссин» с виноградным вкусом, — после чего все ошастливленные разошлись по своим углам.

Теперь, когда я не мог рассчитывать на помощь полиции, единственной надеждой была улика на Генри, о которой сообщил мне Хаскинс. Что-то мне подсказывало, что судья не стал бы за минуту до гибели наводить меня на мужика по фамилии Лэнгфорд, если бы тот на самом деле был мертв.

Для начала мне следовало покопаться в делах Лэнгфорда, и после пятичасового сидения в Рестонской окружной библиотеке (где я и выглядел, и смердел в точности как другие населявшие это местечко бездомные, поскольку так и не успел переодеться) передо мной наконец забрезжила надежда. Адвокатом Лэнгфорда был некий господин по имени Лоуренс Катена. Живя в Грейт-Фоллз, на границе штата Виргиния, он работал выездным адвокатом в одной из элитных окраин округа Колумбия и специализировался на делах о доверительной собственности и делавэрских корпорациях.^[67] Делавэрский закон позволяет людям, живущим в каком угодно месте, регистрировать в этом штате фирму анонимно, не указывая поименно ни единого владельца или управляющего, что, конечно, привлекательно для множества фиктивных фирм и кормящихся с этого юристов. Доверительная собственность и делавэрские компании с ограниченной ответственностью просто идеальны для сокрытия активов, уклонения от налогов и тому подобных вывертов. К тому же такая корпорация обладает правом юридического лица, чем далеко не всякий может похвастаться. И супротив столь хорошо проплаченного укрывателя финансов, как Катена, у меня не было ни малейших шансов проникнуть в дела Лэнгфорда... Если только какой-нибудь местный клерк, как это иногда случается, по ошибке не выпустил секретную информацию в договорах корпорации или не засветил цепочку названий, связывающую подставные компании с теми лицами, которых они прикрывают.

И что бы я делал без моей трудолюбивой крепкой задницы! Я чуть не ослеп, пробегая глазами мелкий шрифт на мониторе, но все ж таки незадолго до того, как библиотека закрылась и меня выперли на улицу, я нашел, что искал: упоминание о передаче арендной недвижимости в Сент-Августине от Лэнгфорда в прижизненный траст.

Возможно, под занавес жизни Лэнгфорд понимал, что здоровье у него стремительно иссякает, и позаботился, чтобы дядя Сэм не наложил свою лапищу на его наследство. Однако у меня появилось

отчетливое ощущение (возможно, подпитанное моим крайним отчаянием и тем фактом, что для меня это единственный ключ), что Лэнгфорда следует искать среди живых покойников. Многие люди думают, что авиакатастрофа или срежиссированное самоубийство — лучший способ симитировать свой уход из жизни. Хотя не сомневаюсь, до очень многих вопросов хороший адвокат вроде Катены вполне может докопаться. Нет, уж лучше спокойненько залечь на дно где-нибудь во Флориде, изобразив, как Лэнгфорд, скромную кремацию.

В результате всех этих умозаключений я испытал некое самодовольство, но ничего полезного не извлек. Никто из близких родственников Лэнгфорда его не пережил, а одна из причин платить катенам всего мира по пятьсот баксов в час — в том, что они будут молчать как могила. И выцарапать какие-либо секреты из его связанных адвокатской тайной рук попросту невозможно.

Легально почти невозможно — и это слишком поздно осознал Хаскинс в своем квесте за уликой против Генри Дэвиса. Однако мне было не до щепетильности, к тому же я прихватил у Картрайта инструменты, с которыми мог проникнуть куда угодно. Хотя это был все же запасной мой план. У меня не было времени забираться в кабинет Катены и его обследовать. Я рассчитывал на куда более тонкую работу.

Я сел на хвост Катене, когда тот покинул офис, и проследил за ним до некоего дома в Джорджтауне, рядом с Дамбартон-Оукс.^[68] У парадной двери переминались слуги, изнутри доносились характерные звуки великосветской вечеринки. Я подождал, пока адвокат войдет в дом, затем проехал мимо и припарковался в тени за углом, откуда очень неплохо просматривались кухня и гостиная.

Вскоре я позвонил Катене на сотовый и, глядя в окно, стал ждать.

— Ларри Катена, — взял он трубку.

— Мистер Катена, добрый вечер, — заговорил я. — Прошу прощения, что беспокою вас так поздно. Это Теренс Далтон из канцелярии главного судмедэксперта. У нас тут есть тело, и его опознали как... — Я прикинулся, будто зачитываю: — Карл Лэнгфорд. Дата рождения: пятнадцатого марта сорок третьего. Мы искали его ближайших родственников и выяснили, что вы были его поверенным.

— Боюсь, вы ошиблись. Карл Лэнгфорд мертв.

— Ну да, я знаю, — сказал я, словно раздражаясь. — Потому-то я вам из морга и звоню.

— Вы нашли в окружном архиве заключение о теле Карла Лэнгфорда? — В его голос закралась озабоченность.

— Да, и вдобавок несколько кредиток и еще кое-каких вещей. Не могли бы вы утром приехать на опознание тела?

— Хорошо, буду, — ответил он.

Я назначил ему время, продиктовал номер телефона и простился. Уж не знаю, купился ли Катена на мою байку, но это было и не особо важно. Это была старая уловка мошенников, желающих вызнать у людей какие-то сведения. Вы кому-нибудь звоните и сообщаете, что, согласно каким-то удостоверяющим личность документам, найденным при трупе, у вас в морге лежит на льду его жена или дочь. Когда человек впадает в истерику, вы его чуть охлаждаете, описывая тело, не соответствующее его близкому, — обычно весь этот спектакль называется «Мертвая негрityанка». От таких потрясений — сперва от ужаса, потом от облегчения — жертвы, как правило, теряют бдительность и выдают желаемую информацию — номер карточки социального страхования или имя с адресом, — которая якобы поможет исправить недоразумение. Я прекрасно знал, что Катена не станет давать мне нынешний адрес Лэнгфорда, но это и не важно. Мне нужно было, чтобы он связался с Лэнгфордом, и я решил, что умертвление одного из его «мертвых» клиентов — верный способ выяснить, жив-здоров ли тот.

Через окно я увидел, что адвокат отступил в сторонку и позвонил кому-то по мобильнику. Отлично!

Вот теперь-то я и облачился в свой чистый костюм. Я достаточно много времени вращался в вашингтонских высших кругах и мог свободно явиться на любую вечеринку и подделаться под гостя. Если бы я только знал, как это просто, еще лет десять тому назад! Вместо того чтобы вскрывать двери и спускаться в квартиры с крыш, я мог бы просто зайти на любое сборище, сказав: «О, приветик, я друг Джона по работе», угоститься бурбоном, обсудить сериал «Полиция Нью-Йорка» или какие-нибудь уже заплесневевшие политические сплетни, а потом незаметно скользнуть в спальню и не спеша рассовать по карманам драгоценности.

Примерно так я и пробрался в дом, где нынче увеселялся адвокат. Это был красивый особняк в стиле колониального возрождения с колоннами на крыльце. Мероприятие обслуживала та же фирма, которую нанимала «Группа Дэвиса» для рождественских корпоративов, а это был добрый знак. Я взял с блюда каре ягненка и стал высматривать среди собравшихся Катену. Будучи людьми воспитанными, гости старались не глазеть на парня с повязкой на носу.

Наконец возле лестницы я углядел адвоката — он как будто был немного не в себе — и приготовился его обчистить. Когда он завернул за угол, я попятился прямо на него и, натолкнувшись, буквально рассыпался в извинениях.

— Ничего страшного, — буркнул Катена.

Я поставил на столик свой бокал и поскорее сделал ноги. Я боялся, что мои навыки карманной чистки за годы загубели. Мне даже показалось, он почувствовал, как кто-то тянет у него мобильник, но Катена, похоже, ничего не заметил — или так был поглощен последними новостями о всплывшем в окружном морге теле Лэнгфорда.

Порывшись совсем немного в «Гугле», можно найти секретную последовательность кнопок, позволяющую обойти пароль на айфоне. Все, что мне было нужно, — просмотреть последние вызовы Катены. После того как я сразил его звонком «из морга», адвокат позвонил некоему лицу, обозначенному в списке как «МТ» с кодом восточной части штата Мэриленд. Мне даже не понадобилось прогонять его номер по базе данных: адрес человека был указан в списке контактов. Частный дом престарелых на Восточном побережье под названием «Кловер-Хиллз». Я тут же нашел его на спутниковой карте с адвокатского телефона: симпатичное местечко, даже с полем для гольфа.

И в тот же вечер я уже стоял в глубоком бункере, карауля грин^[69] у семнадцатой лунки в Кловер-Хиллз. Сквозь завесу мороси я вглядывался через бинокль в дом престарелых. Старые воровские шмотки — толстовка с капюшоном и крепкие канвасовские джинсы — оказались в самый раз, когда я отправился совершать налет на это учреждение. Через окно спальни я вскоре вычислил Лэнгфорда — того самого человека, о котором говорил мне Хаскинс как о ключе к улике против Дэвиса. С торчащими из груди трубками, выглядел тот,

конечно, не лучшим образом — но все ж таки был достаточно бодр для покойника.

С помощью верного «хулигана» я осторожно отжал замок на раздвижной двери, ведущей во внутренний дворик, и едва не разбудил Лэнгфорда, забравшись к нему в комнату. К тому времени как мужик очухался, его руки были уже аккуратненько примотаны липкой лентой к оказавшимся весьма кстати перилам на его специальной медицинской кровати. Старые воровские причиндалы в руке придавали мне уверенности при всей сомнительности моего положения: одетый точно вор-душитель, я стоял над связанным, насмерть перепуганным стариком, прикованным, как я догадался, к аппарату диализа.

Агрегат медленно качал кровь, прогоняя ее через множество различных пластиковых сосудов, после чего она струилась по трубкам обратно к кровати Лэнгфорда и возвращалась в тело через катетер в грудной стенке. Казалось, будто кровь поступает из трубки прямо в сердце.

— Тебя прислал Генри Дэвис, — произнес старик.

Я пока не знал, на чем мне лучше сыграть — то ли на страхе Лэнгфорда перед Дэвисом, то ли на ненависти к нему, — а потому решил: пусть старик сам гадает.

— Мне нужно узнать о Хэле Пирсоне, — сказал я.

Лэнгфорд облизнул пересохшие губы, уставившись в потолок.

— Генри его убил, — сообщил он. — Если ты меня убьешь, улика будет предана огласке. А теперь будь так любезен, сними с моих запястий эту чертову ленту и дай мне поспать. Хватит того, что я прикован к этой вампирской хренотени, чтобы еще кто-то отнимал мое время своими дурацкими вопросами.

— Что за улика?

— Да уж достаточная.

— Что конкретно?

— Иди ты к своей едрене матери!

Возможно, он непроизвольно выдал это ругательство, но уж точно выбрал неудачное время и не того человека, чтобы такое брякнуть. После разговора с Генри тема матери была для меня пока что слишком болезненной.

Я проследил глазами, как качнулся насос и красная влага побежала на новый цикл. Трубки, по которым бежала кровь, скреплялись лишь маленькими зажимами, больше ничем. Я проверил, не соединен ли монитор аппарата с чем-нибудь — будь то телефон или интернет, — что дало бы знать санитарке, случись что с Лэнгфордом. Ничего такого я не заметил. А телефон я уже отложил на стул, подальше от зоны досягаемости.

Я шагнул к аппарату. Несколько раз повернуть рукоятку помпы, зажать трубку — и жизнь Лэнгфорда я буду держать буквально двумя пальцами. Я буду неторопливо спускать ему кровь, сливая ее на пол, на коричневый, во всю комнату ковер...

Никакой жестокости. Это был единственный закон, что уважал мой отец. Единственное, за что я никогда его не осуждал. По крайней мере, до сегодняшнего дня. Нынче я уже и сам не знал, во что мне верить, — отец-то, оказывается, и сам убийца.

Эта пульсация диализного аппарата была как нельзя более созвучна моему настроению в последние дни. С того момента, как Генри оплел всю мою жизнь ложью, свалив на меня обвинение в двойном убийстве, я даже получал удовольствие от этого невольного возвращения на темную сторону бытия — там украл, тут побил копа. Что мне терять? Я мог бы показать Генри, как он во мне ошибся. Мог бы применить его последний урок, использовать тот против самого же Дэвиса. У меня было желание довести принуждение до абсолюта, до наихудших форм насилия.

Я видел влажный блеск в глазах Лэнгфорда, видел его взгляд, когда я коснулся костяшками пальцев середины насоса, почувствовав пульсацию аппарата, прохладную гладкость пластика под рукой...

Я уронил руку. Нет, это не для меня. Это просто невысказано. Генри может меня достать, устроив охоту, использовав отца как приманку, настроив против меня Энни, пропустив через мою башку ток аккумулятора, отдав на растерзание Маркусу. Или он может просто спокойно сидеть, с удовольствием созерцая, как я разлагаю сам себя, пытая немощного старика и становясь тем самым маленьким и злобным солдатиком, которого он как раз и хотел из меня сделать. Если я сейчас выпущу кровь из этого черта Лэнгфорда, далеко ль мне будет тогда до лагеря Генри?

Я отступил от аппарата.

Лэнгфорд долго, изучающе на меня смотрел.

— Значит, ты хочешь его остановить, — сказал он наконец и издал что-то среднее между вздохом и смешком. — Я всегда питал слабость к дурачкам. Так что тебе надо узнать?

Я склонил голову набок.

— Если б ты работал на Генри, — рассудил он, — я бы сейчас ничемным бревном валялся у твоих ног.

Это меня пристыдило. Я сомневался, что порядочность вообще как-то вписывалась в Дэвисову программу «Деньги, Идеология, Компрометация/давление, Самомнение». К тому же все, что я знал о Лэнгфорде, намекало, что он так же попался на крючок, как и прочие вашингтонские деятели. Но своим эгоистическим нутром я понимал, что, не убив этого старикана, я кое-чего добился. И я не собирался это упускать.

— Где улика? — спросил я.

Он пристальнее взгляделся в мое лицо.

— А ты тот самый парень, что грохнул судью Верховного суда и его девицу?

— Так говорят, но, думаю, вы догадываетесь, кто за этим стоит.

Он поглядел на мои ноги:

— А что с твоими туфельками?

Похоже, в прессе долго пережевывали подробности моего побега из здания «Группы Дэвиса».

— В них быстро не побегаешь, — усмехнулся я. — Так что у вас есть на Генри?

— Ну, суть тебе известна. В семьдесят втором году он убил журналиста.

— Почему?

— Пирсон раскопал грязные делишки Генри. Ты знаешь про Гордона Лидди, Джона Митчелла?^[70]

— Разумеется.

— А про операцию «Джемстоун»?

— Слышал про такую.

— «Уотергейт» был лишь верхушкой айсберга. Лидди напланировал кучу совершенно безбашенных операций, как то: закидать бомбами Брукингский институт, или подмешать в еду

Эльсбергу^[71] ЛСД, или похитить детей у активистов и вывезти в Мексику.

— Но ему так и не дали зеленый свет.

— Нет, конечно! Кто ж даст Лидди зеленый свет! Генеральный прокурор Митчелл сказал ему что-то вроде «спасибо, не надо» и пожег все флипчарты с расписанной на них белибердой. Лидди был злобный гнус, мнивший себя тигром, полный отморозок — потому-то ты о нем и слышал. Он попался. Но ты никогда не слышал о роли «Группы Дэвиса» в таких же точно преступных сговорах, потому что Генри Дэвис — решительный, безжалостный и в высшей степени сведущий молодчик, который скорее извинится за последствия, нежели спросит о чем-то разрешения. По сравнению с тем, что проделывал Дэвис, предлагавшаяся Гордоном Лидди экстремистская хрень столь же невинна, как срывание предвыборных плакатов. Думаю, ты хорошо представляешь, на что способен Генри... В молодости Дэвис подавал большие надежды. За два года он продвинулся от мелкого помощника, отвечающего на звонки, до фигуры номер один в Комитете по переизбранию президента. Это казалось невозможным! Некоторые даже начали поскорее завязывать с ним знакомство, полагая, что сейчас он без пяти минут конгрессмен, а там кто его знает. Карьера этого парня была стремительна, как ракета. Но тут появился Хэл Пирсон и начал все разнохивать, выстраивать полную картину его грязных делишек. Таким образом, Пирсон угрожал восхождению Дэвиса. И угрожал всей выборной кампании. Вудворд с Бернштейном^[72] — эта парочка столичных журналистов, которым повезло, — всего лишь поскребли поверхность. Пирсон же готов был обвалить всю столицу... Узнав, что Пирсон изучает его дела, Дэвис отправился прямо к нему домой, в Маунт-Плезант. Пирсон, наверно, ожидал какого-нибудь грубого давления, ругани, возможно, даже угроз в свой адрес. Но он никак не думал, что Дэвис сам к нему заявится. Уж не знаю, что там сказал ему Генри, но подозреваю, что Пирсон — этот большой выпивоха с очень крутым нравом — не лучшим образом воспринял слова Дэвиса. Короче, дело дошло до потасовки, и на следующий день Пирсона нашли в его квартире задушенным, с кровавым месивом вместо горла.

— И Генри там оставил улику? — спросил я.

— Да, — ответил Лэнгфорд. — Полицейские извлекли из горла Пирсона драный кусок его уха.

Вот и объяснение шраму на шее у Дэвиса.

— Понятно, что Пирсон не собирался отъедать ему ухо. В драке он едва не убил Дэвиса и повредил тому гортань, должно быть тоже пытаюсь его задушить. Вот откуда у Генри этот жуткий шелестящий голос.

— И как Дэвис из всего этого выкарабкался?

— Он изрядно пострадал, и начальство хотело даже похоронить его карьеру, как можно скорее выслав Генри из Вашингтона. Они отправили его к черту на кулички, дав ему пост военного атташе в Люксембурге и вдосталь времени, чтобы полностью зажило ухо. Дэвиса не было в Штатах где-то полгода, ну, может, год. Для любого другого это был бы конец пути — но только не для Генри. На своей правительственной карьере он мог, конечно, ставить крест — но Дэвис всегда был таким маниакальным субъектом. Он оказался настоящим собирателем чужих грехов. Многие молодые выскочки вроде него были бы счастливы тереться возле боссов, исполняя их распоряжения, радовались бы случаю перекинуться несколькими словами с министром юстиции. Но Генри всегда все планировал и рассчитывал, и когда пришло время, он был во всеоружии.

Лэнгфорд кивнул на липкую ленту на своем запястье:

— Может, я уже заслужил, чтобы ты избавил меня от этой дряни?

Я тут же высвободил ему руки.

— Спасибо. — Лэнгфорд прерывисто вздохнул и продолжил: — У Генри имелись улики. Каждый приказ, что он получал от своих начальников, всякое грязное дело, в котором те отметились, — все было зафиксировано у него в документах. И когда его шефы попытались от него избавиться, толкнув под автобус, он был готов к действию. С ними начали происходить всякие скверные вещи. Он действовал собранными им тайнами точно скальпелем — и одного за другим вырезал всех. Это было невероятно! Будучи в изгнании, он сокрушал всякого, кто пытался перебежать ему дорожку. Это была настоящая бойня, из которой он один вышел целым и невредимым. Ну, почти невредимым. После года безвестности он вернулся в политику совершенно темной личностью. Думаю, тогда-то он и понял, что может обладать невидимым могуществом, играя на нужных струнах...

Когда-то он успешно продвигался, стремясь к процветанию, пытаясь угодить своим шефам. Он был убогий бедняк, грезивший лишь о собственном кабинете и о большущем доме. Эта испортило Дэвиса и стоило ему карьеры в правительстве. И вот, вернувшись, он словно посвятил свою жизнь тому, чтобы доказать всем и каждому: любого честного человека, даже всю столицу целиком, можно купить, все они не лучше, чем он сам... Одновременно он еще и делал себе деньги. Мало-помалу он отгрохал целую империю. Начал с того, что стал проверять чистоту различных кампаний, копал под соискателей на пост вице-президента, членов кабинета министров — да кого угодно. Он зарывался куда глубже, чем это требовалось по долгу службы, и если кто-то из кандидатов вдруг пытался его остановить, о его тушке вскоре сообщали на первой полосе «Вашингтон пост». В какой-то момент Дэвис просочился в Федеральное бюро расследований. А ты знаешь, эти ребята проверяют подноготную всего правительства и могут выяснить, кто из высших деятелей прибежал к помощи ЦРУ, чтобы потопить своих коллег. Для Дэвиса это был просто золотой прииск. Следующим шагом он дотянулся до молитвенных групп. Это началось в восьмидесятые. Как-то внезапно всякое авторитетное лицо в округе Колумбия раз в неделю перед завтраком стало ни с того ни с сего исповедоваться в своих глубоких тайнах. Предполагалось, что это святая святых, что все откровения строго конфиденциальны, — однако я чертовски уверен, что у Генри везде были свои уши.

— Так что все-таки насчет улики? И насчет этого убийства? — спросил я. — В горле убитого обнаружили большой ошметок уха, так? Тут же все яснее ясного!

— Ты прав. Но политиканы прижали местную полицию. Папка с материалами дела, включая полицейский отчет и саму улику, то есть кусок уха, вдруг исчезла. Согласно официальной версии, Пирсон был убит грабителем. Должно быть, кто-то решил, что, выкупив эти материалы у копов, он сможет обуздать Дэвиса. Но он ошибся... Во-первых, эта папка имела очень высокую цену. Кроме того, воздействие на Генри должно было быть абсолютно безошибочным. Папка с уликой исчезла, когда Дэвис жил за океаном, и поначалу он был не в курсе, что таковая существует, и тем более не знал, у кого она. Когда он сделался сильнее и те господа, что пытались ему помешать, сгинули, обладать тем предметом, ради которого Генри мог и убить,

казалось уже далеко не лучшей идеей. Соответственно, цена упала. В конечном счете эта папка оказалась в руках у одного моего приятеля, Джеймса Перри, партийного босса от Виргинии. Джеймс оказался достаточно труслив — а может, и достаточно благоразумен, — чтобы ее припрятать. Он не стал ее уничтожать на тот случай, если вдруг на него наедет Генри, а просто ее «похоронил».

Я глубоко вдохнул. Джеймс Перри был тот самый человек, который, по утверждению Генри, спал с моей матерью и которого предположительно убил мой отец. Мама работала у Перри секретарем. Так что теперь вся эта Дэвисова канитель касалась лично меня, моей семьи и моего прошлого. Железным усилием я взял себя в руки. Прежде всего мне непременно нужно было завладеть этой уликой против Генри. Вопрос о том, что связывало моего отца с Дэвисом, куда поодждет.

— Где теперь эта папка?

Лэнгфорд издал горький смешок.

— Тут как раз самое интересное. У Перри на стороне была компания-подрядчик, занимавшаяся строительством и ремонтом. Приятели задавали ему много работенки в правительстве. У него был доступ в половину правительственных зданий Вашингтона. И он спрятал папку с уликой чуть ли не у всех на глазах — в одном из архивных хранилищ, какие у федералов повсюду. Целые мили запыленных полок! Вроде бы и на виду — но если не знаешь, на какое имя положена туда папка, ты никогда ее не найдешь.

— И где этот архив?

— Пенсильвания-авеню, девятьсот пятьдесят.

— Погодите...

— Ну да, ты верно понял.

— Министерство юстиции?

— Так что желаю удачи!

— И он никогда не называл вам, под каким именем?

— Нет. Он никогда никому и ничего не говорил. Все, что я тебе рассказал, он выболтал мне в минуту помутнения, когда мы надрались с ним на гольф-пикнике в Миртл-Бич. Только вот мое неведение ничуть не поможет, когда Генри меня таки найдет. Уверен, он прекрасно проведет время, потягивая «Арси-колу» и глядя, как Маркус вырезает из моей кожи лоскутки размером в почтовую марку, пока я не

назову им имя, которого в жизни не знал, или же не скопычусь от потери крови. Только Перри знал стоявшее на папке имя, а он уже шестнадцать лет как мертв.

— Кто его убил? — спросил я. Дэвис-то говорил, это сделал мой отец.

— В официальной трактовке — хулиганское нападение. Ди-Си порой очень опасное место для тех, кто сумел что-то разнюхать. Лично я всегда думал, что каким-то боком за этим стоит Дэвис.

— А вы когда-нибудь слышали от Перри о женщине по имени Карен Форд?

— Думаешь, это она его убила? — усмехнулся Лэнгфорд. — Ну, разве что доведя до спермотоксикоза. Хотя не смею его осуждать, — поспешно добавил он.

— Вы ее знали?

— Я только слышал о ней от Перри. Говорил, очень миленькая женщина. Наивная дурочка, хлопочущая о муже-уголовнике. Перри думал, что она работает на него, надеясь его как-то подмаслить, чтобы он помог очистить мужу его тюремное досье, поручиться за него. Джеймс, до самого конца играя свою роль, дурил ей голову и как-то раз даже попытался затащить ее в Пэлисейд. Там у его приятеля имелся дом, куда Перри ездил с кем-нибудь перепихнуться... А почему ты о ней спросил?

— Это была моя мать.

Лэнгфорд втянул сквозь зубы воздух и поморщился:

— Ну, если тебя это утешит, я никогда не слышал, чтобы она согласилась. Знаешь ли, Перри любил активных девчонок, которые сами навязывают свои прелести. К тому же он совсем не умел держать язык за зубами. Если б что было, я бы наверняка об этом узнал.

Я промолчал.

— Ну что, я тебе — ты мне. Думаю, тебе знакома такая игра. Скажи-ка теперь: как ты меня нашел?

— Малькольм Хаскинс навел.

— А как он разузнал, что мне известно про улику против Дэвиса?

— Этого он мне не сказал, — пожал я плечами. — На самом деле у нас было очень мало времени на разговоры перед тем, как Дэвис его грохнул. Вы из-за Хаскинса решили исчезнуть?

Лэнгфорд кивнул:

— Хаскинс начал приставать ко мне с расспросами. Я, конечно, прикинулся, будто не понимаю, о чем речь. Но когда у члена Верховного суда засело в голове непременно вытрясти из тебя показания, наиболее удачный вариант — просто умереть. И если Хаскинс узнал, что мне известно про улику, то не сомневаюсь, что это же в конце концов выяснил бы и Генри — а далее по сценарию с «Арси-колой» и нарезанием лоскутков. Вот потому я бежал и попытался спрятаться. Слушай, а эта катавасия с Дэвисом нужна лично тебе?

— Да, и чем больше я узнаю, тем сильнее руки чешутся.

— Он предлагал тебе сделку?

— Предлагал, — кивнул я. — Что странно — он хотел, чтобы я вернулся. Из всех вариантов он, казалось, предпочел бы видеть, что я подчинился и безропотно его терплю.

— И ты отказался.

— Я заехал Маркусу ботинком в рожу и попытался задушить Генри.

— Славно, — оценил Лэнгфорд и тут же поправился: — Хотя с точки зрения мудрости выживания это была полнейшая дурь. Тебе следовало пойти на сделку, это было бы разумно. Я сказал «славно», потому что мне приятно видеть, когда этим ребятам дают по ушам. Единственное, что сейчас на твоей стороне, так это то, что Дэвису очень трудно общаться с неблагоприятными людьми. Впрочем, независимо от того, кого он «обрабатывает», Генри каким-то образом умудряется найти достаточно убедительный довод, чтобы навязать свою волю.

— Потому вы и стали со мной говорить? Вы считаете, я смогу с этим справиться?

— Нет. Тебе следовало бы сказать Дэвису «да». До конца недели ты в лучшем случае уже станешь трупом. Я говорю с тобой потому, что если меня нашел ты, то отыщет и Генри. Я без пяти минут покойник. Так лучше спокойно уйти, сделав всего одно нужное движение, нежели сидеть ждать вторника с лазаньей.

Лэнгфорд обвел глазами комнату, задержался взглядом на пейзажах, что висели на стене на гвоздиках. Бог знает сколько людей смотрели на эти картины с той же самой постели, понимая, что медленно умирают. У меня возникло ощущение, что уже очень давно

Лэнгфорд согласился на сделку с Дэвисом. И вот в финале он здесь, в одиночестве, под чужим именем.

Глава двадцать третья

Через Картрайта я передал отцу сообщение, чтобы он нашел меня там, где однажды потерял. «Катлэсс» подполз по разбитой грунтовке и припарковался возле бейсбольного поля. Назначая с отцом встречу, я, конечно, рисковал, причем не только собой, однако я должен был убедиться, что с отцом все в порядке, и предупредить, что Генри явится к нему.

«Хулигана» как опознавательный знак я поместил у задней стенки поля, сделанной из рабицы. Однажды, когда мне было десять, отец оставил меня на этом самом поле, будучи уверен, что мама после матча уже отвела меня домой. Когда стемнело, сюда пришли местные ребята, мы сыграли в бейсбол, потом в догонялки, затем по очереди стреляли друг в друга шариками из детской пневматички... Прежде я никогда не видел отца испуганным, но в ту весеннюю ночь, ища по окрестностям своего сына, он от страха побелел, точно призрак.

Таким же встревоженным он был и в этот раз.

— Ты в порядке? — спросил он.

Он окинул меня взглядом, словно подводя итог этой пакостной недели: на лице яркая ссадина, на горле (которое так и не пришло в норму) темный пятнистый синяк плюс заметная хромота после недавнего «краш-теста». Глубокая рана на бедре после посещения загородной резиденции Хаскинса уже успела зарости коростой и дико чесалась. Это, впрочем, было неплохо: значит, заживало.

— Да, — ответил я.

— Но могло бы быть и лучше?

Я кивнул. Отец меня обнял.

— «Хвоста» за тобой нет? — спросил я.

— Нет. Давно уже не могу этим похвастаться. А может, просто не заметил. Это ты тот тип из новостей, что двоих уколошил?

— Нет, — мотнул я головой.

Меня так и не называли в прессе как главного подозреваемого в двойном убийстве. Думаю, Генри специально так все обставил, чтобы я оставался инкогнито, рассчитывая залучить меня обратно. И подвести под меня еще один рычажок.

— А копа каблуком ты тюкнул?

— Да, но только чтобы сбежать. Все прочее — сплошная подстава.

Похоже, отца это ничуть не удивило.

— За тобой следят? — спросил я.

Он кивнул:

— Периодически заезжают копы да еще какие-то качки, явно из частной охраны, всё паркуются напротив трейлера. Я звякнул в полицию, оставил сообщение, что тут за мной подглядывают какие-то мастурбирующие извращенцы, и тихонько задами ускользнул, когда местные полицейские явились проверить вызов. Кстати, твои друзья Дэвис с Маркусом тоже ко мне наведывались.

— Они тебе угрожали?

— Да, причем таким утонченным способом: дескать, если Майк станет с ними работать, то забудет про все свои неприятности. Хотели, чтобы я им помог.

— И что ты ответил?

— Ну, сказал, что с тобой давно не говорил, но подумаю, что можно сделать. Я решил, что лучше держать их на крючке, пока не сориентируюсь в ситуации, нежели с ходу посылать их ко всем чертям. Если мы хотим их развести, надо стараться поддерживать в них интерес.

— Это ты убил Джеймса Перри?

— Да, — без колебаний ответил отец. — Они тоже мне это припомнили. Они что, пытаются этим тебя подковырнуть?

— Ага, они хотят, чтобы я помог им затереть лапкой, что они убили судью Верховного суда и девушку.

— Тогда сдай им меня. Мне-то к тюрьме не привыкать.

Я посмотрел на кривой шрам на его щеке. Кто-то в заключении трясущейся рукой раскроил ему рот шире — страшно и представить. Нет, за меня он не должен расплачиваться. Свое он уже откуковал.

— Я в это ввязался, пап. И если меня ждет поражение — я его приму. Скажи, зачем ты убил Перри? Ты работал на Дэвиса?

— Нет. До этой недели мы ни разу с ним и не встречались.

— Тогда почему?

— Я этого не хотел, — пожал плечами отец. — Помнишь Перри? Ты с ним, кажется, встречался, когда был маленький.

— Очень смутно. — Во мне шевельнулось неясное воспоминание, как однажды мы вроде ездили с ним на пикник. — Толстый такой? С жиденькими волосенками?

— Во-во. Он был такой рубаха-парень, постоянно шутил и веселился. Не знаю, где твоя мама с ним познакомилась — может, возле здания суда, — но он был важным человеком в политике. Когда я вышел после первой отсидки, она решила, что было бы неплохо с ним подружиться. Перри предложил ей место секретаря, и она согласилась... Она никогда мне об этом не говорила, — продолжал отец, — но, подозреваю, он был к ней равнодушен. И, как часто бывает с этими высокоуважаемыми господами, его доброта обернулась обманом. Он держал ее моим условным освобождением, а сам втерся к ней в доверие, чтобы попытаться ее... — Он ковырнул носком ботинка песок на площадке. — Ну, понимаешь...

Конечно, я понял.

— Я ничего об этом не знал. Может, просто был невнимательным. Однажды вечером она позвонила домой. Они с Перри возвращались с какой-то встречи. Он сказал, что ему надо еще подписать какие-то бумаги и для этого заехать к кому-то в Пэлисейд. В общем, он заманил ее туда и, похоже, начал к ней нахально приставать. Карен его как-то отвлекла и позвонила мне. Она не хотела вызывать копов, что вполне понятно. Я приехал туда на редкость злой. Перри был пьян и вел себя совершенно непристойно. Он полез на меня, и я его оттолкнул. Он споткнулся, зацепился ногой о ступеньку и упал, грянувшись виском об угол камина. Было море крови — просто хлестало. Я отправил маму домой, к тебе, а сам занялся этим Перри... Тело его я вывез на юго-восток Вашингтона и обставил все так, будто на него напали хулиганы. Так в конечном счете и решили в полиции. К тому же труп обнаружили только через несколько дней. Я же тогда вернулся в его дом, прихватив отбеливатель и перекись водорода. Это была адская работа! Я несколько часов отдраивал залитый кровью пол. А когда я все отчистил, выбросил на свалку мусор и огляделся напоследок, все ли в порядке, завывли сирены. Должно быть, кто-то все же вызвал копов. Наверно, соседям не понравилось, что я всю ночь разъезжал туда-сюда на своей развалюхе. В общем, я влип. Тогда я быстро сорвал замок и прикинулся, будто это плохо спланированное ограбление. Остальное, думаю, ты знаешь.

Почти все это он произнес спокойным голосом, то и дело озираясь по сторонам, оглядывая подступавшие к бейсбольной площадке деревья. Потом повернулся ко мне:

— Я не хочу, чтобы ты считал меня убийцей, Майк.

Профессиональный жулик, он зарабатывал на жизнь, заставляя других людей ему верить, — и я поверил в его рассказ, в то, что он защищал маму, что он не был хладнокровным убийцей. И все ж таки что-то из его истории выпало, что-то не состыковывалось.

Я промолчал. А что тут скажешь, когда обнаруживается, что отдельные факты твоей жизни вдруг оказались фальшивыми; что ты ненавидел своего отца и целых шестнадцать лет этим его мучил, потому что не знал, как все было на самом деле, а то, как тебе это излагали, было в точности до наоборот? Он никого не выгораживал и не прикрывал. И дело было вовсе не в пресловутой воровской чести. Он молчал, чтобы защитить мою мать и меня, чтобы спасти себя от смертного приговора за убийство влиятельного человека.

Мне не надо было спрашивать отца, почему он мне об этом не рассказывал. Он осуждал себя за ту ночь и не хотел меня в это втягивать. Что бы он мне сказал? «Я был облажавшийся придурок, и когда твоя мама пыталась меня из этой ямы вытащить, мои судебные мытарства — прошлые преступления, условное освобождение — сделали ее уязвимой для подонков вроде Перри». И для подонков вроде меня? Ведь когда я работал на Генри, то был, в сущности, таким же хитрым вымогателем, как и Перри. Да что уж тут говорить!

Но это было и не важно, разговаривать оказалось уже некогда: по парку зашарили лучи фонариков. Не знаю, как они сумели нас найти. Вдалеке послышалось, как захлопнулись дверцы машины и лязгнули цепочки. У них собаки! Охотники были отсюда в нескольких сотнях метров, примерно там, где я припарковал «сивик». Людей было много, и они совсем не походили на полицейских. Зажегся прожектор, но мы с отцом были уже за деревьями. Даже на бегу я смог различить их лица — среди них был и Маркус.

Мы с отцом бежали до тех пор, пока хватало ног и дышалки. Спотыкаясь и поддерживая друг друга, мы почти вслепую пробирались между деревьями. С полмили отец вел меня, разбрызгивая воду, по ледяному ручью, затем свернул под прямым

углом. Я надеялся, что мы от них оторвались, — все же у нас было изрядное преимущество.

Но тут я различил позади шорох ветвей, потом частое дыхание и, наконец, лязганье цепочек. Звуки стремительно приближались. Я понял, что это псы, хотя и не слышал никакого рычания. Наконец собачья свора материализовалась из темноты. Дюжина блестящих глаз окружила нас среди влажной листвы, заклацали острые клыки — и все это в странном молчании. У них, похоже, были вырезаны голосовые связки.

Должно быть, всегда услужливый сэр Ларри Кларк одолжил Дэвису своих собачек.

Мне довелось однажды видеть, как им приказали убить жертву. Это было еще в тот уик-энд, когда мы впервые встретились с Ларри. Псы тогда загнали возле дома кролика, и Кларк отдал команду. Тут же вместо собак перед нами оказалась лишь неясная груда мускулов с оскаленными белыми зубами. Когда они закончили и разбрелись с окровавленными мордами, у кролика был вид как после блендера.

Собаки окружили нас, и воцарилось зыбкое зловещее спокойствие: стоит одному кинуться — сорвутся и остальные. При мне был «хулиган», и минуту-другую я смог бы отбиваться от псов, но тогда нас бы мигом обнаружили. Готовый драться, я крепко держал инструмент в руках острием наружу.

Один из доберманов кинулся на меня.

— Фу! — раздался за моей спиной голос; собаки послушно отступили.

Я обернулся. Надо мной на поваленном дереве стояла Энни. Видимо, ее тоже включили в поисковый отряд.

— А это еще кто, черт возьми? — спросил отец.

— Моя подружка.

— Хорошенькая.

— Спасибо.

— Как у тебя, кстати, с этим?

— Да уж явно не очень.

Я еще мог перенести, что Энни меня продала и украла мою работу, но чтобы моя бывшая девчонка меня конвоировала, а потом наслаждалась тем, как меня будут убивать... Да, дорогая, ты победила! Твоя взяла. В том смысле, что всему теперь полный трендец.

Энни вошла в кольцо свирепых псов, приблизилась ко мне. В принципе, я вполне мог бы огреть ее «хулиганом»... Но она была такая очаровательная — рука не поднималась отправлять ее в нокаут.

Девушка бросилась ко мне в объятия, потом вскинула голову и поцеловала:

— Ты цел!

Я-то цел — мысли вразброс. Теперь я уже совсем не понимал, что происходит.

— Они здесь будут в любой момент, — выпалила она и, взяв за руку, потянула меня назад.

— А что насчет той записи, что Дэвис мне показывал? Ну, когда ты была в его кабинете? Ты на него работаешь?

— Что ты, Майк, нет! — Отстранившись, Энни взяла меня за плечи и посмотрела в глаза. — Я только подыграла Генри, чтобы выяснить, правда ли то, что ты мне говорил.

— Ну и?

— Я следила за ним. Теперь я тебе верю, Майк. Но я должна была в этом убедиться. Все это звучало как чистое безумие. Не мог же ты думать, что я просто проглочу эту историю с убийствами и подставами, никак не перепроверив. Ты классный парень, Майк, но сам посуди — на свете столько всяких чокнутых!

Ну да, я не мог ее за это осуждать.

— Я вошла в поисковую группу, чтобы найти тебя раньше, чем они тебя убьют. Я на твоей стороне, Майк, я помогу тебе с ними справиться.

— Против Генри есть веская улика, — быстро заговорил я. — Я даже знаю, где она. Это папка — но, чтобы остановить Дэвиса, нам надо узнать имя, стоящее на папке. Без этого имени у нас никаких шансов.

Отец всмотрелся в тени, замелькавшие между деревьями.

— Энни, приятно было с вами познакомиться. Вы, кажется, очень милая особа, но, боюсь, нам надо поспешить.

Энни обернулась, тоже посмотрела вглубь парка. Я решительно взял ее за руку:

— Я не могу отпустить тебя обратно к нему. Он же чудовище.

— Ты ни за что Генри не одолеешь, если не будешь иметь своего человека в его тылу. Это единственная возможность.

— Энни... — Я перевел взгляд на отца.

Да, она права: если она побежит вместе с нами и Дэвиса никто не дезориентирует, он переловит нас всех. Тогда я велел ей взять у меня один из мобильных, чтобы она позвонила, когда будет в безопасности, и я смог ее найти.

— Двигайтесь к автостраде, — показала она туда, где вдалеке что-то желтовато светилось. — А собак я поведу в другую сторону.

Она снова меня поцеловала и побежала было в обратном направлении, но спохватилась:

— погоди! Они не поверят, что ты вот так, чудесным образом, исчез.

Мы все трое переглянулись.

— Ударь меня, — потребовала Энни.

— Что? — ошалел я.

— Ну, кто-то из вас. Слегка, но чтобы след остался. Не то получится, что вы просто взяли и ушли. Они тогда все поймут, и мы все будем в заднице.

У отца на лице было написано, что он просто благоговеет перед ее хитроумием.

Она посмотрела на меня.

— Энни, я не могу...

— Вот черт! — Она зажмурила глаза и крепко съездила себе кулаком по верхней губе и носу.

— Боже! — кинулся я к ней.

— Ну, как смотрится?

Кровь засочилась между передними зубами, показалась капелька из ноздри.

— Жуть.

— Отлично.

— Ты в порядке? — глупо спросил я.

— Угу. А теперь бегите.

Отец потянул меня прочь, и мы помчались к автостраде.

— Женись на этой девчонке, — посоветовал папаша на бегу.

— Да ну тебя!

Пробежав с полмили, мы юркнули в кульверт под насыпью дороги и по нему пробрались к дальнему углу полупустой парковки у придорожного супермаркета.

— Ты знаешь, как угонять машины? — спросил отец.

— Да с полтычка, — ответил я и жажнул «хулиганом» по окошку у переднего пассажирского сиденья «фольксвагена»-седана.

Затем подсунул острие в щель у бардачка, выломал крышку, выхватил оттуда «Руководство по эксплуатации», пролистнул... Ничего.

Тогда я выбил окошко у соседней «ауди» и повторил всю процедуру.

— Это содержится в «Руководстве»? — повел бровями отец. В его снисходительном тоне отчетливо слышалось: чёй-то не то ты, парень, делаешь.

— Да, — ответил я и выудил из книжечки «валет-ключ». [\[73\]](#)

Когда покупают новую дорожную тачку, этот ключ обычно бывает подклеен к последней странице «Руководства по эксплуатации», и зачастую люди просто забывают его оттуда извлечь. И в самом деле, кто ж читает инструкцию по использованию автомобиля!

Я поскорее отпер двери, кинул отцу:

— Забирайся!

Мы рванули с парковки и понеслись проселками в сторону фермерских угодий. Возбужденные погоней, мы оба до сих пор тяжело дышали, кровь отчаянно пульсировала в жилах.

— Надо ж как, — подал голос отец. — А я уж было заскучал по адреналину.

— Я тоже.

— Правда, мне жаль, что все хотят тебя убить.

— Признателен, — хмыкнул я. — Спасибо, что рассказал мне о Перри и о том, как все было. Извини меня. За всё.

— Теперь ты знаешь, почему я так и не раскололся. У меня прямо гора с плеч свалилась. Было очень тягостно таить это от тебя.

И теперь, окончательно поняв друг друга, мы взялись за дело, точно давние сообщники.

Глава двадцать четвертая

Мы оттащили в хибару коробку с провизией и походную газовую плитку. Стены там были покрыты какими-то бессвязными сумасшедшими граффити: «Я никогда не пытался мучить свою мать», «На меня надевают наручники», «Эти люди сдирают мне кожу»...

— Кто это тебе тут так украсил? — спросил я Картрайта.

— Да в прошлом году наркоман бездомный кантовался.

Это был затерянный среди холмов трехкомнатный домик за окраиной Лисберга. Картрайт, у которого оказалось куда больше приработка на черном рынке, нежели я мог себе представить, держал его на случай, если возникнет нужда в серьезной собственности.

— Откуда ж тогда такой запах? — поморщился я.

Сложное амбре немытого тела и грязных носков шибало в нос.

— Приютил на прошлой неделе девятнадцать сальвадорцев.

Я не стал расспрашивать детали.

— У тебя все при себе? — уточнил я у Картрайта.

Он извлек из сумки шесть консервных банок — я собирался готовить чили, — затем достал конверт. В нем лежал тяжелый золотой значок с орлом наверху. В середине значилось: «Комитет по контролю за оборотом алкоголя, табачных изделий и огнестрельного оружия», над ним шла надпись «Министерство юстиции», а снизу — «Специальный агент».

Я глянул на часы. Энни уж два часа как должна была появиться. Я еще не видел ее со вчерашней нашей пробежки по вечернему парку. Конечно же, Маркус с Дэвисом вычислили ее двойную игру, и теперь она либо мертва, либо того ужаснее... Они бог знает что могли с ней сделать.

Отец уже несколько часов сосредоточенно изучал синьки с подробными чертежами здания Министерства юстиции. Исходя из того, что сказал мне Лэнгфорд, мы сумели определить в подвальных этажах достаточно большие помещения, где и могли располагаться архивы. Там-то, вероятно, и скрывалось доказательство вины Дэвиса.

Снизу на дороге засветились передние фары. Картрайт выключил в домишке свет. Каждый занял свое место: отец с дробовиком встал у

входной двери, Картрайт и я, прихватив по «М16», разошлись к окнам.

Если они «накрыли» Энни, то она приведет их сюда.

Машина остановилась вдалеке, открылась и захлопнулась дверца. Луна в эту ночь не светила, поэтому невозможно было разглядеть, кто приехал.

— Пластик! — выкрикнула Энни.

Это был наш пароль. Я тут же рассекретился, ответив ей:

— Выпускник.

Перестрелка отменилась.

Я выскочил из дома, обнял ее, потом повел в дом.

— Тут миленько, — сказала она, войдя в нашу ночлежку, и кинула на стул жакет. — Джефффри Биллингс.

Мы с отцом переглянулись.

— Это имя на папке? — спросил я.

— Да.

Теперь у нас было все, чтобы прижать к стенке Генри. От радости я обхватил Энни, приподнял ее и закружил по комнате. Она сморщилась от боли.

— Что с тобой? — спросил я.

— Все нормально.

Хотя явно было что-то не то. Под глазами у девушки краснели круги, точно она плакала. Я осторожно закатал ей рукав, чтобы увидеть предплечье в том месте, где я ее только что схватил, поднимая. Вокруг запястья разлилась синева.

— Это Генри? Он тебя вычислил? Ты из-за этого опоздала? Он над тобой издевался?

— Нет, — ответила Энни и даже хохотнула, маскируя боль. — Нет, это не Генри. Когда он увидел мою окровавленную физиономию там, в парке, то решил, что ты пытался меня убить. Потому-то они и сбавили бдительность и при мне упомянули в разговоре имя на той самой папке. А это, — показала она на синяк, — оставил Драгович.

— Радомир? Он в Штатах?

— Да, он в Ди-Си. Когда я нынче вечером вышла из конторы, два его человека подоברались ко мне со спины, схватили за руки и затолкали в машину. Они отвезли меня в какой-то ночной клуб и завели через заднюю дверь.

Вероятно, это «Белый орел». Старинный, эклектического стиля особняк, где Александер с Мирославом вершат свои «суды» и куда как магнитом стягиваются арабские и восточноевропейские новые валюты.

— Они повели меня куда-то в заднюю комнату, — продолжала Энни, опуская рукав. Я попыталась сбежать. Тогда они схватили меня и потащили силой. Там, в задней комнате, был Драгович. Сидел обедал.

— Чего он хотел?

— Тебя. Я ему сказала, что ты исчез, и что я с ними на одной стороне, и что я работаю на Генри, а Генри сотрудничает с полицией, чтобы тебя выследить. Но, похоже, ему на это начхать. Я попыталась его охолодить — мол, Дэвис не позволит, чтобы со мной так обращались. Напомнила, какое у Генри влияние. А он ответил, что все это его ровным счетом не колышет, что он перешагнет и через Генри, и через кого угодно, причем любой ценой — если речь идет о его чести... А потом он подошел ко мне сзади, наклонился к самому уху — я даже почувствовала кожей его дыхание — и сказал: «Я любил свою дочь. Мистер Форд любит тебя. Мистер Форд убил мою дочь, поэтому я...» — Энни запнулась на мгновение. — Он не закончил фразу. Он просто сел, намазал маслом булочку, покрутил вино в бокале... — Она уставилась в пол, не в силах заставить себя продолжать.

— Что он сказал, Энни?

— Что крайний срок — завтра в восемь утра. Если к тому времени он тебя не получит, то заберет меня.

— Для чего?

Она сжала губы, закрыла глаза:

— Ни для чего хорошего.

Я обнял Энни, ее всю колотило.

— Он не делал тебе больно?

— Нет, только попугал немножко.

Я перевел взгляд с нее на отца. Они были всем, что у меня осталось, — и я подставлял их под убийство из-за своих дурацких заблуждений. Из-за своего крестового похода против Генри Дэвиса.

Дэвис ведь хотел, чтобы я вернулся. Он оказался совершенно прав: я и впрямь не знал истинной цены честности. Может, он сумел нащупать мою собственную цену?

Радо был, конечно, круче Дэвиса по части злобы и полнейшей психопатии. Но у Дэвиса все же было достаточно влияния, чтобы от него защититься. Если я сдамся Генри, то, возможно, он сумеет оградить Энни от Драговича? Разумеется, это означает, что я заложу свою душу, но уже пол-Вашингтона пошло на эту сделку. Они это пережили — переживу и я.

— Послушайте, — заговорил я, — я не допущу, чтобы вы оба страдали из-за меня. Я могу пойти к Генри, и...

Энни с отцом переглянулись. Отец закатил глаза, она презрительно фыркнула.

— Совсем не тот случай, Майк, — сказал отец. — Он же самый грозный тип в Вашингтоне — а на этот раз он сам боится. Здесь столько желающих выбраться из-под его башмака! Он говорит, к каждому можно подобрать рычаг? Так вот, мы тоже нашли на него управу. Нельзя этим не воспользоваться.

— И как мы это сделаем? — спросила Энни.

Я подвел ее к столу с чертежами.

— Это здание Министерства юстиции, — пояснил я.

Это правительственное здание являлось объектом четвертого уровня безопасности наравне с ФБР. Круче охранялись разве что ЦРУ и Пентагон. Это означало проверку идентифицирующего смарт-чипа по центральной базе данных, обязательное сопровождение посетителя на все время пребывания в здании, выявление любого незаконного вторжения, рентгеновское просвечивание и металлодетектор на каждом входе и, конечно же, замки второй группы защиты (да-да, наш старый знакомец «Сарджент и Гринлиф»).

В этом здании размещались ФБР, Федеральная служба по обеспечению безопасности авиаперелетов, кабинет министра юстиции США, Управление по борьбе с наркотиками и Федеральное управление тюрем — короче говоря, самые заклятые враги преступного мира собрались в одном удобном местечке.

— Я собираюсь туда проникнуть и выкрасть папку, — сказал я.

— А потом? — спросила Энни.

— Потом пойду торговаться с дьяволом.

У входа в Министерство юстиции стояли четыре охранника, и все при оружии. Для вящей убедительности два офицера Федеральной

службы охраны у парадной двери держали при себе по пистолету-пулемету «МП-5». Все проносимые сумки и портфели просвечивались рентгеном, люди же проходили через металлодетектор с изогнутыми дверцами, где каждого в течение пяти секунд просматривали, прежде чем разрешали пройти.

Была суббота, выходной день, и в министерстве было почти пусто. Я бы предпочел, конечно, отправиться туда в час пик, когда людская суматоха отвлекает охранников, но у нас было мало времени. Имя на улике Дэвис с Маркусом упомянули, когда при Энни заговорили о Восточном побережье. Не знаю, как они это выяснили — может быть, из украденного телефона судьи, — но было понятно, что вскоре они доберутся до Лэнгфорда. Если уже не добрались. Они без малейших колебаний примутся выпытывать у него, где улика. И как только они узнают, где хранится папка, у меня в министерстве сразу же появится компания.

На нашей конспиративной квартире Энни подстригла и покрасила мне волосы, а Картрайт сделал мой нос слегка покрупнее. Какой-то кусочек латекса — и я едва узнал себя в зеркале.

Однако вся моя уверенность в новом облике мигом улетучилась, едва я оказался возле охранников.

Когда я накануне показал отцу распечатки, он поднял меня на смех:

— Тебя что, в интернете научили, как проникнуть в Министерство юстиции?

На самом деле да. Примерно раз в пять лет ищейки из ревизионного ведомства конгресса — из Счетной палаты США — проверяют, сумеют ли они обойти охрану ЦРУ, ФБР, Министерства юстиции, федеральных судов и прочих важных государственных структур. Обычно запускают разными путями десятерых агентов с деталями настоящих взрывных устройств — и до сих пор ни разу ни одного из них не завернули на входе и не поймали. Эти ребята были так любезны, что расписали в подробностях, где и как они это проделали, и даже разместили в интернете — как специально для предприимчивых прохвостов вроде меня. Не просто же так мы платим налоги!

В конце даже отдельным пунктом объяснялось, что из-за проблем финансирования эти недостатки в ближайшее время не будут

исправлены. На что я, конечно, очень надеялся.

Охранник уставился на меня.

Видите ли, в Вашингтоне, будучи внимательным, скоро начинаешь понимать: в большинстве бюрократических структур где-то девяносто процентов всех усилий направлены на то, чтобы создать видимость того, будто что-то делается. В системе безопасности этот процент, пожалуй, даже выше. Больше охранников, больше стволов, больше преград для возможного злоумышленника. Триллионы долларов спускаются на доказательство того, что другие триллионы долларов были потрачены не даром, что на эти деньги здание наводнено вооруженными людьми. И это грандиозное силовое шоу призвано уверить посетителей и высших чиновников в том, что ничего с ними не случится.

Может, это и помогало, но по-прежнему оставалось множество способов проскользнуть мимо охраны, и эта внешняя неприступность могла иметь эффект «обратной вспышки», потому что лишь маскировала уязвимость защиты. Что мне было только на руку. С точки зрения мошенника, эту убежденность в безопасности и следовало использовать. Если люди, мимо которых надо пройти, так уверены в силе закона и оружия — значит, ты должен стать представителем этого самого закона.

Я предъявил охраннику свой значок.

— Ну, как служба? — улыбнулся я, всем своим коповским видом излучая прекраснейшее расположение духа. — Мне надо закинуть кое-какие материалы секретарю. — И приподнял свой дипломат.

Он перевел взгляд с него на мой значок и цыкнул сквозь зубы:

— Проходи.

Маленькую фомку я тщательно спрятал сбоку дипломата, чтобы проскочить металлодетекторы, но парень махнул рукой, чтобы я прошел мимо них. А если б у меня там лежала осколочная мина «Клеймор»?

И все бы ничего, если бы он не подозвал кивком сурового вида девушку — явно только после колледжа — в брючном форменном костюме. Я, конечно, ожидал, что меня будут сопровождать, но теперь задача усложнилась. В большинстве зданий четвертого уровня, если у тебя нет допуска к секретной документации и права на свободный проход, ты получаешь на все время «няньку». Один мой приятель

полгода проработал в госдепе в ожидании допуска — так всякий раз, чтобы справить нужду, ему приходилось отпрашиваться и брать с собой «чеперона».

Впрочем, это я предусмотрел. Едва мы вошли в здание, я достал мобильник и начал набивать текст (надо сказать, в Вашингтоне, если ты не пялишься постоянно, как зомби, на свой смартфон, то будешь сильно выделяться из окружающих). «Звони», — набрал я и послал сообщение.

За десять минут мы дошагали до кабинета секретаря министра юстиции.

— Вам сюда, — указала девушка нужную дверь.

Я уставился на табличку:

— Мне ж еще должны поставить печать о получении.

— Но офицер внизу сказал, вам нужно к секретарю.

— Бумаги — секретарю, а мне — печать.

— Печати ставят в службе приема и рассылки корреспонденции. — Девушка сердито засопела, но все же выдавила улыбку. — Что ж, пошли.

Мне надо было выиграть время. Я мог бы, конечно, тупо треснуть ее фомкой и оттащить в уборную, но так было куда прикольной.

Мы были на полпути от места назначения, когда вдруг завспыхивали строб-лампы и приятный женский голос в динамиках произнес: «Аварийная эвакуация! Это не учения. Пожалуйста, соблюдайте спокойствие и пройдите к ближайшему выходу. Пожалуйста, без паники. Это не проверка. Повторяем: это не проверка».

— Нам надо идти, — заметно встревожилась девушка и пулей устремилась к парадным дверям.

У самого выхода я в суматохе отделился от толпы и поспешил к лестничному колодцу.

По моему сигналу — текстовому сообщению — отец позвонил в полицию и сказал, что в здании Министерства юстиции заложена бомба. Он уже отсидел свое по тюрьмам, и я не хотел пользоваться его услугами для такого злостного преступления, как проникновение на секретный объект. Это была моя работа.

Наконец возле лестницы стало пустынно. Я фомкой вскрыл две двери, ведущие в подвал, где, по предположению Лэнгфорда, и была

спрятана улика против Дэвиса.

Здесь как будто с семидесятых годов никто ничего не трогал. Стены в хранилище были из бетона. На производственных стеллажах громоздились пыльные банковские контейнеры в четыре фута высотой. Металлические сетки делили помещение на множество клеток. Низко, над самой головой, тянулись трубы коммуникаций.

И где-то в этом лабиринте таился единственный способ спасти мою жизнь, равно как жизнь отца и Энни, — папка с именем Джеффри Биллингс. Я вошел в первый отсек и начал пролистывать хранившиеся там документы. Некоторые лежали в алфавитном порядке, некоторые нет. Я проглядел названия сбоку на контейнерах, ища подсказку об их содержимом. Там оказалась полная неразбериха: где-то указывались даты, где-то имена, где-то некие шифры. Я заглянул в каждую коробку, ища какую-нибудь папку с именем на «Б», но «Биллингса» так и не нашел.

Снаружи до меня доносился вой сирен. Времени оставалось совсем мало, до того как наряд саперов пойдет обыскивать здание. Я отстранился от происходящего снаружи, пытаюсь думать спокойно, чтобы как-то систематизировать поиски. В искомой папке лежали исследования образцов крови и отпечатков пальцев и еще куча всякой полицейской писанины — так что папочка обещала быть толстой. Я остановился посередине помещения и пораскинул мозгами, как ее отыскать.

Где-то слева от меня скрипнула дверь — я был тут явно не один. Я нырнул за поддон со стопкой коробок и внимательно оглядел хранилище. Послышались шаги — причем прямо передо мной. Я на цыпочках двинулся параллельным курсом, стараясь через щели между коробками и сквозь проволочную сетку высмотреть идущего. Наконец я увидел его лицо.

Пока за тобой охотится Уильям Маркус, уединение тебе уж точно не светит.

Я неслышно обогнул комнату, уйдя подальше от него. Мне надо было отыскать папку до того, как Маркус найдет ее — или наткнется на меня. У меня была монтажка, у него — пистолет. Я был абсолютно уверен, что он меня еще не заметил, иначе он бы уже попытался меня обезвредить.

Маркус медленно обходил зал. Сильно пригнувшись, я бесшумно пересек хранилище и замер между коробками на его пути. Воздев фомку, я ждал, когда Маркус пройдет мимо меня. Мне давался лишь один удар. Убрав Уильяма со своего пути, я мог бы сосредоточиться и найти папку с уликой.

Я весь собрался, затаил дыхание, чтобы он не смог меня услышать. Вот сейчас он вывернет из-за коробок. В любой момент... Я стиснул пальцы на монтажке, ощутив вспотевшими ладонями холод металла.

Прошло пять секунд... Десять... Двадцать...

Мимо он так и не прошел.

Что-то звякнуло в углу хранилища, и, повернув туда голову, я увидел открытый выход и коридор за ним.

Итак, Маркус ушел.

Он что, поймал меня в ловушку? Или он сам уже нашел улику? Выждав немного, я повернул за угол — и тут унюхал знакомый запах. Даже очень знакомый можно сказать, пропитавший все мое детство. Это была отдающая гнилой капустой вонь, что шибает в нос при утечке природного газа.

Маркус выбил вентиль на газовой трубе под потолком где-то в полусотне шагов от меня. Сквозь смрадный запах газа я различил еще один — горелой бумаги. Стопку коробок в противоположной стороне подвала уже облизывало пламя.

Он не нашел улику и не поймал меня. Он просто решил одним махом — одним хорошим пожаром — избавиться сразу от обеих проблем. Я мигом развернулся и побежал подальше от огня. Я был внутри одной из клеток, и, чтобы добраться до выхода, мне пришлось бы бежать мимо горящих коробок.

Послышался гул: газ воспламенился. Мимо с ревом пронеслась мощная волна, едва меня не задев. Эффектное, признаться, ощущение. Впереди, посреди металлической сетчатой загородки, оказался пустой открытый сейф — где-то четыре на четыре фута и в три глубиной. Не раздумывая, я метнулся к нему, юркнул внутрь и захлопнул дверцу.

Завеса огня проревела мимо, как выхлоп реактивного двигателя. Длилось это всего несколько секунд. Металлические стены заметно потеплели и продолжили нагреваться. Судя по звуку, огонь еще бушевал, но уже заметно тише. Я нажал на дверцу — она не

поддалась. Вот те раз! Я запер себя в сейфе. Это было что-то новенькое. Впервые в моей практике я был добычей — и должен был украсть сам себя.

В редущем воздухе даже ощущался вкус огня. Я скорчился в комок, чтобы оказаться подальше от раскаляющихся стенок сейфа.

Самая прелесть в том, что, предполагая, будто правительственный сейф взламывается за двадцать часов, подразумевают, что это делается снаружи. В темноте я пробежал пальцами по замку — механизм с циферблатом закрывался коробочкой размером с мою ладонь, и два винта с крестообразным шлицем крепили ее к дверце. Я снял их с помощью монтажки и на ощупь стал ковыряться в замке.

От дыма уже кружилась голова, пот пропитывал насквозь рубашку и затекал со лба в глаза.

Типичный замок второй группы защиты, с четырьмя дисками. Все кодовые замки — будь то дешевые типа «Мастер-ключ» или солидные для банковских хранилищ — хранят свои секреты в так называемом колесном механизме: три-четыре диска, на каждом из которых сбоку имеется зазубрина. Циферблат соединен с самым последним диском, причем от каждого колесика торчит маленький выступ, «кулачок», и устроено все таким образом, что когда ты четыре раза прокручиваешь «очистить», то на самом деле цепляешь все четыре диска за их выступы. Когда, вводя код, циферблат доводишь до нужной цифры, а затем крутишь обратно, то оставляешь диск с его зазубриной под металлическим штырем, называемым «барьером». Если крутить циферблат взад и вперед в соответствии с правильным кодом, все четыре зазубрины совпадают, «барьер» опускается и оттягивает задвижку.

Уже чувствуя запах собственных опаленных волос, я погрузил покрасневшие пальцы в механизм, старательно нащупывая зазубрины на дисках. Это было ужасно, я задыхался и обжигал руки.

Я установил первый диск, затем второй. Воздух сделался невыносимо горячим. Этот огнеупорный сейф стал для меня печью. Я провернул третий диск до нужного положения, затем четвертый. Слава богу, на тот момент, когда я открыл дверцу, огонь малость опал, и я не загорелся, точно факел.

Когда я открыл дверь, комната была вся черная, рядом плясало пламя. Я пополз по полу, накиннув на голову рубашку и увлажнив ее,

насколько смог, слюной.

Огонь опалил мне кожу, дыхание, даже по полвдоха, обжигало, но я все же добрался до выхода, захлопнул за собой дверь и, спотыкаясь, добрал до лестницы. Через окна я увидел, что комната сплошь затянута темным дымом и огнем. Документы горели, и тайна Генри горела вместе с ними. Едва я взошел по ступеням, давлениеросло, оконные стекла разлетелись вдреизг, и жадные языки пламени глотнули воздуха, рассчитывая превратить все вокруг в пепел. Улика против Генри — единственное средство воздействия на этого монстра, его единственная ошибка и мой единственный шанс — исчезла навсегда.

Я вскарабкался по ступеням, подальше от пекла, и лишь теперь смог хоть как-то отдышаться. Сквозь дым впереди показалась красная размазанная табличка с надписью «выход», которая по мере моего приближения становилась все отчетливее. Наконец я надавил на поручень тяжелой двери и, шатаясь, выбрался через задний выход, подставляя лицо солнцу, которое совсем недавно уже и не рассчитывал увидеть вновь.

Я наслаждался свободой... пока не опустил взор и не увидел целый легион полицейских, пожарников, медиков «скорой помощи», штурмовиков-спецназовцев, фэбээровцев, который разом ломанулся в мою сторону. Казалось, каждый житель столичного региона, имевший пару рабочих брюк, короткую стрижку, пошлые усы или мигалку, нынче осаждал это здание на Пенсильвания-авеню — и теперь все они гигантской волной устремились ко мне. Точно армия зомби-полицейских из неотвязного ночного кошмара!

Первый подбежавший взял меня за руку.

Все, конец. Я был в розыске, и меня поймали копы, которых непременно подкупит Генри, если уже не подкупил. И я только что наблюдал, как горел мой единственный козырь. Я приподнял руки, сдаваясь.

— Парень, ты в порядке? — спросил мужик и тут же закричал: — Освободите проход! Фельдшера сюда! Мы нашли его, слышите? Мы его нашли!

Похоже, они беспокоились о пропавшем агенте Комитета по обороту наркотиков, алкоголя и оружия, то бишь обо мне. Они помогли мне пройти через волнующуюся живую стену ограждения, что стояла вокруг здания министерства, точно габион на пути взрыва.

Взгляды стольких вылупившихся на меня субъектов из разных правоохранительных органов доставляли куда больше беспокойства, нежели моя обожженная кожа. Прикрыв рот рукой, я жестом показал нехватку воздуха. Тут же принесли баллон с кислородом, уложили меня на каталку. Я надеялся, что кислородная маска, опаленные волосы и сажа на лице позволят мне выиграть немного времени, прежде чем меня узнают. Увы, латексная накладка на моем носу давно отвалилась или расплавилась.

Фельдшеры «скорой» обложили меня пакетами со льдом. С полдюжины пострадавших так же получали медицинскую помощь — одни сидели на поребрике, другие лежали на траве.

И тут я увидел Уильяма Маркуса — тот болтал с одним из копов, изучающе разглядывая всякого, кто выходил из здания. Человек в штатском ему кивнул, велел заграждению расступиться... И Маркус направился в сторону машин «скорой помощи», то есть прямо ко мне.

Мое ухищрение со значком Комитета по наркоконтролю могло прокатить перед копами, но уж никак не перед Маркусом. Я надеялся, что мне вдруг сделается хуже — шок, остановка сердца, что-то еще, — отчего меня упрячут в «карету» и увезут подальше, но я не мог сам вызвать медицинский кризис или имитировать отказ своих жизненно важных органов.

Маркус между тем двигался прямехонько ко мне. Лежа на каталке, я уставился вверх, моля небо, чтобы он прошагал мимо.

Однако до меня он так и не дошел. Когда я снова глянул в его сторону, Маркус уже топал обратно — его поманил к себе Генри Дэвис. Обменявшись парой фраз, они направились через Пенсильвания-авеню к человеку, стоявшему возле черного седана. Вместе с ним они забрались в машину и укатили.

Этим человеком был мой отец.

Глава двадцать пятая

Медики доставили меня в университетскую больницу Джорджа Вашингтона. В переполненном приемном покое творилась суматоха, и пока дожидались, когда прикатят аппарат ЭКГ, я сумел благополучно ускользнуть. Вернувшись на место преступления (вот уж воистину мой новый бзик!), я забрал от здания министерства свою машину и отправился выяснять, во что, черт возьми, ввязался мой папашка.

Когда я утром уходил на дело, мы с отцом договорились: я сделаю всю тяжелую работу, а он останется прикрывать тыл. Но похоже, мне все же следовало помнить: никогда не верь на слово мошеннику. Спасибо, конечно, что он спас мою задницу, но теперь я вовсе не был уверен, что смогу спасти его.

Я домчался до особняка «Группы Дэвиса», проехал мимо, поглядывая на окна Генри. Когда меня доставляли к нему связанным, шторы были сдвинуты — теперь же окна оказались не завешены, в его кабинете не было никого.

«И что ты собирався тут делать, Майк? — спросил я себя. — Напасть на зловещий замок, явившись туда таким рыцарем в сияющих доспехах, оттяпать Генри голову и спасти отца? Чушь какая».

Я долго грыз ногти, прикидывая так и сяк, что делать дальше, когда зазвонил телефон.

— Майк? — раздался в трубке голос отца.

— Ты где? — встрепенулся я. — Ты в порядке?

— В «Бюджет мотор инн», есть такой мотель на Нью-Йорк-авеню. Не в лучшем виде, но, по крайней мере, сбежал. Ты на тачке?

— Уже еду. Ты в опасности?

— Да вроде нет. Но чем скорей, тем лучше.

Отец всегда держался стойко, а потому его расстроенный голос с каким-то тревожным напряжением меня сильно взволновал.

Я поспешил на Нью-Йорк-авеню. Район этот я хорошо знал — своего рода ворота в округ Колумбия на пути национальной автострады Балтимор — Вашингтон. Как и следовало ожидать, местечко жуткое, с пустующими промышленными строениями и наркоманскими отелями.

Указанный отцом мотель был скверной дырой, каких поискать: у входа в открытую работают шлюхи, окна завешены простынями. Едва машины на шоссе застревают в пробке, множество бичей трусят к ним попрошайничать или продавать краденое, почему-то чаще всего навязывая упаковки носков. Зато канал Эйч-би-оу тут халявный!

Какие-то торговцы наркотой пытались завлечь меня недвусмысленными гримасами, пока я шел через парковку мотеля к тому номеру, где отсиживался отец. Дверь оказалась открыта, замок взломан.

Едва я открыл дверь, на меня уставилось дуло ружья. Увидев меня, отец опустил его и положил слева от себя на кровати. Несколько уже пропитавшихся кровью салфеток были прилеплены к правому плечу.

Комнату наполнял аромат кофе. Уж точно, яблоко от яблони...

— Хочешь? — кивнул отец на кофейник. — Заварил, пока тебя ждал. Приподними-ка меня.

Я помог ему сесть на постели. Из уха у него тут же выкатилась капля крови.

— Это Генри тебя отделал?

Отец кивнул.

— Он где-то рядом?

— Вполне возможно. Они держали меня в каком-то заброшенном пакгаузе. Я смылся.

— Ходить можешь?

— Когда петух клюнул, так и бежать смог, но сейчас всего шатает. Поможешь спуститься по лестнице?

Я перекинул его руку через плечо и, выйдя с отцом из мотеля, задами повел его к машине. Рубашка у него задралась, и я увидел на спине, в районе почек, багровые рубцы.

— Я отвезу тебя в больницу.

— Думаю, со мной все нормально, Майк, — возразил отец, часто дыша. — У Картрайта есть знакомый доктор, правда ветеринар — игрок некудышный, зато хороший хирург. Он перед Картрайтом в долгу. Так что он обо мне позаботится.

Я пристроил отца поудобнее на переднем сиденье. Ни Генри, ни Маркуса видно не было. Мы съехали с Нью-Йорк-авеню и покатались

по улицам в направлении водохранилища и Вашингтонского медицинского центра.

— Если ты сунешься в клинику, тебя тут же возьмут, Майк. Там всегда полно копов. Я на самом деле чувствую себя лучше, чем кажется с виду. Не беспокойся об этом.

Я продолжал ехать в больницу. Спорить с отцом я не собирался.

— Что произошло?

— Я увидел, что они сейчас до тебя доберутся, и вышел к ним. Сказал, что улика уже у тебя.

— Я потерял ее, пап, — с досадой помотал я головой. — Маркус ее спалил вместе со всем архивом.

— Ну и бог с ней. — Отец как будто ничуть этой новостью не огорчился. — Я так сказал, чтобы просто на время убрать его со сцены, дать тебе небольшую передышку. Дэвису присущи те же слабости, что и всем нам. Он верит тому, чему хочет верить. Что у каждого будто бы есть своя цена, что каждый хочет пойти на сделку. Мы можем использовать это против него. Потому я и сказал, что мы хотим поторговаться.

— Какая тут торговля?

— А никакая. Когда мы отъехали подальше от министерства, я его и озадачил. Он начал трюндеть мне насчет тюрьмы, — отец изобразил пальцами губошлепа, — грозить смертельной инъекцией за убийство Перри. Я не поддался: мне не хочется, чтобы меня использовали как рычаг против тебя. Поэтому они отвезли меня в какой-то старый корабельный склад, и Маркус приступил к работе. — Он поморщился, ерзая в кресле. — Этот парень просто мастер своего дела.

— И что они собирались делать?

— Сказали, что убьют меня, если я не доставлю тебя к ним, чтобы договориться насчет улики. А я пожелал им попутного ветра в горбатую спину. Дэвиса это дико вывело из себя. Экий он чувствительный.

— Ну да, Генри не привык, чтобы ему отказывали.

— Маркус вроде как хотел упростить процедуру, но Генри аж зарычал на него: «Добавь ему! Добавь!» Я почти вырубился, и... — Отец пожал плечами. — В общем, все не так плохо. Генри под конец даже, кажется, угомонился. От черт... — простонал он.

— Что там?

— Да спина болит — и тут и там, — взялся он с обеих сторон над седалищем, затем спустился ладонями к паху. — Просто режет. Знаешь, закинь-ка меня в больницу и езжай. Отзвонись только Картрайту. Скажи, что ветеринар его не нужен и что ты высадил меня возле отделения экстренной помощи.

Лицо у отца стало белым как мел, он весь дрожал.

— Мы почти приехали, пап. Потерпи малость.

— Я там не задержусь, — сказал он и прикрыл глаза. — Насколько я понимаю, я был единственным орудием воздействия на тебя, так что, если я выйду из игры, ты сможешь его урыть, причем без всяких сделок. Я от них сбежал. Решил: или выберусь оттуда, или умру при попытке бегства. Хотя по большому счету разницы никакой.

— Для меня есть разница. Так как тебе удалось сбежать?

Он пошарил в кармане и показал мне зуб — окровавленный клык. Я невольно глянул ему в рот — зуб был явно не отцовский.

— Еще помню кое-какие приемчики. Хорошая новость в том, Майк, что он очень боится этого конверта. Я думаю, на свете много людей, что хотели бы на нем отыграться, но ни у кого нет для этого ни единого средства.

— Так у меня тоже нет, пап. Улика сгорела. Так что я все профукал, вышел с пустыми руками.

— Да брось, это неважно, — отмахнулся отец. — Генри-то думает: она у тебя.

Недавние избиения лишь утвердили его в этом.

Я подрулил к больнице, крикнул санитарок в дверях отделения экстренной помощи. Одна взглянула на отца — и в минуту его уложили на носилки. Я засеменял рядом.

— Пап, тебе все же не следовало это делать.

Фактически он отдал себя в руки Генри, чтобы меня спасти.

— Старая скрипка, — улыбнулся он.

Ну да, все та же разводка: пожертвуй чем-то малоценным ради большого куша.

— Нет, пап, это не совсем то. Тебе не следовало себя сдавать, это слишком дорогая цена.

— Ты бы тоже это сделал ради своей семьи.

Он положил ладонь на мою руку и держал так, пока его оформляли в больницу. Его слова и беспрестанно звонящие в

приемном покое телефоны напомнили мне то, о чем я уже успел догадаться. Он пожертвовал собой ради меня точно так же, как когда-то прикрыл собой маму.

В моей памяти отчетливо засела та ночь, когда его арестовали за взлом и проникновение в тот злополучный дом в Пэлисейде. Множество раз я прокручивал в голове каждую деталь, пытаюсь нащупать логику событий. Насколько я знаю, никто отца по телефону никуда не вызывал. Да и судя по тому, что говорилось на суде, в том доме и телефона-то не было. И мама вернулась домой как минимум за час до того, как отец отправился, как он мне сказал, «на бейсбольный матч».

Нет, к его приезду Перри был уже мертв. Убийцей оказалась мама, когда шеф попытался ею овладеть. Она его оттолкнула, и Перри, оступившись, грянулся о камин. Отец ни слова не сказал в свою защиту в течение долгого судилища. Он на шестнадцать лет покинул семью и выжил в этом тюремном аду — все это он сделал ради мамы, защитив ее и приняв удар на себя. И точно так же нынче он пожертвовал собой ради меня.

Будучи ребенком, я никогда ничего не мог скрыть от отца. Попробуй что-то утаить от профессионального жулика! Вот и сейчас, когда он посмотрел на меня и встретил этот мой дурацкий, растроганно-понимающий взгляд, я понял: он видит все, что во мне происходит.

— Спасибо, папа. Я люблю тебя.

— Я тебя тоже. Ты только тут не раскисай. Я уже через час отсюда выберусь как новенький.

Рука его была очень холодной. Врач взялся за телефон, потребовал доставить какое-то сильнодействующее средство и восемь доз первой положительной крови.

— Я упустил улику. Я подвел тебя, пап. Прости.

— Не важно, Майк. Главное, мы его напугали. Помнишь «пороса в мешке»? Играй человеком, а не тем, что у тебя в руках.

Я, кажется, брякнул еще что-то слезливое, отец отшутился. Наконец его повезли в операционную.

Один из копов, дежуривший в комнате ожидания, то и дело расшагивал мимо меня, тщательно присматриваясь. Потом он вышел

переговорить с сослуживцем. Я никуда не собирался уходить — по крайней мере, пока не выяснится, что с отцом.

Картрайт появился где-то через полчаса:

— Ну как он?

— В хирургии. Пока ничего не знаю.

— Полицейские тут кишмя кишат, — сказал он и кивком показал на двери в конце коридора.

Я прошелся, описав круг, чтобы проверить другой выход, и, разумеется, обнаружил там своего «приятеля» детектива Риверу, что продал меня Дэвису. Бог знает сколько еще наемников запустили сюда Генри с Маркусом. Так же вкругаля я вернулся к Картрайту.

— Тебе надо дуть отсюда, — посоветовал он.

— Я его не оставлю.

— Нет никакого смысла сдаваться в руки полиции, Майк.

— Я не уйду.

— Я о нем позабочусь. Мы с твоим отцом вместе вернемся. Я побуду тут с ним.

Я услышал, как в дальнем конце коридора открылась дверь, и вскоре Ривера уже вел в нашу сторону группу людей, похожих на копов в штатском. Мы поскорей нырнули за угол.

— Давай катись отсюда побыстрее, — вцепился мне в плечо Картрайт. — Об отце твоём я позабочусь. Ты же знаешь, кто с ним это сделал.

Я лишился своего единственного средства свалить Генри — но это ничего не значило. Я должен был найти другой способ его остановить.

Полицейские были уже близко, но я все стоял, отказываясь бежать. Картрайт снова схватил меня за плечо:

— Уходи!

Я еле успел ускользнуть от полицейских, метнувшись через служебный вход. Копы буквально наводнили больницу. С полчаса я крался по клинике, прячась по пустым кабинетам, пока наконец не обошел копов, которые уже обыскали крыло с хирургическим отделением. Но я не мог так просто уйти, оставив отца при смерти. Я должен был увидеть его еще раз, убедиться, что он выкарабкается. Я наткнулся на ординаторскую, вскрыл замок и стащил у спавшего там обитателя медицинский халат, сняв его с крючка вместе со стетоскопом. Облачившись, я направился к тому крылу, где лежал

отец, при этом я сосредоточенно прятал лицо в бумагах, вытащенных из кармана халата.

Через внутренний коридор я перешел в крыло отделения экстренной помощи, спокойно прошагав мимо двоих копов, которые внимательно оглядывали всякого входящего в гражданском и были абсолютно слепы к «белым одеждам». Я прошел к пустовавшему посту дежурной сестры.

Тут же ко мне подошла пожилая медсестра, спросила:

— Могу я вам помочь?

— Мне надо поговорить с Робертом Фордом.

Несомненно, стетоскоп совершает чудеса! Без лишних вопросов она покопалась в папках на столике.

— Вероятно, его бумаги вместе с телом отправили к патологоанатому, — сказала она наконец.

Не может быть такого!

— А вы не могли бы еще раз проверить? — кивнул я на монитор.

Медсестра ввела его имя в компьютер. Экран моргнул. Из-за плеча женщины я прочитал то, что появилось черным на зеленом фоне. Я глядел на эту запись и не верил своим глазам: «Передано в морг... Холодильная камера».

— Вот, — вздохнула она. — Он внизу, в холодильнике.

Глава двадцать шестая

Итак, из-за моих промашек отец был мертв, и у меня осталось всего три часа до того момента, когда Радо явится за Энни и проделает с ней некую дикую жестокость, которую я даже не мог себе представить. А мое единственное оружие — доказательство вины Дэвиса — обратилось в золу.

Теперь мне следовало сделать выбор: отдать душу Дэвису — или отдать свою возлюбленную Радомиру. Если даже нам с Энни удастся затихариться от балканского психопата, рано или поздно Генри узнает, что Энни так и осталась на моей стороне, и тогда использует ее против меня как средство давления. От Генри Дэвиса трудно было что-то надолго утаить.

Два человека желали моей смерти — или готовили мне столько мучений, что смерть показалась бы благом. У отца была такая роскошь, как отсутствие жесткого выбора, он сумел с честью уйти из жизни, до конца оставшись мучеником за других. Но если я попытаюсь сделать то же самое, пострадаю не только я, но и Энни, а она — единственное, что у меня осталось.

Выбор был просто невозможен. Я видел лишь один выход, и я собирался следовать ему с холодной, бесчувственной решимостью. Если уж все честные люди вокруг — сплошь преступники, то, может быть, только преступники и честны? Отец меня покинул — но он оставил мне ответ. Я передам себя в руки убийц в надежде, что сумею прорваться, разведя их обоих.

Скрывшись из больницы, я первым делом заехал в «Белый орел» — в тот клуб, где Мирослав с Александером регулярно вершили свои расправы.

Черный «мерседес» припарковался в двух кварталах от этого красивого здания, где некогда размещалось посольство. По изогнутым ступеням я поднялся к парадной двери. Тучные мужчины в элегантных костюмах тут же заступили мне дорогу.

— Скажите Мирославу и Александеру, что прибыл Майкл Форд. И Радомиру сообщите, если он тут. Ему будет приятно это узнать.

Наемник нажал пальцем на наушник, от которого в костюме убегал проводок. Чересчур суровая охрана для «клубного братства». Меня всего обыскали и потащили через гостиную, набитую всяким евротрэшем и смазливými шлюхами, в потайную комнатку в цокольном этаже с камином, большой люстрой и парой обитых материей диванчиков.

Явившиеся тут же Миро с Алексом связали мне за спиной руки и уложили мордой в пол, точнее, в ковер. Миро для надежности наступил мне на запястья и так держал до самого прибытия Радо, болтая со своим напарником о чем-то — как будто о футболе — на непонятном для меня языке. Для них такая ситуация была, похоже, совершенно обыденной.

Радо приехал через полчаса — причем передвигался он свободно, открыто и слишком смело для человека, прячущегося от военного трибунала. Он пощелкал пальцами, прорычал что-то по-сербски — так мне, во всяком случае, показалось, — после чего Алекс поставил меня на ноги.

— С твоей стороны очень смело было прийти сюда, чтобы принять наказание как мужчина, — сказал Радо. — Мне, конечно, немного жаль, что я не получил возможности позабавиться с одной черноволосой малышкой, но ты поступаешь по чести.

— Ты хочешь отомстить? — спросил я.

— Разве это не логично? — ухмыльнулся он и, подняв ладони, глянул по очереди на сообщников. Те кивнули.

— Я помогу тебе это осуществить.

— Этот танец мы уже отплясали, — сказал Радо и сам умилился ввернутому им обороту. — Дай-ка я попробую угадать. «Вы взяли не того парня», — произнес он с интонацией киношного копа.

— Это единственная причина, почему я пришел сюда безоружным. Сам подумай.

Радо подступил ко мне вплотную и приблизил лицо так, будто собирался меня облобызать. Посмотрел в глаза, затем спокойно положил руку мне на голову и с неожиданной силой, резко шибанул меня обо что-то — возможно, о каминную полку, — отчего я тут же вырубился.

Лучше б я в себя не приходил! Когда я очнулся, запястья по-прежнему были связаны за спиной, только теперь стягивавшие их

веревки были перекинуты через крюк в потолке. После удара головой я все вокруг видел размытым, словно под водой. И от этого мне особенно трудно было сохранять равновесие. Я стоял на цыпочках на бортике какого-то небольшого ящика. Стоило спуститься ниже, и веревки натягивались, выворачивая мне плечи. Одно и так болело после стычки с Маркусом в музее. Всякий раз, как я терял равновесие, веревки дергали мне руки назад, выкручивая их из лопаток.

Алекс держал другой конец веревки и периодически ее подергивал, даже когда мне и так удавалось балансировать на ящике.

— Палестинское подвешивание, — с неизменной любезностью пояснил Радо, — она же дыба. Так Макиавелли подвешивали за его заговор против Медичи. А в тюрьме «Ханой Хилтон» это называлось «веревками» — думаю, именно с их помощью северные вьетнамцы лишили сенатора Маккейна возможности в полной мере работать руками.

Хуже пытки может быть только пытка с тягомотным выкручиванием рук. Как только мне удавалось соскользнуть в полубессознательное состояние и унести в какое-нибудь чудесное местечко — где тихим студеным воскресным утром я спал, прижавшись к теплой попке Энни, — Радо врвался в мое видение с очередным доказательством своей широкой эрудиции.

К счастью, еще в больнице мне, чтобы облегчить страдания от ожогов, выдали какое-то сильнодействующее высокооктановое обезболивающее, и, уходя, я свистнул немного с собой. Без них я бы точно признался во всем, чего не совершал, и Радо бы меня прикончил. А так я просто чувствовал мучительную боль, когда у меня в плечах рвались мышцы с сухожилиями и кости вывихивались из суставов.

— Отличная работа, никаких следов, — прокомментировал Радо, — и притом почти парализует руки, надолго лишая их чувствительности.

Я даже почувствовал облегчение, когда он заткнулся, обходя меня сзади.

— Тебе нужен Генри, — выдавил я. — А Генри охотится за мной.

На сей раз Драгович показался передо мной с тонким и острым как бритва филейным ножом. Одну за другой он быстрыми ловкими движениями срезал пуговицы на моей рубашке и развел материю в стороны, обнажая грудь.

— То, что ты говоришь, не лишено смысла, — покивал Радо. — Но, как ты понимаешь, это требует подтверждения. Простое доверие, знаешь ли, не в моем стиле.

Холодным кончиком ножа он коснулся меня где-то в паре дюймов над пупком, наколол кожу.

— Ты слыхал о моем пристрастии к сердцам? — спросил он как бы невзначай.

— Да.

— Через грудную клетку к нему так просто не подобрешься. — И он врезал в меня кулаком, точно в пустотелую дверь. — А вот если использовать метод подмечевидной перикардиотомии, как это называют медики, то можно в течение всего опыта держать жертву в сознании.

— Я предлагаю сделку, — выдохнул я. — Мы можем друг другу помочь.

— Посмотрим, — пожал плечами Радо и вогнал в меня нож.

Кожа возле лезвия мигом разошлась. Когда он натянул плоть двумя пальцами другой руки, нож оставил за собой аккуратно разрезанные края.

С Радо я провел долгую ночь. И это было лишь начало.

На следующий день, сияющим весенним утром, Радо и его исполнительные любимцы-сподручные подбросили меня до Калорамы, к особняку «Группы Дэвиса» на свидание с Генри. Кажется, именно с этого момента я и начал свою историю. Сердце, кстати, осталось при мне. Когда они высадили меня на улице, Алекс грозно качнул блеснувшим на солнце «зиг-зауэром». А на тот случай, если ствола мне недостаточно, Радо на заднем сиденье многозначительно утер салфеткой рот, якобы еще облизываясь по моему сердцу, — дескать, помни, парень, какова в игре ставка.

За углом они ждали, пока я дотащу свое израненное тело до конторы. «Группа Дэвиса» была закрыта по случаю выходных, и в здании был только Дэвис со своей «хунтой» — группой распределенных по всему особняку охранников, которых добропорядочный народ ни за что бы не увидел.

Маркус встретил меня у самого входа — со щербинкой во рту в том месте, где приложил его мой отец. Я спрятал злорадную ухмылку. Он

провел меня через пост охраны и заинтересованно оглядел, когда металлодетектор запикал возле моей груди. Меня обыскали, потом раздели, ища оружие и прослушку. Генри был слишком умен, чтобы подпустить к себе хоть какой ствол или электронный «жучок».

Обыскав карманы, Маркус выудил у меня два комплекта фальшивых корочек и нечто, о чем я и не догадывался: аккуратно сложенные чертежи дома, которые отец — до конца ловкий на руку парень — в больнице незаметно подсунул мне в карман.

Когда я снял рубашку, передернуло даже бывалого Маркуса. Под ней оказался разрез в четыре дюйма длиной, со сморщенной стальными скобками кожей. В «Белом орле» Радо не полез глубоко своим филейным ножиком, так что кровотечение быстро прекратилось после того, как серб взял то, что случилось под рукой, — а именно надежный свинглайновский степлер — и «сшил» края раны.

Неделька у меня выдалась долгая и весьма эксцентрическая, и когда я стянул одежду, мое тело от головы до пят явило живой реестр моих приключений: на руках ожоги после пожара в Министерстве юстиции, на лице ссадины после разбивания машины, на шее раздвоенный рубец от тазера. Подвешивание вывихнуло мне плечи. На груди пылал свежий след Драгомировой ручной работы. Уже заживающая, зашитая рана на бедре напоминала о той ночи, когда почти что на моих глазах Маркус расправился с Хаскинсом и Ириной, — казалось, это было год назад. Колено распухло — что-то с ним было не в порядке то ли после моих кувырканий в доме судьи, то ли после удара о дверцу «вольво».

Когда я вновь оделся, Маркус указал на потрепанный манильский конверт, что был у меня в руках, желая проверить и его.

— Сперва сделка, — возразил я. — И если я исчезну, содержимое будет предано огласке.

Шеф повел меня к кабинету Генри бетонными коридорами зоны безопасности — где-то здесь творил свои чудеса слежения здоровяк Джеральд. Наконец Маркус впустил меня в кабинет и стражником застыл у входа.

Дэвис усадил меня в дальнем конце стола для совещаний и повернулся к окну. Вашингтон раскинулся у наших ног. Я знал, о чем Генри хочет со мной сторговаться.

Он даст мне «все царства мира и славу их» — за мою душу. Это же так просто! Надо всего лишь отдаться в его руки, позволить ему меня купить — и весь кошмар окажется позади. Не надо бояться Радо с его острым филейным ножом, не надо тревожиться за безопасность Энни. И я получу все обратно: свой дом, деньги, респектабельный фасад, о котором столько грезил.

Генри желал сделки. Желал почувствовать, что снова подмял меня под свою пятую. И больше, чем какие-либо угрозы физической расправы, меня пугало то, что мне может не хватить сил устоять перед посулами Дэвиса, перед его давно отработанными приемами, которыми он медленно и незаметно подчинил себе весь город. Я боялся, что он обработает меня, что я стану выполнять все, что он мне велит, и что теперь, когда я узнал истинную цену честности — смерть отца и страдания Энни, — я, как и прочие, с радостью предпочту ему продаться.

Но я не должен был этого допустить. Мне предстояло сразить Генри его же оружием.

Дэвис наклонился надо мной:

— Одно твое слово — и все это закончится. Возвращайся к нам, Майк. Всего одно слово: да.

Генри видел во мне свое продолжение, едва ли не сына. И в то же время я знал, что он не позволит мне так просто ему сдаться. Я должен буду валяться в ногах, умоляя, чтобы меня взяли обратно. Исключение он сделает лишь для человека столь же увертливого, как он сам в свои молодые, ненасытные годы, для того, кто сумеет его переиграть.

— Вот это и есть настоящее доверие, — молвил Дэвис. — Когда два человека, визнавая тайны друг друга, припирают друг друга к стенке. Это взаимоуничтожение с обоюдной гарантией. Все остальное — лишь сентиментальная чушь. Я горжусь тобой, Майк. Так и я играл в начале своего пути.

Я положил на стол запечатанный конверт. Это был конец рычага, который мог запросто сдернуть Дэвиса с занятого им пьедестала: оторванная мочка уха и полицейский отчет о причастности Генри к убийству Пирсона. У меня было две вещи, которыми Дэвис жаждал завладеть: этот конверт и, собственно, я сам. Я один знал, кто на самом деле убил Хаскинса и Ирину. С этим знанием и этим конвертом я и впрямь был для него чересчур опасен.

Отец умер, а насчет Энни — Дэвис был уверен, что она меня предала. Ему уже нечем было меня поддеть. На сей раз у Генри не было того неоспоримого преимущества, которым он обычно пользовался. Теперь пришло мое время утолить аппетит.

— Убив Хаскинса и Ирину, вы с Маркусом получаете власть над Верховным судом. Это явно уже за рамками дела Драговича. Это ведь некие долгосрочные инвестиции. Сколько это принесет вам в дальнейшем?

Дэвис просиял гордой отеческой улыбкой. Он понял, куда я клоню. Именно это он и собирался сделать.

— Да уж немало.

— Все же любопытно, — сказал я.

— Ну, для начала, у меня сейчас дюжина клиентов, которых крайне интересует решение Верховного суда. Так что на ближайшее десятилетие можно рассчитывать на десяти-одиннадцатизначные цифры.

Миллиарды, десятки миллиардов!

— Представляешь, Майк, ведь это могло бы быть мое последнее дело для клиентов. Люди слабохарактерные обычно спрашивают: «А сколько вам хватит?» или «Сколько вам надо домов?». Это показывает всю узость их мышления, всю ограниченность желаний. Деньги, дома, женщины втрое моложе — все это прекрасно. Но ведь это не предел мечтаний... Разобравшись с Хаскинсом, я мог получить достаточно, Майк. Достаточно, чтобы больше не зависеть ни от каких клиентов. Разумеется, я владею этим городом. Но прежде, вкладывая в это деньги, мне приходилось вести другие торги. Теперь же всё — больше никакой зависимости от чьих-то желаний. С теми деньгами, что теперь ко мне придут, я могу наконец добиться собственных целей, тратясь на них из собственной казны и реализуя их моей собственной властью. Это болото вдоль Потомака станет моей империей, и я ни перед кем не буду в ответе. И чтобы этого достичь, мне осталось лишь подобрать пару упущенных концов. Во-первых, этот конверт с уликой и, во-вторых, недавнее печальное недоразумение с моим лучшим старшим сотрудником.

— Партнером, — поправил я.

— Мы могли бы это обсудить.

— А что получает партнер? Ну, скажем, за последний год?

— У нас строго регламентированная система вознаграждений и компенсаций, — сложил пальцы домиком Генри. — Я, возможно, смогу продвинуть тебя по служебной лестнице с учетом твоего вклада. В таком случае тебя ждет пять-семь миллионов в год. С теми средствами, что поступят от Верховного суда, следующий год обещает быть денежным. В четыре-пять раз больше.

Я помедлил мгновение.

— Я отдам вам эту улику, — сказал я, побарабанив пальцами по конверту, — и гарантирую, что этот скелет в шкафу вас больше не потревожит. Взамен Радо от меня убирают, полиция оставляет меня в покое, я получаю назад прежнюю жизнь и становлюсь полным партнером.

— И с этого момента ты мой, — ухмыльнулся Генри. — Партнер во всех делах, в том числе и «мокрых». Когда мы найдем Радо, ты собственноручно перережешь ему глотку.

Я кивнул.

— Что ж, договорились, — сказал Генри.

И дьявол протянул мне руку. Я пожал ее и вместе с конвертом передал ему свою душу...

«Хлоп-хлоп!» — раздался снизу шум. Начался он пару мгновений назад, но теперь, в возникшей в кабинете тишине, его невозможно было не заметить.

Генри подступил к окну, потом, обойдя кабинет, перешел к окошку на другой стороне комнаты. Два «рейнджровера» — Драговича и его людей — припарковались у холма возле выезда из зоны безопасности «Группы Дэвиса».

— Маркус! — выкрикнул Генри. — Быстро сюда!

Маркус тут же прибыл, прижав к бедру пистолет, однако мое обессиленное тело тревожило его меньше всего на свете. Оружейные хлопки теперь скорее напоминали автоматный огонь. Радо и его люди были уже внутри здания.

— Привяжи его! — указал на меня Дэвис.

И не успел я что-либо понять, как Маркус, подпихнув меня бедром, мигом уложил на шею и лопатки. Потом завел мне руки за спину, заковал одним наручником правое запястье, пропустил второй

через ручки шкафчиков и уже тогда защелкнул его на левом. И я, пристегнутый, остался сидеть на полу с руками за спиной.

Могло бы быть и хуже. После «веревки» Радо я вывел для себя своего рода правило никогда не ступать на тропу «заложников и пыток», не проглотив для начала чего-то обезболивающего. Это прекрасно притупляло остроту ощущений. А если добавить к этому полное оцепенение и абсолютную безразличность к своей судьбе, охватившие меня после смерти отца, то на происходящее вокруг, как и на боль в вывихнутом плече, мне уже было равным счетом наплевать.

Генри с Маркусом были слишком умными, чтобы попасться на прослушку, которую я мог на себе пронести, однако Дэвис, как старый бывалый боец Никсона, должен был знать, что самого себя «писать» не следует. Генри кинул взгляд на книжную полку, где пряталась видеочка, посредством которой он шантажировал десятки политиков — и на которую попался наконец и сам. Надо думать, держа ее под контролем, он ни разу и не озаботился возможностью такого исхода.

Он вдавил кнопку в телефоне, рыкнул:

— Джеральд!

Но Джеральд, боюсь, был уже не в состоянии ему ответить.

Услышав о моих планах на сегодня, Энни, точно надоедливая маленькая сестренка, стала предлагать свою помощь. Я же вовсе не собирался подвергать ее жизнь какому-либо риску. Но когда она заявила, что просто возьмет и явится без всякого приглашения на нынешнюю офисную вечеринку, не зная, чем это ей грозит, я решил, что держать Энни в неведении гораздо опаснее.

После устроенного ею представления в лесу, когда она отвела от меня и моего отца погоню, съездив себе по лицу, Энни была у Дэвиса на хорошем счету. Так что, будучи участником охотящейся за мной группы, к тому же подающим надежды прихвостнем шефа, она могла, не привлекая к себе внимания, спокойно зайти в зону безопасности здания фирмы.

Когда я впервые обмолвился о вездесущем оке Джеральда, наблюдающем за личной жизнью сотрудников «Группы Дэвиса», Энни чуть не поперхнулась от ярости.

— Здоровенный такой бугай, как персонаж из «Звездных войн», — объяснил я.

Энни ответила полным гадливости взглядом.

— Извини, — буркнул я.

Она, конечно, заметила нездоровое внимание Джеральда и сегодня хотела разыграть «девицу в растрепанных чувствах», чтобы заставить верзилу открыть дверь в его потайную комнату с мониторами от камер слежения. Стовольтовый электрошокер, которым я снабдил свою подругу, позаботился об остальном. Она нацепила на Джеральда наручники — для верности две пары, с двойными замками, — после чего перенаправила аудиовидеосигнал со спрятанной у Дэвиса в кабинете камеры беспроводной внутренней связи к сидящему в своей машине Радо.

Разумеется, в тот момент, когда я сказал «да» и пожал Генри руку, он мною всецело завладел. Но когда он признался в убийстве Ирины и Хаскинса, полагая, что этим разговором я просто набиваю себе цену, он уже был мой. Радо слышал весь наш диалог, и этого было достаточно, чтобы перенацелить его жажду мести на верную мишень — Генри Дэвиса.

Ружейные хлопки сделались ближе, им отвечали отчетливые очереди из «M16».

Я, конечно, не был фанатом военного преступника Драговича. Энни я велел выбираться из здания, едва Дэвис произнесет заветные слова, подтверждающие, что он убил Хаскинса и Ирину. Когда люди Радо уже бежали по потайным лестницам и коридорам особняка, мне вовсе не улыбалось оказаться тут меж двух огней. Я хотел, чтобы люди Генри успели смыться, поэтому дал Радо лишь общий план здания, утаив от него некоторые детали. С холодным реализмом Генри Киссинджера я, в общем-то, рассчитывал, что Радо и Дэвис взаимоуничтожатся.

Военное вторжение Драговича, конечно же, не обрадовало Генри Дэвиса. Он прошел к столу, сердито глянул на конверт. Его заметно злило то, что сейчас творилось в его конторе, но еще больше выводило из себя ощущение измены.

При всем своем позерстве и могуществе, Генри был одиноким человеком. Жену свою он так или иначе купил, детей у него не было. Кроме работы, в его жизни не было больше ничего. Вместо друзей у него были соучастники, и единственное доверие, которое он признавал, — это самоубийственное соглашение между двумя людьми,

имеющими друг на друга весомый компромат. Он хотел иметь своего протеже, который был бы ему как сын, — но я уж точно не хотел сопровождать его в этом аду.

Он поднял со стола пакет с уликой.

Продать «поросенка в мешке» — очень древнее, причем простейшее надувательство. Один другому продает якобы поросенка и вручает ему мешок, в котором сидит некто, гораздо менее ценный. Игра очень рискованная и зачастую глупая. Но тут у меня были свои козыри. Отец перетерпел смертельное избиение, не выдав Дэвису улику, чтобы Генри был на все сто уверен, будто у меня что-то есть.

Но это была лишь часть игры. Генри слепо веровал в то, что сам проповедовал. Мы же, мошенники, не верим, по сути, ни во что — но легко умеем подобрать ключ к тому, во что верит кто-то другой. И если жертва безоговорочно верит в некую истину — зуб даю, мы найдем способ обернуть эту истину против самой жертвы. Генри не стеснялся твердить свой главный постулат: до каждого человека можно добраться, каждый имеет свою цену. Единственное, во что он верил, — в людское вероломство. В нем и крылось могущество Дэвиса. Я же собирался сделать из этого его слабость. В мире Генри не было такого понятия, как честность. Ему необходимо было поверить, что он меня подмял, что меня, как и всех прочих, можно подкупить, — и я дал ему эту возможность. Конверт здесь уже ничего не значил. Я играл не уликой — я играл самим Дэвисом.

Теперь, когда Маркус юркнул за фальшивую панель в потайной проход к хранилищу Генри, тот взял в руки конверт, открыл его и вытряхнул содержимое на стол.

Оттуда на стол выскользнул ломтик сушеного абрикоса, следом выпорхнул листок с меню из «Белого орла». (Радомир предлагал для правдоподобности сунуть туда настоящее человеческое ухо — мол, за этим дело не станет, — но я отказался.)

— Там нет улики, Генри, — сказал я, — Маркус сжег их в Министерстве юстиции.

Выстрелы стали слышны совсем близко. Одна пуля прорвалась через украшавшую панели лепнину, и по кабинету разлетелась гипсовая пыль и мелкие осколки.

— Радомир все слышал, — кивнул я в сторону камеры, запятанной где-то в книжных полках. — Он знает, что ты убил его

дочь.

Я, конечно, и сам наблюдал патриархальные манеры Драговича на устроенном им в Колумбии домашнем представлении. Но именно Генри поспешил предупредить меня, сколь опасен человек, живущий лишь кровью и честью, для его, Дэвиса, мира, держащегося на заранее просчитанной людской жадности и страхе.

В «Белом орле» я стойко держался своей версии, даже когда Радо рассек мне кожу. Думаю, лишь тогда он поверил, что я на самом деле не лгу, и решил-таки выслушать мой план. Я знал: если я сумею подтвердить, что Генри действительно убил его дочь, если заставлю Генри сознаться в этом преступлении, беспредельная психопатическая злоба Драговича довершит дело.

Может, Радо и военный преступник, но у него, по крайней мере, есть свой кодекс чести, некое воровское благородство, которое так или иначе делает его на порядок честнее тех, с виду респектабельных, людей, которых Генри имел каждый божий день.

Генри облажался с дочкой Радо, как облажался и с моим отцом, и теперь он начал понимать, что та единственная истина, на которой держался весь его мир, оказалась полным фуфлом, что некоторые вещи вообще не имеют цены и что есть люди, с которыми невозможно торговаться.

— Ты неблагодарный ублюдок, — процедил Дэвис. — Я дал тебе все. Я поднес тебе весь город на тарелочке. И теперь, когда ты пошел на меня, ты даже это не смог сделать достойно, как полагается мужчине. Ты прячешься за спину Радо!

Я все так же был прикован к шкафу. Дэвис стоял надо мной, весь клокоча от злости.

— Ах, эта сучка Энни, — прорычал он. — Я понял, вы все так же вместе. Теперь картина проясняется.

Он поднял взгляд на дверь.

— Я через несколько минут вернусь. Она будет мучиться первой — а ты будешь смотреть. А потом настанет твоя очередь. Думаешь, ты нашел выход, Майк? Думаешь, я не смогу до тебя добраться? Нет, парень. Ты только сделал всем хуже. Ты еще будешь просить меня, умолять, чтобы я перестал. Ты дашь мне все, что я хочу, и даже больше.

И он что есть силы пнул меня ботинком в лицо. Комната вокруг задрожала и поплыла, словно в старом телевизоре, но сознание я все же не потерял. Теперь выстрелы и вопли раздавались совсем близко. Дэвис вынул из кобуры на боку пистолет и шагнул через фальшивую панель в стене в коридор к хранилищу.

Я сплюнул кровь, очень стараясь пустить плевков по длинной дуге, но он все равно плюхнулся мне на рубашку. Болеутоляющее уже переставало действовать: чтобы голова хорошо соображала, я принял всего одну таблетку. Так что имело смысл поторопиться. Наручники держались прямо у кистей рук — очень тугие, с двойным замком, расположенным подальше от пальцев, так что я не смог бы их вскрыть, даже если бы Маркус не забрал у меня все, что можно использовать как отмычку.

Оружейные хлопки сделались еще громче — словно стреляли уже в самом кабинете. Послышался чей-то стон. Наручники никак не могли расширяться — а значит, надо было малость уменьшить себе кисть. Правой рукой я заломил назад большой палец левой, ощутив сопротивление сустава. Кость прогнулась, совсем чуть-чуть... Я отпустил палец.

И все же я хотел заставить себя высвободиться. При мысли об этом мурашки побежали по телу и сама идея показалась сомнительной... Что ж, займусь потом «латанием дыр». Я резко дернул большой палец назад. Кость хрустнула, точно сухой хворост. Комната опять поплыла перед глазами. Я осторожно вытянул кисть руки, сдвинув наручник поверх сломанной кости. К горлу подкатил рвотный комок, и я еле сдержался, чтобы от мутящей боли не сметать завтрак. Итак, рука была свободна. Я поднялся на ноги, звякнув наручником на правом запястье.

Обыскав ящики стола, я обнаружил, что Генри забрал свой единственный ствол. Я отступил к открытому проему в стене, ведущему в хранилище. Сразу за дверью оказалось пусто. Слышалось лишь тяжелое дыхание, выстрелы прекратились.

Я прошел чуть глубже в коридор, осторожно выглянул за угол. Там валялось четыре или пять тел. Среди них Маркус и Радо. Генри оказался прав: Драгович станет защищать свою честь независимо от того, в какую цену это выльется. На это я, впрочем, и рассчитывал — вот только Радо не дошел до цели. Держа перед собой пистолет, Генри

перешагнул труп Маркуса, проверяя, нет ли стрелков за дальней дверью. Он пережил уже не одну бойню, и я не мог допустить, чтобы он пережил и эту. Я должен был подобраться к нему сзади, забрав оружие у мертвецов. Но у тех нескольких пистолетов, что я видел на полу или в руках у павших стрелков, затвор был в заднем положении и обоймы пусты.

Я не заметил ни малейшего движения — Радо хорошо прикинулся трупом. Лишь шевельнулась его рука, поднимая ствол, и дважды прострелила Дэвиса через левую лопатку. Тот обернулся с искаженным лицом, качнулся, опершись на мусорный бачок, и сполз вниз, усевшись на полу, точно не умеющий ходить карапуз. Он привалился спиной к двери, стеной через стиснутые зубы, и разрядил полную обойму, все девять пуль, в лежащее ничком тело Радо.

Ничто не могло так вывести его из себя, как человек вроде Драговича — человек, которого он не мог контролировать. Серб, наверное, был одной ногой на том свете еще до того, как Генри стал в него стрелять, так что теперь-то он точно был мертв. Когда же я двинулся мимо трупов, Дэвис понял, что его ярость сыграла с ним злую шутку: пистолет его был пуст, и второй обоймы не имелось.

Казалось, каждый вдох причинял ему страдание. От пуль Радо в его груди зияла рана размером со сжатый кулак. Я медленно приблизился к Дэвису, наступил на руку с оружием и выбил ногой пистолет. Поглядел на него несколько мгновений.

— Я знал, что у тебя для этого кишка тонка, Майк, — злобно прохрипел Генри. Судя по звуку, в легких у него была кровь. — Ты можешь лишь прятаться в сторонке, рассчитывая, что кто-то другой сделает за тебя грязную работу — твой папаша, или Радо, или даже Энни. Думаешь, ты такой весь из себя хороший парень с высокой моралью. Но это малодушие, Майк. Ты не сможешь меня убить. — Он поднял правую руку, призывая меня ему помочь. — Кавалерия на помощь не придет, Майк. Хорошая попытка — вот только все мертвы. Дай мне руку. Я научу тебя. За этой дверью, — кивнул он на вход в свое хранилище, — лежат все тайны Вашингтона. Это стоит миллиарды. Ты славно сыграл против меня. Помоги-ка мне подняться. Я включу тебя в дело, будешь полным партнером.

Взяв за руку, я поднял Дэвиса от двери.

— Вот так, Майк, — улыбнулся Генри.

Из бачка справа я вытянул толстый пластиковый мусорный пакет. Озадаченно взглянув на него, Дэвис пошел на новую уловку:

— Ты не можешь меня так хладнокровно убить, Майк. Ведь ты тогда станешь не лучше меня. Таким же безнравственным. И таким же убийцей. В итоге все равно вольешься в мою команду. Ты не можешь победить. Лучше помоги-ка мне подняться, и мы вместе будем править Вашингтоном.

Генри был, по сути, прав. Я припомнил тот захлестнувший меня поток ярости, когда я стукнул каблуком полицейского, когда мне впервые пришла мысль, что Энни меня предала, или когда я наблюдал, как кровь Лэнгфорда циркулирует по аппарату диализа. Я и теперь хотел поддаться чувству, позволить своей ненависти хлынуть неконтролируемой волной, разрушая все на своем пути. И, господи, как же мне было бы тогда хорошо!

Но теперь я точно знал, что отец говорил правду: он не был убийцей. Никакого насилия. Может, мы и воры — но точно не убийцы.

Генри заметил мои колебания, и в его глазах мелькнуло облегчение.

Я накинул ему на голову мусорный пакет, ударил кулаком в живот, усадив тем самым на пол, оседлал Дэвиса и здоровой рукой затянул пакет покрепче. Пока Генри жив и может дергать чьи-то струны, этот порочный мир предательства и коррупции будет существовать и я никогда от него не освобожусь.

Дэвис забился, пытаясь содрать пакет, потом вцепился в меня, забрыкался на плитках пола, распахивая ногами мертвые тела. Целых три минуты он корчился и стонал под толстым полиэтиленом. Вся эта процедура оказалась куда отвратительнее и тягостнее, чем я ожидал.

Я наверняка мог найти у лежавших тут бойцов какое-нибудь оружие с несколькими патронами — к тому же еще много трупов валялось во внешних коридорах. Но мне необходимы были глаза Генри. Я еще долго держал Дэвиса, после того как его ноги в последний раз вяло дрыгнулись на полу.

— Майк! — послышался голос совсем рядом с кабинетом.

Я быстро высунулся из-за угла — там стояла Энни.

Я стянул с головы Генри пакет и покидал в него оружие. Затем перевернул Маркуса, обшарил его липкую от крови одежду и наконец обнаружил то, что искал: бумаги, что он забрал у меня при обыске, —

чертежи дома, который отец мечтал построить для нашей семьи, но так и не сумел.

Я взял Генри за правую руку и поволок его по полу к двери в заветное хранилище.

Энни заглянула в проем за фальшивой панелью.

— С тобой все нормально? — спросил я.

Она кивнула, широко распахнутыми глазами глядя на валяющиеся в коридоре трупы.

— Вот и хорошо. Я сейчас.

Она отпрянула обратно в кабинет.

Я оглядел дверь в хранилище. Там стоял биометрический замок со сканированием отпечатка пальца и сетчатки глаза. Модная хреновина! Я поднял безвольную руку Дэвиса и прижал к экранчику. Красный огонек сменился на зеленый. Тогда, точно в кошмарном сне, я подлез Генри под мышку вывихнутым плечом со сломанной рукой и, помогая себе коленом и здоровой рукой, сумел-таки поднять его обмякшее тело. Глаза его были широко открыты и пялились в никуда, вызывая мороз по коже. Я чуть подтолкнул локтем его голову, и глаз Генри оказался аккурат возле сканера сетчатки. С глухим механическим шумом задвижки на двери отползли в сторону.

Я сбросил с себя тело Генри и открыл дверь в хранилище. На полках лежали скрупулезно подписанные папки, видеозаписи, аудиокассеты. Все тайны, что Дэвис собрал, отстраивая свою империю власти, десятки лет шантажа и вымогательства — вот они, только руку протяни.

Генри был прав: здесь было все, чтобы я мог достичь его вершин и контролировать весь Вашингтон. К тому же, перешагнув через только что убитого мною человека и ступив в его святая святых, я, конечно же, совсем не ощущал себя добропорядочным гражданином.

Эта сделка была куда лучше прежней. «Все царства мира и слава их» — и при этом никакого подчинения Дэвису. Все — для меня одного. Возможно, он был прав — каждый человек имеет свою цену. Может, это и есть моя цена?

— Майк, — позвала меня Энни. Она стояла у входа в хранилище, с ужасом переводя взгляд с одной моей раны на другую. — С тобой все хорошо?

— Как никогда, — ответил я. — А ты точно в порядке, дорогая?

— Да, только в шоке от всего от этого.

— Вот и хорошо.

Я подхромал к ней поближе. С моими перебитыми конечностями, большее, на что я был способен, желая обнять Энни, — это просто прижаться к ней. Она провела мне пальцами по волосам.

— Что там? — показала она взглядом на хранилище.

— Ключи от царства.

— И что ты собираешься с ними делать?

Я посмотрел на мертвые тела, на лужицы уже сворачивающейся крови на полу. Мне столько всякой жути пришлось пережить и здесь, и при пожаре в министерстве — а еще это обвинение в двойном убийстве и множестве других преступлений, которые я совершил при побеге. Потребуется очень много кого убеждать и много на кого воздействовать, чтобы выбраться из этих жутких тисков, благодаря которым моя шкура была еще цела.

Я вошел обратно в хранилище и принялся пролистывать папки. Эта была на сенатора, эта — на председателя какого-то комитета, а вот нашлась и на шефа полиции.

Многие годы я убегал от своего воровского прошлого, от мошенника-отца, стремясь к респектабельной жизни. И вот прохиндеи каким-то образом вдруг оказались честными людьми, а честные — прохиндеями. И теперь передо мной встал выбор. Закрывать дверь и уйти, оставшись единственным, кому известно о моем благородстве, — и пусть полиция гоняется за мной как за преступником. Или же занять трон Генри — выбрать грязь и коррупцию и жить себе по-королевски, просто покупая уважение общества.

Я огляделся: все секреты Вашингтона словно замкнулись на мне теперь. Я не выбрал ни то, ни другое. Конечно, я уже родился пройдохой — но, как и мой отец, был честным вором. Я решил забрать отсюда все компроматы, использовать те, что помогут мне выбраться из моего скверного положения, а остальные предать огню.

Подал голос мобильник Энни. Она посмотрела на меня, подняла телефон. На экранчике высветился номер Картрайта. Я принял вызов.

— Он жив, Майк, — сказал тот.

— Что?

— Твой отец жив.

— Как это?

— Сейчас некогда объяснять. Ты в «Группе Дэвиса»?

— Да.

— Ты в порядке?

— Все хорошо. Энни тоже.

— Подкрепление нужно?

— Только чтобы выбраться отсюда. Тут одни трупы, и скоро, похоже, проходу не будет от полиции. Ты где?

— Выворачиваю к тебе с Коннектикут-авеню, шуршу как могу. Копы уже прибыли?

Я выглянул в дальние окна кабинета. Напротив особняка припарковались две патрульные машины.

— Тут есть второй вход. — И я направил Картрайта через подземный паркинг, тем путем, которым тащил меня Маркус, отловив в музее.

Затем я схватил пакеты для мусора и вытряхнул в них все, что мне было нужно, из архива Генри. Два моих противника — люди Генри и Радомира — уничтожили друг друга. Мы с Энни пробрались через беспорядочно валяющиеся трупы, встретились внизу у лестницы с Картрайтом и поскорее рванули оттуда, пока полиция не оцепила все здание фирмы.

По пути Картрайт поведал мне, что случилось в больнице. Жестокие избиения вызвали у отца забрюшинные кровоизлияния, причем в тех отделах живота, где их трудно было обнаружить. Отцу успели сделать два переливания крови, прежде чем хирург сумел выявить очаги кровоизлияния и их закрыть. С медицинской точки зрения с отцом все было хорошо, но люди Дэвиса уже окружили клинику, и Картрайт сообразил, что лучший способ вывезти оттуда отца — это его «убить».

Он стибрил с отцовского запястья бирочку с его именем и ловко подменил на ту, что прицепили к доставленному после аварии мотоциклисту, умершему в крыле экстренной помощи. Думаю, это была вариация на тему разводки с моргом. Поскольку люди Генри думали, что мой отец мертв, у Картрайта было в достатке времени, чтобы отвезти его к своему приятелю-ветеринару. Я бы, конечно, вряд ли обратился за помощью к такому доктору, но когда наконец увидел отца, скрывающегося в глубине небольшого зоомагазина под

Эшбурном в окружении порывающих померанских шпицев и пронзительно кричащих попугаев, выглядел он вполне нормально. Он был бледен как полотно, но в целом жив-здоров.

— Кажется, ты кое-что у меня свистнул, — улыбнулся отец, приобняв меня одной рукой.

— А, так вот как это получилось, — хмыкнул я, отдавая ему заляпанные кровью бумаги с планами дома.

— И как ты «сделал» Генри? — спросил отец.

— Продал «поросю в мешке».

Отец понимающе кивнул:

— Славный мальчик.

Вскоре мы приступили к строительству нашего дома. В хранилище Генри обнаружился увесистый тюк с наличными — я решил, что это вполне нормальная компенсация за риск и причиненный здоровью ущерб. Часть этих денег ушла на бетон, балки и прочие стройматериалы, чтобы отцовский дом мечты принял нужные очертания.

Все улики по тяжким, не имеющим срока давности преступлениям, всплывшие при разборе папок Дэвиса, были переданы прокурору. Тот же компромат, которым Генри принуждал законников к фальсификациям, я теперь использовал вторично, чтобы восстановить справедливость. Это позволило мне развеять все недавние недоразумения с органами власти, а заодно убедиться, что детектив Ривера из управления городской полиции не увидит долгожданных гранитных столешниц как своих ушей.

И наконец, для всех оставшихся орудий шантажа моего бывшего босса мы нашли достойное применение. Первое, что мы сделали на новом отцовском участке, — это выложили на заднем дворике каменный очаг. Когда отец поправился, то мы с ним и Энни отнесли на задний двор складные кресла, расставили их у очага и разожгли отличный костер — из хранилища Генри я вынес все папки, все видео- и аудиозаписи. Мы сидели вокруг костра, жарили мясо на решетке, попивали пиво. И было это так же здорово, как тогда, в далеком детстве, когда теплой летней ночью я качался на качелях, глядя, как родители беззаботно смеются у костра. Теперь мы снова отдыхали у

очага, как обычная счастливая семья, — разве что при этом мы сжигали улики.

У нас с Энни осталось достаточно денег, чтобы отправиться на время в какое-нибудь теплое местечко и потом где-нибудь основательно осесть. Однако отцу требовался некоторый срок, чтобы окончательно встать на ноги, — да, в общем-то, нам обоим было что залечить. А потому, застряв в округе Колумбия, я решил извлечь из этого пользу.

Я был, в сущности, честным человеком, хотя и не мог полностью отбросить свои плутовские замашки. Да, собственно, я и не хотел от них избавляться. Жизнь меня научила уму-разуму: именно честные люди втянули меня в жуткую переделку — а преступники, от которых я всячески отбрыкивался, как раз из нее вызволили. Сейчас это с трудом представлялось, но было время — всего-то год назад, — когда я надрывался, претендуя на две гарвардские степени и вдобавок работая на полную ставку, мечтая, что однажды сделаю что-то стоящее в этом вашингтонском вертепе.

Итак, архив Дэвиса сгорел. За эти чужие тайны я рисковал собственной жизнью и теперь должен был убедиться, что ни клочка не уцелело. Отныне все это жило лишь во мне. Но даже не будучи разложено по папкам, одно лишь знание о тех темных историях впечатляло.

Мне было интересно: можно ли извлечь какую-то пользу из всего того, что взбаламутил дьявол Генри?

Интересный вопрос: можно ли оставаться честным в городе, управляемом мошенниками и лжецами?

Пока строился наш дом, странные вещи начали происходить в столице. Стало меньше скандалов между приверженцами разных партий, меньше позерства перед грядущими выборами, меньше «откатов» на чьи-то особые интересы. Толковые законопроекты были поддержаны при голосовании и республиканцами, и демократами. Это была наиболее плодотворная сессия правительства за очень долгое время — как будто всякое влиятельное лицо Вашингтона вдруг обнаружило, что у него, оказывается, есть совесть, а может, невесть откуда взявшееся рвение заниматься государственными делами.

Никто не знал, кто или что стояло за этими переменами. И я уверен, так будет и впредь.

Благодарности

Супруга Хизер со своим неисчерпаемым чувством юмора и безграничным терпением неизменно ободряла меня в этом рискованном деле. Мои родители Элен и Грег, а также братья Майкл и Питер на каждом этапе горячо обсуждали всевозможные сюжетные нити и узлы, в спорах помогая мне их распутывать. Аллен Эппель невероятно щедрыми советами помогал мне постигать сей жанр и само ремесло писателя. Соммер Мэтис, Миранда Мулиот и Кевин Рубино явились первыми моими внимательными читателями и конструктивными критиками, буквально врачевателями рождающегося романа.

Доктор Эван Макоско терпеливо отвечал на все мои чудаковатые медицинские вопросы типа имитации смерти и прочего в этом духе. Гэри Коэн поделился со мной наблюдениями из сферы корпоративного шпионажа. Александр Хоровитц помог мне узнать нюансы жизни заключенных, равно как помогли в этом мемуары Элайн Бартлетт «Жизнь на воле». Книга Джо Флада «Пожары» познакомила меня с замечательным инструментом под названием «халлиган», который, в свою очередь, познакомил с инструкциями и руководствами пожарного департамента Нью-Йорка касательно того, как проникать в любое закрытое помещение.

Дэвид Брэдли предоставил мне первую мою работу в «Атлантике», когда мне был еще двадцать один год, дав мне возможность заглянуть «за кулисы» официального Вашингтона. Я благодарен и ему, и всем тем, с кем работал в этом журнале, в особенности Джошу Грину, Джиму Фэллоузу, Каллену Мёрфи, Скоту Стосселу, Джой де Мениль, Росс Доутет, Дженни Роттенберг, Эбби Катлер, Терренс Генри, Роберту Мессенджеру и Бену Шварцу. Я признателен всем замечательным журналистам и редакторам, которых довелось мне встретить на своем пути, чьи истории об округе Колумбия я использовал при создании романа.

Мой агент Шон Койн сделал на меня весьма рискованную ставку и помог мне разработать основную идею романа «500». Я чрезвычайно благодарен ему за помощь и чуткое, безошибочное руководство. И он, и остальная команда — Джастин Манаск и Питер Николс — сотворили поистине волшебство, сделав из книжного персонажа Майкла Форда совершенно реального современника.

Редактор Рейган Артур — это мечта любого писателя. Приношу ей свою глубочайшую благодарность, равно как и Майклу Питшу, и всем сотрудникам издательского дома «Литтл, Браун и К.», за то, что поверили начинающему автору и сделали возможным издание его первой книги.

---

notes

Примечания

1

«Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их» (Евангелие от Матфея 4: 8).

Здание Гарвардской юридической школы, носящее имя знаменитого декана факультета Кристофера Лангделла (1826–1906).

The Kinks — британская рок-группа 1960 — 1970-х гг., в которой играли братья Рэй и Дейв Дэвисы.

«*Млада Босна*» («Молодая Босния») — сербская молодежная революционная организация, в 1912–1914 гг. выступавшая за освобождение Боснии и Герцеговины от австро-венгерской оккупации и присоединение их к Сербии. Запрещена после убийства входившим в нее Гаврило Принципом эрцгерцога Фердинанда.

Форт-Нокс — военная база в штате Кентукки, место хранения золотого запаса США.

Одно из зданий кампуса Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди, основанного в 1936 г. на пожертвование в размере 2 млн долларов, полученное от конгрессмена Луция Литгауэра.

«Фирма белого ботинка» — устаревшая характеристика некоторых брокерских фирм как очень уважаемых и не занимающихся сомнительной деятельностью, считающихся «аристократией» и «сливками» в таких операциях, как участие во враждебных поглощениях. Термин происходит от моды на белые лайковые ботинки в клубах элитных колледжей в США 1950-х гг.

Кей-стрит — улица в Вашингтоне, где расположены главные лоббистские компании, аналитические центры и адвокатские конторы США.

Ди-Си — разговорное обозначение федерального округа Колумбия (DC — District of Columbia).

«Величайшая слава не в том, чтобы никогда не ошибаться, но в том, чтобы уметь подняться каждый раз, когда падаешь» (Конфуций).

Стипендия Родса — международная стипендия для обучения в Оксфорде, учреждена в 1902 г. Сесилем Родсом, инициатором английской колониальной экспансии в Южной Африке.

«Лицо, принимающее решения» (ЛПР) — управленческий термин, обозначающий человека или группу людей, ответственных за принятие решения после рассмотрения какого-то официального сообщения, делающих выбор из нескольких альтернативных вариантов.

Бетезд — фешенебельный район в пригороде Вашингтона.
Вариант названия: Вифезда.

Билли Уайлдер (1906–2002) — выдающийся американский сценарист и кинорежиссер, мастер комедии, снявший более 60 кинокартин (в том числе фильмы «Бульвар Сансет», «В джазе только девушки», «Квартира»).

Гуркхи — британские колониальные войска, набирающиеся с начала XIX в. из потомков кочевых племен, живущих на территории Непала и отличающихся воинственностью.

Музей современного искусства в Вашингтоне, основанный
Дунканом Филлипсом в 1921 г.

SEC (Securities and Exchange Commission) — комиссия по ценным бумагам и биржам США.

От «WASP», слова, обозначающего белых англосаксов-протестантов, имеющих абсолютное господство на политической арене США.

В избирательной системе США различаются «твердые деньги», то есть пожертвования в пользу кандидатов (с пределом в 2000 долларов), и «мягкие деньги» (не более 100 долларов) — средства в пользу политических партий на «партийные» цели.

Флай-фишинг — лов рыбы нахлыстом на искусственную мушку.

Группа, организованная с целью защиты особых интересов на политической арене, чаще всего путем лоббирования представителей законодательных органов.

Логроллинг — практика «торговли голосами» среди членов законодательных органов.

«*Записки федералиста*» — сборник из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США. Вышедший отдельной книгой в 1788 г. (сборник «Федералист»), он считается не только ценнейшим источником толкования Конституции США (положения Конституции разъясняются там самими ее авторами, в частности А. Гамильтоном), но и выдающимся философским и политическим произведением.

Лабрадудель (лабрадудль) — гибридная порода, созданная путем скрещивания лабрадора с пуделем, а *шнудель* (шнудел) — шнауцера с пуделем.

Некоммерческий статус благотворительной организации, который освобождает ее совсем или частично от налогов.

Горациоэлджеризм — популярная в Америке философия «бытового героизма» людей, которые сделали себя сами, в хорошем смысле «вышли из грязи в князи». Горацио Элджер — американский писатель XIX в., автор более ста книг для мальчиков. Первая из них, «Оборванец Дик», была издана в 1867 г. Большинство героев Элджера чудесным образом превращаются из бедняков в богачей.

В 2002 г. Дж. Маккейн совместно с Р. Файнгольдом добились принятия закона, ограничивающего размер пожертвований политическим партиям, поступающих от корпораций, профсоюзов и юридических фирм.

Браш-пас — термин настольного футбола, означающий совершенно непредсказуемый пас, когда до самого момента броска противник не может предугадать его направление.

Учащийся или выпускник дорогостоящей частной средней школы, готовящей к поступлению в престижный колледж.

Дагаут — скамейка под навесом на краю бейсбольного (софтбольного) поля, где во время матча находятся отдыхающие, запасные игроки и тренер.

McMansion — в США презрительное название однотипных домов, строящихся на месте бедных кварталов или на незаселенной территории. Обычно это большие особняки, по цене доступные наиболее обеспеченным представителям среднего класса.

Имеется в виду мультсериал «Приключения Рокки и Буллвинкля» (1960–1964), в котором белке-летяге Рокки и лосю Буллвинклю противостоят шпионы Борис Баденов и Наташа Фаталь. В 2000 г. вышел и полнометражный фильм, сочетающий игру живых актеров с анимацией.

«*Just a Little Loving*» — первая песня с альбома британской певицы Дасти Спрингфилд «*Dusty in Memphis*» (1969).

Крэк — кристаллическая форма кокаина, полученная искусственным путем.

Сленговые названия метамфетамина, получаемого после перекристаллизации амфетамина. Новое вещество напоминает кристаллы льда или осколки стекла. Отсюда и сленговые названия: «лед», «айс», «кварц», «стекло». «Тина» происходит от слова «сикстин» — «одна шестнадцатая унции».

Джерри Сайнфелд (р. 1954) — американский комик, звезда сериала «Сайнфелд» (1989–1998).

«Костко» — крупнейшая в мире торговая сеть складов самообслуживания клубного типа.

Битва при Геттисберге — сражение между юнионистами и конфедератами, произошедшее 1–3 июля 1863 г. в округе Адамс, штат Пенсильвания. Самое кровопролитное сражение в ходе Гражданской войны в США.

Автор афоризма Эдвин Эдвардс: «Я не проиграю [губернаторские выборы], если только меня не застукают в постели с мертвой девочкой или живым мальчиком».

Ti-тайм (Tee time) — в гольфе: время выхода на лунку и начало первого удара.

«*Son of a Preacher Man*» — песня Дасти Спрингфилд с вышеупомянутого альбома «*Dusty in Memphis*».

Хедж-фонд — частный взаимный инвестиционный фонд, занимающийся спекулятивными операциями высокого риска.

Медельинский кокаиновый картель в 1980-е гг. и до своего распада в 1993 г. контролировал 80 % всех наркотиков, ввозимых на территорию США.

The Politics of Government Decision Making: A Theory of Regulatory Capture (1991).

«Эхерсито либерасьон насиональ» — Национальная
освободительная армия.

Кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которой началось 17 сентября 1943 г.

Девушка-детектив, книги о которой выпускаются издательским синдикатом Стратемейера с 1920-х гг.

Джон Куинси Адамс (1767–1848) — 6-й президент США (1825–1829). Был первым официальным посланником США в России (1809–1814).

Изящные искусства (фр.).

Филибастер — тактика обструкции законопроектов в сенате США парламентским меньшинством путем затягивания принятия решений с помощью внесения огромного количества поправок, декларирования лозунгов и пространных, часто не по теме, разглагольствований.

Приток реки Потомак, впадающий в нее в Вашингтоне, в районе верфи. Сильно загрязнен сточными водами.

Джо Палука — герой американских комиксов, неуклюжий верзила-боксер, придуманный в 1930 г. художником Хэмом Фишером.

Беркли Брисед (р. 1957) — американский художник-карикатурист, автор многочисленных комиксов. Имеется в виду его книга «Марсу нужны мамочки» (2007), по которой в 2011 г. был поставлен одноименный мультфильм («Тайна красной планеты» в российском варианте), с треском провалившийся в прокате: сборы составили 17 млн. долларов при бюджете в 150 млн.

Ноам Хомски (р. 1928) — американский лингвист, политический публицист, общественный деятель. *Гарриет Табмэн* (1822–1913) — афроамериканская героиня, аболиционистка, считающаяся в Америке «Моисеем своего народа», избавившаяся от рабства сама и спасшая от него многих других чернокожих жителей Штатов.

Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель и философ. Имеется в виду тот факт, что более двух лет Торо прожил в полном одиночестве и изоляции от общества в построенной собственными руками бревенчатой хижине на берегу Уолденского озера.

Рыцарь Круглого стола короля Артура и один из искателей Святого Грааля. В легендах, где он фигурирует, часто подчеркивается его непорочность и покровительство ему высших сил и судьбы, а сам Галахад считается «святым рыцарем».

Политический скандал в США в 1972–1974 гг., закончившийся отставкой Ричарда Никсона. Связан с попыткой установить подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне во время избирательной кампании 1972 г.

18 июля 1969 г. машина сенатора Эдварда Кеннеди слетела с моста возле острова Чаппаквидик; сенатор из машины выбрался, а его помощница Мэри Джо Копечне — нет. О президентских амбициях Эдварду пришлось забыть.

Мэри Мейер, бывшая жена замдиректора ЦРУ по тайным операциям и последняя близкая подруга президента Дж. Кеннеди, спустя год после его гибели была застрелена на улице в предместье Вашингтона.

Намек на американский комедийный полицейский сериал «Тонкая голубая линия».

Практикантка Федерального управления тюрем в Вашингтоне Чандра Леви исчезла в мае 2001 г. и была найдена убитой.

Из повести-сказки Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика» (1964) и ее киноверсий.

Томас де Торквемада (1420–1498) — основатель испанской инквизиции.

У Цзэ-Тянь (624–705) — единственная женщина-император в истории Китая.

Имеется в виду фильм «Однажды на Диком Западе».

Инструмент был изобретен в 1948 г. первым заместителем Пожарного департамента Нью-Йорка Хьюго Халлиганом.

Так называется компания, зарегистрированная в соответствии с законодательством штата Делавэр, предусматривающим особо льготные условия для образования корпораций.

Старинный особняк в Джорджтауне, управляется попечителями Гарвардского университета.

Бункер — песчаная ловушка, созданная на поле для усложнения задачи игрока. *Грин* — участок с самой короткой травой непосредственно вокруг лунки.

Фигуранты Уотергейтского скандала.

Дэниель Эльсберг — бывший военный аналитик США, передавший прессе секретный сборник «Американо-вьетнамские отношения. 1945–1967: Исследование», известный как «Документы Пентагона».

Боб Вудворд и Карл Бернстайн вели журналистское расследование, положившее начало Уотергейтскому скандалу.

Valet-key — специальный ключ, предназначенный для служащих автостоянок и сервиса, который, в отличие от обычного ключа, позволяет проехать на машине лишь несколько километров и вообще имеет весьма ограниченные функции.